

Annotation

Тесс Грей пересекает океан в поисках своего брата, и в Лондоне времен правления королевы Виктории она обнаруживает Нижний мир, где по улицам бродят вампиры, могущественные чародеи, оборотни и другие создания. Письмо брата оказывается ловушкой, и девушку похищают Темные сестры из тайной организации «Клуб Преисподняя», которые используют ее сверхъестественную способность превращаться в любого человека, узнавая чужие мысли и чувства.

Спасенная из плена Сумеречным охотником, Тесс попадает в сети коварных интриганов и с ужасом понимает, что над всеми нефилимами нависла смертельная опасность. Перед девушкой стоит сложный выбор – найти и освободить брата или вместе с Сумеречными охотниками вступить в битву за спасение мира. На этом пути Тесс предстоит понять, что любовь бывает опаснее самого страшного колдовства...

* * *

Кассандра КлэрПролог

Саутгемптон [7]. Май

Шестью неделями позжеГлава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая

Глава пятнадцатая

Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая

Глава девятнадцать

Глава двадцатая

Эпилог

Примечание относительно Лондона Тесс

Примечание относительно поэзии

Благодарности

Глоссарий

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

* * *

Кассандра Клэр

Адские механизмы

Книга первая

Механический ангел

Для Джима и Кейт

Песня реки Темзы

Ощущаешь запах соли,

И река вздымает воды

Темные, как крепкий чифирь,

С переливом изумрудным.

А на берегу колеса,

Винтики и механизмы —

Звон и ужас.

Призрак чахлый,
Спрятавшись среди деталей,
Шепчет тайны.
Винтик каждый – зуб из золота,
А огромные колеса
Руки-шатуны вращают,
Загребая воду Темзы,
Развращая, нагревая,
Раскаляя, испаряя,
Чтоб огромные машины
До износа потрудились.
Соль, коррозия с мазутом
Замедляют их работу.
Ну, а ниже по теченью
Металлические баки,
Пришвартованные крепко,
Полые, стучатся гулко,
Словно колокол церковный.
Барабаны, канонада,
Возвещающая речью грома,
Что река все катит волны..

Элка Клок

Пролог

Лондон. Апрель. 1878.

Демон взорвался, забрызгав все вокруг иxorом[1] и внутренностями.

Уильям Херондэйл с силой выдернул кинжал, но было уже слишком поздно. Вязкая кровь демона, подобно кислоте, уже начала разъедать сверкающий клинок. Выругавшись, он отбросил теперь уже бесполезное оружие – кинжал упал прямо на середину грязной лужи. От его остря, как от зажженной спички, в воздух поднимался легкий дымок. Конечно, оружие было жаль, но самое главное – демон исчез, вернулся обратно в ад, где ему самое место. И теперь о его существовании напоминали лишь лужи зловонной крови.

– Джем! – обернувшись, позвал Уилл. – Где ты?.. Ты видел?! Я убил тварь одним ударом! Не плохо, а?

Но ответа не последовало. А он-то все это время был уверен, что напарник стоит у него за спиной и готов отразить любую опасность, если таковая, конечно, возникнет. Но кривая улочка, в которой запах плесени перебивал все остальные «ароматы» большого города, была пуста. Уилл остался один. Он нахмурился, чувствуя, как наползает раздражение – ему так хотелось похвастаться, но к чему, скажите на милость, устраивать представление, если рядом нет ни одного зрителя? Уилл посмотрел назад, туда, где узкая улочка прыгала прямо в черные воды Темзы. Вдалеке темнели силуэты огромных кораблей, стоявших в доках. Десятки острых, устремленных в небо мачт наводили на мысли о зимнем лесе – голые прямые стволы и ни одного листочка. Джема нигде не было. Может, понимая, что демону не выстоять, он решил вернуться на Узкую улицу? Вполне естественное желание – там хоть посветлее да посуше. Пожав плечами, Уилл отправился туда, откуда пришел.

Узкая улица пересекала Лимхаус и тянулась вдоль унылых доков и ветхих, кособоких домишек прямо до самого Уайтчепела[2]. А Узкой, надо сказать, ее назвали вовсе не случайно – в некоторых местах достаточно было вытянуть руки в стороны, чтобы одной достать до серой стены склада, а другой – до изъеденной плесенью кирпичной стены очередной развалюхи. Выглядела Узкая улица на редкость негостеприимно, и даже пьянчужки, как клопы расползавшиеся от «Виноградников» в любое время дня и ночи, старались здесь не задерживаться и искали себе другое местечко, чтобы передохнуть. А вот Уиллу Лимхаус был по душе: здесь ему казалось, будто он оказался на самом краю мира. Он любил наблюдать за тем, как огромные корабли, мерно покачиваясь на волнах, медленно исчезали за горизонтом и отправлялись в неизведанные страны. Его не смущали ни пьяные моряки, разгуливающие по докам день-деньской, ни игорные дома, ни опиумные притоны, ни дешевые бордели. Напротив, если ты хотел хорошенько спрятаться, лучшего места было просто не найти. Со временем ему даже стало казаться, что особый, ни с чем не сравнимый запах доков – смесь «ароматов» дыма, плесени, пеньки, смолы, заморских специй и стоячей воды – по-своему недурен.

Уилл внимательно осмотрелся по сторонам, стараясь не упустить ни единой мелочи, но улица была пуста и ничто не привлекло его внимания. Тогда он остановился и попытался рукавом пальто стереть с лица ядовитый иxor, от

которого уже начало жечь кожу. Ткань тут же покрылась зелеными и черными пятнами.

Потом он отстраненно подумал: не использовать ли лечебную руну? – так как на руке его кровоточил глубокий порез и выглядел он, надо сказать, не очень хорошо. Возможно, здесь бы помогла одна из рун, сделанных Шарлоттой, которая всегда отлично рисовала иратц[3].

И тут из темного угла, где сплетались черные и серые тени, выскользнул человек. Он медленно направился прямо к Уиллу, и тот сделал шаг вперед, полагая, что его друг наконец-то объявился. Но это был не Джем, а обычный патрульный, полицейский-мирянин[4] в шлеме-колоколе и тяжелом пальто. Он устоял на Уилла или, точнее, внимательно посмотрел сквозь него. Уилла, уже давно привыкшего к колдовству, подобные вещи все же не переставали раздражать: а кому будет приятно, если станут на него смотреть как на пустое место? Секунду спустя в его глазах заплясали бесенята: желание отобрать полицейскую дубинку и посмотреть, как ничего не понимающий служитель закона станет крутить головой из стороны в сторону, было почти невыносимым. Однако зануда Джем всегда ругал его за подобные шалости, и этого Уилл понять был не в состоянии: ну зачем, скажите на милость, устраивать целое представление каждый раз, когда дело и яйца выеденного не стоит?

Полицейский же тем временем пожал плечами, быстро поморгал, словно пытаясь прогнать наваждение, и отправился по своим делам. Когда он проходил мимо Уилла, тот услышал, как полицейский бормочет себе под нос: мол, хватит пить джин, а то мерещится уже всякая чертовщина – так и умом недолго тронуться. Уилл отступил в сторону и, когда полицейский скрылся за углом, громко крикнул:

– Джеймс Карстаирс! Джем! Где ты там прячешься, хитрец?!

Тут же откуда-то издалека до него донесся чуть слышный голос:

– Здесь... Следуй за колдовским светом.

Недолго думая, Уилл пошел на звук голоса Джема, который, казалось, раздавался из темного прохода между двумя складами. Присмотревшись, он увидел бледный огонек, танцующий в окружении теней, – такие обычно вспыхивают на болотах и заводят путников в самую трясиину.

– Ты слышал меня? Этот демон-шакс думал достать меня своими проклятыми клешнями, но я загнал его в угол и...

– Да, я слышал тебя. – Молодой человек, вышедший из проулка, казалось, появился из ниоткуда.

Молодой человек встал прямо под фонарем, в желтом неверном свете которого его лицо выглядело еще бледнее, чем обычно, а надо сказать, что обычно даже мертвец на его фоне казался румяным. Внешность у молодого человека была, что и говорить, примечательной. Шляпы у него не было, и если бы не серебристые, цвета только что отчеканенного шиллинга пряди, то можно было бы решить, что его волосы растут прямо из окутывавшей улицу темноты. Глаза у него были даже не серые, а какие-то серебристые – ну прямо под

цвет прядей, черты лица – тонкими, можно даже сказать, аристократическими, однако все впечатление портит тяжелый квадратный подбородок, больше бы подошедший какому-нибудь работяге из Ист-Энда. Вообще же любой, кто знал родителей молодого человека, сказал бы, что тот на них вовсе не похож. Пожалуй, только раскосые глаза можно было бы назвать фамильной чертой.

Приглядевшись, Уилл увидел, что на белой манишке друга расплываются бурые пятна. Руки его также были перепачканы чем-то темным.

Уилл напрягся:

– У тебя идет кровь? Что случилось?

Джем только рукой махнул в ответ:

– Это не моя кровь. – Он кивнул в сторону переулка, прятавшегося в темноте прямо у него за спиной: – Кровь ее.

Уилл посмотрел в указанную другом сторону, плотные тени вились, как стая уродливых ворон, над маленькой, скрюченной фигуркой, лежащей на углу, прямо у входа. Он присмотрелся внимательнее и разглядел бледную руку и светлые волосы.

– Мертвая женщина? Мирская?

– На самом деле еще девочка. Ей не больше четырнадцати.

Услышав такой ответ, Уилл разразился столь изощренными проклятиями, что местные пьянчуги, если бы таковые оказались поблизости, непременно бы заслушались. Джем терпеливо ждал, когда друг выпустит пар.

– Если бы мы появились чуть раньше... – Уилл уже начал выдыхаться. – Тогда бы тот проклятый демон...

– Нет, раны у нее уж больно необычные. Не думаю, что это работа демона, – нахмурился Джем. – Шаксы – все равно что земные паразиты. Они бы утащили жертву в свое логово, и там, еще живой, отложили бы ей под кожу свои мерзкие яйца. Эта же девочка... Ей наносили удар за ударом. Не думаю, что это был шакс. Да и крови тут слишком мало. Думаю, на нее напали в другом месте, а она каким-то чудом приползла сюда. Впрочем, ее усилия были напрасными...

Уилл скривился:

– Но шаксы...

– Сказал ведь, это не шакс! Возможно, где-то она и столкнулась с шаксом, от которого попыталась убежать. Может быть, демон даже погнался за ней. Но вот убило ее что-то другое.

– Шаксы хорошо различают запахи, – поразмыслив, сказал Уилл. – Слышал даже, что чародеи с их помощью ищут пропавших или... отслеживают своих жертв. Эти демоны никогда не теряют следа. – Он вновь взглянул на тело

несчастной девочки, окончившей свои дни в темном, вонючем переулке. – А оружия ты не нашел?

– Вот. – Джем вытащил что-то из внутреннего кармана жилета. Этим чем-то оказался нож, завернутый в белую ткань. – Мизерикорд[5], или кинжал милосердия. Только взгляни, какой тонкий клинок.

Уилл взял кинжал. Клинок действительно был тонким, ручка вырезана из полированной кости. На лезвии и рукоятке темнели пятна высохшей крови. Нахмурившись, Уилл начал вытирать клинок о грубую ткань своего пальто. Он тер и тер, до тех пор, пока на клинке не проступил символ – две змеи, ухватившие друг друга за хвост, образовывали ровный круг.

– Уроборос[6], – пробормотал Джем, наклонившись и внимательно рассматривая клинок. – Как думаешь, что это значит?

– Конец мира... и его начало, – объявил Уилл, все еще рассматривая кинжал и едва заметно улыбаясь.

Джем нахмурился:

– Я хорошо знаком с тайными символами, Уильям. Думаешь, этот имеет значение?

Ветер, налетевший с реки, взъерошил волосы Уилла, и он, не отводя взгляда от ножа, откинул их назад нетерпеливым жестом.

– Этот алхимический символ не используют ни чародеи, ни существа из Нижнего мира. Скорее это любимый знак тех глупых и никчемных людишек, которые полагают, будто лучший способ разбогатеть – это сбывать всем кому ни попадя волшебные товары, запрещенные к продаже.

– Такие люди в конце своего жизненного пути обычно представляют собой груды окровавленных тряпок, валяющихся посредине какой-нибудь пентаграммы. – Голос Джема звучал мрачно.

– Так и есть, но ума у них немного и учиться на чужих ошибках они не умеют. Поэтому, если в наш мир проникнет какая-нибудь тварь из Нижнего, они решат «схитрить» и никому не расскажут о случившемся. – Уилл аккуратно обернул носовой платок вокруг клинка и сунул его обратно в карман. – Думаешь, Шарлотта позволит мне исследовать рукоять?

– Думаешь, тебе разрешат заняться этим делом и связаться с существами из Нижнего мира? Азартные игры, магические притоны, женщины легкого поведения...

Уилл улыбнулся так, как мог бы улыбнуться Люцифер, прежде чем упасть с Небес.

– Завтра будет не слишком рано, чтобы начать поиски, как полагаешь?

Джем вздохнул:

– Поступай как знаешь, Уильям. Впрочем, ты всегда поступаешь именно так.

Саутгемптон [7]. Май

Сейчас Тесс [8] казалось, что механический ангел был с ней всегда. Когда-то он принадлежал ее матери, и она носила его до самой смерти. После этого ангел «жил» в пустой шкатулке для драгоценностей, пока брат Тесс, Натаниэль [9], не вытащил его, чтобы поглядеть, работает ли механизм.

Ангел был не больше указательного пальца Тесс – крошечная статуэтка из меди, чьи сложенные за спиной крылья были не больше, чем у сверчка. Лицо с тонкими чертами, прикрытые глаза, похожие на полумесяцы, и скрещенные на мече руки. Тонкая цепочка, завязанная петлей ниже крыльев, позволяла носить ангела на шее.

Тесс знала, что внутри ангела спрятан какой-то хитрый механизм: каждый раз, стоило ей только поднести его к уху, она слышала слабое тиканье – словно часы. Ей помнилось, что в тот раз Нат сильно удивился – после стольких лет механизм все еще работал. Напрасно он потом искал кнопку, винт или что-то еще в этом роде, чтобы остановить механизм, он продолжал работать. Тогда, пожав плечами, Нат отдал фигурку Тесс, которая уже больше с ней не расставалась. Даже ночью, когда она спала, ангел лежал на ее груди. Мерное тик-так, тик-так напоминало Тесс биение крошечного сердечка, и ей казалось, будто ангел этот на самом деле живой.

И вот теперь она крепко держала ангела, зажав его между пальцами, в то время как «Океан» удивительно легко для такого большого парохода лавировал между другими величественными судами, чтобы найти свободное место в доках Саутгемптона.

Это Нат настоял на том, чтобы она высадилась в Саутгемптоне, а не в Ливерпуле, куда обычно прибывали трансатлантические пароходы. Впрочем, каприз его был вполне объясним: Саутгемптон всегда выгодно отличался от Ливерпуля, и, следовательно, Тесс, впервые приехавшую в Англию, не должно было постигнуть разочарование. Однако денек выдался мрачным. Унылый дождик с самого утра барабанил по городским крышам и превращал улицы в маленькие болотца. Поднимающийся из корабельных труб черный дым, казалось, вот-вот испачкает и без того серое небо. В доках было людно. Наряженные в темные, одинаковые одежды, встречающие прятались под зонтиками, и Тесс, как ни силилась отыскать в толпе брата, так и не смогла этого сделать.

Она уже дрожала от холода – с моря дул ледяной ветер. В письмах Нат утверждал, что Лондон прекрасен в любую погоду, к тому же и солнце там светит намного чаще, чем в остальных городах Британии. «Хорошо, надеюсь, в Лондоне погода лучше, чем здесь», – с отчаянием подумала Тесс. Из теплой одежды у нее с собой была лишь шерстяная шаль, принадлежавшая когда-то тете Генриетте. Конечно, была у нее еще и пара перчаток, но их

можно было бы назвать какими угодно, только не теплыми: слишком уж тонко выделанная кожа. Тесс не могла похвастаться большим гардеробом, так как была вынуждена основательно потратиться на похороны тети и продать кое-что из нарядов. Однако она надеялась, что брат купит ей все необходимое, как только она окажется в Лондоне.

Крики встречающих стали громче. «Океан» – черный гигант, чьи мокрые круглые бока, казалось, лоснились, как у большого сытого зверя, – бросил якорь. К нему тут же ринулись юркие лодочки, которые должны были отвезти на берег багаж. Пассажиры, успевшие соскучиться по твердой земле, ринулись вниз по трапу. «Как же отличается прибытие от отъезда», – с тоской подумала Тесс. В день отплытия из Нью-Йорка небо было синим, на причале играл духовой оркестр. Но там уже некому было сказать ей «до свидания».

Ссутулившись, Тесс медленно побрела к трапу; толпа подхватила ее и понесла вниз, словно шумная, быстрая река. Крошечные дождевые капли кололи, словно острия булавок, ее голую шею. Волосы тут же намокли. Руки в тонких перчатках стали влажными. Добравшись до причала, Тесс нетерпеливо огляделась по сторонам, надеясь увидеть Ната. На борту огромного корабля она была предоставлена самой себе и за все две недели путешествия ни с кем по-настоящему не разговаривала. И теперь она с нетерпением ждала появления брата – как же ей хотелось наконец-то выговориться, как же она соскучилась по ласковым словам и полным любви взглядам!

Но среди встречающих его не оказалось. Она тщетно оглядывалась по сторонам, надеясь, что просто не заметила Ната среди царившей в порту неразберихи. Возможно, он встал за грудой сваленного прямо на землю багажа или сейчас выйдет из-за поставленных друг на друга огромных ящиков, а может быть, покажется из-за горы фруктов и уже начавшей киснуть и расползаться под дождем зелени?..

От этого же причала буквально через несколько минут уходил корабль, отправлявшийся в Гавр, и вокруг Тесс сновали моряки, то и дело что-то выкрикивающие по-французски. Она сделала шаг в сторону, и ее едва не сбили с ног сразу несколько пассажиров, спешивших укрыться от колючего дождя в здании пароходства.

Нат по-прежнему не появлялся.

– Вы мисс Грей? – вдруг услышала она гортанный голос.

Из толпы, расталкивая спящих туда-сюда людей, вынырнул мужчина и встал прямо перед Тесс. Он был высок, носил широкое черное пальто и шляпу с большими полями, на которых уже собралось порядочно дождевой воды. Глаза у него напоминали лягушачьи, а кожа была грубой. Тесс с трудом сдержала желание кинуться прочь. Откуда он знает ее имя? Откуда он вообще ее знает? Может быть, его послал Нат?

Она слабо кивнула:

– Да.

– Меня прислал ваш брат. Идемте со мной.

– Где он? – спросила Тесс, но незнакомец, так и не ответив, повернулся и пошел прочь.

Шагал он широко, чуть припадая на одну ногу, как делают люди, страдающие последствиями тяжелого ранения. На раздумья у Тесс не было времени, поэтому она подобрала юбки и поспешила следом за незнакомцем.

Он быстро шел вперед, не обращая внимания на людей, к своему несчастью оказавшихся на его пути. Вслед незнакомцу неслись брань и проклятия, что, впрочем, совершенно нормально для тех случаев, когда человек усердно работает локтями и не считает нужным даже извиниться. Тесс уже почти бежала за ним. Незнакомец обошел груды сваленных прямо на дороге коробок и резко остановился перед большим черным экипажем. Прекрасно отлакированные дверцы украшали золотые буквы, но Тесс очень торопилась, да и туман был порядочным, поэтому разобрать их она не успела.

Дверь экипажа открылась, и из него выглянула женщина. Огромная шляпа с высоким плюмажем скрывала ее лицо.

– Мисс Тереза Грей?

Тесс кивнула. Пучеглазый ринулся вперед и помог даме выйти из экипажа. За первой женщиной последовала вторая. Они немедленно раскрыли зонтики, выставив их перед собой, словно щит. Только после этого они подняли головы и как по команде посмотрели на Тесс.

Выглядели они по меньшей мере странно. Одна высокая и стройная, с осунувшимся, усталым лицом. Почти бесцветные волосы были зачесаны назад, под шиньон, крепившийся на затылке. Платье из блестящего фиолетового шелка, на котором уже кое-где стали появляться мокрые пятна, и фиолетовые перчатки.

Другая женщина оказалась низенькой и пухлой, с маленькими, глубоко посаженными глазками. Ее массивные коротенькие руки в ярких розовых перчатках напоминали куриные лапы.

– Мисс Тереза Грей, – повторила та, что ниже ростом. – Как я рада наконец-то с вами познакомиться, моя милая. Я госпожа Блэк, а это моя сестра, госпожа Дарк[10]. Ваш брат сам не смог приехать и попросил нас проводить вас до Лондона.

Тереза, промокшая, продрогшая, расстроенная и не понимавшая, что происходит, лишь плотнее закуталась в свой насквозь промокший платок.

– Но где же Нат? Что у него случилось?

– В Лондоне его задержали дела. Причем дела настолько важные, что Мортмэйн не мог его заменить. Однако он прислал вам записку. – С этими словами миссис Блэк протянула Тесс сложенный вчетверо листок бумаги, уже порядком намокший.

Тесс, возможно, излишне резко для воспитанной барышни схватила записку и отвернулась, чтобы внимательно прочитать. Брат извинялся и объяснял, что дела задержали его в столице, но он полностью доверяет миссис Блэк и миссис Дарк. «Я называю их Темными сестрами, Тесси, и им, очевидно, очень приятно такое обращение, впрочем, мне и самому оно кажется удачным», – писал Натаниэль. Из письма выходило, что эти экстравагантные дамы действительно должны были сопровождать Тесс в Лондон. Вышеозначенные дамы были не только владелицами дома, в котором жил Натаниэль, но и его добрыми друзьями.

Без всякого сомнения, письмо было написано рукой Ната, и Тесс немного успокоилась. Она тяжело сглотнула, спрятала письмо в рукав и только после этого повернулась к сестрам.

– Хорошо, – пробормотала она, пытаясь подавить разочарование – она так ждала встречи с братом! – Должна ли я позвать носильщика, чтобы он принес мой кофр?

– Ах нет, дорогая, в этом нет никакой необходимости! – Веселый тон миссис Дарк совершенно не вязался с ее печальным лицом. – Мы обо всем договорились, и багаж уже погрузили. – Она щелкнула пальцами, и пучеглазый незнакомец влез на козлы. Потом она легко дотронулась до плеча Тесс своей тонкой костлявой рукой: – Пойдемте, моя милая. Хватит мокнуть под этим противным дождем.

Тесс молча пошла к экипажу. Сзади шла госпожа Дарк, которая так и не убрала руку с ее плеча. Наконец-то девушка оказалась достаточно близко, чтобы увидеть на дверцах внушительный позолоченный герб: между двух змей, кусающих друг друга за хвосты и образующих тем самым ровный круг, были вписаны слова: «Клуб Преисподняя». Тесс нахмурилась.

– Что все это означает?

– О, не волнуйтесь, моя милая, у вас на то, уверяю, нет ни единой причины, – объявила госпожа Блэк, которая уже забралась в экипаж и теперь старательно раскладывала свои пышные юбки. Внутри экипаж смотрелся не хуже, чем снаружи: мягкие сиденья, обитые фиолетовым бархатом, и занавески с золотым шитьем по краям.

Миссис Дарк помогла Тесс подняться, а следом и сама вскарабкалась. Не успела еще Тесс как следует устроиться, как госпожа Блэк протянула руку и захлопнула дверцу. Тяжелые шторы качнулись, спрятав и серое небо, и мокрую гавань. Тесс от неожиданности вскинула голову, и госпожа Блэк ей улыбнулась, ее зубы сверкнули в полумраке, словно были сделаны из металла.

– Устраивайтесь удобнее, Тереза. Поездка будет долгой.

Тесс положила руку на механического ангела, висевшего у нее на шее под одеждой, и знакомое мерное тиканье ее постепенно успокоило. Экипаж же тем временем, покачиваясь, медленно катил вперед и вскоре скрылся за пеленой дождя.

Шестью неделями позже

Глава первая

Темный дом

Из-под покрова темноты

Из черной ямы адских мук[11].

Уильям Эрнест Хенли[12] «Непокоренный»

– Миссис Блэк и миссис Дарк хотели бы видеть вас в своих апартаментах, мисс Грей.

Тесс положила книгу, которую только что читала, на ночной столик и повернулась к Миранде, стоящей в дверях ее маленькой комнаты. Каждый день повторялось одно и то же: одни и те же слова в одно и то же время. Через мгновение Тесс попросит, чтобы Миранда подождала в коридоре, и та выйдет из комнаты. Но через десять минут она вернется и повторит те же самые слова. Иногда Тесс задумывалась: а что будет, если однажды она не послушает Миранду и откажется спускаться в жаркую, вонючую комнату, где ее ждут Темные сестры? Может статься, что Миранда, которая выглядела весьма бойкой девушкой, схватит ее тогда за волосы и, громко ругаясь, стащит по лестнице вниз?

Вот уже целых шесть недель она жила в Темном доме – так Тесс про себя называла дом миссис Блэк и миссис Дарк. И каждый божий день сестры приглашали ее вниз. Поначалу она подумывала отказаться, а если будет надо, то и подраться с Мирандой, но потом решила, что силы ей еще пригодятся.

– Секундочку, Миранда, – пробормотала Тесс.

Короткостриженная – представьте себе только! – девица сделала неуклюжий реверанс и вышла в коридор, закрыв за собой дверь.

Тесс встала и оглядела маленькую комнату, которая стала ее тюрьмой. Невысокие, оклеенные обоями в мелкий цветочек стены, простой стол,

покрытый белой узорчатой скатертью, узкая медная кровать, умывальник с трещиной – вот, пожалуй, и вся мебель. Книги свои она сложила на подоконник, на котором каждое утро царапала по одной полосе – отмечала проходящие дни.

Тесс медленно подошла к зеркалу, висевшему на дальней стене, и пригладила волосы. Темные сестры – а миссис Блэк и миссис Дарк действительно нравилось, когда их так называли, – не любили, когда она выглядела неряшливо. Впрочем, это, похоже, единственное, что их по-настоящему в ней занимало, и Тесс сразу же решила, что оно и к лучшему.

Увидев отражение в зеркале, Тесс поморщилась: лицо было чересчур бледным, румянец исчез, а серые глаза ввалились. Каждое утро она надевала одно и то же черное, скромное, как у монашенки, платье, которое сестры вручили ей по прибытии. Конечно же ее багажом никто и не думал заниматься, и он так и остался валяться где-то в гавани Саутгемптона. Если раньше Тесс не могла себе позволить слишком придирчиво перебирать наряды, то теперь проблемы выбора перед ней и вовсе не стояло. Посмотрев на себя еще раз, она с печальным вздохом отвела взгляд.

В их семье самой красивой считалась мама, а после ее смерти все единодушно признавали первым красавцем Натаниэля, унаследовавшего самые привлекательные черты покойной. Однако Тесс никогда не считала себя гадким утенком: у нее были красивые глаза и пышные, густые каштановые волосы, совсем как у Джейн Эйр [13], которая, может, и не была красавицей в общепринятом смысле этого слова, но все же сумела заинтересовать надменного мистера Рочестера. И не так уж плохо быть высокой – выше, чем большинство ее ровесников-мальчишек, – ведь тетя Генриетта всегда говорила: пока высокая женщина держится с достоинством, она всегда будет выглядеть королевой.

Хотя теперь Тесс было далеко до королевы. Одета она была в уродливое черное платье, больше подошедшее бы огородному пугалу, а вид имела измученный и потрепанный. Иногда она спрашивала себя: а узнает ли ее Нат, если увидит сегодня?

При этой мысли сердце сжималось в груди. Нат. Только ради него она перебралась в Англию, и теперь скучала так сильно, что хоть в петлю лезь. Она чувствовала себя отчаянно одинокой, наверное, самой одинокой на свете. Только Нат мог позаботиться о ней, только его всегда интересовало, жива ли она или уже умерла, всеми забытая. Иногда после всех этих мыслей ее охватывал такой страх, что казалось, еще чуть-чуть – и она погрузится в пучину безумия, из которой уже не будет возврата. Частенько она спрашивала себя: если никто в целом мире не заботится о ней, то существует ли она на самом деле?

Щелчок замка вырвал ее из мрачных раздумий. Дверь распахнулась. На пороге стояла Миранда.

– Пора идти, – объявила она. – Миссис Блэк и миссис Дарк уже заждались.

Тесс с отвращением посмотрела на горничную. Она никак не могла понять, сколько Миранде лет: девятнадцать? двадцать пять? Казалось, время не властно над ее гладким круглым лицом. Волосы неприятного, грязно-

коричневого, совсем как вода в сточных канавах, цвета были гладко прилизаны и зачесаны назад. Огромные глаза навывкате – она всегда выглядела так, будто чему-то удивлялась, – делали ее одновременно похожей и на лягушку, и на кучера Темных сестер. Возможно, что они с кучером даже родственники...

Тесс спустилась вниз, рядом вышагивала Миранда, и походка у нее при этом была такой развязной, словно она была непристойной женщиной, предлагающей себя на углу грязной улицы. Тесс подняла руку якобы для того, чтобы поправить платье, но на самом деле ей просто хотелось прикоснуться к механическому ангелу, который по-прежнему висел у нее на шее. Тесс поступала так всякий раз, когда шла на встречу с сестрами. Каким-то странным образом крошечная фигурка успокаивала ее и придавала сил. Поэтому, пока они спускались вниз, переходя с этажа на этаж высокого дома, Тесс то и дело подносила руку к вороту и поглаживала подвеску.

Должно быть, Темный дом был очень большим. Во всяком случае, так казалось Тесс, хотя она ничего и не видела, кроме лестничных пролетов, нескольких темных комнат, апартаментов сестер и своей каморки. Наконец они добрались до сырого, темного, похожего на склеп, подвала. Стены здесь сочились влагой и в слабом свете казались липкими, но сестрам, похоже, это место было по душе. Их апартаменты скрывались за широкими двустворчатыми дверьми, а узкий коридор шел дальше, в глубину подвала, и скрывался во тьме. Тесс понятия не имела, куда он ведет, и всем сердцем надеялась, что никогда не узнает – слишком уж темно там было, слишком уж сильно пахло сыростью и тленом.

Двери в апартаменты сестер были открыты. Миранда решительно прошла вперед, не постучав даже для приличия, но, войдя внутрь, громко затопала, словно предупреждая о своем появлении. Тесс с большой неохотой последовала за горничной. Она ненавидела эту комнату больше, чем любое другое место на Земле.

Тут всегда было жарко и влажно, словно на тропическом болоте. Стены так же, как и в коридоре, казались насквозь мокрыми, а обивка стульев и диванов цвела плесенью. Вонь здесь стояла такая, что у Тесс поначалу комок к горлу подкатывал: пахло, словно на отмелях Гудзона в жаркий день, – стоялой водой, гниющим мусором и разлагающимся илом.

Сестры, сидевшие у огромного высокого стола, уже ждали ее, впрочем, так было всегда. И как всегда, наряжены они были самым что ни на есть дичайшим образом: пышные формы госпожи Блэк обтягивало яркое платье в оранжевую и розовую полосы, а госпожа Дарк сегодня предпочла блестящее платье темно-синего цвета, было оно, судя по всему, очень узким, но все равно висело на ее худых плечах так же свободно, как на вешалке. Платья эти очень удачно, а вернее, неудачно оттеняли нездоровый цвет лица сестер – они были похожи на спущенные воздушные шары серого цвета. Обе были в перчатках, которые носили независимо от того, насколько тепло было в комнате.

– Оставьте нас, Миранда, – приказала миссис Блэк и обтянутой белой перчаткой рукой лениво крутанула тяжелый медный глобус, стоявший на краю стола. Тесс уже давно хотела получше разглядеть этот глобус – ей казалось, будто в расположении континентов на нем есть что-то

неправильное. Особенно ее внимание привлекало одно местечко в самом центре Европы.. Но сестры всегда держали Тесс на расстоянии и еще ни разу не позволили ей подойти к столу. – И закрой за собой дверь.

Миранда подчинилась, на лице ее застыло равнодушное выражение. Тесс постаралась не вздрогнуть, когда у нее за спиной захлопнулась дверь и легкий сквозняк – единственный источник более-менее свежего воздуха – исчез.

Госпожа Дарк склонила голову набок:

– Подойди, Тереза. – В отличие от сестры, она была более-менее.. ласковой. И если миссис Блэк предпочитала убеждать пощечинами и угрозами, то миссис Дарк – уговорами. – Возьми это.

Она что-то протянула Тесс. Это был потрепанный кусочек розовой ткани, который при большом воображении можно было бы принять за ленту для волос.

Тесс уже привыкла к вещам, которые давали ей Темные сестры, – вещам, которые некогда принадлежали другим людям: булавкам для галстука, часам на цепочке, траурным вуалям и детским игрушкам. Однажды ей дали шнурки от ботинок, в другой раз – серьгу, измазанную кровью.

– Возьми, – приказала госпожа Дарк снова, и в голосе ее прозвучали нотки нетерпения. – И изменяйся.

Тесс взяла ленточку. Она лежала в ее руке, блеклая, словно крыло моли. Лица Темных сестер оставались бесстрастными. Тесс помнила книги, которые читала прежде: там героев судили, и они дрожали на скамье подсудимых в Олд-Бейли[14], молясь лишь о том, чтобы в конце концов услышать всего два слова – «не виновен». Тесс часто чувствовала себя в этой комнате, словно в зале суда, только вот не знала, в каком преступлении ее обвиняют.

Она покрутила ленту в руке, вспоминая тот первый раз, когда Темные сестры вручили ей «подарок» – женскую перчатку с кнопками из жемчуга на запястье. Они кричали, чтобы Тесс изменялась, хлестали ее по щекам и трясли, как тряпичную куклу, а она снова и снова повторяла, что понятия не имеет, о чем они говорят.

В тот раз Тесс отчаянно хотелось заплакать, но она так и не смогла этого сделать. Если у кого-то глаза и были всегда на мокром месте, то совершенно точно не у нее. В последнее время у Тесс частенько было тяжело на душе и ей бы очень хотелось выплакать свое горе, но у нее не получалось это сделать даже наедине с собой. Конечно, если бы перед ней были люди, которым она доверяла, может быть, ей бы и удалось расслабиться. Но тетя ее была мертва, брат пропал, а компанию ей составляли опасные сумасшедшие. Темные сестры сразу же ей сказали, что Нат у них и, если она им не подчинится, он умрет. В подтверждение своих слов они показали ей перстень брата, доставшийся ему в наследство от отца, – весь в темных пятнах засохшей крови. Темные сестры не позволили Тесс ни взять перстень, ни даже прикоснуться к нему – тут же спрятали, стоило девушке только руку протянуть. Но как бы там ни было, перстень она узнала.

После этого она делала все, что приказывали сестры. Пила зелья, которые ей давали, проводила часы в изнурительных тренировках, заставляя себя думать так, как от нее требовали. Сестры же велели ей воображать себя глиной, обретающей форму на колесе гончара. Они хотели, чтобы она поверила, что ее нынешнее тело – лишь аморфная, изменчивая форма. Они велели Тесс представить их «подарки» живыми существами и оживить их.

Прошли недели, прежде чем она первый раз изменилась. Это было так безумно болезненно, что ее вырвало, а потом и пронесло. Проснувшись, она обнаружила, что лежит на одном из заплесневелых диванов в комнатах Темных сестер. Влажное полотенце, выполнявшее роль губки, закрывало нижнюю часть ее лица. Миссис Блэк наклонилась к ней. Ее дыхание казалось ядовитым, глаза горели безумным огнем.

– Ты преуспела сегодня, Тереза, – объявила она. – Очень хорошо.

Вечером того же дня, когда Тесс вернулась в свою комнату, ее ждали подарки: две новые книги на ночном столике. Так или иначе Темные сестры поняли, что чтение романов – настоящая страсть Тесс. В этот раз ей подарили томики «Большие надежды» и «Маленькие женщины». Тесс тогда прижала книги к груди и, осознав наконец, что осталась в комнате одна и за ней никто не наблюдает, позволила себе вдоволь нарыдаться.

С тех пор изменения стали даваться ей намного легче. Тесс все еще не понимала, что же с ней произошло, за счет чего именно происходят эти изменения, но твердо запомнила, что ей надо делать, чтобы добиться желаемого. Темные сестры не учили ее, а лишь отдавали приказы – так слепой, под руководством поводыря, запоминает, сколько шагов нужно сделать, чтобы добраться до кровати или обеденного стола.

И вот сейчас, крепко сжимая в пальцах рваную розовую ленточку, она медленно погружалась в адское пекло, где между огненными озерами, наполненными болью и страданиями, извиваясь, бежала узенькая тропинка – единственная дорожка, о существовании которой она знала. Тесс открыла свой разум и позволила тьме овладеть своим; она почувствовала, как частички чужой души, оставшиеся на ленте, проникают в нее. В голове зазвучало призрачное эхо – голос прежней хозяйки ленты. В ту же самую секунду ей показалось, словно в руках у нее оказался клубок Ариадны. Он стал стремительно распутываться, прокладывая ей дорогу среди кровожадных теней, сплетавшихся вокруг девушки в замысловатые узоры. В комнате, где она находилась, было очень жарко. Слух ее обострился до предела, и дыхание Темных сестер казалось ей оглушительным шумом водопада. А потом она сделала шаг вперед, последовав за нитью, – и все исчезло. Тени рассеялись как дым, вокруг нее вспыхнул яркий свет, и она завернулась в него, словно в теплое, мягкое одеяло.

Кожу начало слегка покалывать. Потом ощущение усилилось, словно ее жалили тысячи крошечных жал. Это была худшая часть ритуала, и в первый раз она даже решила, будто умирает. Теперь же Тесс привыкла к боли и переносила изменения стоически – лишь дрожала всем телом. Шестеренки механического ангела, по-прежнему висевшего на ее шее, казалось, закрутились быстрее, в унисон с ее участвующим сердцебиением. Давление внутри черепа усилилось, Тесс попыталась вздохнуть – и не смогла. На какое-то мгновение ей показалось, будто на нее накатила огромная тяжелая волна и она теперь

погружается под воду, которая давит со всех сторон, заливает нос и рот, не дает вздохнуть... А потом ее глаза вдруг широко распахнулись.

Все закончилось.

Тесс часто заморгала. Каждый раз после изменения ей хотелось отряхнуться, протереть глаза, словно она с головой окунулась в ванну. Тесс осторожно оглядела себя. Ее новое тело было невысоким и худым, почти истощенным. Платье ей стало велико и теперь свободно висело на плечах, а подол крупными складками лежал на полу. Руки, прижатые к груди, оказались бледными и тонкими, ногти на пальцах – потрескавшимися и обкусанными. Незнакомые, чужие руки.

– Как тебя зовут? – спросила миссис Блэк. Она поднялась на ноги и уставилась на Тесс. Ее всегда невыразительные глаза теперь сверкали. Она выглядела... голодной.

Тесс знала, что ответить. Девочка, чье тело она надела на себя, словно платье, ответила за нее, заговорила через нее, как духи говорят через медиумов, – у Тесс внутри все сжималось от отвращения, когда она думала об этом. Ей казалось, будто в ней копошится огромный паразит, проникает своими щупальцами ей в мозг, выворачивает душу наизнанку. Иногда она пугалась так сильно, что чуть ли не падала в обморок.

– Эмма, – повторил голос, вырвавшийся из горла Тесс. – Мисс Эмма Бейлис, мэм.

– И кто ты, Эмма Бейлис?

Голос ответил, слова, вырывавшиеся изо рта Тесс, порождали в ее сознании яркие образы. Несчастливая Эмма родилась в Чипсайде[15] и была одной из шести детей в семье. Отец ее не увидел дочери – умер еще до ее рождения, а мать зарабатывала тем, что продавала мятную воду с тележки в Ист-Энде[16]. Будучи еще малышкой, Эмма взялась за иглу, чтобы шитьем зарабатывать себе на жизнь. Ночи напролет она проводила за столиком на кухне, делая при свете масляной свечи сотни, тысячи, десятки тысяч мелких стежков. Иногда, если свеча выгорала дотла и не было денег купить новую, она выходила на улицу и садилась под газовой лампой и шила, шила, шила...

– Эмма Бейлис, ты занималась шитьем на улице в ту ночь, когда умерла? – спросила миссис Дарк. Она едва заметно улыбнулась, и ее острый язык быстро, по-змеиному облизнул нижнюю губу. Она будто бы наслаждалась происходящим и предвкушала долгожданный ответ.

Тесс увидела узкие, темные улицы, затянутые густым туманом, серебряную иглу, сверкающую в тусклом желтом свете газового фонаря... Услышала приглушенные шаги... Из густой тени вынырнули руки и схватили ее за плечи. Ее потащили куда-то в темноту, и она, закричав, стала отчаянно вырываться. Игла и нить выпали из ее рук, бант слетел с волос. Раздался грубый голос – кто-то на нее прикрикнул, сказал что-то плохое. Затем серебряный клинок, сверкнув во тьме, рассек кожу, потекла кровь. Потом были боль, настолько сильная, что ей казалось, будто она горит на костре, и ужас, подобного которому она никогда не испытывала. Она пнула державшего ее человека, выбила нож из его руки, поймала клинок и

побежала, спотыкаясь. Но с каждым шагом она слабела все больше и больше – потеряла слишком много крови, слишком много.. Она метнулась в переулок, за ней летели шипящие угрозы твари, что гналась за ней. И она уже знала, что это за тварь, и надеялась умереть прежде, чем та схватит ее..

Чужое тело расколосось, разлетелось тысячью осколков, совсем как разбитое стекло. С криком Тесс рухнула на колени, тоненькая лента выпала из руки девушки и медленно спланировала на ковер. Теперь это снова была ее рука. Эмма ушла, ее личина сползла с тела Тесс – так змея сбрасывает кожу. Тесс вновь стала единственной хозяйкой своего тела.

– Тереза? Где Эмма? – словно издали прозвучал голос миссис Блэк.

– Она мертва, – прошептала Тесс. – Умерла, истекла кровью в том переулке.

– Хорошо, – с удовлетворением выдохнула миссис Дарк. – Хорошая работа, Тереза. И на этот раз все получилось.

Тесс ничего не сказала. Ее платье спереди было измазано кровью, но боли она не ощущала. На самом деле она знала, что кровь – не ее, а той самой девочки, Эммы, которую пырнули ножом на темной лондонской улице. Подобное с Тесс происходило не впервой. Девушка закрыла глаза, и тут же на нее навалилась удушливая тьма – так всегда бывает, когда вот-вот потеряешь сознание.

– Мы давно должны были заставить ее это сделать, – заявила тем временем миссис Блэк. – Вопрос Бейлис беспокоил меня.

– Я не была уверена, что она выдержит. Ты помнишь, что случилось с Адамс? – немного подумав, ответила ей миссис Дарк.

Тесс сразу поняла, о чем они говорили. Неделю назад она превратилась в женщину, которая умерла от выстрела в сердце. Тогда за считанные секунды кровь залила ее платье, и Тесс, дико заорав от ужаса, снова стала собой. В тот раз у нее случилась настоящая истерика, и сестрам еле удалось убедить девушку в том, что она сама цела и невредима и кровь эта – не ее.

– Она делает успехи. Тебе так не кажется, сестра? – поинтересовалась миссис Блэк. – А ведь мы только начали с ней работать. Подумать только, эта девчонка даже не догадывалась о своих способностях.

– Действительно, когда мы с ней только познакомились, она напоминала бесформенный кусок глины, – согласилась госпожа Дарк. – Мы сотворили настоящее чудо. Магистр должен быть очень доволен.

Госпожа Блэк чуть не задохнулась от волнения:

– Это означает?.. Ты думаешь, время пришло?

– Да, моя дорогая сестра, именно так я и думаю. Девчонка готова, а большего мы все равно сделать не сможем. Пришло время нашей Терезе встретиться со своим господином. – Голос госпожи Дарк звучал зловеще, и Тесс, которая начала уже немного приходить в себя, невольно содрогнулась от ужаса и отвращения. О чем это они говорят? Какой еще господин?

Тесс уже стало лучше настолько, что она смогла немного приоткрыть глаза и теперь следила за происходящим через опущенные ресницы. Миссис Дарк тем временем подергала шелковый шнурок колокольчика, вызывая Миранду, которая должна была отвести Тесс назад в ее комнату.

– Возможно, завтра или даже сегодня вечером.. – продолжала между тем миссис Блэк. – Если сказать Магистру, что она готова, могу вообразить, с какой скоростью он сюда примчится.

Миссис Дарк, к тому времени уже поднявшаяся из-за стола, захихикала:

– Понимаю, что ты хочешь получить все деньги за работу, которую мы сделали вдвоем, Эмилия. Но Тереза должна быть не просто готова. Она должна еще и выглядеть соответствующим образом. Разве ты не согласна?

Миссис Блэк, последовав за сестрой, буркнула в ответ что-то неразборчивое, и почти сразу же после этого открылась дверь, и в комнату вошла Миранда. На лице ее застыло уже привычное унылое выражение. То, что Тесс сидит на полу с закрытыми глазами и в измазанной кровью одежде, ничуть ее не удивило. И снова девушка подумала, что горничной, должно быть, доводилось видеть вещи похуже и пострашнее.

– Отведи девочку назад, Миранда. – От бывшего воодушевления не осталось и следа, и миссис Блэк снова казалась равнодушной, а голос ее звучал спокойно. – Возьми вещи.. Те, что мы тебе как-то показывали.. Одень ее и подготовь.

– Показывали?.. Вы показывали мне? – Миранда казалась сбитой с толку.

Миссис Дарк и миссис Блэк обменялись взглядами, полными отвращения, и подошли к Миранде. Девушка теперь не могла видеть горничную, но слышала, как она перешептывалась с хозяйками. Тесс даже уловила несколько слов – «платье», «гардеробная» и «делай что хочешь, чтобы она выглядела хорошенькой». Когда же прозвучало резкое: «Не уверена, что Миранда достаточно умна, чтобы выполнить столь неопределенные инструкции, сестричка» – Тесс даже вздрогнула.

«Делай что хочешь, чтобы она выглядела хорошенькой!»

Почему же их так заботил ее внешний вид, если они в любой момент могут вынудить ее выглядеть так, как они того хотят? Да и вообще, какое значение имеет ее внешность, если она заперта в этом доме и даже носу не смеет показать на улицу? И какое дело до всего этого какому-то загадочному Магистру? Хотя сестры вели себя таким образом, что сразу становилось ясно: Магистру есть дело до всего и даже до одежды какой-то несчастной сиротки.

Миссис Блэк с несвойственной ей прытью выскочила из комнаты, сестра, как всегда, последовала за ней. Однако в дверях миссис Дарк неожиданно остановилась, оглянулась назад и посмотрела прямо на Тесс:

– Запомни, Тереза, этот день... этот вечер.. Мы столько готовились... – Голос ее снова звучал взволнованно. – Не подведи нас.

С этими словами миссис Дарк, подхватив пышные юбки тощими руками, вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь. Тесс вздрогнула от резкого звука и, вскинув голову, с испугом посмотрела на Миранду, которая была, как всегда, невозмутима. За все время пребывания в Темном доме Тесс никогда не видела, чтобы служанка испытывала хоть какие-нибудь эмоции.

- Пойдемте, - позвала Миранда. - Мы должны подняться наверх.

Тесс медленно встала на ноги. Голова кружилась. Жизнь в Темном доме была на самом деле ужасной, но она - Тесс поняла это только сейчас - успела уже приспособиться и смирилась со своим положением. Но теперь все было по-другому. Если раньше изо дня в день повторялось одно и то же, то теперь должно было произойти что-то особенное. Но что? Она знала, что Темные сестры готовили ее к чему-то, но, как бы она ни ломала голову, так и не смогла прийти к какому-либо определенному выводу. Хотя... Поразмыслив хорошенько, Тесс все-таки решила, что убивать ее не будут - а иначе зачем тратить столько времени на обучение?

Однако сейчас миссис Дарк разговаривала с ней таким странным тоном, что Тесс поняла - ситуация изменилась. Темные сестры добились от нее того, чего хотели, и теперь надеялись за свою работу получить деньги. Но кто должен был им заплатить? Это был очень интересный вопрос.

- Пойдемте, - снова повторила Миранда. - Вы должны подготовиться к свиданию с Магистром.

- Миранда... - обратилась к горничной Тесс. Она говорила медленно и мягко, словно перед ней было дикое и опасное животное. И хотя Миранда никогда прежде не отвечала на вопросы Тесс, все равно стоило попробовать - а вдруг на этот раз получится? - Миранда, кто такой Магистр?

В комнате повисла гнетущая тишина. Миранда уставилась в пустоту прямо перед собой, ее одутловатое лицо оставалось совершенно невозмутимым. Но в конце концов, к превеликому удивлению Тесс, она заговорила:

- Магистр - очень важный человек. - Горничная расправила плечи и вскинула голову, отчего приобрела чрезвычайно торжественный вид. - Поверьте, он окажет вам великую честь, когда предложит вам замужество.

- Замужество? - эхом отозвалась Тесс. Сказать, что она была поражена до глубины души, было бы не сказать ничего. На миг ей показалось, что комнату залил яркий свет, и контуры всех вещей - обрызганный кровью коврик на полу, тяжелый медный глобус на столе, все еще в том положении, как оставила его миссис Блэк, - проступили четче. Глазам стало больно. - Я? Но... Кто... он?

- Он - очень важный человек, - повторила Миранда. - Для вас это будет большая честь. - С этими словами горничная подошла к Тесс. - Теперь вы должны пойти со мной.

- Нет! - Тесс отпрянула от горничной, сделала назад шаг, другой... Отступала, пока не ударилась спиной о край стола. Она с отчаянием завертела головой, ища путь к спасению, но в комнате не было ни окон, ни

дверей, кроме входной. Тесс понимала, что при всем желании не сможет проскочить мимо Миранды. Возможно, стоит попытаться укрыться за столом... Нет, Миранда наверняка поймает ее и силком оттащит вверх. «Миранда... Миранда, ну пожалуйста...» – молила про себя девушка.

– Вы должны пойти со мной, – повторила Миранда, вытянула руку и почти дотронулась до Тесс. Она стояла так близко, что девушка видела свое отражение в черных зрачках служанки, ощущала слабый, горьковатый запах гари, пропитавший одежду и, казалось, кожу Миранды. – Вы должны...

С силой, о которой она раньше и не подозревала, Тесс схватилась за подставку медного глобуса, подняла его и со всего маху обрушила на голову Миранды.

Раздался тошнотворный звук, словно кто-то наступил на стеклянный стакан. Миранда качнулась назад... а затем выпрямилась. Глобус выпал из ослабевших рук Тесс и покатился по ковру, а девушка закричала, закричала так, словно бы перед ней предстала сама смерть. И действительно, открывшаяся ее взору картина была поистине ужасна: вся левая сторона лица Миранды была смята и напоминала теперь сломанную маску из папье-маше. Скула была расплющена, губа превратилась в кровавое месиво... Но крови не было. Ни единой капли не упало на пол.

– Вы должны пойти со мной, – повторила Миранда, и голос ее звучал спокойно, словно ничего и не произошло.

Тесс прямо-таки задохнулась от ужаса.

– Вы должны пойти... Вы д... должны... Вы-вы-вы...ЫЫЫЫЫЫЫ... – Голос Миранды задрожал, стал выше и пронзительнее. Слов уже было не разобрать – лишь вой, перемежаемый странным бормотанием.

Горничная качнулась вперед, чуть не задев Тесс, затем дернулась, сделала шаг в сторону и споткнулась. Тесс отскочила к стене и забилась в угол, только чтобы быть подальше от жуткой твари, беснующейся посреди комнаты. А Миранда тем временем повернулась на месте, потом еще раз и еще – все быстрее и быстрее. Словно пьяная, она кружила по комнате, по-прежнему вопя, пока не врезалась в дальнюю стену. На какую-то секунду она замерла, словно оглушенная ударом, а потом рухнула на пол и больше не шевелилась.

Тесс кинулась к двери и наконец-то выбралась из комнаты. В коридоре она на секунду остановилась и оглянулась назад – не преследует ли ее чудовище, все это время притворявшееся служанкой? Ей показалось, будто от лежащей ничком Миранды по полу побежала ниточка черного дыма. Досматривать, чем кончится дело, Тесс совершенно не хотелось, и она бросилась вверх, оставив дверь, ведущую в апартаменты Темных сестер, открытой.

Она добежала до лестницы и понеслась вверх, лишь каким-то чудом не наступая на собственные юбки. Один раз она споткнулась и больно ударилась коленом о ступени. Из глаз брызнули слезы, но Тесс продолжала карабкаться по лестнице – лишь бы поскорее оказаться на первом этаже, добраться до выхода!.. Потом она бежала по извилистому коридору, который казался почти бесконечным. Вокруг плясали и кривлялись уродливые тени. Краем глаза

девушка заметила, что по обе стороны коридора находятся двери, много дверей. Она остановилась и дернула одну из них, но та оказалась запертой, точно так же, как следующая, и та, что была за ней. Но ведь где-то должен был находиться выход из этого проклятого дома!

Еще один пролет, от которого отходит лестница, спускающаяся в холл. Тесс почти кубарем скатилась вниз и оказалась в вестибюле. Тот еще хранил следы бывшего великолепия, однако некогда красивый паркет потрескался, а изящные мраморные колонны были покрыты грязными пятнами. Высокие окна скрывали пыльные шторы, одни из которых были задернуты неплотно. В эту-то щель и проникал слабый лучик света, который бежал прямо к огромной двустворчатой двери – выход! Сердце Тесс билось так сильно, что ей казалось, будто оно вот-вот выскочит у нее прямо изо рта. Она бросилась к двери, схватилась за ручку и рывком потянула на себя.

Перед ней протянулась узкая мощеная улица, по обеим сторонам которой возвышались кирпичные здания, чьи крыши, находящиеся на разной высоте, словно бы танцевали замысловатый танец. От свежего воздуха у Тесс закружилась голова – как же давно она не выходила на улицу!

Сгушались сумерки. К тускло-синему небу медленно ползли клочья тумана. Где-то вдали раздавались людские голоса, крики играющих детей, цокот копыт. Но перед Темным домом улица была пустынной, и только какой-то мужчина, прислонившийся к ближайшей газовой лампе, читал газету.

Ну ладно, хоть кто-то... Тесс спустилась с крыльца, подбежала к незнакомцу и схватила его за рукав:

– Пожалуйста, сэр... помогите...

Мужчина обернулся и посмотрел на нее сверху вниз.

Тесс попыталась закричать, но крик застрял у нее в горле. Мужчина этот совершенно не изменился с тех пор, как она впервые увидела его в доках Саутгемптона. Его мертвенно-бледное лицо и глаза навывкате напоминали девушке Миранду, а зубы, когда он усмехался, сверкали так, словно были сделаны из металла.

Перед Тесс стоял кучер Темных сестер.

Девушка резко отпрянула, готовая спасаться бегством, но было уже слишком поздно.

Глава вторая

Ад – место холодное

Он думал о себе и о звездах,
О том, кой черт зажег в какой-то день их,
О людях, о великих городах,
О войнах, о больших землетрясениях...[17]

Лорд Байрон «Дон Жуан»

– Ах ты, глупая маленькая девчонка, – фыркнула миссис Блэк и проверила еще раз, хорошо ли затянуты узлы на веревке, которой запястья Тесс были привязаны к спинке кровати. – О чем ты думала, когда решила удрать? Да и куда это ты собиралась пойти?

Вместо ответа Тесс отвернулась и уставилась на стену. Она не хотела, чтобы миссис Блэк или ее ужасная сестра видели, как на глаза набегают слезы, понимали, какую боль причиняют ей веревки, притянувшие ее лодыжки и запястья к кровати.

– Она даже не понимает, какая честь ей оказана! – вмешалась миссис Дарк, вставшая в дверях таким образом, чтобы преградить Тесс путь к бегству. – Какая же отвратительная неблагодарность!

– Мы сделали для нее что могли, подготовили ее для встречи с Магистром, – вздохнув, подхватила миссис Блэк. – Как жаль, такая талантливая и такая... глупая. И при этом еще и очень, очень злая.

– Точно, – согласилась миссис Дарк. – Она словно не понимает, что случится с ее братцем, попробуй она еще хоть раз выкинуть что-то подобное. Но, сестра, будем снисходительны и простим ее на сей раз, но в следующий... – прошипела она сквозь крепко сжатые зубы, и сердце Тесс сжала ледяная рука страха. – В любом случае Натаниэля нельзя назвать удачливым юношей.

Тесс знала, что должна молчать: молчать ради брата, которому грозит опасность, молчать ради того, чтобы не доставить этим отвратительным существам удовольствия и не показать свою слабость... Но она больше не могла терпеть. Скопившийся у нее внутри страх словно бы выталкивал слова наружу, и она сама не поняла, как с языка у нее сорвалось:

– Если бы вы рассказали, кто такой этот Магистр и что он от меня хочет...

– Он хочет жениться на тебе, маленькая дурочка! – Миссис Блэк, проверив еще раз узлы, отстранилась и с нежностью во взоре осмотрела свою работу. – Он хочет дать тебе все.

– Но почему? – прошептала Тесс. – Почему я?

- Из-за твоего таланта, - фыркнула миссис Дарк. - Впрочем, ты, конечно, необычная девушка, но что такое талант без знаний и умений? Так что ты должна быть благодарна нам.

- Но мой брат... - Слезы жгли глаза, и Тесс сдерживалась изо всех сил, чтобы только не разрыдаться. «Я не буду плакать... Я не буду плакать... Я не буду плакать», - мысленно повторяла она. - Вы обещали отпустить брата, если я буду вас слушаться...

- Как только ты выйдешь замуж за Магистра, тот даст тебе все, что ты только пожелаешь. Если ты захочешь видеть своего брата свободным - его освободят. - В голосе миссис Блэк не было ни капли раскаяния, и звучал он, как обычно, равнодушно.

Миссис Дарк гнусно захихикала:

- Знаю, знаю, чего ей хочется на самом деле. Она думает если выйдет замуж за Магистра, то сможет уничтожить нас.

- Не трать силы на пустые фантазии. - Миссис Блэк ухватила Тесс за подбородок. - У нас с Магистром вечный контракт. Он никогда не сможет обидеть нас... Да и не захочет этого делать. А за тебя он еще и хорошенько нам заплатит. - Она наклонилась ближе и вновь заговорила, понизив голос до шепота: - Он хочет получить тебя живой и здоровой. Так что поблагодари его, как только у тебя появится такая возможность, потому что, если бы не это, я бы избивала тебя до полусмерти. Но если ты еще хоть что-нибудь выкинешь, я позабуду о его пожеланиях и буду пороть тебя, пока кожу не сдеру. Поняла?

Тесс отвернулась к стене.

* * *

Была уже глубокая ночь, когда «Океан» миновал Ньюфаундленд[18], но Тесс не спалось. Она вышла на палубу подышать свежим воздухом и невольно залюбовалась ночным морем, по которому, поблескивая в свете луны, неспешно плавали огромные глыбы льда, похожие на ленивых морских чудовищ. Один из моряков, проходя мимо, сказал, что из-за теплой погоды подтаял и сполз в море огромный ледник и она сейчас смотрит на его обломки. И действительно, присмотревшись, девушка увидела вдалеке уже по-настоящему гигантские льдины, напоминающие башни причудливого города. Возможно, в таком месте мог бы жить сам морской царь... Тесс подумала, что никогда еще не чувствовала себя такой одинокой.

Теперь-то она знала, что тогда ей только казалось, будто она одинока... Вскоре сестры оставили ее одну, и Тесс постепенно успокоилась. Плакать больше не было сил, но ее охватило дикое отчаяние, от которого хотелось

выть и рвать зубами веревки. Миссис Дарк была права: если бы Тесс могла убить их, она бы это сделала.

Она пошевелила руками и ногами, пытаясь ослабить узлы, но те не поддавались. Да уж, связали ее на славу.

Веревки впивались в плоть, руки и ноги Тесс вскоре начали неметь. Подумав, девушка пришла к выводу, что у нее есть всего несколько минут, а потом ее тело полностью утратит чувствительность.

Тесс поняла, что отчаянно устала. Ей вдруг захотелось покориться судьбе и спокойно дождаться появления загадочного Магистра. Пусть он... пусть хоть кто-нибудь заберет ее из этого проклятого дома! За крошечным окном уже совсем стемнело, а значит, ждать оставалось совсем недолго. Возможно, этот Магистр действительно хотел жениться на ней. Возможно, он и в самом деле хотел дать ей все...

Неожиданно она услышала голос тети Генриетты. Он звучал у нее в голове так отчетливо, словно тетя стояла рядом: «Когда ты, Тесс, найдешь мужчину, за которого захочешь выйти замуж, помни: ты должна судить человека не по тому, что он говорит, а по тому, что он делает».

Конечно, тетя Генриетта была права. Ни один порядочный мужчина не позволил бы держать свою невесту взаперти, словно заключенную в тюрьме, да к тому же еще и мучить ее брата. И талант ее тут был вовсе ни при чем. Ей вдруг подумалось, что Темные сестры все это время ее разыгрывали и на самом деле одному Богу известно, что Магистр собирается с ней сделать, когда она попадет к нему в руки. И даже если ей удастся выжить, то захочет ли она сама жить после всего, что ей уготовила судьба?

Боже, каким же никчемным талантом она обладала! Ну что за ерунда – по желанию изменять внешность! Если бы только она умела воспламенять предметы взглядом, или одним прикосновением уничтожать металл, или превращать свои ногти в острые ножи!.. А хорошо было бы уметь становиться невидимой или превращаться в крошечное существо, не больше мыши...

И тут она неожиданно успокоилась. Настолько успокоилась, что услышала, как на ее груди мерно тикает механический ангел. Вовсе не обязательно становиться размером с мышь, ведь так? Все, что нужно, так это стать достаточно маленькой и худенькой, чтобы путы просто соскользнули с тела.

А ведь она могла измениться, превратиться в другого человека, даже не притрагиваясь к его вещам. Она делала это прежде. Сестры заставили ее выучить и этот трюк. Впервые Тесс оценила пользу, которую принесли ей занятия.

Она вжалась спиной в твердый матрац и заставила себя вспомнить... Улица, кухня, игла неспешно движется туда-сюда, жар от газового фонаря... Она хочет, чтобы это случилось, хочет изменения. «Как тебя зовут? – Эмма. Эмма Бейлис...»

Ее тело изогнулось в конвульсии, в грудь будто бы ударило что-то тяжелое, и воздух со свистом вышел из легких. Тесс чувствовала, как меняется кожа, как в теле двигаются кости, становясь меньше и тоньше. Боль была почти

невыносимой, и она выгнула спину, словно старалась отстраниться от нее, убежать, спрятаться. Слава богу, что ей удалось подавить крик, который комом стоял в горле, не давая вздохнуть.

Но наконец-то все закончилось. Моргнув, Тесс какое-то время невидящим взглядом смотрела в потолок, затем повернула голову и взглянула на запястье и опутывающую его веревку. Ее рука стала рукой Эммы – тонкой и хрупкой. Петля болталась на костлявом, почти прозрачном запястье. Торжествуя, Тесс одним рывком освободила руки и села, растирая красные отметины на запястьях.

Потом она наклонилась вперед, и ее пальцы принялись быстро распутывать веревки на лодыжках. Оказалось, что миссис Блэк вязала узлы, как бывалый моряк. Когда Тесс наконец-то развязала веревки, ее пальцы были сбиты в кровь.

Девушка нетерпеливо отбросила назад волосы, тонкие, чужие, и без колебания освободилась от тела Эммы. Личина убитой девочки стекла с ее тела, словно вода. Тесс провела рукой по своим волосам: густым, пушистым, таким знакомым. Взглянув в висящее на стене зеркало, Тесс с удовольствием отметила, что маленькая Эмма Бейлис ушла и она снова стала собой.

Шум за спиной заставил ее резко обернуться. Дверная ручка бешено дергалась из стороны в сторону, словно стоящий в коридоре человек никак не мог открыть дверь.

«Миссис Блэк!» – подумала Тесс. Эта ужасная женщина вернулась, чтобы выполнить свою угрозу – избить ее до полусмерти... Или чтобы отвести ее к Магистру. Тесс в одну секунду пересекла комнату, схватила с умывальника фарфоровый кувшин и встала у двери, сжимая свое жалкое оружие так сильно, что аж костяшки пальцев побелели.

Наконец-то ручка провернулась, и дверь открылась. В полумраке Тесс видела лишь тень – кто-то вошел в комнату. Девушка подалась вперед и замахнулась кувшином, готовая в любой момент обрушить его на голову чужака...

Вошедший в комнату человек был ловок и быстр, но все-таки недостаточно. Кувшин ударил по вытянутой руке, когда он собирался схватить Тесс, а потом врезался в стену. Осколки дождем посыпались на пол, а незнакомец завопил от боли.

Тесс попятилась назад, а затем рванулась к двери, но та вдруг захлопнулась сама собой, и сколько девушка ни дергала за ручку, она даже не шелохнулась. А потом комнату залил яркий свет, словно из-за туч вышло солнце. Тесс резко обернулась, сморгнула слезы и замерла.

Перед ней стоял юноша, чуть старше ее самой. Возможно, ему было лет семнадцать, максимум восемнадцать. Одет он был так, как одеваются рабочие из Ист-Энда: потертый черный пиджак, мятые брюки и стоптанные ботинки из грубой кожи. Жилета он не носил. И тут внимание Тесс привлекли толстые кожаные ремни, которые обхватывали грудь незнакомца крест-накрест и обвивали его талию. Вернее, в самих ремнях, пожалуй, не было ничего удивительного, но вот оружие, которое на них висело, можно было увидеть далеко не каждый день: причудливых форм кинжалы с украшенными изысканной

резьбой рукоятками, складные ножи, странные клинки, словно бы сделанные из льда. В правой руке юноша держал какую-то штуковину, на вид напоминающую камень, от которой шел ослепительный свет. Тесс заметила, что по другой руке юноши – тонкой, с длинными пальцами – сбегает струйка крови: расколовшийся кувшин разрезал кожу.

Тесс подняла взгляд и посмотрела незнакомцу в лицо. Если бы она не была так напугана и если бы обстоятельства позволяли, она бы, без сомнения, им залюбовалась – никогда прежде она еще не видела такого красавца. Темно-синие глаза, словно бы сделанные из венецианского стекла, изящно очерченные скулы, полные губы, длинные пушистые ресницы и густые черные волосы. Голова и шея юноши были столь совершенной формы, что любой скульптор почел бы за честь изваять его бюст. Этот человек словно пришел из сказки, из волшебных грез, которым Тесс время от времени позволяла себе предаваться. Впрочем, вряд ли она мечтала о том, чтобы прекрасный незнакомец сыпал проклятиями в ее адрес и негодуя тыкал ей прямо в нос оковаленную руку.

– Ты меня порезала, – объявил незнакомец, когда исчерпал весь запас известных ему ругательств. Его голос звучал приятно. Акцент – английский. – Такой удар мог оказаться смертельным, между прочим.

Тесс уставилась на него широко открытыми глазами:

– Ты Магистр?

Он отвел руку. Кровь побежала по пальцам быстрее и закапала на пол.

– Вот это да, обильная потеря крови. Исход мог быть летальным.

– Ты – Магистр?

– Магистр?[19] – Он выглядел удивленным, будто девушка задала ему чрезвычайно странный вопрос. – Это то же, что мастер[20] на латыни, не так ли?

– Я... – Тесс казалось, что она по чьей-то злой воле покинула этот мир и перенеслась в сон, порожденный чьим-то большим воображением. – Мне так кажется.

– Ну тогда да, я мастер, потому что за свою жизнь я много чему научился в совершенстве. Например, я изучил улицы Лондона, выучился говорить по-французски без акцента, танцую кадрили, составляю букеты не хуже любого японца, на раз разгадываю даже самые сложные шарады, хорошо «держу градус». А как насчет умения управляться с девушками? Они от меня всегда в восторге.

Пока незнакомец говорил, Тесс внимательно его разглядывала.

– Господи, только сейчас я понял, какой же я молодец, – продолжал он тем временем, – но почему-то никто еще ни разу не называл меня ни мастером, ни магистром. А жаль...

- Похоже, что в питье вина ты тоже преуспел. Сколько ты выпил, прежде чем забраться сюда? - вполне серьезно спросила Тесс, но, уже произнеся последние слова, поняла, что прозвучали они довольно грубо.

Однако для пьяного незнакомец слишком устойчиво стоял на ногах. Конечно, Тесс не была большой специалисткой в этом вопросе, но ей доводилось несколько раз видеть пьяного Ната, и кое-что для себя она уяснила. Возможно, странный юноша был просто безумен.

- Спрошу прямо: не уверен, но думаю, ты американка? - Юноша выглядел удивленным. - Да, точно, акцент тебя выдает. Как тебя зовут?

Тесс с недоверием посмотрела на незваного гостя:

- Как меня зовут?

- Разве ты не знаешь своего имени?

- Ты.. Ты ворвался в мою комнату, испугал меня почти до смерти, и теперь хочешь знать, как меня зовут? А как тебя зовут? И вообще, кто ты такой?

- Я Херондэйл[21], - бодро ответил юноша. - Уильям Херондэйл, но все зовут меня Уиллом. Это действительно твоя комната? Не очень-то тут уютно, хочу я сказать. - Уилл подошел к окну и остановился там, рассматривая стопку книг, возвышавшуюся на ночном столике, а потом перевел взгляд на кровать и весьма выразительно указал на веревки: - И часто ты спишь, привязанная к кровати?

Тесс почувствовала, как вспыхнули щеки, и поразились тому, что при сложившихся обстоятельствах все еще может смущаться. Но стоит ли говорить этому странному Уиллу правду? Возможно, он и есть тот самый Магистр? Впрочем, он не походил на негодяя, который может вначале держать девушку взаперти несколько недель, а потом насильно заставить выйти за себя замуж. Во всяком случае, Тесс казалось именно так.

- Вот. Подержи-ка. - С этими словами Уилл вручил растерявшейся Тесс пылающий камень.

Она с опаской взяла его в руки, ожидая, что тот станет жечь пальцы, но камень на ощупь оказался прохладным. В тот момент, когда камень коснулся ее ладони, свет стал чуть слабее, но потом вспыхнул с новой силой. Она с тревогой наблюдала за Уиллом, тот же подошел к окну и выглянул наружу. Вид он при этом имел совершенно беззаботный, словно выглядывал из окна собственного дома, решая, стоит ли отправляться на вечернюю прогулку или нет.

- Жаль, что мы на третьем этаже. Я-то могу спрыгнуть, а вот ты, скорее всего, насмерть разобьешься. Нет, мы должны выйти через дверь и с боем прорваться к выходу.

- Прорваться... Что ты имеешь в виду? - Тесс, окончательно запутавшись и уже отчаявшись понять происходящее, лишь растерянно покачала головой. - Прости, но я ничего не понимаю.

– А чего тут понимать? – Он указал на ее книги. – Ты же читаешь романы. Очевидно, что я должен спасти тебя. Разве я не напоминаю тебе сэра Галахада?[22] – Он театральным жестом раскинул руки в стороны. – Моя сила – как сила десятерых, поскольку мое сердце чисто..

И тут в глубине дома раздался звук, при всех прочих обстоятельствах вполне обычный, а при сложившихся – пугающий. Проще говоря, где-то хлопнула дверь.

Сказав то, что галантный сэр Галахад никогда бы говорить не стал, Уилл отскочил от окна. Затем он поморщился и с сожалением поглядел на раненую руку:

– Ладно, позабочусь об этом после. Пойдем.. – Он многозначительно посмотрел на Тесс. В его глазах читался вопрос.

– Мисс Грей, – тихим голосом представилась она. – Мисс Тереза Грей.

– Мисс Грей, – повторил юноша. – Пошли, мисс Грей. – Он проскочил мимо нее к двери, взялся за ручку, повернул, дернул..

Дверь не открылась.

– Это не работает, – заметила Тесс. – Эту дверь нельзя открыть изнутри.

Уилл зло усмехнулся:

– Так уж и нельзя?

Он потянулся к ремням, быстро перебрал висящие на них штукорины и выбрал длинный прямой прут, сплетенный из маленьких, отлитых из какого-то странного серебристого металла веточек. Уилл прижал его кончик к двери и потянул – по-другому и не скажешь. Тесс увидела, как из кончика прута к двери протянулись тонкие черные полосы. Послышалось тихое шипение – с этим звуком полосы расползались по поверхности двери, словно чернильное пятно по бумаге.

– Ты что делаешь, рисуешь? – удивилась Тесс. – Не понимаю, как это может помочь..

Послышался слабый звон, словно где-то треснуло стекло. Ручка двери быстро повернулась сама собой, потом еще раз и еще, быстрее, – и дверь резко распахнулась. От прута к потолку потянулась тоненькая струйка дыма.

– Готово, – объявил Уилл и, повесив на прежнее место странный инструмент, жестом пригласил Тесс следовать за ним. – Пойдем.

И тут вдруг Тесс охватили страх и ничем не объяснимая тоска. Она посмотрела назад, окинула взглядом комнату, которая была ее тюрьмой в течение почти двух месяцев.

– Мои книги..

– Я дам тебе намного больше книг, только, ради бога, пошли уже.

Он подтолкнул ее вперед и вывел в коридор, а потом закрыл дверь. После, схватив Тесс за запястье, потянул ее через прихожую к ближайшему повороту. За углом оказалась лестница, по которой Тесс много раз спускалась в сопровождении Миранды. На девушку нахлынули воспоминания, и она замерла на месте, так что Уиллу снова пришлось потянуть ее за собой. От светящегося камня, который она все еще держала в левой руке, волнами исходил тусклый свет. Когда Тесс наконец-то решилась и побежала вслед за Уиллом, создалось впечатление, будто стены – это морской берег, на который набегают высокие волны.

Наверху кто-то закричал. Судя по голосу, это была миссис Дарк.

– Обнаружили, что ты убежала, – заметил Уилл.

К тому времени они уже добрались до первого этажа, и Тесс замедлила шаг. Уилл, который, казалось, и не думал останавливаться, вырвался вперед.

– Разве мы собираемся выйти через парадный вход? – поинтересовалась девушка.

– Нет, мы не сможем. Здание окружено. Там повсюду экипажи. Похоже, я появился вовремя, впрочем, как и всегда. – Уилл, не замедляя шага, миновал вестибюль и стал спускаться дальше, Тесс следовала за ним, стараясь не отставать. – Ты знаешь, что Темные сестры собирались устроить сегодня вечером?

Тесс покачала головой.

– Но ты же ждала кого-то? Какого-то Магистра?

Они очутились в подвале, и на смену отштукатуренным стенам пришла сырая каменная кладка. Темно было так, что хоть глаз выколи, и Тесс – впервые за все это время – не хватало Миранды с ее фонарем. И тут ей стало жарко... очень жарко.

– Ангелам это напоминает Девятый круг ада...

– Девятый круг ада – место холодное, – автоматически возразила Тесс.

Уилл уставился на нее:

– Что?

– Я про ад, – пояснила она. – Ад вообще место довольно холодное. Там много льда.

Уилл уставился на Тесс, уголки его рта стали подергиваться, как будто он пытался сдержать улыбку, а потом он протянул руку:

– Отдай мне колдовской свет. – Увидев растерянный взгляд девушки, он нетерпеливо пояснил: – Камень. Отдай мне камень.

В тот момент, когда его рука сжала камень, он один раз мигнул, а потом ярко вспыхнул. Свет пробивался прямо сквозь пальцы Уилла, и Тесс, машинально посмотревшая вниз, увидела рисунок на тыльной стороне его руки, словно нарисованный черными чернилами. Рисунок этот напоминал открытый глаз.

– Что касается температуры в аду, мисс Грей, то позволю себе дать вам один совет, – начал между тем Уилл. – Пожалуйста, уясни, что красивый молодой парень, который пытается спасти тебя от отвратительной судьбы, никогда не ошибается. Даже если он говорит, что небо фиолетовое и в нем день-деньской летают ежи.

«Он совершенно точно сумасшедший», – решила Тесс, но вслух ничего не сказала. Ее больше тревожил тот факт, что они шли напрямиком к широким двустворчатым дверям, которые вели прямо в апартаменты Темных сестер.

– Нет! – Она схватила Уилла за руку, пытаясь остановить. – Это не тот путь. Здесь нет выхода. Это – тупик.

– А ты, как я посмотрю, снова пытаешься учить меня уму-разуму? – фыркнул Уилл и зашагал мимо дверей, прямо в кромешную тьму, которой Тесс всегда так боялась. С трудом сглотив, она последовала за ним.

Коридор постепенно сужался, стены подступали с обеих сторон. Стало еще жарче, и волосы Тесс на висках начали завиваться в мелкие кудряшки. Воздух с каждым шагом словно бы густел, и дышать становилось все труднее и труднее. Какое-то время они шли молча, однако Тесс была слишком напугана, чтобы спокойно следовать за своим спасителем. Она должна была спросить, даже если знала, что ответ будет – «нет».

– Херондэйл, это мой брат послал тебя? Это он попросил меня найти? – наконец решилась она.

Тесс боялась, что Уилл опять скажет что-то безумное, но он лишь с любопытством посмотрел на нее.

– Никогда слышал о твоём брате, – сказал он, и Тесс почувствовала, что разочарование острыми когтями впилося в сердце. Она знала, что Нат тут ни при чем, ведь тогда спаситель знал бы ее имя. Ей захотелось разрыдаться. – А десять минут назад, мисс Грей, я и о твоём существовании не подозревал. Я шел себе по следу убийцы девочки, совершившего преступление месяца два назад. Малышку зарезали. Пырнули ножом и оставили в переулке истекать кровью. Но знаешь, что интересно. Там она оказалась не просто так. Она убегала... от чего-то...

Они дошли до того места, где коридор раздваивался. На мгновение остановившись, Уилл повернул налево.

– Около тела лежал кинжал, весь в крови убитой. На клинке мы обнаружили символ – две змеи, ухватившие друг друга за хвост.

Тесс задрожала. «Пырнули ножом и оставили в переулке истекать кровью... Около тела лежал кинжал...» Конечно, это была Эмма.

– Точно такой же символ на дверцах экипажа Темных сестер – так я их называю, – пробормотала Тесс. – Я имею в виду миссис Дарк и миссис Блэк...

– И ты не единственная. Другие обитатели Нижнего мира называют их точно так же, – заметил Уилл. – Я понял это, когда пустился по следу и выяснил, что это за символ и откуда он взялся. Я показал тот нож, наверное, сотне обитателей Нижнего мира – пытался найти хоть кого-то, кто может мне помочь. За любую информацию я обещал награду. В конце концов мне указали на Темных сестер.

– Нижний мир? – эхом отозвалась Тесс, которая с каждым словом Уилла понимала все меньше и меньше. – Это что, какое-то место в Лондоне?

– Не бери в голову, – фыркнул Уилл. – Не хочу, чтобы меня прерывали, когда я хвастаюсь своими достижениями. Все-таки я – прекрасный следопыт... Ладно, на чем я там остановился?

– Кинжал... – подсказала Тесс и замолчала, так как по коридору эхом разнесся голос: высокий, приторно-сладкий и так легко узнаваемый.

– Мисс Грей. – Это была госпожа Дарк. Слова, казалось, плыли по коридору, подобно кольцам дыма. – Мисс Гре-е-ей. Где вы?

Тесс окаменела.

– Боже мой, они же нас поймают...

Уилл снова ухватил ее за запястье, и они побежали что есть сил. Светящийся камень в его руке рассеивал тени, и они отпрыгивали к стенам и там, сплетаясь друг с другом, корчились в диком танце. Беглецы мчались по коридору, который спиралью уходил вниз, все глубже и глубже. Камни под ногами становились все более скользкими. Воздух вокруг делался все горячее и горячее. Ощущение было такое, словно они и в самом деле неслись напрямик в ад. Во всяком случае, так казалось Тесс. А голоса Темных сестер по-прежнему звенели где-то позади, эхом отражаясь от стен:

– Мисс Гре-е-е-ей! Мы не позволим вам убежать, вы же знаете. Мы не позволим вам скрыться и оставить нас с носом! Мы найдем вас, дорогая девочка. Вы же знаете, что найдем.

Уилл и Тесс миновали очередной поворот и остановились – коридор заканчивался высокими металлическими дверями. Отпустив руку Тесс, Уилл навалился на них всем телом. Однако двери поддались легко, и он кубарем покатился вперед, а следом за ним бросилась и Тесс. Оказавшись внутри, она тут же повернулась, чтобы закрыть створки, но те оказались слишком тяжелыми. Но, приложив невероятные усилия, она добилась желаемого.

Единственным источником света в комнате, где они оказались, был пылающий камень Уилла. Юноша повернул камень так, что свет его лился прямо на пол и, пробиваясь через пальцы, казался янтарным. Уилл же не терял время даром: он проскочил назад мимо Тесс и налег на засов. Тот оказался тяжелым и ржавым. Тесс почти физически ощущала напряжение юноши, который пытался закрыть двери.

– Мисс Грей? – Он наклонился к Тесс, которая стояла, прижавшись спиной к закрытой створке.

Она чувствовала, как сильно бьется его сердце... или это было ее сердце? Странные белые лучи, исходящие от камня, высвечивали острые скулы юноши, ключицы блестели от пота... И тут она заметила странную татуировку – знаки, словно выползающие из-под воротника рубахи и напоминающие рисунок на его руке – толстые черные линии, словно чернилами нарисованные.

– Где мы? – прошептала Тесс. – Неужели мы и в самом деле теперь в безопасности?

Ничего не ответив, Уилл отступил, подняв как можно выше правую руку. Камень ослепительно засверкал, освещая комнату.

Беглецы оказались в келье, хотя и очень большой. Стены, пол и потолок были каменными, скошенными в сторону большой дыры в полу, проделанной прямо посреди комнаты. Здесь имелось только одно окно, располагалось оно почти под самым потолком, да к тому же еще и было забрано решеткой. Единственные двери в келье были те, через которые беглецы попали внутрь. Тесс обернулась и... подавилась собственным криком.

Открывшаяся ее взору картина была не просто ужасна – от нее кровь стыла в жилах. Вдоль одной из стен комнаты выстроились длинные деревянные столы. На одном из них лежали тела – человеческие тела, голые и мертвенно-бледные. На груди каждого из них чернел разрез, сделанный в форме буквы «У». Головы покойников свисали вниз, волосы женщин подметали пол, словно адские метлы. В центре стола лежали груды запачканных кровью ножей и всевозможных механических инструментов: бронзовых колес с зубцами, медных шестерней и острозубых серебряных ножей.

Тесс зажала рот рукой и почувствовала вкус крови – прикусила собственные пальцы. А вот Уилл, казалось, даже не удивился. Оглядевшись, он лишь немного побледнел и пробормотал что-то с придыханием, но что именно – Тесс не расслышала.

Раздался треск, и металлические двери задрожали, словно в них ударили чем-то тяжелым. Тесс опустила кровоточащую руку и тихонечко позвала:

– Херондэйл!

Юноша обернулся, когда двери содрогнулись от нового удара. Голос с той стороны эхом разнесся по комнате:

– Мисс Грей! Выходите, и мы не станем вас наказывать!

– Они врут, – быстро сказала Тесс.

– Ты действительно так думаешь?

Уилл убрал в карман колдовской свет и запрыгнул на центральный стол, заваленный окровавленными инструментами. Он наклонился, подхватил тяжелый на вид медный винт и взвесил его в руке. Закряхтев от усилия, он швырнул его в зарешеченное окно.

Стекло разбилось, и Уилл закричал:

– Генри! Пожалуйста, помощи! Генри!

– Кто такой Генри? – требовательно спросила Тесс, но в тот момент двери дрогнули в третий раз, и по металлу побежали тонкие трещины. Стало ясно, что долго им не продержаться. Тесс помчалась к столу и схватило первое, что попало под руку, – металлическую ножовку с редкими зубьями, какой опытные мясники пилят кости. И только она успела повернуться, сжимая оружие, как двери распахнулись.

На пороге стояли Темные сестры. Миссис Дарк, высокая, костлявая, словно скелет, наряженная в сверкающее лимонно-зеленое платье, и раскрасневшаяся, зло прищурившаяся миссис Блэк. Они ворвались в комнату в облаке синих искр, похожих на миниатюрный фейерверк. Их пристальные взгляды скользнули по Уиллу, который, по-прежнему стоя на столе, вытащил из-за пояса одно из ледяных лезвий, и остановились на Тесс. Рот госпожи Блэк – красная щель на бледном лице – растянулась в подобии улыбки.

– Ах, маленькая мисс Грей, ты должна раз и навсегда уяснить, что убежать нельзя, – начала она. – Мы сказали, что случится, если ты снова решишь нас покинуть....

– Тогда делайте, что обещали! Выпорите меня, твари! Избейте меня, убейте! Меня это не волнует! – закричала Тесс и с удовольствием отметила, что Темные сестры оторопели от ее вспышки. До этого Тесс всегда покорно сносила все их угрозы, так как была слишком напугана, чтобы попытаться сопротивляться. – Я не позволю вам отдать меня Магистру! Я предпочту умереть!

– О, моя дорогая, а у тебя неожиданно обнаружился характер, – пробормотала миссис Блэк.

Задумавшись, она стянула правую перчатку, и впервые Тесс увидела ее голую руку. Кожа миссис Блэк оказалась серой и толстой, как у слона, а вместо ногтей – длинные темные когти. И выглядели они острыми, как ножи.

Госпожа Блэк притворно улыбнулась Тесс:

– Возможно, если мыотрежем тебе язык, ты сразу же научишься хорошим манерам.

Она шагнула вперед... и остановилась, потому что Уилл спрыгнул со стола и встал между ними.

– Мэлик! – объявил он, и его ледяной клинок сверкнул, подобно падающей звезде.

– Уйди с дороги, жалкий нефилим[23]! – приказала миссис Блэк. – И убери клинок серафима. Это не твоя битва.

– А вот тут ты ошибаешься. – Уилл прищурился. – Я уже порядком наслышан о вас, милые дамы. Слухи о вас растекаются по Нижнему миру, подобно

ядовитой реке в половодье. Не хочу показаться невежливым, но мне кажется, вам с сестрой пришла пора заплатить за все те мерзости, что вы сотворили, и пусть даже вы их таковыми не считаете.

– И ты устроил весь этот переполох из-за каких-то мирян, – хихикнула миссис Дарк и встала рядом с сестрой, так что теперь только Уилл, вооруженный сверкающим клинком, стоял между ними и Тесс. – Мы не ссорились с тобой, сумеречный охотник, так что не вмешивайся. Ты вторгся на нашу территорию и тем самым нарушил Соглашение. Мы можем сообщить о тебе Анклаву...

– А знаете ли вы, что Анклав не одобряет нарушителей? Странно, но они до сих пор рубят людям головы и сдирают с них заживо кожу. Не самый легкий путь на тот свет, скажу я вам, – заметил Уилл.

– Людям? – выплюнула миссис Дарк. – Мирянам, ты хотел сказать. Тебя не должно волновать то, что мы с ними делаем. – И она вновь посмотрела на Тесс: – Он сказал тебе, кто на самом деле? Он не человек...

– Вы все врете. – Голос Тесс дрожал.

– А она? Она сказала тебе, кто такая? – На этот раз миссис Блэк обратилась к Уиллу. – Ничего не рассказывала о своем таланте? О том, что может делать?

– Рискну предположить, что это имеет отношение к Магистру, – ответил Уилл.

Миссис Дарк с подозрением посмотрела на юношу.

– Ты знаешь о Магистре? – Она взглянула на Тесс. – Ах... вижу. Она только что рассказала тебе о нем. Но ты, мой маленький ангел, и вообразить себе не можешь, насколько он могуществен. И он долго ждал, пока найдется женщина со способностями Тесс. Можно сказать, именно благодаря ему она появилась на этот свет...

Ее последние слова потонули в ужасном грохоте – вся восточная стена комнаты неожиданно обрушилась. У Тесс была старая иллюстрированная Библия, и там также изображалось падение иерихонской стены: пыль столбом и вниз летят огромные камни. И уже через мгновение вместо стены зияла огромная прямоугольная дыра, заполненная удушливым облаком пыли.

Миссис Дарк вскрикнула тонким голосом и подхватила юбки своими костлявыми руками. Она была слишком уверена в себе и даже предположить не могла, что произойдет что-то подобное, и испугалась посильнее Тесс.

Уилл же, не теряя времени даром, схватил Тесс за руку и подтащил к себе, прикрыв ее своим телом от обломков камней и штукатурки, которые дождем посыпались на них. В тот момент, когда он прижал ее к себе, Тесс услышала вопли мисси Блэк.

Тесс изогнулась в объятиях Уилла, пытаясь разглядеть происходящее. В конце концов ей удалось увидеть миссис Дарк, которая указывала дрожащим пальцем на черную дыру. Пыль начала оседать, так что теперь можно было

рассмотреть облаченных в темные одежды людей, входящих в комнату. И каждый держал в руке клинок, сияющий тем же сине-белым светом, что и нож Уилла.

- Ангелы, - выдохнула пораженная Тесс. - Этот свет такой яркий... Кем же еще им быть, как не ангелами?

Миссис Блэк завизжала и бросилась вперед. Она взмахнула руками, с кончиков ее пальцев слетели снопы искр и как фейерверк взорвались в воздухе. Тесс услышала чей-то крик - очень человеческий крик, надо сказать. В ту же секунду Уилл, выпустив девушку из объятий, развернулся и метнул свой пылающий клинок в госпожу Блэк. Тот, со свистом рассекая воздух, пролетел через комнату и вонзился ей в грудь. Взвыв, она чуть подалась назад, качнулась и упала, опрокинув один из деревянных столов, который с треском развалился. Теперь на его месте возвышалась гора из обломков досок и кусков окровавленной плоти.

Уилл усмехнулся. Неприятно так усмехнулся. А потом обернулся и посмотрел на Тесс. Какое-то мгновение они, не отрываясь, смотрели друг на друга, а потом рядом с Уиллом встали его приятели. Они небрежно помахивали сверкающими клинками, словно это были легкие складные ножи. Тесс отметила, что двигались эти люди - а люди ли? - настолько быстро, что у нее даже в глазах рябило.

Тесс прижалась спиной к стене и молилась лишь о том, чтобы выбраться из этого проклятого дома живой. В центре комнаты миссис Дарк, визгливым, пронзительным голосом выкрикивая проклятия, отбивалась от нападающих - кончики ее пальцев искрились, и из них то и дело вырывались синие молнии. Миссис Блэк корчилась на полу, окутанная клубами черного дыма, исходящего из ее тела, словно она горела изнутри.

Тесс стала медленно пробираться к открытой двери, которая вела в коридор, но тут сильные руки схватили ее и дернули назад. Тесс завопила, попыталась вырваться, но хватка у нападавшего была железной. Тогда она наклонилась и что есть силы впилась зубами в его руку. Сзади раздался сдавленный крик, и Тесс поняла, что свободна. Обернувшись, она увидела прямо перед собой высокого мужчину с копной неопрятных рыжих волос. Он прижимал к груди кровоточащую руку, в его взгляде читался немой укор.

- Уилл! - закричал он. - Уилл, она укусила меня!

- Она, Генри? - Уилл, в ту же секунду вышедший из дыма и огня, словно демон из преисподней, выглядел удивленным.

Позади него Тесс разглядела еще одного мужчину, мускулистого молодого шатена, сдерживавшего беснующуюся миссис Дарк. А миссис Блэк тем временем превратилась в бесформенную, отвратительно воняющую кучу. Не обращая на нее внимания, Уилл внимательно посмотрел на Тесс.

- Воспитанные леди никогда не кусаются, - объявил он Тесс. - Грубо это, знаешь ли. Разве тебя не учили хорошим манерам?

- Конечно учили. И я знаю, что очень невежливо хватать даму, которой вы даже не представлены, - вспыхнула Тесс. - Разве вам об этом не говорили?

Рыжеволосый мужчина, которого Уилл называл Генри, виновато улыбнулся. «А он ничего», – подумала Тесс, которая чувствовала себя теперь немного виноватой.

– Уилл! Осторожно! – закричал другой мужчина.

Уилл обернулся как раз вовремя, чтобы увернуться от какого-то предмета, пролетевшего рядом с головой Генри. Это был большой медный винт. Он ударил в стену и застрял в ней, словно мраморный шарик в куске печенья. Тесс обернулась и увидела миссис Блэк, которая подбиралась к ним все ближе и ближе. Ее глаза горели, словно угли, мертвенно-белое лицо искажала хищная гримаса. Черные языки пламени лизали рукоять кинжала, торчащую у нее из груди.

– Проклятие... – Уилл потянулся за рукоятью другого клинка, висящего у него на поясе. – Я думал, с этой тварью покончено...

Оскалившись, госпожа Блэк бросилась вперед. Уилл отскочил в сторону, но Генри не был так быстр. Она ударила его и отшвырнула назад. Рыча, она вцепилась в него и повалила на пол. Ее когти впились в плечи Генри, он завопил. Уилл развернулся, в его руке сверкнул кинжал.

– Уриэл! – закричал Уилл, и клинок вспыхнул словно факел, да так ярко, что смотреть было больно.

Тесс, охваченная животным ужасом, вновь отступила к стене. Уилл же замахнулся со всей силы и опустил клинок вниз. Миссис Блэк отшатнулась, попытавшись достать юношу когтями...

И клинок, словно раскаленный нож по маслу, прошелся по ее шее. Мгновение, и голова миссис Блэк ударилась об пол, закрутилась, несколько раз подпрыгнула и, наконец, остановилась. Залитый черной зловонной кровью, Генри зашипел от отвращения, изо всей силы отпихнул от себя обезглавленное тело и с трудом поднялся на ноги.

– Не-е-е-ет! – Ужасный крик пронесся по комнате.

Это кричала миссис Дарк. Из ее глаз и с кончиков пальцев сорвались ослепительно-яркие молнии, и друг Уилла, имени которого Тесс не знала, взвыл от боли и, корчась, упал на пол. Теперь никто не стоял на пути миссис Дарк, и она бросилась к Тесс. Ее черные глаза пылали, подобно адским факелам. Она что-то шипела, и голос ее походил на треск пламени. Тесс не могла разобрать ни слова, и ей даже показалось, что произносимые госпожой Блэк слова не имеют ничего общего с человеческими. Миссис Блэк вскинула руку и метнула в Тесс синюю молнию. С криком Уилл прыгнул вперед. Его пылающий кинжал рассек воздух. Молния рикошетом отскочила от клинка и ударила в одну из каменных стен, которая тут же вспыхнула холодным голубым пламенем.

– Генри, – не оборачиваясь, крикнул Уилл, – если можешь, уведи мисс Грей в безопасное место... быстрее...

Но только Генри положил раненую руку на плечо Тесс, как миссис Дарк метнула в Тесс еще одну молнию, на этот раз сине-зеленого цвета. «Почему она пытается убить меня? – подумала Тесс, и голова у нее от страха пошла кругом. – Почему не Уилла?» А потом, когда Генри потянул ее к себе, очередная молния расколола клинок Уилла на дюжину сверкающих осколков. Зрелище это столько же страшное, сколь и красивое, и Тесс на мгновение застыла, зачарованная красотой происходящего. А потом она услышала, как Генри что-то ей закричал.. Она хотела переспросить, но было уже слишком поздно. Один из сверкающих осколков с невероятной силой вонзился ей в плечо. Тесс показалось, что в нее врезался поезд, несущийся на полной скорости. Она отлетела назад, и Генри, кинувшийся было ей на помощь, не сумел ее удержать. Тесс ударилась головой о стену, и на мгновение ей показалось, будто мир раскололся на миллионы мелких, очень ярких осколков. Она услышала пронзительный, визгливый смех миссис Блэк, а потом наступила темнота.

Глава третья

Институт

Любовь, надежда, опасение,

вера – вот создатели Человека.

Они – его характер, честь и совесть[24].

Роберт Браунинг[25] «Paracelsus»[26]

Темные сестры опять привязали Тесс к кровати. Их фигуры начали вытягиваться, заострились, и они стали походить на длинные вязальные спицы. Миссис Блэк и миссис Дарк все время что-то бормотали себе под нос, иногда пронзительно повизгивая, но Тесс не могла разобрать ни слова. Их облик постепенно менялся: глаза запали, волосы выпали, на губах проступали стежки, словно их шивал невидимый портной. Тесс открывала рот в безмолвном крике, но из него не вылетало ни звука. Сестры, казалось, не замечали ее страха и отчаяния.

Потом вдруг миссис Блэк и миссис Дарк исчезли, и их место заняла тетя Генриетта. На лице ее проступили красные пятна, и выглядела она сейчас так же, как за несколько дней до смерти. Вот только глаза были другими. Когда тетю мучила лихорадка, впоследствии ее и убившая, она в

беспамятстве металась по кровати, и когда открывала глаза, то взор ее был мутным и безумным, сейчас же она с нежностью и печалью смотрела на Тесс.

- Я пыталась... - пробормотала она. - Я пыталась полюбить тебя. Но нелегко любить ребенка, который... вовсе и не человек....

- Не человек? - повторил незнакомый женский голос. - Хорошо, если она не человек, то кто же тогда? - В голосе отчетливо слышалось нетерпение. - Хочешь сказать, что не знаешь? Но ведь кем-то же она должна быть. Не может же эта девочка принадлежать к...

* * *

Тесс проснулась от собственного крика. Пережитый ужас все еще владел ее разумом, и она неподвижно лежала в кровати, каждую секунду ожидая увидеть Темных сестер или покойную тетю.. И тут вдруг она услышала голоса. Тесс резко села, отшвырнув одеяло. Машинально она отметила, что одеяло это было толстым и тяжелым, а не тонким и отделанным тесьмой - под таким она спала в Темном доме.

Она посмотрела в сторону и подавилась собственным криком. Вместо громких звуков из ее груди вырвался слабый хрип. Голову сдавил горячий обруч, от страха девушка стала тяжело дышать. Прямо перед ней стояло чудовище из ее ночного кошмара: большое, круглое и чуть желтоватое, чем-то похожее на луну, лицо, гладко выбритый, белый череп. Вместо глаз - черные дыры. Губы, сшитые черными нитками, плотно сжаты. На лице - черные узоры, похожие на те, что украшали кожу Уилла, вот только в этом случае они были словно вырезаны ножом, а не нанесены чернилами.

Девушка сдавленно охнула, попыталась отползти подальше и свалилась с кровати. Она со всего размаху ударилась о холодный каменный пол, и ткань ночной рубашки - ее, должно быть, переодели, пока она была без сознания, - разошлась по шву, когда она поднялась на колени.

- Мисс Грей, - раздался голос, который был ей совершенно незнаком.

Тереза не мигая смотрела на ужасную тварь, стоящую у ее кровати, но демон молчал. Его уродливое лицо было совершенно бесстрастным, словно каменная маска. Наконец девушка решила и чуть отодвинулась назад, но монстр так и не шевельнулся, не стал преследовать ее, когда она отползла еще немного в сторону, надеясь, что дверь у нее за спиной и она сможет убежать. Ее глаза уже привыкли к темноте, и она, заозиравшись по сторонам, отметила, что комната овальной формы, а стены и пол - каменные. Потолок же был слишком высоко и тонул в темноте, поэтому разобрать его форму и очертания было невозможно. Противоположную стену прорезали длинные и тонкие арочные окна, какие обычно бывают в старых церквях.

- Тереза Грей...

Девушка ползком добралась до двери и нашарила металлическую ручку. Она стремительно повернулась и схватилась за нее с отчаянием утопающего, пытающегося уцепиться за соломинку... Ничего не случилось. Надежда на спасение угасла так же быстро, как появилась, и из груди Тесс вырвались сдавленные рыдания, больше похожие на хрип умирающего.

– Мисс Грей! – повторил тот же голос, и внезапно в комнате вспыхнул свет – такой яркий, что глазам стало больно, словно долгое время девушка смотрела на солнце. Но это свет был знаком Тесс. – Мисс Грей, извините. Мы не собирались вас пугать. Мисс Грей, пожалуйста.

Тесс медленно повернулась и села, прижавшись спиной к двери. Глаза уже не болели так отчаянно, и она попыталась оглядеться. Тесс по-прежнему находилась все в той же комнате с каменными стенами. Посередине стояла большая кровать с пологом, поддерживаемым четырьмя столбиками. Бархатное покрывало почти целиком съехало на пол. На выложенным огромными каменными плитами полу прямо перед кроватью лежал ковер с изысканным узором, на котором, развернутыми друг к другу, стояли два стула. Между ними – маленький чайный столик. У дальней стены – платяной шкаф. За китайской ширмой, стоявшей в одном из углов комнаты, скорее всего, скрывались ванна и раковина. Больше в комнате не было ничего: ни картин на стенах, ни прикроватных столиков с фотографиями, ни милых сердцу любого хозяина дома безделушек.

Чудовище – с человека ростом, облаченное в длинную пеструю хламиду, по фасону чем-то похожую на монашескую рясу и сшитую из грубой ткани, – так и стояло у кровати. Подол и рукава его одеяния украшали красно-коричневые руны. В руках оно держало серебряный, по всей длине также украшенный рунами посох, а набалдашник его представлял собой фигурку ангела. На голову чудовища был надвинут капюшон, но он не скрывал его жуткого бледного лица, на котором черными дырами зияли пустые глазницы.

Рядом с ним стояла женщина столь маленького роста, что поначалу Тесс приняла ее за ребенка. У незнакомки были густые каштановые волосы, убранные назад, тонкие черты лица и небольшие, темные, чем-то похожие на птичьи глаза, в которых светился острый ум. Красавицей она уж точно не была, но выражение ее лица было столь добрым и столь кротким, что через какое-то время она всем начинала казаться даже миленькой. Так и Тесс, стоило ей лишь взглянуть на незнакомку, начала постепенно успокаиваться, хотя, если бы кто-нибудь спросил ее почему, она бы не смогла ответить. В руке незнакомка держала белый камень вроде того, которым пользовался Уилл, пробравшийся в Темный дом. Именно от него и исходил тот яркий свет, который поначалу ослепил Тесс.

– Тереза Грей, – снова повторила женщина. – Я Шарлотта Бранвелл, глава Лондонской академии, а человек рядом со мной – брат Енох...

– Вот это чудовище? – прошептала Тесс.

Брат Енох промолчал, словно и не слышал грубых слов девушки. Он по-прежнему казался мраморным изваянием.

– Я знаю, что на Земле обитают чудовища, – продолжала Тесс. – Вы меня в этом не разубедите. Я видела их.

– Не стану с вами спорить, – заверила девушку миссис Бранвелл. – Если бы мир не наполняли чудовища, не было бы и сумеречных охотников.

Сумеречные охотники... Так Темные сестры называли Уилла Херондэйла.

Уилл!..

– Я... Со мной был Уилл, – начала Тесс дрожащим голосом. – Там, в подвале... Уилл сказал... – Она замолчала и съежилась, словно в любую секунду ожидала удара. Ей вдруг показалось, что она не имеет никакого права называть своего спасителя сокращенным именем, ведь подобное обращение подразумевало определенную степень близости, которой между ними не было. – Где мистер Херондэйл?

– Он здесь, – спокойно ответила миссис Бранвелл. – У нас в гостях.

– Это он принес меня сюда? – все так же шепотом продолжала Тесс.

Госпожа Бранвелл кивнула:

– Да, поэтому не волнуйтесь, мисс Грей. Вам здесь никто не причинит вреда. Вы сильно ударились головой, и лучшее, что Уилл мог сделать, так это попросить нас о помощи. Брат Енох – прекрасный врач, и вам не следует его бояться. Поверьте, внешность часто бывает обманчива. Он осмотрел вас и пришел к выводу, что физически вы совершенно здоровы. Сейчас ваша проблема – это нервное потрясение и шок. Впрочем, это естественная реакция любого человека на подобные события... А теперь вернитесь, пожалуйста, в кровать или хотя бы сядьте на стул. Если вы станете и дальше ходить босиком по каменному полу, то очень скоро замерзнете и подхватите простуду.

– Вы хотите, чтобы я осталась здесь, – пробормотала Тесс, облизав сухие губы. – Я что, не могу отсюда уйти?

– Вначале давайте поговорим, а потом, если вы захотите уйти, вы уйдете, и никто вам не помешает, – заверила девушку миссис Бранвелл. – Нефилимы никогда не станут заманивать в ловушки жителей Нижнего мира и тем более принуждать их к чему бы то ни было. Мы помним о Соглашении и свято чтим наши законы.

– Но я ничего не знаю об этом...

Миссис Бранвелл ненадолго задумалась, а потом повернулась к брату Еноху и что-то тихо сказала ему. Он все так же молча надвинул капюшон на лицо – скорее всего, для того, чтобы не пугать еще больше и без того на смерть перепуганную девушку, – после чего не спеша подошел к Тесс. Та поспешно отодвинулась подальше от двери, но брат Енох, прежде чем выйти, задержался на пороге. Буквально на мгновение, но...

В этот момент он заговорил с Тесс. Хотя говорил – не совсем верное слово. Тесс не слышала ни звука, но слова звучали прямо у нее в голове. Голос у него был таким мягким, что Тесс показалось, будто кто-то гладит ее по щекам меховой варежкой.

– Ты, Тереза Грей, создание, способное меняться по своему желанию. Но на тебе нет знака демона... Никогда раньше не видел таких, как ты.

Способная меняться по своему желанию.. Откуда он узнал? Ошеломленная Тесс теперь неотрывно смотрела на брата Еноха. Сердце ее учащенно забилось в ожидании продолжения, но в ту же самую секунду Енох шагнул в коридор и закрыл за собой дверь. Теперь Тесс знала, где находится дверная ручка и как ее нужно повернуть, чтобы открыть дверь, вот только желание убежать куда-то пропало. Ноги у нее подкашивались, поэтому она еле-еле добралась до стула и буквально упала на него.

– Что случилось? – поинтересовалась миссис Бранвелл, устроившись напротив Тесс. Девушка машинально отметила, что собеседница носит столь широкое платье, что нельзя однозначно сказать, надет ли на ней корсет или нет. А еще – у женщины были очень тонкие запястья, похожие на птичьи лапки. – Что он вам сказал?

Тесс покачала головой и с силой сцепила руки, чтобы миссис Бранвелл не заметила, как дрожат ее пальцы.

Однако та внимательно следила за девушкой, и ничто не ускользало от ее пристального взгляда.

– Прежде чем начать, давайте кое о чем договоримся, – после минутного раздумья наконец-то заговорила Шарлотта. – Не называйте меня миссис Бранвелл, мисс Грей, для меня вполне уместно обращение по имени. Все в Академии так меня называют. – С этими словами она откинулась на спинку стула, и тут Тесс увидела, что у нее тоже есть татуировки.

Немыслимо! Как женщина только решилась так себя изуродовать?! Тесс не могла скрыть удивления и отвести взгляда от рук собеседницы, которые украшали темные узоры, такие же, как и у ее спасителя. На тыльной стороне левой руки она даже разглядела изображение глаза.

– Позвольте, я вначале расскажу, что уже знаю о вас, мисс Тереза Грей, – заговорила Шарлотта, которая, казалось, не заметила бестактного поведения своей кной собеседницы. Голос ее звучал спокойно и доброжелательно, однако взгляд был острым: Тесс даже поежилась – ей показалось, будто ее колят тысячи крошечных булавонок. – Вы американка. В Англию приплыли из Нью-Йорка, хотели поселиться здесь вместе с братом, который и купил вам билет на пароход. Брата вашего, кстати, зовут Натаниэль.

Тесс окаменела.

– Как вам удалось так много обо мне узнать?

– Много? Вовсе нет. Но я знаю, что Уилл нашел вас в доме Темных сестер, – продолжала Шарлотта. – В тот вечер вы ожидали визита некоего Магистра... Нет-нет, не волнуйтесь, мне известно, что до этого вы ни разу с ним не встречались и понятия не имеете, кто он такой. Потом было сражение, во время которого вы потеряли сознание.

До этой самой секунды все воспоминания о прошедшем вечере были отрывочны, но Шарлотта словно открыла шлюз, и на Тесс, подобно водам бурной реки, наконец-то вырвавшейся на свободу, хлынули воспоминания. Она вспомнила, как бежала с Уиллом по темным жарким коридорам, как они пытались открыть тяжелые металлические двери, а потом оказались в комнате, полной трупов, где стены и пол были буквально пропитаны кровью.. Вспомнила обезглавленную миссис Блэк и Уилла, бросающего свой светящийся нож..

- Миссис Блэк.. - прошептала она.

- Мертва, - подтвердила Шарлотта. - Теперь уже окончательно.

С этими словами Шарлотта поерзала на стуле, устраиваясь поудобнее, и Тесс снова поразилась тому, какая же она маленькая: миссис Бранвелл не доставала ногами до пола, а спинка, не слишком-то и высокая, возвышалась над ее головой. Ну прямо Дюймовочка, которой вместо стула больше бы подошла ореховая скорлупа.

- А миссис Дарк? - не удержалась от вопроса Тесс.

- Сбежала. Мы обыскали весь дом и близлежащий квартал, но не нашли ее следов. Никаких.

- Весь дом? - Голос Тесс задрожал. - И там что, вообще никого не было? Ни живых, ни... мертвых?

- Я понимаю, к чему вы ведете, мисс Грей. Увы, мы не нашли вашего брата, - печально сказала Шарлотта и с нежностью посмотрела на девушку. - Его нигде нет: ни в самом доме, ни в близлежащих зданиях.

- Вы.. искали его? - Тут уж удивлению Тесс не было предела.

- Да, но тщетно.. - повторила Шарлотта. - Но мы нашли ваши письма.

- Мои письма?

- Письма, которые вы писали своему брату, но так и не отослали ему, - подтвердила Шарлотта. - Сложенные в стопку, они лежали под матрасом.

- Вы читали их?

- Извините, мисс Грей, но нам пришлось, - сказала Шарлотта, мягко улыбнувшись. - Но вы должны нас понять: не часто в нашей Академии ищет убежище житель Нижнего мира. Впрочем, кроме сумеречных охотников, здесь вообще мало кто бывает. Всякий раз мы сильно рискуем, так что мы должны были убедиться, что вы не представляете опасности.

Тесс отвернулась. Ей вдруг стало противно, а при одном взгляде на эту крошечную женщину, так участливо на нее смотревшую, охватывала злость. Как она могла забраться к ней в душу, прочитать ее сокровенные мысли, перебрать потаенные мечты?! Как могла она без стеснения залезть к ней в голову и вытащить на свет божий все ее надежды и страхи, о которых она не отважилась рассказать даже брату?! Глаза зашипало. Тесс чуть было не

разрыдалась навзрыд, но в самую последнюю секунду ей каким-то чудом удалось сдержаться.

– Вы хотите сдержать слезы и сохранить лицо, – продолжала между тем Шарлотта. – Знаете, когда я пытаюсь сделать то же самое, то пристально смотрю на источник яркого света. Иногда это помогает. Попробуйте использовать для этой цели колдовской свет.

Тесс не мигая смотрела на камень, который был по-прежнему зажат в руке Шарлотты. В конце концов ей начало казаться, что она смотрит на солнце, которое все время увеличивается в размерах.

– И тогда вы решили, что я не опасна? – пробормотала она наконец, пытаясь сглотнуть подступивший к горлу комок.

– Возможно, и так, – согласилась Шарлотта. – Но вы должны понимать, что обладаете поистине великой силой – вы способны менять форму, становиться тем, кем вы хотите стать... Неудивительно, что Темные сестры хотели заполучить вас. Другие тоже станут на вас охотиться.

– Например, вы? – Тесс старалась, чтобы ее голос звучал как можно холоднее. – Или вы хотите сказать, что помогли мне исключительно из врожденного милосердия?

Лицо Шарлотты на мгновение исказила болезненная гримаса, словно ей дали пощечину. Реакция эта была, безусловно, произвольной, и Тесс поняла, что несправедлива к своей собеседнице и обвинения ее не имеют ничего общего с действительностью.

– Нет, это не милосердие, – возразила та тем временем. – Это – мое призвание... Наше призвание.

Теперь Тесс уже совсем ничего не понимала.

– Возможно, будет лучше, если я объясню вам, кто мы такие и чем занимаемся, – продолжала Шарлотта.

– Нефилимы?... – осторожно предположила Тесс. – Во всяком случае, так Темные сестры называли мистера Херондэйла. – Она указала на темные татуировки на руке Шарлотты: – Вы тоже одна из них? И поэтому на ваших руках эти ужасные татуировки?

Шарлотта кивнула:

– Да, я тоже нефилим... и сумеречный охотник. Мы раса, если позволите, людей... людей с особыми способностями. Мы сильнее и быстрее вас. Мы умеем колдовать и искусство свое зовем очарованием. Но известны мы в первую очередь как охотники на демонов.

– Демонов? Вы говорите о тех демонах, которые живут в аду?

– Где только не живут демоны! Некоторые полагают, что эти бесконечно злые существа способны преодолевать огромные, непостижимые человеческим разумом расстояния. Они стремятся попасть в наш мир и остаться здесь

навсегда. Демоны давно бы уничтожили всех людей, если бы не мы. – Голос маленькой женщины звучал теперь громко и решительно, а от былых доброжелательности и мягкости не осталось и следа. – Ваша полиция защищает одних людей от других. Мы же, подобно полицейским, защищаем людей от зла. Отличие в том, что мы стремимся помочь всем людям без разбора и оградить их от происков жестоких демонов. Если совершается преступление и следы ведут напрямик в Мир Теней, если нарушены законы нашего мира, мы проводим расследование. Мы связаны Законом, и вынуждены вести поиски, даже если просто прошел слух о нарушении Соглашений. Уилл рассказал вам о мертвой девочке, которую он нашел в переулке. Она была единственной, чье тело мы обнаружили, но были и другие, мы уверены. Уже давно ходят слухи о мирских мальчиках и девочках, исчезающих на улицах города. Использование волшебства для убийства людей противоречит Закону, и поэтому преступления подобного рода попадают под нашу юрисдикцию.

– Мистер Херондэйл показался мне слишком молодым, чтобы быть полицейским.. пусть даже и не совсем обычным.

– Сумеречные охотники быстро взрослеют, а Уилл к тому же не занимается расследованиями в одиночку. – Было очевидно, что Шарлотта не желает вдаваться в подробности. – Наша первоочередная задача – охранять Закон и следить за тем, чтобы выполнялись все пункты Соглашения, ведь именно в соответствии с Законом и Соглашением живут все обитатели Нижнего мира.

Нижний мир.. Эти слова показались Тесс знакомыми. Возможно, о нем что-то говорил Уилл.

– Нижний мир? И кто же там живет, в этом вашем Нижнем мире?

– В Нижнем мире живут существа со сверхъестественными способностями. Это и вампиры, и оборотни, и феи, и чародеи.

Тесс теперь не сводила с Шарлотты удивленного взгляда. Она всегда думала, что феи – это всего лишь вымышленные персонажи из детских сказок, а вампиров выдумали взрослые, чтобы пощекотать себе нервы.

– Так эти создания и в самом деле существуют?

– Создания?.. Но вы ведь тоже принадлежите к Нижнему миру, мисс Грей, – пожала плечами Шарлотта. – Брат Енох подтвердил мои подозрения. Но мы еще ни разу не сталкивались с существом, подобным вам, мисс Грей. Видите ли, то волшебство, которым вы владеете.. ваши способности.. О таком обычный человек и помыслить не может. Даже мы, сумеречные охотники, не способны ни на что подобное. Уилл думал, что вы чародейка, совсем как я. Но мы, чародеи, отмечены особыми знаками: у кого-то есть крылья или копыта, у кого-то перепонки на ногах или руках, а у кого-то звериные когти – совсем как у миссис Блэк. Но вы.. Если судить по вашей внешности, то вы – самый обычный человек. Чтобы сделать такой вывод, вас даже видеть не нужно – достаточно прочитать ваши письма. Вы ведь полагаете, что оба ваших родителя были людьми?

– Людьми? – Тесс даже руками всплеснула от удивления. – Ну а кем же им еще быть?

Но Шарлотта так и не успела ответить: открылась дверь, и в комнату вошла стройная девушка в белом переднике горничной, ее темные волосы скрывал аккуратный чепец. Ни слова не говоря, она принялась сервировать стол к чаю.

– Софи... – В голосе Шарлоты явственно слышалось облегчение. – Спасибо. Кстати, познакомьтесь, это мисс Грей. Сегодня вечером она будет нашей гостьей.

Софи выпрямилась, повернулась к Тесс и присела в быстром реверансе.

– Сударыня, – сказала она, но Тесс, разглядевшая к тому моменту лицо горничной, была настолько поражена, что даже не слышала ее слова. Софи смело можно было бы назвать хорошенькой – блестящие ореховые глаза, гладкая кожа, мягкие и изящной формы губы, – если бы не толстый, серебристого цвета шрам, протянувшийся от левого угла рта к виску. Казалось, будто лицо ее сдвинулось набок. Тесс постаралась держать себя в руках и никак не выказывать охватившего ее чувства глубокого отвращения, но по тому, как нахмурилась Софи, она поняла, что не достигла успеха.

– Софи, вы принесли то темно-красное платье, о котором я вам говорила? – поинтересовалась Шарлотта. – Не могли бы вы почистить его для Тесс? – С этими словами она повернулась и пристально посмотрела на Тесс, а горничная, опять ни слова не говоря, поклонилась и направилась напрямик к шкафу. – Я взяла на себя смелость и прихватила для вас одно из старых платьев нашей Джессамины. Одежда, которую вы носили, к сожалению, слишком сильно пострадала.

– Весьма обязана, – ответила Тесс, и голос ее звучал ворчливо. Ей не хотелось чувствовать себя обязанной. Например, Темные сестры говорили, что делают все для ее блага, – и что из этого вышло?

– Мисс Грей, сумеречные охотники и жители Нижнего мира вовсе не враги. – Похоже было, что Шарлотта говорит вполне искренне. – Возможно, нам иногда нелегко договориться друг с другом, но я верю, что обитателем Нижнего мира можно доверять. И я уверена, что без вашей помощи нам ни за что не выстоять в борьбе с демонами. Мисс Грей, что мне нужно сделать, чтобы вы поверили: мы не собираемся вредить вам или использовать вас в своих целях?

– Я... – Тесс глубоко вздохнула. – Когда Темные сестры впервые сказали о моем даре, я решила, что они попросту безумны. Помню, я тогда сказала, что не верю ни во что подобное. И вначале я свято верила в то, что во всем происходящем нет ничего сверхъестественного. Что это лишь фокус сумасшедших женщин и для того, чтобы их разоблачить, нужно лишь понять, в чем именно хитрость. Но потом появился мистер Херондэйл, и я подумала: «Вот тот человек, который сможет мне помочь!» – С этими словами она очень внимательно посмотрела на Шарлотту. – Теперь я понимаю, что он – волшебник и мы спаслись только благодаря его колдовству. Но ни он, ни вы сейчас так и не смогли объяснить мне, почему я так отличаюсь от других людей. Так кто же я? Потому что если даже вы...

– Знаете, иногда очень трудно воспринимать мир без иллюзий, – перебила девушку Шарлотта. – Большинство людей так никогда и не научатся принимать

жизнь без прикрас и фантазий, такой, какая она есть. Возможно, это и к лучшему, потому что реальность подчас бывает невыносима. Но я читала ваши письма. И я знаю, что у вас, мисс Грей, очень сильный характер. Вы сумели не только выжить, но и сохранить здравый рассудок в ситуации, в которой, возможно, погиб бы крепкий мужчина.

- У меня не было выбора. Я делала все, чтобы спасти брата. Иначе они бы его убили.

- Что ж, вы правы. Но поверьте, многие позволили бы случиться неизбежному. Они бы верили, верили всем сердцем в то, что ничего не в силах изменить. И они бы сдались, - возразила Шарлотта. - Но из ваших писем - из ваших собственных слов - ясно, что вы никогда даже не задумывались о подобной возможности. - Шарлотта резко подалась вперед. - Из ваших писем я знаю, что в Лондоне у вас нет ни друзей, ни родственников, ни даже знакомых - один брат. Более того, он - это вся ваша семья! - Тесс нечего было возразить, и Шарлотта продолжала: - Подумайте хорошенько! Неужели у вас совсем нет никаких предположений? Неужели вы не думали о том, где может находиться ваш брат? А может статься, вы полагаете, что он уже мертв?

Тесс лишь тяжело вздохнула.

- Госпожа Бранвелл! - укоризненно произнесла Софи.

Со стороны казалось, будто горничная полностью поглощена чисткой подола винно-красного платья, но на самом деле она не упустила ни слова из разговора. Тесс была поражена - и как только служанка посмела сделать замечание своей хозяйке?! Ей казалось это верхом дерзости.

Однако Шарлотта, похоже, так не считала.

- Софи, мой ангел, конечно же ты права, - согласилась она с печальной улыбкой. - Порой я бываю слишком прямолинейной. Но я все же считаю: вы можете что-то знать. Пожалуйста, подумайте, и, возможно, вам удастся вспомнить что-то важное.

Тесс покачала головой:

- Темные сестры говорили, что брата очень хорошо спрятали. Но где это место? Они не говорили об этом и даже не намекали. Так что я понятия не имею, где его искать.

- Возможно, мы смогли бы вам помочь.

- Я не нуждаюсь в помощи. И не собираюсь здесь оставаться, - запальчиво воскликнула Тесс, понимая, однако, что все ее слова - откровенная ложь. - Я сама могу о себе позаботиться.

- Прошу вас, мисс Грей, не думайте, будто мы хотим связать вас чувством благодарности. Мы живем в соответствии с нашими законами, а они велют нам помогать жителям Нижнего мира. Мы не вправе бросить вас на произвол судьбы, иначе мы нарушим Соглашение, а это недопустимо. - Говоря это,

Шарлотта не спускала с девушки пристального взгляда, который, казалось, проникал в самую душу.

– И вам не нужно ничего взамен? – В голосе Тесс явно слышалось недоверие.
– Вы не станете требовать, чтобы я... превращалась? Вы хотите сказать, будто желаете помочь мне просто потому, что я попала в беду, а не потому, что я обладаю особым даром?

– Если вы не желаете использовать свои способности, то мы не станем принуждать вас к этому, – уверенно заявила Шарлотта. – Однако позвольте дать вам совет... Лишь совет, и все. Возможно, вам стоило бы изучить природу своих способностей, чтобы научиться их контролировать и обернуть себе на благо...

– Нет! – закричала Тесс так громко, что Софи вздрогнула от неожиданности и выронила щетку.

Шарлотта бросила на горничную быстрый взгляд, а затем снова повернулась к Тесс.

– Как пожелаете, мисс Грей, – сказала она спокойно. – Поверьте, вы можете помочь нам и не прибегая к своим способностям. Я уверена: вы знаете много такого, о чем не писали в своих письмах. Если вы поделитесь с нами информацией, мы в знак благодарности поможем вам отыскать брата.

В глазах Тесс блеснула надежда.

– Вы станете его искать?

– Даю слово. – Шарлотта встала. К чаю так никто и не притронулся. – Софи, вы могли бы помочь мисс Грей с платьем и затем проводить ее на обед?

– Обед? – После разговора о нефилимах и Нижнем мире, о феях, вампирах и демонах предложение пообедать звучало почти дико.

– Конечно. Сейчас почти семь часов. Вы уже знакомы с Уиллом, а за обедом познакомитесь и с остальными. Возможно, после этого вы поймете, что нам можно доверять.

С этими словами Шарлотта коротко кивнула Тесс и вышла из комнаты. Тесс лишь покачала головой и бессильно откинулась на спинку стула.

– Не переживайте, мисс Грей, – сказала Софи, раскладывая на кровати платье, – Шарлотта может показаться строгой, но на самом деле она очень добрая. Скажу даже более того: никогда я не встречала человека столь сердечного и отзывчивого.

Тесс наклонилась вперед и коснулась рукава платья кончиками пальцев. Красиво... Темно-красный атлас, черная муаровая лента, аккуратно пришитая вокруг талии и подола. Еще никогда у нее не было столь красивого и столь элегантного наряда.

– Вы не против, если я помогу вам одеться к обеду, мисс Грей? – спросила Софи.

Тесс помнила, что тетя Генриетта всегда говорила: о человеке следует судить не по тому, что говорят о нем друзья, а по тому, как он обращается с прислугой. Если Софи считала, что у Шарлотты доброе сердце, то, возможно, так оно и было.

- Буду премного обязана, Софи, - немного подумав, ответила Тесс.

* * *

Еще никто и никогда не помогал Тесс одеваться, если не считать ее тети. Но теперь ей было не обойтись без посторонней помощи. Тесс всегда была стройной, но предложенное ей платье предназначалось для девушки худощавой, поэтому Софи пришлось изрядно повозиться, затягивая шнуровку. Все это время она ни на миг не закрывала рта.

- Миссис Бранвелл не нравится, когда корсет сильно затянут, - ворковала она. - Миссис Бранвелл говорит, что это вызывает головные боли и слабость, а сумеречный охотник не может позволить себе быть слабым. Но мисс Джессамина любит, когда талия очень узкая. Она прямо-таки с ума сходит, если я затягиваю ее недостаточно сильно.

- Хорошо, - кивнула Тесс и вздохнула поглубже, чтобы помочь Софи. - Но я-то не сумеречный охотник.

- Конечно, мисс Грей, вы совершенно правы, - согласилась горничная, застегивая маленький крючок на вороте платья. - Все. Ну и как вам?

Тесс посмотрела в зеркало и не узнала собственного отражения. Корсаж облегал тело как вторая кожа, и девушка вдруг почувствовала себя очень неловко, будто собиралась выставить себя напоказ. Узкая юбка собиралась сзади в причудливые складки, рукава с небольшими отворотами были украшены блестящей муаровой лентой. «В этом платье я выгляжу старше, - подумала она. - Да, именно так, я выгляжу старше, но не кажусь старой, как в том платье, которое мне дали Темные сестры. А что, если я и в самом деле немного изменилась? Вдруг в последний раз я ошиблась и не до конца вернула свой облик? Что, если это не мое настоящее лицо?» Это мысль напугала Тесс так сильно, что у нее закружилась голова и потемнело в глазах.

- Вы немного бледны, - заметила Софи, которая подошла к Тесс сзади и теперь тоже рассматривала ее отражение. Откровенное платье девушки ее, казалось, совершенно не смущало. - Втяните щеки, чтобы вернуть им цвет. Мисс Джессамина всегда так делает.

Тесс последовала совету горничной и, когда на ее щеках снова заиграл румянец, вышла из спальни. Она сразу же оказалась в широком и длинном коридоре, где ее уже ждала Шарлотта. Ни слова не говоря, миссис Бранвелл пошла вперед, и Тесс ничего не оставалось, как последовать за ней. Идти

было неудобно – черные шелковые ботинки были слишком узкие и больно натирали ноги.

Пока Тесс шла по коридору, то окончательно утвердилась в мысли, что оказалась в замке, потому что ни в одном городском доме, пусть даже и очень старом, не могло быть таких стен, сложенных из огромных неровных камней и увешанных гобеленами, и такого высокого сводчатого потолка, уходящего прямо в темноту. Кстати, на гобеленах она заметила повторяющиеся мотивы – звезды, мечи и узоры, похожие на татуировки Уилла и Шарлотты. И еще всюду повторялось изображение ангела, поднимающегося из озера. В одной руке он держал меч, а в другой – кубок.

– На этом месте когда-то стояла церковь Всех Святых, – сказала Шарлотта, словно бы прочитавшая мысли Тесс. – Она сторела дотла во время Большого пожара [27]. После этого мы заняли эту землю и на руинах церкви возвели Академию – освященная земля как нельзя лучше отвечает нашим интересам.

– Неужели вам никто не помешал? У людей непременно должны были возникнуть подозрения, – поспешно спросила Тесс.

– Они ни о чем не догадываются. Миряне – так мы называем обычных людей – не знают о том, чем мы тут на самом деле занимаемся, – объяснила Шарлотта. – Для тех, кто живет в мире людей, это место выглядит как пустырь. К тому же мирян не интересуют дела, которые не касаются их непосредственно. – С этими словами она распахнула перед Тесс тяжелые двери и провела ее в большую, ярко освещенную столовую. – Вот мы и пришли.

Свет ослепил Тесс, и она часто заморгала, пытаясь справиться с резью в глазах. Комната, в которой она очутилась, была поистине огромной, в середине стоял массивный прямоугольный стол, за которым свободно могли разместиться человек двадцать. В центре стола стояла стеклянная чаша с белыми цветами. Газовые рожки тяжелой, висевшей под самым потолком люстры мерцали призрачным желтоватым светом. Рядом с буфетом, заставленным изысканным фарфором, висело большое зеркало, которое визуально еще больше увеличивало помещение. Столовая, безусловно обставленная со вкусом, была, однако, вполне обычной и никак не вязалась с хозяевами этого странного дома.

Стол был накрыт на пять человек, но сейчас за ним сидели лишь двое – Уилл и девушка возраста Тесс. И так как Уилла она успела уже хорошо рассмотреть, то теперь ее внимание целиком и полностью было сосредоточено на сидящей напротив него красавице, наряженной в синее платье с глубоким вырезом.

Когда Шарлотта и Тесс вошли в комнату, Уилл явно вздохнул с облегчением – они с девушкой демонстративно игнорировали друг друга.

– Уилл, вы помните мисс Грей? – первой заговорила Шарлотта.

– Ну как же ее можно забыть! – фыркнул Уилл.

На этот раз на нем красовались обычные брюки и пиджак серого цвета – цвета, прекрасно подчеркивающего синеву его глаз, – с черным бархатным

воротником. Он усмехнулся, глядя прямо на Тесс, и она, смутившись, тут же отвернулась.

- А это Джессамина... Джесси, посмотри на нас, прошу. Джесси, это мисс Тереза Грей. Мисс Грей, это - мисс Джессамина Ловлесс.

- Очень приятно познакомиться, - пробормотала Джессамина.

Тесс почувствовала легкий укол зависти - Джесси действительно была очень хорошенькой: светлые, почти что серебристые волосы, большие карие глаза, ровный, прямо-таки кровь с молоком, цвет лица. Тесс перевела взгляд на ее руки. Почти на каждом пальце у Джесси были кольца, а вот татуировок видно не было.

Уилл кинул на Джессамину взгляд, полный ненависти, и повернулся к Шарлотте:

- А где же ваш муж-грубиян?

Шарлотта, предложив Тесс садиться за стол напротив Уилла, не обратила ни малейшего внимания на бестактность собеседника.

- Генри у себя в кабинете. Я послала за ним Томаса. Он сейчас подойдет.

- И Джем?

Вопрос встревожил Шарлотту.

- Джем нездоров. К тому же он занят своими делами.

- Он всегда занят своими делами. - В голосе Джессамины явственно звучало пренебрежение.

Тесс только было собралась спросить, кто такой Джем, но тут появилась Софи в сопровождении пухленькой пожилой женщины, седые волосы которой были собраны в пучок на затылке. Они принялись подавать обед. Тут были и жареная свинина, и печеный картофель, и острый суп, и пышная сдоба со сливочным маслом. Тесс, которая уже и забыла, когда ела в последний раз, еле-еле удержалась, чтобы не наброситься на все это великолепие и не схватить еду руками. Вспомнив о хороших манерах, девушка аккуратно откусила от булочки и тут заметила, что Джессамина внимательно смотрит на нее.

- Ох, извините, но я никогда не видела, как волшебник ест, - произнесла она с легкой улыбкой. - Полагаю, вы многое себе можете позволить. Ведь вам, для того чтобы поддерживать хорошую фигуру, достаточно вашего волшебства.

- Джесси, мы не знаем наверняка, чародейка она или нет, - фыркнул Уилл.

Однако Джессамина словно и не слышала Уилла.

- А скажите, что чувствуют такие, как вы? Наверное, нелегко носить в себе такое зло? Я, во всяком случае, не представляю, как могла бы жить с этим.

Или вас вовсе не волнует, что душа ваша отправится прямоком в ад? – Она подалась вперед, стараясь наклониться как можно ближе к Тесс. – А как вы думаете, на кого похож дьявол?

Тесс положила свою вилку:

– Вы хотите с ним встретиться? Так я могу его позвать прямо сейчас. Ведь я колдунья, гнусная, отвратительная ведьма.

Уилл прямо-таки взвыл от смеха, а Джессамина зло прищурилась.

– Мне кажется, вам не стоит быть настолько грубой.. – начала она, но тут ее прервал удивленный возглас Шарлоты:

– Генри!

В дверях столовой стоял высокий мужчина с копной непослушных рыжих волос и глазами цвета молодого орешника. Своими перепачканными в угольной пыли брюками и кожаной жилеткой он напоминал заводского рабочего. И отвратительно безвкусный полосатый жилет, надетый на белую рубашку, выглядел от такого соседства еще более нелепым. Тесс показалось, что раньше она уже где-то видела этого человека.

И тут она вдруг поняла, почему Шарлотта отреагировала столь эмоционально. Левая рука Генри горела! Небольшие язычки пламени лизали его кожу, поднимаясь чуть выше локтя. Усики черного дыма танцевали в воздухе.

– Шарлотта, любимая.. – обратился Генри к жене, которая не сводила с него полного ужаса взгляда. Красавица Джессамина, позабыв о впечатлении, которое производит, вытаращила глаза, отчего выглядела не такой уж и хорошенькой. – Как жаль, что я опаздываю. Но вы знаете, я думаю, что мог бы наладить работу Датчика..

– Генри, у тебя рука горит! – перебил его Уилл. – Ты что, ничего не чувствуешь?

– Конечно, – нетерпеливо отмахнулся от него Генри, а огонь между тем уже почти добрался до его плеча. – Весь день я работал словно одержимый. Шарлотта, ты слышала, что я сказал о Датчике?

Шарлотта прижала руки к груди.

– Генри! – закричала она. – Твоя рука!

И тут Генри наконец-то посмотрел на свою руку и широко открыл рот от удивления.

– Черт побери!.. – Это все, что он успел сказать, прежде чем Уилл, продемонстрировав потрясающую ловкость, схватил вазу с цветами и выплеснул на Генри воду. Язычки пламени исчезли с тихим шипением. Ошарашенный Генри даже не сдвинулся с места: он так и стоял в дверном проеме, с волос его капала вода, а у ног лежали белые цветы.

И тут вдруг Генри расплылся в улыбке и со вздохом удовлетворения ласково погладил почерневший рукав рубашки:

- Знаете, что это означает?

Уилл поставил вазу на место:

- Ты поджег себя и даже не заметил?

- Это означает, что огнестойкая жидкость, которую я приготовил на прошлой неделе, действует! - гордо объявил Генри. - Рука горела добрых десять минут, но даже ткань почти не пострадала! - С этими словами он внимательно осмотрел свою руку. - Возможно, стоит поджечь другой рукав и посмотреть, как долго..

- Генри, если ты еще раз преднамеренно подожжешь себя, я разведусь с тобой, - объявила Шарлотта, постепенно приходя в себя от пережитого ужаса. - А теперь садись и принимайся за ужин. И не забудь поздороваться с нашей гостьей.

Но стоило только Генри, севшему напротив Тесс, внимательно посмотреть на девушку, как на лице его появилось изумленное выражение.

- Я вас знаю! - наконец радостно, словно встретил старую добрую знакомую, воскликнул он. - Это вы меня укусили!

Шарлотта с отчаяньем посмотрела на мужа.

- Вы спросили мисс Грей о «Клубе Преисподняя»? - поинтересовался Уилл.

- Мне знакомо это название. Я видела его на дверце экипажа Темных сестер, - ответила Тесс.

- В «Клуб Преисподняя» входят миряне, практикующие волшбу, - с тяжелым вздохом пояснила Шарлотта. - Это очень старая организация. И испокон века ее члены пытаются вызывать демонов и духов.

Джессамина презрительно фыркнула:

- Что до меня, так я до сих пор не могу понять, к чему им все эти хлопоты. Играют с чарами, наряжаются в странные балахоны.. Но все, чего они добились, - это устроили несколько небольших пожаров. Смешно!

- На самом деле они очень влиятельны, особенно в Нижнем мире, - оборвал ее Уилл. - Среди членов Клуба много богатых людей, занимающих видные посты..

- Это только делает ситуацию еще более нелепой. - Джессамина поправила волосы. - У них есть деньги и власть. Зачем им вообще сдалось это волшебство?

- Хороший вопрос, - вздохнула Шарлотта. - Миряне порой хотят завладеть чем-то, сути чего не понимают. Как правило, это плохо заканчивается.

Уилл только пожал плечами:

– Помните тот нож, что мы нашли на теле убитой девочки? Так вот, на его лезвии мы обнаружили странный символ. Я сразу же решил: нам необходимо выяснить, откуда он там появился и что значит. Так я вышел на «Клуб Преисподняя». Я побеседовал с некоторыми его членами, и они указали мне на Темных сестер. Оказалось, что две змеи, кусающие друг друга за хвост, – их символ. Выяснилось, что сестры контролировали несколько притонов, в которых шла игра на деньги и которые часто посещали обитатели Нижнего мира. Вся хитрость в том, что там не просто играли в азартные игры. Несколько ловкачей в прямом смысле этого слова обирали мирян, чуть что прибегая к волшебству. Тем, кто хотел отыграться, Темные сестры давали деньги в долг под грабительские проценты. Думаю, не стоит даже говорить о том, что отыграться было невозможно. Люди попадали в сети Темных сестер, как мухи в паутину... – Тут Уилл взглянул на Шарлотту. – Они, кстати, занимались и другими вещами, тоже весьма сомнительными. Дом, в котором держали Тесс, на самом деле – бордель, в который приходят миряне с... так скажем, необычными вкусами.

– Уилл, я не уверена... – начала Шарлотта, и в ее голосе послышалось сомнение.

– Уф! – фыркнула Джессамина. – Теперь понятно, Уильям, почему тебе там было словно медом намазано.

Она, очевидно, надеялась рассердить Уилла, но выпад ее остался без внимания – с тем же успехом она могла и промолчать. Уилл внимательно смотрел на Тесс, слегка приподняв брови.

– Я оскорбил вас, мисс Грей? Тогда прошу прощения. Я было решил, что после всего произошедшего вас не так-то легко выбить из колеи.

– Нет, вы не оскорбили меня, господин Херондэйл. – Вопреки произнесенным словам, щеки Тесс предательски вспыхнули. Конечно, ей стало неловко, ведь хорошо воспитанные молодые леди не должны знать, что такое бордель, а уж тем более не должны позволять джентльменам говорить о подобном в их обществе. Убийство – это одно, а публичный дом... – Но я не уверена, что тот дом был... таким, как вы о нем говорите. Я много времени проводила у окна, и знаю, что никто туда не приходил, а соответственно, никто и не уходил. Ну, конечно, кроме Темных сестер, их горничной и кучера. Я совершенно уверена, что больше там не было никого.

– Действительно, дом кажется заброшенным, – согласился Уилл. – Видно, они решили на время прикрыть лавочку. Не хотели, чтобы хоть одна живая душа знала о том, что вы там живете. – Он вновь бросил быстрый взгляд на Шарлотту. – Вы думаете, брат мисс Грей обладает теми же способностями? Может, поэтому Темные сестры похитили его?

Тесс обрадовалась смене темы и заговорила быстро-быстро, чтобы никто уже не мог перебить ее и вернуться к прежнему разговору:

– Нет-нет, никогда я не замечала за своим братом ничего подобного... Да и я сама не подозревала о своих способностях до того самого дня, когда меня схватили Темные сестры.

- И что же это у вас за таинственные способности? - поинтересовалась Джессамина. - Простите, но Шарлотта нам о вас совсем ничего не рассказывала.

- Джессамина! - Шарлотта нахмурилась и строго посмотрела на девушку.

- Я ей не верю, - уверенно заявила Джессамина. - Полагаю, она просто маленькая лгунья. Думает, если она принадлежит Нижнему миру, то мы станем с ней возиться, думает, мы побоимся нарушить Соглашение!

Тесс вздрогнула - такого выпада она уж точно не ожидала. И тут она вспомнила, как тетя Генриетта говорила ей: «Тесс, главное в этой жизни - не потерять себя» и «Всегда веди себя, как подобает леди, даже если твой брат дразнит тебя, не отвечай ему тем же» Эти воспоминания неожиданно успокоили ее. Она подняла голову и с вызовом посмотрела на собравшихся за столом людей. Не нужно было быть великим физиономистом, чтобы понять: Генри любопытно, чем кончится дело, но любопытство его - это отстраненное любопытство ученого; Шарлотта пытается подметить любую мелочь, от чего взгляд ее стал острым, как осколки стекла; Джессамина почти не старается скрыть презрение, которое питает к Тесс, а Уилла просто забавляет происходящее. Но что, если все они на самом деле согласны с Джессаминой? Даже Шарлотта? Что, если все они считают ее притворщицей, которая пытается выманить милостыню, играя их лучшими чувствами? А ведь тетя Генриетта не любила благотворителей почти так же сильно, как и тех, кто пользовался чужим милосердием.

Затянувшуюся паузу наконец нарушил Уилл. Он наклонился вперед и внимательно посмотрел в лицо Тесс.

- Вы можете держать это в тайне, - мягко сказал он. - Но знайте, что любая тайна имеет свой собственный вес, и некоторые из них бывают просто неподъемными. Сможете ли вы и дальше нести столь тяжелую ношу и сколько продержитесь? Кто знает...

- Это не тайна, - выпалила Тесс. - Но мне было бы легче вам показать, чем рассказывать.

- Превосходно! - Генри казался довольным. - Люблю представления. Вам нужен какой-нибудь реквизит, ну там... спиртовка или блюдечко?..

- Это не спиритический сеанс, Генри, - устало сказала Шарлотта, а потом повернулась к Тесс: - Вы не должны делать того, чего не хотите.

Но Тесс словно ее не слышала.

- Да, мне кое-что понадобится. - Она повернулась к Джессамине: - Пожалуйста, не могли бы вы одолжить мне что-то из своих вещей? Кольцо или носовой платок...

Джессамина поморщилась:

- Такое ощущение, что вы сейчас покажете нам глупый ярмарочный фокус. Кстати, после подобных представлений многие не досчитываются своих вещей...

Уилл сердито посмотрел на девушку:

- Дай ей кольцо, Джесси. У тебя их так много, что одним ты вполне можешь пожертвовать.

- Лучше отдай ей что-нибудь из своих вещей.

- Нет, - твердо возразила Тесс. - Это должна быть ваша вещь. Из всех здесь присутствующих только вы одного со мной роста и примерно такого же сложения. Если я превращусь в Шарлотту, то окажусь... без одежды. Платье попросту свалится с меня.

- Хотя какое-то развлечение, - проворчала Джессамина, сняв с мизинца кольцо с красным камешком и бросив его Тесс через стол. - Пусть это станет подходящей ценой за представление. Не сомневаюсь. - Нахмурившись, Тесс сжала кольцо в ладони левой руки, а потом зажмурилась.

Всегда одно и то же. Сначала ничего не чувствуешь, а потом в голове что-то вспыхивает, словно кто-то зажег свечу в темной комнате. Она стала искать путь к источнику света, как учили ее Темные сестры. Было трудно забыть обо всех опасениях и победить застенчивость, но она проделывала это уже много раз - и знала, что нужно делать. Сначала она потянулась к свету и дотронулась до него. Потом Тесс стало тепло, словно она завернулась в одеяло, толстое и тяжелое. А потом вспыхнул яркий свет. Он был повсюду. Она тонула в нем... И оказалась внутри. В чужом теле. Соприкоснулась с чужим разумом.

Ее мысли скользили по поверхности разума Джессамины подобно пальцам, скользящим по поверхности воды. Только теперь она позволила себе выдохнуть. Неожиданно перед Тесс возник образ леденца с чем-то темным внутри, вроде червячка в яблоке. И образ этот был очень ярким, очень живым. Она чувствовала негодование, ненависть, возмущение, ужасную тоску... Ее глаза широко открылись. Она все еще сидела за столом, сжимая в руке кольцо Джессамины. Кожу покалывало, как всегда бывало после превращения. Тесс чувствовала легкость - Джессамина была стройнее, а соответственно, и легче. А еще Тесс ощущала, как мягкие волосы Джессамины, слишком густые, чтобы их могли удержать в прическе заколки, гладят ее обнаженные плечи.

- Ангел, - вздохнула Шарлотта.

Тесс огляделась. Все смотрели на нее не отрываясь: Шарлотта и Генри - широко открыв рты, Уилл - безмолвно. Юноша словно окаменел и так и остался сидеть со стаканом в поднятой руке. Джессамина... Она смотрела на Тесс с откровенным ужасом, словно увидела призрака. На мгновение Тесс почувствовала себя виноватой.

Джессамина глубоко вздохнула, ее лицо было мертвенно-бледным.

- Боже мой! Неужели у меня такой огромный нос?! - воскликнула она. - Почему никто раньше мне об этом не говорил?

Глава четвертая

Мы – тени

Pulvis et umbra sumus[28].

Гораций[29] «Оды»

Как только Тесс вернула себе прежний облик, на нее тут же посыпались вопросы. Могло показаться, что нефилимов, с рождения живших в мире волшебства, не должны были испугать ее способности. Однако по их реакции Тесс поняла, что ее талант действительно чрезвычайно необычен. Даже Шарлотта – единственная среди присутствующих знавшая, в чем он заключается, казалась ошеломленной.

– Выходит, вы обязательно должны держать в руке что-то принадлежащее человеку, в которого собираетесь превратиться? – спросила Шарлотта.

Софи и женщина постарше, которая, как предположила Тесс, была поварихой, уже забрали обеденные тарелки и сервировали стол к чаю. Однако никто не притронулся к угощению. Без внимания остался даже огромный пирог, казавшийся фантастически вкусным.

– Вы не можете просто смотреть на кого-то и... – продолжала тем временем Шарлотта.

– Я же уже объясняла! – Тесс почувствовала, как голову сдавливает раскаленный обруч – верный признак надвигающейся мигрени. – Я должна держать в руках что-то. И это может быть все что угодно, пусть это будет даже волосок или ресничка – не важно. И это что-то обязательно должно принадлежать тому человеку, в которого я собираюсь превратиться. Иначе ничего не получится.

– А если это будет пузырек с кровью? – спросил Уилл таким тоном, словно интерес его был чисто академическим.

– Возможно... Не знаю. Никогда не пробовала. – Тесс глотнула чая, который уже остыл.

– И вы говорите, что Темные сестры знали о вашем таланте? И узнали они о нем намного раньше, чем вы сами? – спросила Шарлотта.

Тесс сделала еще глоток, и горький привкус, который всегда появлялся во рту после превращения, наконец-то стал проходить.

- Да. Поэтому они похитили меня.

Генри покачал головой:

- Но как им удалось узнать? Не понимаю...

- Я сама не понимаю, - вновь вздохнула Тесс. - Они же ничего мне не объясняли. Я сказала вам все, что знаю: Темные сестры, безусловно, знали о моих способностях, потому что сразу принялись меня учить превращениям. Каждый день, по нескольку часов...

Чуть ли не после каждого слова Тесс делала маленький глоток чая, стараясь окончательно избавиться от горечи во рту. Воспоминания были слишком болезненны. Час за часом, день за днем она проводила в подвале Темного дома, претерпевая поистине адскую боль, - раньше она и подумать не могла, что человек способен выдержать такие муки. А сестры кричали на нее и грозили убить Ната, если она не сможет измениться сообразно их желаниям.

- Сначала было очень больно, - прошептала девушка. - Как будто мои кости ломались и плавилась, будто их погрузили в кислоту. Сестры заставили меня изменяться два, три, а затем дюжину раз в день, пока я не теряла сознание. А на следующий день все начиналось сначала. Бежать мне было некуда, да я бы и не смогла этого сделать самостоятельно... - Тесс остановилась, чтобы перевести дыхание. Рассказ давался ей тяжело: у нее появилось ощущение, будто она пытается закатить на гору огромный валун. - В последний день они устроили мне очередное испытание - приказали превратиться в девочку, которая умерла... Нет, которую убили. Несчастливая помнила, что кто-то ударил ее кинжалом. А потом какая-то тварь преследовала ее в переулке...

- Возможно, это была та самая девочка, чье тело мы нашли в том переулке. - Уилл был напряжен, как натянутая струна, глаза его яростно сверкали. - Мы с Джемом предположили, что она пыталась убежать от нападавшего. Я думаю, что настоящие убийцы послали за ней демона-шакса - хотели вернуть ее любым путем, - но я тогда так кстати наткнулся на тварь и уничтожил ее. Они, наверное, долго не могли понять, что же случилось.

- Девочку, в которую я тогда превратилась, звали Эммой Бейлис, - прошептала Тесс. - Она завязывала волосы тоненькими розовыми ленточками, и... и она была такой маленькой...

Уилл кивнул, словно подтверждая слова девушки.

- Темные сестры хотели знать, что с ней случилось, - все так же тихо продолжала Тесс. - Именно поэтому они заставили меня превращаться. Когда я сказала, что несчастная мертва, они, казалось, вздохнули с облегчением.

- Бедное дитя, - пробормотала Шарлотта. - Так что же, выходит, вы можете превращаться и в мертвых? Не только в живых?

Тесс кивнула.

- Их голоса звучат у меня в голове, когда я изменяюсь. И знаете, многие из них помнят мгновение своей смерти, причем очень отчетливо.

– Тьфу! – Джессамину аж передернуло. – Отвратительно!

Тесс взглянула на Уилла:

– Мистер Херондэйл... – Почему-то ей казалось, что юноша понимает ее лучше, чем все остальные, хотя она и знала, что глупо рассчитывать на участие со стороны совершенно незнакомого человека. – Вы нашли меня, потому что искали убийцу Эммы Бейлис. Но Эмма была маленькой бедной девочкой, вынужденной с детства зарабатывать себе на жизнь шитьем. До нее, похоже, никому не было дела ни когда она была жива, ни когда умерла. Всего лишь еще один мертвый – как вы их там зовете? – мирянин. Так почему же вы тратили свое время и силы на то, чтобы выяснить правду?

На мгновение Тесс встретила взглядом с Уиллом и в очередной раз поразилась синеве его глаз. А потом ей показалось, что выражение его лица изменилось, вот только в чем выражались эти самые изменения, она не могла сказать.

– А я бы и не стал рыть носом землю, если бы Шарлотта не настаивала. Она почувствовала, что за этим преступлением скрывается нечто большее, чем убийство маленькой нищенки. Потом, когда мы с Джемом постарались узнать как можно больше о «Клубе Преисподняя», до нас дошли слухи и о других убийствах. И тут уже мы согласились с Шарлоттой. Тем более что мы любим мирян и не можем позволить разным негодьям резать их, словно скот. В этом, собственно, и заключается наше предназначение.

Шарлотта подалась вперед:

– Темные сестры никогда не говорили вам, как именно хотят использовать ваши способности?

– Я уверена, что вы хорошо знаете Магистра, – сказала Тесс. – Так вот, они уверяли, что готовят меня для него.

– Но для чего? – воскликнул Уилл. – Что вы должны были для него сделать? Или, может статься, они просто собирались подать вам ему на обед в качестве главного блюда?

Тесс покачала головой:

– Чтобы... Чтобы он женился на мне. Во всяком случае, так они говорили.

– Чтобы он женился на вас? – В голосе Джессамины прозвучало откровенное презрение. – И вы верите в эту чушь?! Да они наверняка собирались принести вас в жертву и просто не хотели пугать раньше времени.

– Не знаю... Не знаю... – протянул Уилл. – Я осмотрел несколько комнат, прежде чем нашел Тесс. И знаете, одна из них очень сильно напоминала спальню новобрачных: огромная кровать, белоснежный балдахин, в платяном шкафу – белое платье... Кстати, вашего размера, Тесс. – Он внимательно посмотрел на девушку, словно пытался проникнуть ей в душу.

– Узы брака, заключенного в соответствии с определенными традициями, могут быть очень крепкими, – заметила Шарлотта. – Если обряд провести должным образом, то супруг получает часть ваших способностей, Тесс, а может быть, и приобретает над вами власть, настолько большую, что вы не сможете ему противиться. – Она задумалась, барабанила пальцами по крышке стола. – Что касается самого Магистра, то я попыталась найти о нем информацию в архиве. Мне удалось выяснить, что так называют человека, управляющего ведьмами во время шабаша, или главу группы чародеев. А члены «Клуба Преисподняя» воображают себя именно чародеями. Чувствую, что все это как-то связано друг с другом.

– Мы и прежде пристально наблюдали за Темными сестрами, но ни разу нам не удалось поймать их с поличным, – заметил Генри. – Что же касается членов Клуба, то Закон не воспрещает быть идиотами.

– Значит, для мисс Грей все сложилось как нельзя более удачно, – вздохнула Джессамина.

Генри выглядел обиженным, но ничего не сказал. Шарлотта наградила Джессамину ледяным взглядом.

– Генри прав, – встрял Уилл. – Мы с Джемом следили за ними днем и ночью – все надеялись, что когда-нибудь Темные сестры забудут об осторожности и серьезно нарушат Закон. Но единственное, чем они занимались, так это пили абсент с добавлением демонических порошков. Но таким образом они лишь вредили сами себя, и дело это, хотя и противозаконное, не казалось нам стоящим. Да и мы тут были ни при чем. Но как только они стали вредить другим...

– И кто же эти другие? – с любопытством поинтересовался Генри.

– Если вас интересует, вредили ли они мирянам, то нет, не вредили, – с пренебрежением ответил Уилл. – А остальное нас не интересовало. К тому же все эти существа носили маски и переодевались перед тем, как отправиться в Клуб. Правда, я волей-неволей узнал нескольких обитателей Нижнего мира. Это Магнус Бейн, леди Белкорт, Рагнор Фелл, де Куинси...

– Де Куинси? Надеюсь, он не нарушал никаких законов. Знаете, с каким количеством неприятностей мы столкнулись, когда искали главного вампира, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз? – раздраженно пробормотала Шарлотта.

Уилл опустил голову, пряча улыбку:

– Всякий раз, когда я видел его, он выглядел как совершенный ангел.

Шарлотта внимательно посмотрела на юношу, а потом обратилась к Тесс:

– Помните, что вы рассказывали о Миранде – горничной, прислуживавшей вам?

– Вряд ли она была какой-то особенной. Если бы у Миранды были способности, они бы скорее попытались обучить ее и не стали бы связываться со мной.

- И они никогда при вас не упоминали о «Клубе Преисподняя»? Вообще, насколько важно для них было то, что они делали?

Тесс напряглась, пытаясь вспомнить, о чем же говорили Темные сестры, когда считали, что она их не слушает.

- Не думаю, что они при мне хоть раз произносили название Клуба, но иногда они говорили о каких-то встречах, на которые планировали отправиться, и о том, как кое-кто с удовольствием посмотрит на то, что они из меня сотворили. Однажды они назвали имя... - Тесс наморщила лоб, пытаясь вспомнить. - Назвали имя какого-то человека, как я теперь понимаю, тоже члена Клуба. Тогда я еще подумала, что имя очень странное. Я была уверена, что запомню его на всю жизнь, но сейчас оно вылетело у меня из головы..

Шарлотта снова подалась вперед, наклонившись к девушке как можно ближе:

- Попробуйте вспомнить, Тесс. Попробуйте?

Тесс понимала, что Шарлотта не желает ей зла, и все же ее голос вызвал воспоминания о других голосах, также убеждающих ее попытаться, погрузиться в себя, явить свою силу. Голоса, которые вначале звучали ласково, а потом становились грубыми. Голоса, которые льстили, угрожали и лгали.

Тесс резко выпрямилась:

- Сначала скажите - что с моим братом?

Шарлотта моргнула:

- Твоим братом?

- Вы сказали, что, если я расскажу вам о Темных сестрах, вы сможете найти моего брата. Я рассказала вам все, что знала. Однако я по-прежнему понятия не имею, где Нат.

- О... - протянула Шарлотта, с удивлением посмотрев на девушку. - Конечно. Завтра же мы начнем поиски! Для начала побываем на его работе, поговорим с тем, кто нанял его, и выясним, известно ли этому человеку хоть что-нибудь. Поверьте, у нас очень обширные связи, мисс Грей. А в Нижнем мире сплетни распространяются так же быстро, как и в мире людей. В конце концов мы найдем кого-то, кто знает о судьбе вашего брата. И поверьте, это может произойти очень быстро.

* * *

Вскоре обед закончился, и Тесс с чувством облегчения наконец-то встала из-за стола. Шарлотта предложила проводить ее до комнаты, но Тесс

отказалась. Сейчас ей хотелось как можно скорее остаться одной и как следует все обдумать.

Она прошла по освещенному факелами коридору, вспоминая тот день, когда сошла на берег в Саутгемптоне. Она была наивна, отчаянно любила брата, потому-то и позволила Темным сестрам вначале одурачить себя, а потом помыкать собой. Теперь она вынуждена жить бок о бок с сумеречными охотниками. И кто знает, как они станут с ней обращаться? Тесс не питала иллюзий на их счет: эти люди, так же как Темные сестры, хотели ее использовать, узнать с ее помощью что-то очень важное. Теперь же, когда они все знают о ее способностях, Тесс задавалась лишь одним вопросом: сколько времени пройдет, прежде чем они решат использовать ее дар в своих целях?

Погруженная в свои мысли, Тесс не заметила, как повернула в неверном направлении и перед ней возникла стена, на которую она со всего размаха и налетела. Она остановилась, помотала головой, пытаясь отогнать наваждение, и огляделась, нахмурившись. Ну конечно, она заблудилась! И как она раньше не поняла, что идет намного дольше, чем тогда, с Шарлоттой?! Теперь место, в котором она оказалась, было ей совершенно незнакомо. Если честно, она даже не была уверена, что с самого начала выбрала нужный коридор. Сейчас Тесс стояла в ярко освещенном факелами зале, стены которого скрывались за многочисленными гобеленами. Место казалось ей знакомым, но... лишь казалось. Возможно, она опять что-то перепутала. Тесс попыталась вспомнить дорогу, которой шла: коридоры, коридоры и еще раз коридоры, некоторые хорошо освещены, в других царил тьма. Были и такие коридоры, в которых факелы потухали, стоило ей лишь приблизиться, – они словно знали о ее появлении и реагировали на него подобным образом. Немного поразмыслив, Тесс прошла вперед и оказалась в очередном коридоре, на этот раз весьма плохо освещенном. Дойдя до его конца, она обнаружила, что стоит на развилке. Открывшиеся перед ней проходы были совершенно одинаковыми, и девушка уже начала впадать в отчаяние.

– Заблудилась? – кто-то высокомерно спросил за ее спиной, и Тесс тут же узнала этот голос.

Уилл!

Он сидел, развалившись на стуле и привалившись спиной к стене. Свои длинные ноги в стоптанных, нечищенных ботинках он вытянул во всю длину, загородив таким образом проход. В общем, позу он принял недопустимо развязную. В руке Уилл держал пылающий камень – колдовской огонь. Под внимательным взглядом Тесс он медленно убрал камень в карман. До этого он, словно пловец в морских волнах, купался в волнах яркого желтоватого света, испускаемого камнем.

– Позвольте показать вам Академию, мисс Грей, – предложил он. – И после нашей экскурсии вы уже вряд ли когда-нибудь здесь заблудитесь.

Тесс с подозрением посмотрела на него.

– Впрочем, если вы пожелаете, то можете продолжать и дальше блуждать по нашим коридорам, – добавил Уилл с легкой усмешкой. – Но я, будучи

джентльменом, не могу вас не предупредить: тут есть по крайней мере три, а то и четыре двери, которые открывать не стоит. Например, одна из них ведет в комнату, где мы держим пойманные души демонов. И знаете, они могут оказаться довольно недружелюбными. А еще у нас есть оружейная. Казалось бы, ну что такого страшного может быть в оружии, развешанном на стенах или сваленном в углу? Дело в том, что некоторые его виды живут своей жизнью. И знаете, поведение у них не самое приятное. К тому же это оружие еще и очень острое. Есть комнаты без пола. Когда ты смотришь на них из дверного проема, они ничем не отличаются от обычных. Но стоит сделать лишь шаг вперед, как ты понимаешь, что висишь над пропастью на высоте церковного шпиля. Вы же не хотите отправиться в полет, мисс Грей? Поверьте, такая высота хороша лишь для птиц, но никак не для людей.

– Я вам не верю, – отрезала Тесс. – Вы, мистер Херондэйл, ужасный лгун. До сих пор... – Тут она прикусила губу. – Нет, мне не хочется дальше бродить по коридорам. Можете показать мне здание, только пообещайте, что на это раз обойдетесь без фокусов.

Конечно же Уилл пообещал. И, к несказанному удивлению Тесс, сдержал свое слово. Он провел ее по лабиринту одинаковых на вид коридоров, не замолкая при этом ни на минуту. Он рассказал Тесс, сколько на самом деле комнат в Академии – уж вы поверьте, их намного больше, чем вы можете себе вообразить, – и сколько сумеречных охотников могут тут жить одновременно – сотни! Тесс прошла по прекрасному бальному залу, где устраивали ежегодный рождественский праздник для Анклава – Уилл объяснил, что так называли себя живущие в Лондоне сумеречные охотники. А например, нью-йоркские братья именовали себя Конклавом и разговаривали на своем собственном языке, весьма отличном от английского.

После бального зала Тесс и Уилл заглянули на кухню, где познакомилась с кухаркой – приятной женщиной средних лет, которую девушка уже видела в столовой во время обеда. Звали ее Агатой. Когда молодые люди вошли на кухню, она что-то шила, сидя перед массивной кухонной плитой. В зубах у нее дымилась огромная трубка, вид которой несказанно поразил Тесс – она никак не могла привыкнуть к тому, что сумеречные охотники не живут по правилам мира людей. Заметив растерянность Тесс, Агата лишь снисходительно улыбнулась, а Уилл в это время под шумок стянул несколько шоколадных пирожных, лежавших в большом блюде на столе. Судя по всему, кухарка их только что приготовила.

Одно пирожное Уилл предложил Тесс, но та лишь пожала плечами:

– Нет, благодарю вас. Но я ненавижу шоколад.

Уилл отшатнулся от нее в притворном испуге и вскричал, картинно воздев руки к небу:

– Каким же нужно быть чудовищем, чтобы ненавидеть шоколад?!

– Не обращайтесь внимания на этого озорника, мисс, – со спокойной улыбкой сказала Агата. – С тех пор как ему стукнуло двенадцать, он только и делает, что ест. Если бы не тренировки, он бы давным-давно превратился в толстяка.

Тесс нахмурилась, тщетно пытаясь представить Уилла толстым, но картинка никак не хотела складываться. В конце концов она оставила бесплодные попытки и все свое внимание переключила на кухню. Внимательно оглядевшись по сторонам, она не смогла сдержать восхищенного вздоха – повсюду царил идеальный порядок, и это притом, что здешними запасами можно было накормить как минимум сотню голодных мужчин. Бесчисленные банки с вареньями и соленьями, пакетики со специями, ряды мешков с овощами – Тесс и представить себе не могла, как один человек может со всем этим управиться. Потом взгляд ее упал на огромный, в половину стены, очаг, где, подвешенный на толстый металлический крюк, жарился говяжий бок.

Тесс была искренне восхищена мастерством и хозяйственностью кухарки, о чем и не преминула ей сообщить.

– Вы весьма верно все оценили, – заметил Уилл, когда они вышли с кухни. – Почаще хвалите Агату, и она полюбит вас всем сердцем. Вообще с ней лучше ладить. Потому что тому, кого она невзлюбит, мало не покажется – обязательно подложит камни в вашу овсянку... Впрочем, это самое безобидное из того, что она может сотворить.

– Боже мой, – наигранно ужаснулась Тесс, но потом все же не смогла сдержать улыбку – впервые за долгое время ей было почти хорошо и почти спокойно.

После кухни они отправились в музыкальный салон, где пылилось несколько арф и большое старое фортепьяно. Потом, спустившись по многочисленным лестницам, они очутились в элегантной гостиной, которая, тем не менее, выглядела донельзя обычно. Здесь не было ни каменных стен – они скрывались за обоями с модным цветочным рисунком, – ни сводчатого потолка. Огонь весело потрескивал за изящной кованой решеткой камина, перед которым хозяева расставили несколько мягких глубоких кресел. У окна стоял письменный стол на массивных резных ножках, за которым, как объяснил Уилл, Шарлотта занималась делами Академии. И Тесс не могла не задаться вопросом: чем же тогда занимается Генри Бранвелл и где он находится сейчас?

После гостиной настала очередь оружейной, которая поначалу представлялась Тесс весьма опасным местом. Но стоило только девушке оказаться на месте, как она тут же изменила свое мнение. Оружейная понравилась ей чрезвычайно. По стенам были развешаны сотни сабель, боевых топоров, кинжалов, мечей, ножей и пистолетов, некоторые из которых были таких причудливых форм и конфигураций, что Тесс и вообразить себе не могла. То тут, то там попадались либо целые доспехи, либо отдельные их части – латы, шлемы с богатыми плюмажами, кольчуги. В дальнем углу оружейной, за столом, которого и видно-то не было за грудой всевозможного оружия, восседал темноволосый молодой человек сурового вида. Когда они вошли, он даже взгляд не поднял от кинжалов, которые тщательно полировал, и лишь по его кривой усмешке можно было судить, что вошедших он все-таки заметил. Когда Тесс и Уилл подошли к столу, молодой человек, по-прежнему не отрываясь от своего занятия, заговорил:

– Привет, Уилл.

– Добрый вечер, Томас. Познакомься, это мисс Грей. – Уилл указал на Тесс.

– Вы тоже были в Темном доме! – воскликнула Тесс, повнимательней приглядевшись к Томасу. – Вы вошли туда вместе с мистером Бранвеллом. Я думала...

– Вы думали, будто я сумеречный охотник? – Томас снова усмехнулся. Но теперь он больше не казался Тесс ни суровым, ни заносчивым. На самом деле у него было приятное, открытое лицо, а копна темных непослушных волос и вовсе придавала ему легкомысленный вид. Вообще, издали Том – высокий, мускулистый, подтянутый – казался намного старше, но, подойдя ближе, девушка поняла, насколько же он на самом деле молод. Верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, и девушка невольно залюбовалась крепкой красивой шеей юноши. – Но вы ошибаетесь, я не охотник. Просто в свое время я много тренировался.

– Кстати, Томас, – вклинился в разговор Уилл, – нам уже прислали мизерикорды? На днях я столкнулся с демонами-шаксами, а ты же знаешь, что против их брони годится только очень тонкий и очень острый кинжал.

Томас начал рассказывать Уиллу о каком-то корабле, который из-за штормов вынужден задержаться в Идрисе, но Тесс в тот момент заинтересовала одна вещичка, и она потеряла нить разговора. Это была высокая деревянная коробка, чьи стенки были выкрашены золотой краской и покрыты лаком, а на передней ярко сиял причудливый рисунок – змей, глотающий собственный хвост.

– Разве это не символ Темных сестер? – удивилась она. – Что делает здесь такая вещь?

– Все не так просто, как вам кажется, – возразил Уилл. – Демоны, на которых мы охотимся, не имеют души. Во всяком случае, это не та душа, какую мы себе представляем. Но у них есть своего рода сознание – энергия, растекающаяся по телу демона. При желании ее можно вытянуть из демона и заключить в специальную ловушку – вот такую вот шкатулку. И этот символ, называемый уроборос, или «пожирающий свой хвост», появился на ловушке не случайно. Это один из древнейших символов, связанных с бесконечностью, с цикличностью человеческой жизни и природы – в нашем мире все идет своим чередом: разрушение ведет за собой созидание, в смерти есть начало новой жизни... – Он пожал плечами. – Вы говорите, символ Сестер... Да, пожалуй, потому как я еще ни разу не видел, чтобы изображались сразу две змеи... Нет, не делайте этого! – воскликнул он, когда Тесс потянулась к шкатулке. Он был настолько стремителен, что девушка даже не поняла, в какой миг он бросился вперед и преградил ей путь. – Шкатулку никто не может брать в руки... кроме сумеречных охотников. Иначе произойдут очень нехорошие вещи. А теперь нам пора. Мы и так отняли у Томаса массу времени.

– Ну что вы, – попытался было возразить Томас, но Уилл уже направился к двери.

Стоя на пороге, Тесс оглянулась – Томас снова полировал свои клинки и выглядел при этом абсолютно невозмутимо, однако ей показалось, что этот человек очень одинок.

– Я не понимаю, почему вы позволяете... Как вы там их называете, миряне?.. Так вот, я не понимаю, почему вы позволяете им сражаться с вами наравне, – сказала она, когда они уже покинули оружейную и снова оказались в очередном коридоре. – В качестве кого находится здесь Томас? Она что, слуга? Или..

– Томас почти всю свою жизнь провел в Академии, – сказал Уилл и в очередной раз куда-то повернул. – Видите ли, на свете есть люди, миряне, которые обладают особыми способностями, которые мы называем Зрением. Эти способности передаются по наследству, и многие поколения зрячих на протяжении веков помогали сумеречным охотникам. Родители Томаса помогали родителям Шарлотты, а теперь настал черед Томаса помогать уже Шарлотте и Генри. А его дети будут помогать их детям. Томас изобретает и ухаживает за всеми хитроумными механизмами, которые вы здесь увидите, заботится о Балиосе[30] и Ксанфосе[31] – это наши лошади, – следит за оружием. А еще он от случая к случаю оказывает услуги Софи и Агате, которые ведут дом и занимаются хозяйством. Я подозреваю, что он неровно дышит к Софи. Во всяком случае, ему не нравится, когда она берется за слишком сложную работу.

Эти слова обрадовали Тесс, которой было ужасно жаль бедняжку Софи. А еще ее охватывал жуткий стыд: она позволила себе проявить бестактность, так откровенно ужаснувшись шраму горничной. Теперь же от осознания того, что у Софи есть поклонник, да к тому же еще и очень привлекательный молодой человек, ей стало легче на душе.

– Возможно, он влюблен в Агату? – предположила Тесс, желая окончательно увериться в том, что жизнь у Софи не так уж и безрадостна, как ей показалось вначале.

– Надеюсь, что нет, ведь я сам собираюсь жениться на Агате. И будь ей хоть тысяча лет, но она делает несравненные пироги с джемом, и лишь за это ее можно любить всем сердцем. Красота исчезает, а умение готовить – нет. – Уилл остановился перед большой дубовой дверью на толстых медных петлях. – Вот мы и пришли, – объявил он и легко дотронулся до двери. Та распахнулась, словно по волшебству.

Зал, в котором они оказались, оказался даже больше бального. На середину были составлены массивные дубовые столы, а на противоположной стене, прямо напротив двери, был нарисован ангел. Столы заливал белый мерцающий свет, исходящий от ламп в стеклянных абажурах. Вверху по всему периметру зала тянулась открытая галерея с резными перилами, стены над которой были сверху донизу увешаны книжными полками. Туда можно было попасть по спиральным лестницам, которые строители возвели в противоположных концах зала. Все свободное пространство занимали десятки, а может быть, и сотни книжных шкафов: они образовывали целые улицы, с поворотами, перекрестками и развилками. Перед некоторыми шкафами стояли металлические ширмы, выкованные столь искусно, что их створки походили на кружева. Между высокими, тянущимися чуть ли не до самого потолка готическими окнами стояли тяжелые каменные скамьи, уже изрядно потертые.

Рядом со столами на высокой резной подставке лежала толстая книга. Она была открыта почти на середине, и девушке сразу же нестерпимо захотелось заглянуть внутрь. Не сумев побороть искушения, она подошла к книге,

которая почему-то казалась ей словарем. Однако даже при беглом взгляде на страницы фолианта становилось понятно, что со словарем он не имеет ничего общего. У девушки даже в глазах зарябило от обилия странных, никогда ею прежде не виденных символов и причудливых, детализированных до крайности карт.

- Это Большая библиотека, - объяснил Уилл. - Каждая Академия имеет свою библиотеку, но наша - самая большая. Во всяком случае, самая большая в Европе. Я же говорил, что покажу вам место, где хранится бесчисленное количество книг, не так ли?

Тесс была поражена: неужели он все помнит?! Удивление ее было столь велико, что ей понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя, потому что ответила она не сразу.

- Но доступ ко многим из них закрывают ширмы! - наконец воскликнула она. - Это же какая-то тюрьма для книг, а не библиотека!

Уилл усмехнулся:

- Все дело в том, что некоторые из них кусаются. Так что осторожность в обращении с ними не повредит.

- Да, вы правы. С книгами всегда следует обращаться аккуратно, но особенно осторожно нужно относиться к их содержанию, - согласилась Тесс. - Слова могут многое изменить.

- Не уверен, что книга сможет изменить меня, - вздохнул Уилл. - Правда, в одной книге сказано, как превратить одного человека в стадо овец...

- Ну вот уж нет, вы совершенно неправы. Ошибается тот, кто думает, будто романы и стихи не оказывают на нас никакого влияния, - заметила Тесс, которую уже начал немного раздражать этот самоуверенный молодой человек.

- Конечно, вот только как человек в здравом уме может захотеть превратиться в целое стадо овец? Хотя это совершенно другой вопрос, - попыток Уилл. - Хотите почитать что-то конкретное, мисс Грей? Только скажите, и ради вас я освобожу из тюрьмы любую книгу.

- Думаете, здесь найдутся «Этот большой, большой мир» [32] или «Маленькие женщины» [33]?

- Никогда не слышал о таких книгах, - пожал плечами Уилл. - Да и вообще, здесь не так уж много романов.

- Но я читаю романы! - заупрямилась Тесс. - Или поэзию. Мне интересны книги, которые можно читать и получать удовольствие. Меня не интересуют самоучители, даже если в них рассказывается, как превратить человека в стадо овец, хотя, безусловно, это, должно быть, очень полезная книга.

Глаза Уилла заблестели.

- Думаю, у нас должен найтись экземпляр «Алисы в Стране чудес».

Тесс поморщилась.

- А разве эта книга не для маленьких детей? - спросила она ворчливым тоном. - Впрочем, я никогда ее не любила... В ней так много ерунды.

В глазах Уилла заплескались чертенята.

- Иногда в ерунде смысла хоть отбавляй, главное - хорошенько поискать.

Но Тесс уже заметила на одной из полок знакомый томик и бросилась к книге, словно к старому другу.

- «Оливер Твист»! - воскликнула она. - А тут есть другие романы Диккенса? - Ей так хотелось поскорее схватить книгу, что от нетерпения она сжимала и разжимала кулаки. - О! А вот и «Повесть о двух городах».

- Вы имеете в виду вот эту глупую книжонку? Если не ошибаюсь, она о людях, которым рубят головы. Какой нелепый сюжет! - Уилл подошел к Тесс и выразительно обвел рукой библиотеку. - Здесь есть и более полезные книги. Например, вы сможете найти множество советов о том, как именно следует рубить головы, а не просто прочитать о несчастных, которые их лишились.

- Я не собираюсь никому головы рубить! - возмутилась Тесс. - Это авторам нужно рубить головы за такие книги. Знаете, мне уже начинает казаться, что в этой библиотеке собраны никому не нужные книги, которые никто не хочет читать. Ну неужели тут нет ни одного нормального романа?

- Ну если только «Тайна леди Одли»[34]. По-моему, главная героиня романа проводит свободное время, убивая демонов. - Уилл ловко вскочил на одну из лестниц и сдернул книгу с полки. - Давайте я найду для вас еще кое-что. Ловите! - С этими словами он, даже не взглянув в сторону Тесс, бросил книгу вниз, и девушка была вынуждена броситься вперед, чтобы подхватить ее.

Это был большой квадратной формы фолиант, обтянутый темно-синим бархатом. На обложке был выдавлен причудливо закрученный символ, очень похожий на татуировку Уилла. Под ним серебром было отпечатано название «Кодекс сумеречных охотников» Тесс перевела взгляд на Уилла:

- Что это?

- Думаю, из названия и так все понятно, - усмехнулся Уилл. - Учтывая, что вы живете в нашей святой святых, предполагаю, у вас возникнут вопросы относительно сумеречных охотников. Эта книга поможет ответить вам на все ваши вопросы: из нее вы узнаете не только о нас и о нашей истории, но даже и об обитателях Нижнего мира... Таких, как вы. - Лицо Уилла стало очень серьезным. - Только будьте осторожнее с этой книгой, ведь она была написана ни много ни мало как шестьсот лет назад. И это единственный экземпляр. По нашим законам тому, кто испортит или, не дай бог, потеряет эту книгу, грозит смерть.

Тесс оттолкнула книгу, словно та превратилась в раскаленные добела угли.

- Вы это серьезно?

- Нет конечно же! - Уилл спрыгнул с лестницы и оказался прямо перед Тесс.
- А вы верите всему, что я говорю? Наверное, это потому, что у меня лицо, заслуживающее доверия.

Тесс нахмурилась и, так ничего и не ответив, молча пересекла зал и присела на одной из каменных скамей у окна. Устроившись поудобнее, она открыла «Кодекс» и попыталась читать, демонстративно игнорируя Уилла, который недолго думая устроился рядом. Тесс почти физически ощущала его пристальный взгляд, и сосредоточиться ей было сложно.

На первой странице книги нефилимов был тот же рисунок, что Тесс видела на гобеленах в коридорах: ангел, поднимающийся из озера, с мечом в одной руке и кубком - в другой. Внизу значилась подпись: Ангел Разиэль [35] и Орудия Смерти.

- Так все началось, - не выдержал в конце концов Уилл, которого, казалось, совершенно не трогало равнодушие Тесс. - В этой книге вы найдете заклинание, призывающее ангела Разиэля. И если вам удастся раздобыть немного его крови, то вы обязательно станете непобедимым воином... Знаете, вам вряд ли удастся постигнуть все тайны нашего братства, если вы будете лишь читать книги, но пусть они станут началом вашего пути.

- Ничего человеческого... Скорее, это похоже на месть ангелов, - пробормотала Тесс, переворачивая страницы.

В книге тот тут, то там попадались изображения кувыркающихся ангелов. От крыльев их в разные стороны летели перья, отчего они походили на падающие звезды. Было здесь и множество изображений Ангела Разиэля, державшего в руках открытую книгу; ее испещренные знаками страницы горели, подобно яркому пламени. А еще там были люди; как правило, они стояли на коленях вокруг ангела. Присмотревшись к ним повнимательнее, Тесс вздрогнула - люди эти, без глаз и с зашитыми ртами, слишком напоминали ей о кошмарных снах. Были там и сумеречные охотники, размахивающие пылающими мечами, подобно ангелам - воинам небесным. Наконец Тесс подняла взгляд и посмотрела прямо на Уилла:

- Неужели это вы? Значит, вы ведете свой род от ангелов?

Уилл, рассеянно смотревший в окно, не ответил девушке. Тесс проследила за его взглядом. Окно это выходило прямо на круглый внутренний двор, со всех сторон окруженный высокими стенами. Прямо напротив она заметила высокие и, судя по всему, тяжелые железные ворота, а за ними небольшой кусочек улицы, залитой тусклым желтым светом газовых фонарей. Венчали ворота большие кованые буквы. Тесс видела их в зеркальном отражении и никак не могла прочитать надпись, пока на помощь ей не пришел Уилл.

- Pulvis и umbra sumus. Это строка из Горация. Мы - прах и тень. Подходит этому месту, как вы считаете? - поинтересовался он. - У охотников на демонов короткая жизнь. Почти все мы умираем молодыми, а оставшиеся в живых сжигают тела убитых, чтобы очистить их в прямом смысле этого слова. Очень скоро память о нас теряется в густой тени истории, и в книге мира

не находится для нас и строчки. Люди даже не помнят о нашем существовании...

Тесс пристально посмотрела на юношу: теперь он казался ей не заносчивым и самоуверенным, а загадочным и прекрасным – сказочный рыцарь, чья жизнь одновременно и бесконечно интересна, и бесконечно трагична. Однако она не могла понять, как человек, тем более такой молодой и полный сил, может с легкостью говорить о смерти. Что забавного он находит в темноте? Отчего не страшится собственной гибели? А еще ей показалось, что он совершенно не похож на других сумеречных охотников, хотя, возможно, она просто их совсем не знала. Может статься, свой легкий нрав он унаследовал от родителей.

– Разве вам никогда не бывает страшно? – мягко спросила она. – А вся эта нечисть, она может проникнуть в Академию?

– Вы имеете в виду демонов и прочих не совсем любезных и красивых тварей? – спросил Уилл и облокотился о стену. – Это здание строил мирянин, но в роду у него были сумеречные охотники, так что парадную дверь может открыть только тот, в чьих жилах течет наша кровь. Каждая балка тут сделана из рябины. Все гвозди забивали молотом, отлитым из смеси железа и электриума [36]. Это не простое здание, это – самая настоящая крепость. Не бойтесь, никакой нечисти сюда нет хода.

– Так значит, вы живете здесь из соображений безопасности? – спросила Тесс и, поймав на себе удивленный взгляд юноши, добавила: – Извините, если обидела вас, но вы, судя по всему, не родственник ни Шарлотте, ни Генри. К тому же мне показалось, что далеко не все дети сумеречных охотников живут в Академии. А еще ведь есть и Джессамина...

– И Джем, – напомнил ей Уилл.

– Да, вы правы. Так почему же вы не живете со своими семьями?

– Мы все сироты. Родители Джессамины погибли во время пожара. Родители Джема... Джем не отсюда родом. Его родителей убили демоны, после чего он оставил свою страну и после долгих странствий решил все же остановиться у нас. Согласно нашему Закону, Анклав несет ответственность за всех детей всех сумеречных охотников, если они конечно же моложе восемнадцати.

– Так что, выходит, вы стали друг для друга семьей?

– Если вам хочется романтизировать наши отношения, то да, можете считать нас братьями и сестрами. Впрочем, мисс Грей, вы тоже отчасти стали нашей родственницей... хотя бы на время, но стали.

– В таком случае я предпочла бы, чтобы вы называли меня по имени, как мисс Ловлесс, – решительно заявила Тесс и отчаянно покраснела.

Уилл задумчиво посмотрел на нее и широко улыбнулся, его синие глаза засверкали.

– Тогда вы должны и ко мне обращаться точно так же... Тесс, – чуть замямвшись, сказал он.

Раньше Тесс никогда не задумывалась о своем имени, но сейчас, когда его произнес Уилл, оно показалось ей особенным – твердое, решительное «Т» и нежное двойное «С», произнесенное на выдохе. Конечно же она не смогла сдержаться и нежно произнесла, чуть растягивая слово:

– Уилл.

– Да? – В его глазах блестели озорные огоньки. Тесс вдруг почувствовала себя отчаянно неловко,

словно совершила какую-то страшную глупость. Однако она постаралась взять себя в руки и торопливо сказала:

– А как вы учитесь?.. Я хотела сказать – как вы становитесь сумеречными охотниками? Кто учит вас драться и рисовать волшебные символы?

Уилл улыбнулся:

– У нас был наставник, который тренировал нас долгое время. Но сейчас он уехал в Идрис и оставил вместо себя Шарлотту, которая раньше всегда ему помогала.

– Так значит, миссис Бранвелл была чем-то вроде прислуги?

Лицо Уилла исказила неприятная усмешка.

– Можно сказать и так. Но будь я на вашем месте, я бы не стал называть Шарлотту прислугой, если, конечно, вы хотите дожить до следующего утра. Знаете, она не производит впечатления отважного бойца, но на самом деле очень неплохо управляется с несколькими видами оружия.

Тесс не могла сдержать изумленного восклицания:

– Вы хотите сказать... Неужели Шарлотта тоже сумеречный охотник, так же как вы и Генри?

– Конечно. А почему бы и нет?

– Но ведь она женщина. – Удивление Тесс все росло и росло.

– Точно, как Боадия [37].

– Кто?

– Королева Боадия, восставшая против римлян. Говорят, она сама правила колесницей и умела метать дротики, а в гневе напоминала разъяренную львицу... – Уилл посмотрел Тесс в глаза и усмехнулся: – Вы не понимаете? Что ж, если бы вы выросли в Англии, то знали бы эту историю. Я найду вам о ней книгу, только напомните мне об этом. Так или иначе она была и королевой, и воином. Она не сумела смириться с поражением и, чтобы не попасть в плен к римлянам, добровольно приняла яд. Боадия была храбрее любого мужчины. Мне кажется, что Шарлотта очень на нее похожа, только ростом, наверное, поменьше.

- Но как такое возможно? Мы, женщины, устроены иначе, нам несвойственны враждебность и агрессия, мы все пытаемся решить миром, так как же она может убивать?

- Я видел, с какой яростью вы отбивались от Темных сестер, - заметил Уилл. - И если я правильно помню, леди Одли тоже была убийцей...

- Значит, вы читали эту книгу! - Тесс не могла скрыть своего восхищения.

Теперь уже настала очередь Уилла удивляться.

- Я предпочитаю «След змеи»[38]. Больше приключений, меньше переживаний. Впрочем, лучше «Лунного камня» книги нет. Вы читали Коллинза?

- Я обожаю Уилки Коллинза! - воскликнула Тесс. - Он великолепен! И его «Женщина в белом»... Но по моему, вы смеетесь надо мной!

- Нет, нет, не над вами, - отсмеявшись, выговорил наконец Уилл. - Просто я еще никогда не видел человека, которого бы так воодушевляли книги. Такое ощущение, что они для вас все равно что драгоценные камни.

- Ну и что? Неужели у вас нет ничего, что бы вы любили всем сердцем? Только не говорите мне о «коротких гетрах», «теннисных лужайках» и прочих глупостях.

- Господи, похоже, вы видите меня насквозь! - в притворном ужасе воскликнул Уилл.

- У каждого из нас есть что-то, без чего мы не можем жить. И я найду ваше слабое место, уверяю... - Тесс хотела сказать что-то еще, но, взглянув на юношу, смущенно замолчала. Уилл же неотрывно смотрел на нее; его глаза были того же самого темно-синего цвета, что и бархатный переплет книги, которую Тесс держала в руках. Его взгляд медленно скользил по лицу девушки, спустился на шею, потом еще ниже, и наконец Уилл снова посмотрел ей в глаза. Сердце Тесс билось в груди словно испуганная птичка. Во рту пересохло, дышать становилось все труднее и труднее. Ее охватило какое-то странное желание, природу которого она не могла понять.

- Уже поздно, - в конце концов медленно произнес Уилл и отвел взгляд. - Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату.

- Я... - хотела было возразить Тесс, но так и не нашлась что сказать. Он был прав - сквозь толстое оконное стекло она видела, как на черном ночном небе сверкают булабочные головки звезд. Тесс встала и, прижав книгу к груди, неспешно вышла в коридор.

- Есть несколько правил. Будете их соблюдать - и никогда не потеряетесь в Академии. Сейчас я вам все объясню. - Уилл по-прежнему не сводил с девушки пристального взгляда. Однако теперь он казался даже застенчивым, словно боялся Тесс. Но что она могла сделать? - Есть несколько способов, с помощью которых можно понять, куда ведет та или иная дверь или тот или иной коридор... - Он неожиданно замолчал, и Тесс увидела, что навстречу им

идет Софи. В руках она держала огромную корзину, доверху набитую чистым бельем.

Увидев Уилл и Тесс, горничная остановилась и напустила на себя строгое выражение лица.

– Софи! – Застенчивости Уилла как не бывало, он снова был веселым, немного озорным юношей. – Вы уже прибрались в моей комнате?

– Все сделано. – Софи даже не улыбнулась в ответ. – Там было очень грязно. Надеюсь, в будущем вы не станете тащить в Академию части мертвого демона.

Рот Тесс широко открылся от удивления. У нее в голове не укладывалось, как это горничная может делать замечания хозяевам?! Софи была простой девушкой, а Уилл – и пусть он очень молод – был джентльменом.

Но Уилл не обратил на выпад горничной никакого внимания:

– Это часть моей работы, дорогая Софи.

– Кстати, мистер Бранвелл и мистер Карстаирс сами чистят свои ботинки, – заявила Софи и перевела мрачный взгляд с Уилла на Тесс. – Возможно, вам стоило бы брать пример с них.

– Возможно, – легко согласился Уилл. – Но сомневаюсь, что смогу это сделать.

Софи оставалось лишь нахмуриться и отправиться своей дорогой. Когда она проходила мимо молодых людей, то от негодования передернула плечами.

Тесс с изумлением посмотрела на Уилла:

– Что это было?

Уилл скорчил забавную гримаску:

– Софи нравится притворяться, что она меня не любит.

– Не любит? Да она вас попросту ненавидит! – При других обстоятельствах Тесс могла бы спросить, ссорились ли когда-нибудь Уилл и Софи, но как можно ссориться со служанкой? С детства она была уверена: если горничная чем-то недовольна, ее тут же увольняют.

– Что... Что произошло между вами?

– Позвольте мне не объяснять, Тесс. – Голос Уилла звучал мягко, но в нем слышались и стальные нотки. – Есть вещи, которые вы пока не можете понять.

Если и существовало на свете что-то, что Тесс ненавидела всей душой, так это ситуации, когда ей говорили, будто она чего-то не понимает. Не понимает, потому что слишком молода или потому что она девушка... Да мало ли какие причины можно было найти. Только вот во всех этих объяснениях не

было ровным счетом никакого смысла. Разозлившись, она упрямо вскинула подбородок:

– Хорошо, можете не говорить. Но знаете, похоже, что вы когда-то очень сильно ее обидели.

Настроение Уилла неожиданно испортилось.

– Можете думать что вам угодно. Хотя это странно, если учесть, что вы почти ничего обо мне не знаете.

– Я знаю, что вы не любите честно и прямо отвечать на вопросы. Знаю, что вам лет семнадцать, не больше. Знаю, что вы любите Теннисона – вы цитировали его еще в Темном доме. Я знаю, что вы сирота, так же как и я..

– Я никогда не говорил, что я сирота! – Лицо Уилла исказила такая дикая ярость, что Тесс невольно отпрянула. – И я ненавижу поэзию. Так что выходит, вы в самом деле ничего не знаете обо мне!

С этими словами он резко развернулся и зашагал прочь по коридору.

Глава пятая

Кодекс сумеречных охотников

Мечты истинны, пока они длятся,

И разве мы не живем в мечтах?

Альфред, лорд Теннисон [39]. «Высший пантеизм» [40]

Тесс казалось, что она уже целый век бродит по коридорам, похожим друг на друга как две капли воды, пока неожиданно ей не улыбнулась удача. Случайно посмотрев в сторону, она узнала рисунок на парных гобеленах и поняла, что ее спальня где-то рядом. Поплутав еще немного, она наконец с облегчением закрыла дверь своей спальни и решительно задвинула задвижку.

Переодевшись в длинную ночную рубашку, в которой Тесс чувствовала себя намного лучше, чем в облегающем открытом платье, она скользнула под одеяло. Там она открыла «Кодекс сумеречных охотников» и начала читать. «Вам вряд ли удастся постигнуть все тайны нашего братства, если вы будете

лишь читать книги», – сказал Уилл, и теперь Тесс готова была с ним поспорить. Впрочем, он и понятия не имел, что для нее значат книги. Именно в них она, всегда страдавшая от одиночества, искала и, что главное, находила ответы на свои вопросы. Книги были ее друзьями – верными и добрыми. Листая страницы, она представляла, как тысячи людей по всему миру делают в этот момент то же самое, и на какой-то краткий миг девушка начинала чувствовать себя частью огромного мира, и чувство это было приятным. Так и теперь, взяв в руки Кодекс, она вдруг осознала, насколько случившееся с ней реально. Ей даже стало казаться, будто настоящая жизнь ее началась всего лишь несколько дней назад, а все, что случилось с ней до этого, не более чем скучный и долгий сон.

Из Кодекса Тесс узнала, что сумеречные охотники ведут свой род от архангела Разизля, который даровал своим потомкам «Серую книгу», написанную на языке Небес. Знаки именно этого языка украшали тела сумеречных охотников. Татуировки были нанесены с помощью похожего на перо инструмента, называемого стилем. Инструмент этот она еще раньше заметила у Уилла: именно с его помощью юноша открыл двери в Темном доме. Потом она прочитала о волшебных татуировках, покрывающих тела нефилимов: оказалось, что с их помощью сумеречные охотники быстрее оправляются от ран, получают сверхчеловеческие силу и скорость, обретают способность видеть ночью. Были и такие татуировки, которые делали своего обладателя невидимым для глаз мирян. Все это показалось Тесс очень заманчивым, но потом она поняла, что далеко не каждый может украсить свое тело подобными татуировками. Так, например, человек или обитатель Нижнего мира, если им когда-нибудь захочется сделать себе пару-тройку защитных татуировок, должны испытать адскую боль, от которой, вполне вероятно, они вскоре и погибнут. Те же, кому удавалось выжить, должны были бы позавидовать мертвым, если бы не сошли с ума.

Разизель сделал своим наследникам и другие, не менее ценные подарки – Орудия Смерти, обладающие поистине неземной силой, а также крошечный кусочек земли, находящийся на территории некогда могучей Священной Римской империи. Свое «государство» сумеречные охотники окружили столь мощными защитными заклятиями, что отныне туда не мог попасть ни один мирянин. С тех пор земля эта звалась Идрисом.

Тесс читала в желтом неверном свете маленькой прикроватной лампы, сама не замечая, как веки ее все тяжелеют и тяжелеют. «Обитатели Нижнего мира – это существа, наделенные поистине сверхъестественной силой: феи, оборотни, вампиры и колдуны. – Она медленно водила глазами по строчкам. Что касается вампиров и оборотней, то они когда-то были людьми, которые впоследствии заразились опасными, поистине демоническими вирусами. Фей же можно назвать полудемонами-полуангелами, ибо обладают они внешностью ангельской, но нрав у них дьявольский. Что до колдунов, то рождены они от женщин, вступивших в связь с демонами». Что ж, теперь Тесс по крайней мере стал понятен вопрос Шарлотты, являются ли ее родители людьми. «Но мои родители совершенно точно были людьми, – лениво думала Тесс. – Так что я не могу быть чародейкой... И слава богу». Она долго разглядывала гравюру, на которой какой-то косматый человек стоял на коленях в центре пентаграммы и что-то рисовал на полу мелом. Он бы выглядел совершенно нормальным, если бы не глаза с вертикальными зрачками, похожие на кошачьи. Тесс принялась внимательно разглядывать гравюру и увидела, что на каждом луче пентаграммы стоят зажженные свечи. Потом ей показалось,

что огоньки их затанцевали на сквозняке, потянулись друг другу, словно хотели слиться в объятиях... Тесс прикрыла веки, чтобы избавиться от наваждения, и мгновенно уснула.

Она танцевала в клубах дыма в коридорах, стены которых были увешаны зеркалами, но в каждом зеркале, мимо которого она проскальзывала, отражение ее выглядело иначе. В ушах Тесс звучала музыка, без сомнения, мелодичная, но что-то в ней раздражало девушку. Музыка эта, которая вначале доносилась издалека, вскоре начала звучать вокруг. Потом Тесс заметила, что впереди нее идет стройный юноша. Тесс чувствовала, что знает его, но кто это – она так и не могла понять. Она силилась разглядеть его лицо, но он все время отворачивался. Юноша этот мог бы быть ее братом, или Уиллом, или кем-то еще, кого девушка знала. Тесс гналась за юношей, звала его, но он все быстрее и быстрее отступал по коридору, словно мчался на клубах дыма. Музыка быстро набирала темп, зазвучало крещендо [41]...

Тесс проснулась, тяжело дыша. Книга соскользнула с коленей, когда она резко села в кровати. Сон ушел, но музыка осталась: громкая, мелодичная, наводящая на мысли о чем-то нездешнем. Девушка подошла к двери и выглянула в коридор. Там музыка звучала еще громче. Исходила она из комнаты в противоположном конце коридора. Дверь была слегка приоткрыта, и мелодия, казалось, вытекала через щель, подобно воде, бегущей через узкое горлышко бутылки.

Двигаясь словно во сне, Тесс пересекла коридор и осторожно дотронулась до двери. Та неожиданно распахнулась настежь. В комнате было темно. Единственный источник света – луна, чьи острые, словно иглы, лучи пронзали мутное стекло окна. Но и она не могла разогнать стгутившиеся вокруг тени. Однако Тесс удалось кое-что разглядеть, и она пришла к выводу, что эта комната мало чем отличалась от ее спальни – такая же большая кровать с четырьмя столбиками, поддерживающими тяжелый балдахин, такая же массивная мебель из темного дерева. В квадрате лунного света перед окном кто-то стоял. Мальчик – незнакомец казался слишком маленьким, чтобы быть взрослым человеком, – со скрипкой. Он прижимал скрипку к плечу, а рука водила смычком по струнам. Музыка заливала комнату, выплескивалась в коридор, потоками неслась по лестницам, и Тесс никогда прежде не слышала столь прекрасных, столь совершенных звуков.

Глаза музыканта были закрыты.

– Уилл? – спросил он, не открывая глаз и не прекращая играть. – Уилл, это ты?

Тесс не ответила. Она не могла заставить себя говорить, страхась прервать мелодию. Но уже через мгновение мальчик сам сбился с ритма, опустил смычок и, нахмурившись, открыл глаза.

– Уилл... – заговорил было он, но, увидев Тесс, замолчал и даже приоткрыл рот от неожиданности. – Кто ты? – В его голосе прозвучало лишь любопытство, никакого раздражения, хотя Тесс и зашла в его комнату посреди ночи.

Незнакомец был в легких широких брюках и рубашке без воротника, поверх которой он накинул черный шелковый халат. Теперь Тесс понимала, что музыкант, должно быть, ровесник Уилла. Однако юноша был таким стройным, даже хрупким, что его немудрено было принять за мальчика. Тесс в немом восторге разглядела причудливый узор, начинающийся на шее и исчезающий под воротом рубашки. Похожий она уже видела у Уилла и Шарлотты.

Теперь Тесс знала, как называется эта татуировка, – знаки. И знала: перед ней нефилим – потомок людей и ангелов. Неудивительно, что в лунном свете его бледная кожа сияла подобно колдовскому свету, а волосы его и глаза можно было сравнить с расплавленным серебром.

– Мне так жаль, – пробормотала Тесс, у которой в горле пересохло от волнения. Ее слова резко и громко прозвучали в тишине комнаты. Девушке захотелось сквозь землю провалиться. – Я... Я не хотела входить сюда без спросу. Но... Моя комната... тут рядом, и...

– Все в порядке. – Музыкант опустил скрипку. – Вы мисс Грей? Девушка, способная менять свой облик. Уилл рассказывал о вас.

– О... – только и смогла вымолвить Тесс.

– Что случилось? – На лице незнакомца было написано искреннее удивление. – Похоже, вы не очень довольны тем, что я знаю о ваших способностях.

– Нет, нет, что вы, просто я думаю, что Уилл рассердится на меня... – объяснила Тесс. – К тому же все, что он вам рассказывал...

Музыкант рассмеялся.

– Уилл сердится на всех и вся, – сказал он. – К тому же я привык самостоятельно судить обо всем, что меня окружает...

Лунный луч нежно пробежал по полированной поверхности скрипки, когда музыкант повернулся, чтобы положить ее и смычок на платяной шкаф. Когда юноша снова развернулся к Тесс, он уже улыбался.

– Я должен был представиться раньше, – сказал он. – Я Джеймс Карстаирс. Но пожалуйста, зовите меня Джем, как остальные.

– Так вы и есть тот самый Джем! – воскликнула Тесс. – Вы не были на обеде, а мне так хотелось познакомиться с вами. Шарлотта сказала, что вам нездоровится. Надеюсь, сейчас вы чувствуете себя лучше?

– Да, благодарю за заботу. Вы, должно быть, хотите меня о чем-то спросить?

– Мой брат всегда говорил, что любопытство – мой тяжелейший грех.

– Ну, если выбирать из грехов, то этот далеко не самый худший. – Джем сел на рундук[42], стоявший в ногах кровати, и пристально посмотрел на Тесс. Лицо его было очень серьезным. – Что ж, можете спросить меня о чем хотите. В любом случае, мне не спится, так что я с удовольствием развлеку вас беседой, мисс Грей.

И тут вдруг Тесс услышала голос Уилла так ясно, словно он стоял рядом с ней: родителей Джема убили демоны. «Нет, я не могу спрашивать его... об этом», – решила в конце концов Тесс и поинтересовалась:

– Уилл говорил мне, что вы прибыли издалека. Где вы жили прежде?

– В Шанхае, – ответил Джем. – Знаете, где это?

– Это Китай, – выпалила Тесс, почувствовав легкое раздражение. – Мне казалось, что всякому известны такие вещи.

Джем усмехнулся:

– Что ж, тогда вы будете удивлены, если узнаете, что далеко не всякий знает названия городов даже в своей собственной стране.

– Что вы делали в Китае? – продолжала Тесс. Ей и в самом деле было интересно, к тому же ее представления о Китае были весьма смутными. Когда она думала об этой стране, то на ум ей приходили лишь Марко Поло и чай. И еще Тесс казалось, будто Китай это очень, очень далеко и Джем в прямом смысле этого слова прибыл с другого края света. «К востоку от солнца и к западу от луны» – так сказала бы тетья Генриетта. – Я думала, что там живут лишь миссионеры, да иногда на берег спускаются моряки.

– Сумеречные охотники живут по всему миру. Моя мать была китайкой, а отец – британцем. Они встретились в Лондоне, потом переехали в Шанхай, когда отцу предложили управлять тамошней Академией.

Тесс была поражена. Если мать Джема была китайкой, то выходит, он полукровка? Невероятно! Она много раз видела китайских иммигрантов в Нью-Йорке – откровенно нищие, они главным образом работали в прачечных или продавали самокрутки с лотков на улице. Все они были черноволосые, желтокожие и невысокие. Никогда она еще не видела китайца, пусть даже и полукровка, хотя бы отдаленно похожего на Джема – высокого, изящного юношу с серебристыми волосами и светлыми глазами. Хотя он же сумеречный охотник. Возможно, так проявили себя черты его предков – ангелов? Тесс очень хотелось расспросить юношу обо всем поподробнее, но она не знала, что сказать, чтобы не показаться ужасно грубой.

К счастью, Джем, казалось, не ожидал ее ответа и продолжил беседу сам:

– Прошу прощения, но... ваши родители мертвы, не так ли?

– Вам это Уилл сказал?

– Да, впрочем, он мог ни о чем и не говорить. Мы, сироты, учимся узнавать друг друга. Могу я спросить... вы были очень маленькой, когда это случилось?

– Мне было три, когда они погибли в результате несчастного случая. Я едва их помню... – «Только мелкие детали – аромат табачного дыма, платье моей матери цвета бледной сирени...» – Меня воспитали тетья и брат, Натаниэль. Моя тетья, хотя... – И тут горло ее сжали подступающие слезы, хотя самой

Тесс казалось, что все страхи и волнения последних недель притупили боль утраты. Она ясно увидела свою тетю: та лежала на узкой медной кровати в своей спальне, и глаза ее горели диким лихорадочным огнем. Она не узнавала племянницу и обращалась к ней, называя именем покойной сестры – Элизабет. Тесс держала тонкую руку тети, когда та умерла, и именно в тот момент она осознала, что тетя заменила ей мать и теперь она остается совершенно одна. Если бы не священник, она, должно быть, тогда бы и сошла с ума. – Тетя умерла недавно. Она всегда отличалась слабым здоровьем, а тут у нее неожиданно началась лихорадка, и...

– Мне очень жаль, – только и сказал Джем, но прозвучали его слова искренне.

– Не представляю, как я со всем этим справилась. Я чувствовала себя отчаянно одинокой, ведь мой брат к тому времени уже жил в Англии, куда отплыл месяц назад. Он даже успел прислать нам подарки – чай от «Фортнам и Масон»[43] и шоколад. После того как тетя умерла, я писала брату много раз, но все мои письма возвращались. Я была в отчаянии. А потом он вдруг прислал мне билет. Билет на пароход линии Северо-Германского Ллойда[44] до Саутгемптона. К билету прилагалась записка, в которой говорилось, что Нат – так я зову брата – встретит меня в порту. Но теперь мне кажется, что он никогда не писал этой записки... – Голос Тесс прервался, на глаза навернулись слезы. – Как же все это печально и страшно... Я, наверное, несвязно рассказываю?... Да вам все это и неинтересно.

– Отнюдь. Что за человек ваш брат? На кого он похож?

Тесс с удивлением посмотрела на Джема. Другой на его месте посочувствовал бы и предложил посильную помощь, поинтересовался бы, наконец, знает ли она, где сейчас миссис Дарк и где она держит ее брата. Но нет! Он задал обычный, ничего не значащий вежливый вопрос лишь для того, чтобы поддержать светскую беседу.

– Тетя имела обыкновение называть его мечтателем, – ответила Тесс. – Он всегда был себе на уме, никогда не заботился о вещах и считал, что рано или поздно получит все, что хочет... Мы получим, что хотим, – тут же поправила она. – Он имел обыкновение играть на деньги, я думаю, потому что не мог представить себе, что может проиграть.

– Мечты иногда опасны.

– Нет... Нет... – покачала головой Тесс. – Я, должно быть, неверно выразилась. Он был замечательным братом. Он...

Шарлотта была права; было намного легче справиться со слезами, если найти что-то, какой-нибудь предмет, и пристально на него смотреть. В качестве такого вот «предмета» Тесс избрала руки Джема. Тонкие и длинные, их, как и руки Уилла, с тыльной стороны украшали причудливые узоры. Тесс не выдержала и указала на них:

– Что это значит?

Джема, казалось, совершенно не смутил тот факт, что она не стала отвечать на вопросы, а вместо этого сменила тему разговора.

- Это знаки. Вы знаете о них? - Тут он вытянул руку в ее сторону, ладонью вниз. - Этот знак называется Voyance[45]. С его помощью проясняется зрение, и мы, сумеречные охотники, получаем способность видеть Нижний мир. - Он перевернул руку и закатал вначале рукав халата, а потом и рубашки. По его руке тянулась сложная вязь причудливых узоров, на фоне его бледной кожи казавшихся угольно-черными. Узоры эти словно прорастали в его плоть и слегка пульсировали, будто по ним струилась кровь. - Этот помогает двигаться стремительно, быстрее любого животного, а этот - для того, чтобы видеть ночью, этот - дарует нам ангельскую власть, а этот помогает ранам быстрее затягиваться, - перечислял он, последовательно указывая то на один знак, то на другой. - Извините, что я не называю их, но я не знаю ни одного человека, кто бы смог эти названия перевести на английский язык. Более того, они настолько сложны, что вы их вряд ли воспримите.

- А они причиняют боль?

- Мне было больно, когда я их получал. Теперь же я ничего не чувствую. - Он опустил рукава и улыбнулся. - Если вы хотите спросить еще что-то, то, пожалуйста, не стесняйтесь.

«Конечно хочу! У меня вопросов больше, чем вы можете себе представить!» - пронеслось в голове у Тесс, и она тут же спросила:

- Почему вы не можете уснуть?

Девушка сразу же поняла, что поймала собеседника врасплох. На какую-то долю секунды лицо юноши исказила гримаса боли. С ответом он не торопился. «Но почему он колеблется?» - с удивлением подумала Тесс. В конце концов, Джем мог солгать или вовсе отказаться отвечать на вопрос. Но как только девушка подумала так, то сразу же поняла, что юноша не станет лгать.

- У меня дурные сны, - в конце концов ответил он.

- У меня тоже, - заметила она. - Но мне все-таки удалось ненадолго задремать... потом я услышала вашу музыку.

Он усмехнулся:

- Кошмарно?

- Нет. Это был восхитительно. Самая прекрасная музыка, которую я слышала с тех пор, как попала в этот ужасный город.

- Лондон вовсе не ужасен, - спокойно возразил Джем. - Вы просто должны узнать его получше. Как-нибудь мы с вами прогуляемся по городу, и я покажу вам свои любимые места. Поверьте, они не оставят вас равнодушной.

- Поешь дифирамбы нашему прекрасному городу? - раздался насмешливый голос.

Тесс обернулась и увидела Уилла, прислонившегося к дверному косяку. В свете факелов, струившемся из коридора, его волосы походили на расплавленное золото.

Задав свой вопрос, юноша шагнул в комнату, и тут только Тесс увидела, что подол его темного пальто и черные ботинки были заляпаны грязью, как будто он только что вернулся с загородной прогулки, а щеки его ярко пылают. Был он без головного убора, впрочем, как и всегда.

– Мы хорошо приняли тебя, Джеймс? Сомневаюсь, что мне так же повезло бы, окажись я в Шанхае. Вы ведь зовете таких, как я, бриттами?

– Ян гуйцзы, – поправил друга Джем, который, казалось, ничуть не удивился его внезапному появлению. – Заморские дьяволы.

– Слышите, Тесс? Я дьявол. Так же, как вы, впрочем. – Уилл не спеша прошелся по комнате. Потом, расстегнув пальто, присел на край кровати.

– У тебя влажные волосы, – заметил Джем. – Где ты бродишь по ночам?

– Здесь... там... повсюду... – усмехнулся Уилл. Вроде бы он вел себя как обычно, но Тесс не оставляло чувство, что с Уиллом что-то не так, да и глаза его блестели недобрый, лихорадочным блеском.

– Ты такой красный, словно вареный рак, – с сочувствием сказал Джем.

Уилл только рукой махнул:

– Пустяки.

«Ах, вот оно что, – подумала Тесс, – он попросту пьян». В свое время она вдоволь насмотрелась на подгулявшего брата и теперь с легкостью могла определить, пил человек спиртное или нет. Так или иначе, но Тесс почувствовала странное разочарование.

Джем лишь усмехнулся:

– Где ты был? В «Синем драконе»? «Русалке»?

– В «Таверне дьявола», если тебе уж так хочется знать, – вздохнул Уилл и привалился к одному из столбиков кровати. – А ведь у меня на этот вечер были такие грандиозные планы... Напиться до чертиков и отдаться в руки веселых и беззастенчивых женщин. Но, увы, вышло-то все по-другому. Только я опрокинул третью рюмку в «Дьяволе», как ко мне подошла восхитительная маленькая девочка – продавщица цветов. Все бы ничего, но она просила целых два пенса за маргаритки. Крутая цена, я вам скажу. Так что мне пришлось отказаться. Когда я сказал об этом девочке, она ограбила меня.

– Маленькая девочка вас ограбила? – удивилась Тесс.

– Увы, она оказалась вовсе не маленькой девочкой, а злобным карликом, наряженным в женское платье. Его еще кличут Шестипалым Найджелом.

– Ну конечно, карлик и симпатичная девчушка... Как же тут не ошибиться? – В голосе Джема звучала неприкрытая ирония.

– Я поймал его, когда он сунул руку в мой карман, – продолжал Уилл, оживленно жестикулируя. – Конечно, я не мог простить такого оскорбления. Тут же завязалась драка. Я только руку занес, чтобы врезать ему хорошенько, как этот Найджел запрыгнул на стойку и ударил меня что есть мочи кувшином с джином.

– Ага! – воскликнул Джем. – Так вот почему у тебя мокрые волосы.

– Отличная драка получилась. – Голос Уилла звучал довольно. – Вот только владелец «Дьявола» был со мной не согласен. Он выбросил меня на улицу. И теперь я недели две не смогу там появляться.

– Так для тебя будет лучше, – сказал Джем без всякого сочувствия. – В общем, ты провел вечер, как обычно. Ну и слава богу, а то я уж испугался, когда увидел тебя на пороге своей комнаты в столь ранний час. Никогда еще ты не был столь заботлив, чтобы явиться посередине ночи и осведомиться о моем здоровье. Ведь, если мне не изменяет память, обычно ты приходишь под утро.

– Мне кажется, ты без меня тут не скучал. Вижу, ты решил поболтать с нашей таинственной гостьей, с легкостью меняющей облик. – Уилл разглядывал Тесс так внимательно, словно только что ее увидел. – Никогда бы не подумал, что вы способны прийти посреди ночи в спальню к молодому человеку. В противном случае я бы заставил Шарлотту получше присматривать за вами.

– Не вижу поводов для беспокойства, – холодно ответила Тесс. – Тем более что вы отказались проводить меня до комнаты и бросили посреди коридора в незнакомом доме.

– И вы, вместо того чтобы искать дорогу в собственную спальню, очутились в комнате Джема?

– Всему виной скрипка, – объяснил Джем. – Она услышала, как я играю.

– Ага, я понял, под игрой ты подразумеваешь те жуткие, заунывные звуки, что издает твоя деревяшка? – Уилл повернулся к Тесс в ожидании одобрения своих слов. – Не знаю, как еще соседские коты не сошли с ума.

– А я считаю, что играет Джем очень хорошо.

– Действительно, Уилл, ты порядком преувеличиваешь, – согласился Джем.

Уилл зло прищурился и ткнул пальцем в их сторону.

– Вы сговорились против меня! Вы спелись, и я вам больше не нужен. Мой бог, придется искать дружеской поддержки у Джессамины.

– Джессамина тебя на дух не переносит, – спокойно заметил Джем.

– Тогда у Генри.

- Генри - хороший человек, но вот его опыты.. Боюсь, с ним ты долго не протянешь.

- Томас? - продолжал Уилл.

- Томас... - начал было Джем, но потом вдруг согнулся в припадке кашля, причем настолько сильного, что он соскользнул с рундука, на котором сидел все это время, и опустился на колени.

Тесс в испуге взглянула на Уилла. А тот, казалось, протрезвел за долю секунды, спрыгнул с кровати, упал на колени рядом с Джемом и положил руку ему на плечо.

- Джеймс, - сказал он, пытаюсь казаться спокойным. - Где это?

Джем, которого била крупная дрожь, поднял руку, словно пытаюсь оттолкнуть друга:

- Не нужно... Я... в порядке...

Он кашлянул снова, и пол перед ним усеяли красные капли. Кровь!

Уилл еще сильнее сжал плечо друга. Тесс видела, как побелели костяшки его пальцев.

- Где это? Куда ты его положил?

Джем слабо махнул рукой:

- На... - Он задыхался. - На каминной полке... в коробке... серебряной...

- Я возьму. - Тесс никогда бы не подумала, что голос Уилла может звучать так нежно. - Подожди немного.

- Ты... ты так говоришь... словно... я могу куда-то уйти... - Джем прижал ко рту руку, как раз тем местом, где был вытатуирован рисунок в виде глаза.

Уилл же молниеносно вскочил на ноги, резко развернулся... и чуть было не налетел на Тесс. Мгновение он казался ошарашенным, словно забыл, что она до сих пор находится в комнате.

- Уилл... - прошептала она. - Есть что-нибудь...

- Идите за мной! - Он аккуратно, но решительно взял девушку за руки и повел ее к открытой двери. Выведя ее в коридор, он встал так, чтобы она не видела происходящего в комнате. - Всего хорошего, Тесс.

- Но он кашляет кровью! - возразила Тесс, и голос ее дрожал от страха. - Может, мне стоит позвать Шарлотту...

- Нет, - отрезал Уилл, бросив быстрый взгляд в глубь комнаты, и вновь повернулся к Тесс.

Немного подумав, он наклонился к ней, положив руку на плечо девушки, и, несмотря на испытываемое волнение, Тесс отчаянно покраснела. Ей казалось, что его рука, его пальцы невероятно горячие, такие, что даже могут оставить ожоги на коже. Она глубоко вздохнула, и в ноздри ей ударил запах – его запах, ни с чем не сравнимый, который она раньше не ощущала. Смесь табачного дыма, сырой шерсти пальто, казалось впитавшего весь лондонский туман... Однако это было не все. Был еще какой-то запах, его собственный, который она не могла ни с чем сравнить.

– У него есть лекарство. Особое лекарство, – глухо заговорил Уилл. – Я помогу его принять. И нам не нужна тут Шарлотта. Не стоит ее беспокоить в столь поздний час.

– Но если он серьезно болен...

– Пожалуйста, Тесс. – В синих глазах Уилла читалась мольба. – Было бы лучше, если б вы никому не рассказывали о произошедшем.

Тесс сразу же поняла, что не может отказать Уиллу.

– Я... Все в порядке.

– Спасибо.

Отпустив ее плечо, Уилл поднял руку и легко дотронулся до ее щеки. Движение это было настолько мимолетным, что Тесс на какую-то секунду показалось, будто она вообразила себе это прикосновение. Девушка была так поражена, что не смогла и слова вымолвить, поэтому, когда Уилл закрыл дверь прямо перед ее носом, она и слова против не сказала. Тесс услышала, как щелкнул замок, и лишь потом поняла, что именно показалось ей странным.

Уилл говорил, что пил джин... даже утверждал, что о его голову разбили полный кувшин, но от него не исходило запаха алкоголя.

* * *

Прошло много времени, прежде чем Тесс удалось уснуть. Она и сама не знала, сколько пролежала с открытыми глазами, прижимая к себе Кодекс. На груди ее мерно тикал механический ангел. А она безучастно смотрела на полосы света от уличных фонарей, протянувшиеся поперек потолка.

* * *

Тесс разглядывала себя в зеркале над туалетным столиком в то время, как Софи пришивала крючки на ее платье. В ярких лучах утреннего солнца, пронзающих высокие стрельчатые окна, она выглядела мертвенно-бледной, под глазами ее залегли черные тени.

У Тесс не было привычки часами прихорашиваться перед зеркалом. Быстрый взгляд, чтобы убедиться, что прическа в порядке и что на одежде нет пятен, – максимум, на что она была способна. И вот теперь она не могла отвести взгляда от этого худого, бледного и такого чужого лица. Отражение, казалось, слегка колебалось, словно она смотрелась в воду. Ей казалось, что нечто подобное с ней происходит перед изменением. Впрочем, после того, как она примерила на себя другие лица, увидела мир другими глазами, как могла она утверждать, что именно это лицо – ее собственное. Откуда ей знать, насколько точно воспроизводила она себя прежнюю, когда изменялась назад, возвращая себе прежний облик. Может статься, что каждый раз с ней происходили незначительные изменения и в конце концов она потеряла свое обличье. А может, и вовсе не имеет значение то, на кого она похожа? Вполне возможно, ее лицо – лишь маска, которая совершенно не соответствует внутреннему содержанию.

В зеркале то и дело отражалась и Софи. Чаще она поворачивалась к девушке своей изуродованной щекой, и шрам в безжалостном утреннем свете казался Тесс еще более уродливым. Когда Софи в очередной раз замерла в одном положении, пришивая крючок, Тесс показалось, что она смотрит на картину, которую какой-то безумец изрезал ножом. Тесс отчаянно хотелось расспросить Софии о том, что с ней случилось, но воспитание не позволяло задавать ей столь бестактные вопросы. Вместо этого она лишь поблагодарила горничную:

– Благодарю вас за то, что помогли мне с платьем. Я так обязана вам.

– Это всего лишь моя работа, мисс, – безучастно ответила Софи.

– Софи, я хотела вас спросить... – начала было Тесс, и увидела, как горничная напряглась. «Она думает, что мне хочется узнать о ее шраме», – решила Тесс, а вслух сказала: – Вы вчера вечером говорили с Уиллом так ...

Софи рассмеялась, тихо, но было видно, что от всей души.

– Мне разрешено говорить с мистером Херондэйлом так, как мне нравится, и тогда, когда мне нравится. Это одно из условий моего договора, которое я заключила с хозяевами дома.

– Шарлотта позволяет вам диктовать условия?

– Не просто найти человека, который сможет работать в Академии, – объяснила Софи. – У претендента должно быть особое Видение. Оно есть у Агаты и у Томаса. Миссис Бранвелл пригласила меня сразу же, когда узнала о моем... даре. Мне же сказали, что она ищет горничную для мисс Джессамины. Миссис Бранвелл предупредила меня о мистере Херондэйле: он, мол, скорее всего, будет груб и фамильярен. Тогда-то она и сказала, что я могу грубить в ответ и против этого никто не станет возражать.

- Что ж, он грубит направо и налево, так что вполне справедливо, что кто-то груб по отношению к нему, - усмехнулась Тесс.

- Тем более что у меня есть разрешение миссис Бранвелл. - Софи усмехнулась в ответ.

«Когда она улыбается, то становится по-настоящему прекрасной, - подумала Тесс. - А есть у нее шрам или нет - какая в целом разница?»

- Вам нравится миссис Шарлотта? - продолжала расспрашивать Тесс. - Она кажется ужасно доброй.

Софи пожала плечами:

- На старом месте я прислуживала миссис Аткинс. Эта леди была настолько рачительна, что требовала отдавать ей каждый использованный огарок свечи, каждый обмылок. И потом, нам приходилось использовать мыло до конца, прежде чем она выдавала нам новый кусок. А миссис Бранвелл дает мне новое мыло всякий раз, когда я прошу. - Софи произнесла это с таким почтением, словно речь шла о горах золота.

- Полагаю, все они здесь, в Академии, достаточно богаты. - Тесс подумала о дорогой мебели и богатых гобеленах.

- Возможно. Но я достаточно уже навозилась с гардеробом миссис Бранвелл, и знаю, что она не покупает новых платьев.

Тесс подумала о синем платье Джессамины, которое она надевала на обед предыдущим вечером.

- А мисс Ловлесс?

- У нее свои деньги, - мрачно заявила Софи и отстранилась от Тесс. - Вот. Посмотрите, что получилось.

Тесс улыбнулась:

- Спасибо, Софи.

* * *

Когда Тесс вошла в столовую, остальные уже завтракали. Шарлотта, облачившаяся в простое серое платье, мазала джемом тост, Генри спрятался за газетой, а Джессамина доедала овсянку и при этом вела себя очень манерно. Перед Уиллом на тарелке возвышалась гора яиц и бекона, которые юноша уплетал за обе щеки. Тесс в очередной раз пришла к заключению, что Уилл вовсе не пил предыдущей ночью: вряд ли у человека, хорошо принявшего на грудь, с утра будет такой зверский аппетит.

– Мы только что говорили о вас, мисс Грей, – начала Джессамина, когда Тесс присела за стол, и пододвинула девушке пустую тарелку. – Бекон?

Тесс взяла вилку и с тревогой во взгляде посмотрела на собеседницу:

– И о чем вы говорили?

– Конечно же решали, что нам с вами делать дальше. Обитатели Нижнего мира не могут подолгу жить в Академии, – ответил вместо Джессамины Уилл. – Что до меня, так я предложил продать вас цыганам на Хампстед-Хит [46]. – С этими словами он повернулся к Шарлотте и с вызовом посмотрел ей прямо в глаза. – Я слышал, худые женщины у них ценятся так же, как хорошие лошади.

– Прекрати, Уилл. – Шарлотта наконец отвлеклась от своего тоста и взглянула на юношу. – Ты говоришь совершенно нелепые вещи.

Уилл откинулся на спинку стула:

– Вы правы. Они никогда бы ее не купили. Слишком худая.

– Достаточно! – отрезала Шарлотта, и в голосе ее зазвучали стальные нотки. – Мисс Грей должна остаться. Остаться хотя бы потому, что мы проводим небезызвестные тебе исследования и нам не обойтись без ее помощи. Я уже сообщила Клейву о своем решении: мисс Грей останется в Академии до тех пор, пока не будет решена проблема «Клуба Преисподняя» и не найден ее брат. Я все верно говорю, Генри?

– Совершенно точно, дорогая, – согласился Генри и отложил свою неизменную утреннюю газету. – Мы пристально следим за всеми существами из преисподней, так что ты права, Шарлотта, впрочем, как всегда.

– Вы лучше скажите об этом Бенедикту Лайтвуду, – фыркнул Уилл. – Знаете, каково ему приходится?

Шарлотта слегка побледнела, и Тесс стало интересно, кто такой этот Бенедикт Лайтвуд.

– Уилл, я бы очень хотела, чтобы сегодня ты вновь посетил дом Темных сестер, – сменила тему разговора Шарлотта. – Там сейчас никто не появляется, так что самое время его хорошенько обыскать. И я хочу, чтобы ты взял с собой Джема...

Неожиданно лицо Уилла стало очень серьезным.

– Он хорошо себя чувствует?

– Вполне, – ответил Джем. Он неслышно вошел в комнату и теперь стоял у буфета, сложив руки на груди. Выглядел он уже не таким бледным, как в прошлую ночь, а из-за красного жилета даже казалось, будто на его щеках играет яркий румянец. – Более того, я хочу сказать, что все практически готово.

– Ты должен сначала позавтракать, – раздраженно проговорила Шарлотта и указала на полную тостов тарелку. Джем сел за стол и улыбнулся Тесс. – Ах да, Джем, это мисс Грей. Она..

– Мы уже встречались, – спокойно объявил Джем, и Тесс почувствовала, что краснеет.

Она бросала на него исподтишка полные любопытства взгляды, а он тем временем невозмутимо взял кусочек хлеба и стал намазывать его маслом. Для такого, мягко говоря, стройного – а выражаясь более прямо и более честно, так и болезненно худого – человека у него оказался очень хороший аппетит.

– Вы знакомы? – удивилась Шарлотта.

– Я столкнулся с Тесс в коридоре вчера вечером и представился. Возможно, я немного ее испугал.

Он поднял голову от тарелки и посмотрел прямо в глаза Тесс, которая не успела отвести взгляд.

Шарлотта пожала плечами:

– Очень хорошо. Я хотела бы, чтобы ты пошел с Уиллом. Тем временем мисс Грей..

– Зовите меня Тесс, – попросила девушка. – И эта просьба касается всех собравшихся.

– Очень хорошо, Тесс, – сказала Шарлотта, едва заметно улыбнувшись. – Генри и я поговорим с мистером Акселем Мортмэйном, работодателем вашего брата. Посмотрим, может, он или кто-нибудь из его служащих прольет свет на тайну исчезновения Натаниэля.

– Спасибо, – пробормотала Тесс, которая до последнего думала, что все обещания помочь найти брата – лишь пустой звук. А оказалось, что они не только собирались помогать, они уже и предпринимали кое-какие действия. Тесс стало стыдно за свою подозрительность.

– Я слышал об Акселе Мортмэйне, – задумчиво проговорил Джем. – Он шатан[47], один из крупных воротил, живущих в Шанхае. Его компания занимает несколько домов на набережной.

– Да, – согласилась Шарлотта. – В газетах пишут, что он сделал состояние на импорте шелка и чая.

– Фьюю! – присвистнул Джем. – Газеты врут, впрочем, им и не привыкать. На самом деле он сколотил свое состояние на торговле опиумом. Впрочем, у всех этих богатеев рыльце в пушку. Закупают опиум в Индии, перевозят по воде в Кантон[48] и продают там.

– Успокойся, Джеймс, он всегда играл по правилам и не нарушал наших законов. – Шарлотта протянула пачку бумаг через стол Джессамине. – Тем временем Джесси и Тесс могут просмотреть бумаги: быть может, там найдется что-то интересное, то, что мы упустили при беглом просмотре..

Джессамина так резко отпрянула, словно вместо пачки документов Шарлотта протягивала ей ядовитую змею.

- Леди не занимаются документами. Они могут читать новости светской жизни в газете, театральные афиши, но не эту дрянь...

- Но ты не леди, Джессамина... - начала было Шарлотта.

- Дорогая моя, - прервал ее Уилл, - наша милая Джессамина и к вечеру-то, когда уже придет в себя после сна, не способна к логическим умозаключениям, а уж рано утром... Я бы на твоём месте не рассчитывал на понимание.

- Я хочу сказать, что ты в первую очередь сумеречный охотник и только потом леди, - продолжила Шарлотта, не обращая внимания на Уилла.

- Говорите сами за себя, - фыркнула Джессамина и встала из-за стола - ножки резко отодвинутого стула противно заскрежетали по полу, - щеки ее пылали. - И еще: вряд ли столь остроумные и интеллектуально развитые люди станут обращать внимание на всякие мелочи, но хотелось бы заметить, что единственная вещь, которая есть у Тесс, - вот это вот ужасное красное платье, от которого я уже давным-давно отказалась. Тесс оно не подходит тем более, потому что она выше меня. Но боюсь, вы слишком заняты собой, чтобы замечать подобные мелочи.

- Не стоит... - начало было возражать Шарлотта, но сбилась и замолчала.

- Послушайте, мне вовсе не жаль этого старого платья, но некоторые вещи, которые вам, сумеречным охотникам, кажутся глупыми и нестоящими внимания, для нас, девушек, очень и очень важны. Шарлотта, - судя по всему, Джессамина успокаивалась так же быстро, как и вспыхивала, - думаю, вы должны позволить мне отвести бедную Тесс в город и купить ей новую одежду. Вы только посмотрите, это платье рискует лопнуть при каждом вздохе.

Уилл заинтересованно взглянул на девушку:

- Думаю, ей стоит попробовать вздохнуть поглубже прямо сейчас, а мы посмотрим, что из этого выйдет.

- Ох, - только и сказала Тесс, сильно смущенная подобными разговорами. Но почему же Джессамина внезапно стала так добра к ней, когда еще вчера встретила в штыки? - Нет, действительно... Это не столь необходимо... Не стоит и беспокоиться...

- Необходимо, - твердо заявила Джессамина.

Шарлотта лишь покачала головой:

- Джессамина, пока ты живешь в Академии, ты одна из нас, а посему должна внести вклад...

- Вовсе нет! Это вы считаете, что должны давать приют обитателям Нижнего мира и защищать их, особенно если у них возникли неприятности, - возразила Джессамина. - А это значит, что вы должны обеспечивать их всем необходимым, в том числе и одеждой. Как видите, я буду помогать Тесс.

Генри наклонился к жене.

- Лучше позволь ей сделать так, как она хочет, - сказал он. - Помнишь, последний раз ты пробовала приучить ее к виду кинжалов в оружейной, а она с их помощью изрезала все шпалеры?

- Тогда нам нужен был перевязочный материал, - невозмутимо заявила Джессамина.

- Хорошо, - вздохнула Шарлотта. - Но если говорить начистоту, то иногда вы все приводите меня в совершенное отчаяние.

- А я-то тут при чем? - спросил Джем. - Я же приехал совсем недавно.

Шарлотта, которая казалась очень расстроенной, закрыла лицо руками, и Генри начал ласково поглаживать ее плечи и шептать на ухо что-то успокаивающее. Уилл же через Тесс наклонился к Дjemu и, словно не замечая девушку, поинтересовался:

- Поехали?

- Сначала допью чай, - сказал Джем. - Куда спешить? Сказали же, что сейчас там никто не появляется.

- Я хочу возвратиться засветло, - фыркнул Уилл и наклонился еще ниже, почти что ложась на колени Тесс. Она ощутила слабый запах кожи и металла, который, казалось, навсегда вьелся в его волосы и кожу. - Я хочу этим вечером как следует повеселиться в Сохо с симпатичными крошками.

- Прекратите, - сказала Тесс прямо ему в затылок. - Если вы еще раз увидите Шестипалого Найджела, он может решить, что вы это делаете намеренно.

Джем чуть чаем не подавился.

* * *

Прогулка с Джессаминой началась отвратительно, как, впрочем, Тесс и предполагала. Каким бы перенаселенным ни был Нью-Йорк, Тесс никогда в жизни еще не видела такой плотной разномастной толпы и такого беспорядка, который царил в полдень на лондонской набережной. Экипажи катились рядом с телегами лоточников, до самого верха набитых фруктами и овощами. То тут, то там прямо под колеса кидались закутанные в толстые шали женщины. Они размахивали корзинами с цветами, пытаясь заинтересовать проезжающих

своим товаром. Сутолока была невероятная, и у Тесс даже начала кружиться голова. Потом неожиданно их кеб остановился посреди дороги, зацепившись за проезжающий мимо экипаж, и возницы принялись кричать друг на друга как сумасшедшие, вместо того чтобы побыстрее расцепить повозки и освободить дорогу. Этот шум время от времени перекрывали крики продавцов мороженого: «Хокус-покус, пенни – фокус!» Со всех углов доносились визгливые голоса мальчишек, продающих газеты, – буквально за пять минут пути Тесс уже знала все самые важные новости дня. Где-то поблизости играла шарманка. Тесс только и оставалось, что спрашивать себя: как же можно жить и работать в таком шуме? почему все англичане уже давным-давно не оглохли?

Из окна она увидела старуху с большой металлической клеткой, полной ярких птичек, усевшихся рядком на жердочке. Старуха повернула голову, и Тесс увидела, что кожа ее зеленая, как перья попугая, глаза круглые и черные, совсем как у птицы, а вместо волос – пучок разноцветных перьев. Тесс во все глаза уставилась на старуху, и Джессамина, проследив ее взгляд, нахмурилась.

– Закрой занавески, – приказала она. – А то пыль летит. – Не дожидаясь ответа, она наклонилась вперед и резко их задернула.

Тесс в испуге посмотрела на девушку.

– Вы видели... – начала было она.

– Нет, – оборвала Тесс на полуслове Джессамина и бросила на нее взгляд, который в романах порой называют убийственным. Тесс поспешила отвернуться.

Дальше было только хуже. Они наконец достигли фешенебельного Уэст-Энда. Оставив Томаса присматривать за лошадьми, Джессамина повела Тесс по салонам самых известных в городе портних. Вскоре Тесс сбилась со счета и уже не знала, сколько именно журналов они пересмотрели и сколько образцов ткани перещупали. Тесс было заикнулась, что вполне могла бы купить себе приличное ношеное платье и не тратить целую кучу денег на обновку, но Джессамина тут же резко оборвала ее, заявив, что истинные леди о таком даже подумать не могут. В каждом салоне Джессамина называлась новым именем и рассказывала новую историю, и везде владельцы, казалось, были очарованы ею. И действительно, Джессамина была не только очень хороша собой, она еще и выглядела как настоящая богачка, поэтому продавцы буквально стелились перед ней, стараясь предугадать любой ее каприз. А Тесс, которую почти не замечали, оставалось лишь умирать со скуки и отчаянно ждать, когда же закончится эта пытка. В одном салоне, изображая из себя молодую вдову, Джессамина даже изучила выкройки черного траурного платья. Тесс должна была признать, что черный цвет отлично подчеркивал белизну ее фарфоровой кожи.

– Ах, вы бы выглядели превосходно в этом платье и... кто знает... В любом случае, такой изысканной молодой леди просто преступление долго оставаться одной. Возможно, вскоре вы смените черный цвет на более веселый, – подмигнула портниха, и выглядела она при этом так, будто собиралась вступить с кем-то в заговор. – Знаете, как мы называем эту модель? Ловушкой для женихов.

Джессамина жеманно рассмеялась, портниха едва заметно улыбнулась, а Тесс решительно встала, собираясь выйти на улицу, – ей уже опротивело это затянувшееся представление. Как будто почувствовав ее раздражение, Джессамина чуть презрительно посмотрела на девушку, на губах ее играла снисходительная улыбка.

– Вы знаете, – обратилась она к портнихе, – все эти платья очень хороши, но я бы хотела купить еще и кое-что для своей кухни из Америки. Только ради бога, не слушайте ее пожеланий, потому что все американцы, как один, совершенно ничего не смыслят в хорошей одежде. Ах да, и еще.. Моя кухня слишком, я хочу особо подчеркнуть, слишком худа. Но я надеюсь, что такая мастерица, как вы, даже при этих условиях сможет сотворить чудо.

Портниха быстро заморгала и перевела удивленный взгляд на Тесс, словно только что ее увидела. Возможно, так оно и было.

– Конечно, мэм, но вам.. вам что-нибудь понравилось?

Как оказалось, Тесс совершенно не была готова к визиту к модистке. Когда она жила в Нью-Йорке, то одежду ей покупала тетя. Это были самые обычные, сшитые из дешевой ткани готовые платья, которые нужно было еще подгонять по фигуре. Цвет – от серого до темно-серого: тетя считала, что хорошо воспитанной юной леди не стоит привлекать к себе внимание яркими нарядами. До этого момента Тесс и предположить не могла, что ей идет синий цвет, который подчеркивает синеву ее глаз, или розовый, от которого ее щеки кажутся еще более румяными, чем есть на самом деле. Пока ее обмеряли, Джессамина и модистка вели непринужденный разговор о последних новинках моды и о каком-то мистере Чарлзе Уорте [49]. Тесс стояла ни жива ни мертва и не сводила глаз со своего отражения в зеркале, каждую секунду ожидая начала изменения. Время от времени она испуганно вздрагивала: ей казалось, будто ее черты начинают расплываться. Но она так и осталась собой и в конце концов даже заказала для себя четыре роскошных платья, которые должны были доставить в Академию через неделю, когда они будут готовы. Одно платье было розовым, второе – желтым, третье – с сине-белыми полосками и крошечными пуговичками из кости, и последнее – из золотого и черного шелка. Кроме того, она стала обладательницей двух шикарных жакетов. Один из них даже был украшен дорогими брюссельскими кружевами и расшит бисером.

– Подозреваю, ты будешь выглядеть довольно мило в этом наряде, – заявила Джессамина, когда они вновь уселись в экипаж. – Удивительно, как модная вещица может преобразить человека.

Тесс молча сосчитала до десяти, прежде чем ответить:

– Я очень обязана вам, Джессамина. Теперь мы возвратимся в Академию?

Тут же от радости Джессамины не осталось и следа. «Она ненавидит это заведение», – подумала озадаченная Тесс. Но что же такого плохого в Академии? Конечно, вряд ли ее можно было назвать обычным учебным заведением, но Джессамине следовало бы уже давно привыкнуть к происходящему. Она ведь сумеречный охотник, как и все остальные.

- Прекрасный день! - Джессамина решила на отвечать на вопрос Тесс. - А ведь ты еще не видела Лондон. Думаю, прогулка по Гайд-парку придется тебе по душе. После этого мы можем пойти до кондитерской Гунтера и заказать там восхитительный десерт!

Тесс выглянула из окна кеба. По дороге клочьями вился туман, небо было серым с редкими, сиреневого цвета, просветами. Такой день в Нью-Йорке называли бы скорее ужасным, но в Лондоне, похоже, погоду определяли по иным критериям. Кроме того, Тесс понимала, что сильно обязана Джессамине, а той - и это было ясно - совершенно не хотелось возвращаться домой.

- Я обожаю парки, - объявила в конце концов Тесс.

Джессамина едва заметно улыбнулась.

* * *

- Ты не сказала мисс Грей об обмане, - вздохнул Генри.

Шарлотта подняла взгляд от бумаг и тяжело вздохнула. Эта тема всегда была для нее болезненной: уже неоднократно она обращалась к Клайву с просьбами, но он всегда настаивал на том, что Академия может себе позволить держать лишь один экипаж. Прекрасный экипаж, надо сказать, почти что настоящая карета, да к тому же еще и управляемый Томасом, который всегда был превосходным кучером. Но сейчас это значило лишь то, что Шарлотте придется позаимствовать экипаж у Бенедикта Лайтвуда, которого она сильно недолюбливала. И тот экипаж, который он ей всегда одалживал, был маленьким и неудобным. Бедняга Генри, которого Господь наделил немалым ростом, то и дело стучался головой о низкую крышу.

- Нет, - сказала она. - Бедной девочке и без того уже досталось. Я не смогла рассказать ей правду. Только представь, что бы с ней стало, узнай она, что все те адские механизмы, которые мы обнаружили в подвале Темного дома, были изготовлены компанией, в которой работал ее брат. Она и без того слишком сильно переживает из-за произошедшего, не стоит ей еще добавлять волнений.

- Это может ровным счетом ничего не значить, дорогая, - возразил Генри. - «Мортмэйн и компания» производит большинство станков, используемых в Англии, а сам владелец фирмы, Мортмэйн, настоящий гений. Чего только стоит его машина, производящая шарикоподшипники, которую он недавно запатентовал...

- Да, да. - Было видно, что Шарлотте тяжело справиться с раздражением, хотя она и очень старается. - И все-таки теперь мне кажется, что мы должны были сказать ей правду. Но поверь, я думала, что лучше сначала поговорить с мистером Мортмэйном и разузнать об этом деле как можно больше. Хотя ты прав. Он может вообще ничего не знать, а может и напротив знать слишком много. Знаешь, Генри, у меня на душе очень неспокойно.

И она вновь погрузилась в записи, которые некогда сама же сделала. Алекс Мортмэйн был единственным сыном доктора Холлингворта Мортмэйна, хотя и незаконным. Холлингворту удалось сделать неплохую карьеру, хотя он и начинал как скромный судовой врач. Работал он в те далекие времена на судне, курсирующем между Англией и Китаем. Судно это принадлежало одному богатому торговцу, покупавшему и продававшему специи и сахар, шелк и чай... В общем все, за что можно было выручить неплохие деньги. Естественно, не обходил этот торговец своим внимание и опиум. Вполне возможно, что именно он и стал основной статьей его доходов. Конечно же сам доктор предпочитал не распространяться о самом прибыльном своем товаре, но Шарлотте была известна правда, и в душе она была согласна с Джемом. Доктор Мортмэйн умер сразу после подписания Нанкинского договора[50], когда его сыну, Акселью, только-только исполнилось двадцать лет. Аксель унаследовал состояние отца. По прошествии нескольких лет он очень выгодно вложил львиную долю капитала в строительство судов нового типа и... торговлю опиумом. Лет за десять молодой Мортмэйн удвоил, а потом и учетверил богатство отца.

Затем он перебрался из Шанхая в Лондон, продал торговые суда и приобрел большую компанию, которая производила часы всех моделей: от карманных до настольных. В общем, Аксель Мортмэйн был очень богатым и очень влиятельным человеком.

* * *

Экипаж остановился перед одним из ряда выкрашенных белой краской зданий с высокими, чуть ли не от пола до потолка, окнами. Дома эти соединяла широкая терраса.

Генри высунулся из экипажа, чтобы получше рассмотреть номер на медной доске, прикрепленной к воротам.

– вроде приехали. – Он потянулся к двери экипажа.

– Генри... – начала Шарлотта и положила свою руку на его, не давая открыть дверцу. – Генри, помнишь, о чем мы говорили этим утром?

Он натянуто улыбнулся:

– Постараюсь не смущать тебя и не отвлекаться. Знаешь, мне вот иногда бывает очень интересно, почему ты вообще берешь меня с собой. Ты же знаешь, что я мямля и не умею находить с людьми общего языка.

– Ты не мямля, Генри, – мягко заверила его Шарлотта. Она нежно коснулась его лица, отбросила назад упавшие на глаза волосы... Но в последний момент сдержалась. Она знала... Нет, была убеждена: нельзя манипулировать Генри, пользуясь его добротой и любовью.

Оставив экипаж на попечение кучера Лайтвуда, они поднялись по лестнице и позвонили. Дверь тут же открыл лакей в темно-синей ливрее. Лицо его было донельзя надменным, словно на самом деле это он был хозяином дома.

– Доброе утро, – сказал он, однако это вежливое приветствие из его уст звучало почти оскорбительно. – Могу ли я спросить, по какому делу вы пожаловали к мистеру Мортмэйну?

Шарлотта покосилась на Генри, который с мечтательным выражением на лице смотрел куда-то мимо лакея. Не нужно было быть очень проникательным человеком, чтобы понять, что думает он в этот момент о винтиках, шестеренках и всевозможных хитроумных устройствах. Однако они явились сюда не для того, чтобы вести беседы о современных механизмах. Мысленно вздохнув, Шарлотта обратилась к лакею:

– Я миссис Шарлотта Грей, а это мой муж, мистер Генри Грей. Мы ищем нашего кузена – молодого человека по имени Натаниэль Грей. Мы знаем, что он работал на мистера Мортмэйна...

На мгновение – хотя Шарлотта и не поручилась бы за то, что это не было плодом ее воображения, – ей показалось, что она заметила вспышку беспокойства в глазах лакея.

– Мистер Мортмэйн управляет большой компанией. Вы же не ожидаете, что он знает местонахождение каждого работника. Это было бы невозможно. Скорее всего, вам лучше пообщаться с полицией.

Шарлотта прищурилась. Прежде чем они оставили Академию, она начертала на руке руну убеждения, воздействию которой миряне практически были не в силах противостоять.

– Мы обращались, но полиция пока бессильна. Это так ужасно! Мы с ума сходим от беспокойства, уже и не знаем, куда бежать, к кому обращаться. Если бы мы могли увидеть мистера Мортмэйна хотя бы на секундочку...

Она расслабилась, поскольку лакей медленно кивнул. На лице его застыло растерянное выражение, словно он не понимал, почему уступил просьбам этой женщины.

– Я доложу мистеру Мортмэйну о вашем визите. Пожалуйста, подождите в вестибюле.

Он открыл широкую дверь, и Шарлотта последовала за ним в дом. Генри семеня шаг за шагом. Он принял пальто Генри, шляпу и накидку Шарлотты, прежде чем оставить их вдвоем. Однако присесть он им так и не предложил – что ж, натура есть натура. Как только он ушел, супруги стали с любопытством осматриваться по сторонам.

Потолок вестибюля был высокий, лишенный столь модной в последнее время лепнины. Единственное его украшение – длинные шелковые флаги, на которых был вышит китайский иероглиф «Удача». В дальнем углу стоял серебряный гонг, судя по изображенным на его подставке символам, привезенный из Индии. На стенах висело множество пейзажей, выполненных тушью. Шарлотта узнала гору Килиманджаро, египетские пирамиды, Тадж-Махал, фрагмент

Великой Китайской стены.. Ей стало ясно, что Мортмэйну за свою жизнь довелось много попутешествовать и сейчас он очень этим гордился.

Шарлотта повернулась к Генри, чтобы узнать его мнение, но он, как всегда погрузившись в свои мысли, неотрывно смотрел на лестницу и беззвучно шевелил губами. Однако прежде, чем Шарлотта заговорила, в вестибюле возник лакей, вот только на этот раз на его губах играла любезная улыбка.

- Пожалуйста, проходите.

Генри и Шарлотта проследовали за лакеем до конца коридора, где тот открыл полированную дубовую дверь и предложил войти.

Они оказались в огромном кабинете с широкими, почти во всю стену, окнами, выходящими на площадь. Темно-зеленые занавески были раздвинуты, и Шарлотта ясно увидела экипаж Лайтвуда, ожидающий их возвращения. Лошадь лениво жевала овес, щедро насыпанный в привязанную к голове торбу, а извозчик, так и не слезший с козел, читал газету. Ветви деревьев все в зелени чуть покачивались, мимо шли люди, ехали экипажи, разносчики газет открывали рты в безмолвном крике.. Да, в комнату не долетали звуки с улицы, и только тиканье настенных часов фирмы «Мортмэйн и компания» - название это было выгравировано на позолоченном циферблате - нарушало царящую здесь тишину.

Стоявшая в кабинете массивная мебель была сработана из темного дерева. Стены украшали головы экзотических животных, среди которых были тигр, антилопа и леопард, а также пейзажи, при первом взгляде на которые зрителей тут же посещали мысли о путешествиях в дальние страны. В центре комнаты возвышался большой стол красного дерева, на резной столешнице которого аккуратными стопками были разложены документы. Наверху каждой из этих стопок лежал какой-нибудь причудливый медный механизм. В углу стола стоял медный глобус, на подставке которого значилась надпись: «Глобус Земли с указанием самых последних географических открытий». Глобус этот был весьма патриотичен, потому как все территории, входящие в состав Британской империи или находящиеся под ее управлением, были выкрашены в один цвет - розовато-красный. Шарлотту всегда забавляли такие штуки, как глобусы мирян. Насколько она знала, мир на самом деле имел несколько другую форму.

За массивным столом сидел человек, который сразу же поднялся при их появлении. Это был маленький, энергичного вида мужчина средних лет с седыми волосами и пушистыми бакенбардами. Его кожа огрубела, совсем как у старого моряка, привыкшего бороться с ветром и палящим солнцем, светло-серые глаза были решительно прищурены. Несмотря на элегантный костюм, сшитый, судя по всему, у дорогого портного, он больше походил на путешественника, чем на успешного финансиста. Акселя Мортмэйна было легче представить капитаном уплывающего в неведомые страны судна, чем председателем совета директоров крупной компании.

- Добрый день, - сказал он. - Мне сообщили, что вы разыскиваете мистера Натаниэля Грея.

– Да. – Шарлотта только было открыла рот, как ее, к немалому удивлению, опередил Генри. Он редко брал на себя инициативу в беседах, особенно когда дело казалось разговором с незнакомцами.

Шарлотта пристально посмотрела на мужа и поняла, что тот теперь внимательно разглядывает какую-то сложную схему, разложенную на письменном столе миллионера. Что ж, возможно, его слова относились именно к этой схеме, а не к начатому мистером Мортмэйном разговору.

– Видите ли, он наш племянник и мы..

«Нет, все же к разговору», – решила про себя Шарлотта, а вслух сказала:

– Мы очень ценим, что такой занятой человек, как вы, нашел время для разговора с нами, мистер Мортмэйн. Мы знаем, что наш племянник был всего лишь вашим служащим, одним из многих...

– Если быть точным, мэм, то их в моей компании сотни, – прервал ее Мортмэйн. У него был приятный баритон, и в голосе его звучали нотки неподдельного удивления. – Надеюсь, вы понимаете, что я не могу помнить всех своих служащих по именам, это попросту невозможно. Но мистера Грея я помню. Хотя, должен признаться, он никогда не говорил, что его дядя и тетя – сумеречные охотники...

Глава шестая

Странная земля

Гоблинов не добры лица...

Не гляди на них, сестрица!

Гроздь винограда –

Из какого сада?

Чем их поливали,

Прежде чем сорвали?.. [51]

Кристина Россетти [52] «Базар гоблинов»

- Знаешь ли, я представлял себе бордель несколько иначе, - задумчиво заявил Джем. Юноши стояли у входа в здание, которое Тесс несколько недель назад нарекла Темным домом. Выглядело оно сейчас еще более мрачным, чем во время последнего «визита» Уилла, словно кто-то специально обмазал дом грязью.

- А если не секрет, как ты себе представлял его, Джем? Думал, что ночные бабочки выбегут на балкон и станут на радостях махать тебе платками? А может быть, ты ждал, что вход будут украшать статуи обнаженных красоток?

- Я предполагал... - начал было Джем, но потом, не найдя что ответить, коротко закончил: - Я ожидал чего-то менее... серого.

Надо признать, что, когда Уилл оказался тут в первый раз, ему в голову пришла та же мысль. Сейчас же при взгляде на Темный дом его снова охватило странное ощущение. Наглухо закрытые окна покрывал толстый слой пыли, стены казались прокопченными и обшарпанными... Неужели кто-то, пусть даже и Темные сестры, мог считать это место домом?!

Уилл закатал рукава:

- Похоже, нам придется выбить дверь...

- Или... - протянул Джем и повернул дверную ручку, - просто открыть ее.

Дверь распахнулась, и юношам показалось, что они стоят на пороге, отделяющем мир людей от мира вечной, абсолютной тьмы.

- Это лень в тебе говорит, - проворчал Уилл.

Вытащив из-за пояса тонкий охотничий кинжал, он осторожно вошел в дом. Джем последовал за ним, крепко сжав в руке нефритовую трость. Они не раз попадали в опасные ситуации, и роли были распределены уже давным-давно: Уилл всегда отважно шел в атаку, однако частенько забывал следить за тем, что происходит у него за спиной, так что Джем волей-неволей приходилось охранять тылы своего порой не в меру отважного друга.

Дверь качнулась и медленно, со скрипом закрылась; юноши оказались одни в полутемном холле, отрезанные от окружающего мира. Судя по всему, с момента первого визита Уилла тут ничего не изменилось - та же лестница, изгибаясь, вела наверх, тот же шербатый мраморный пол, на котором уже с трудом просматривался некогда изящный рисунок, тот же спертый воздух, тот же запах пыли...

Джем поднял руку, и вспыхнул колдовской свет, десятки огромных черных жуков кинулись из-под ног в разные стороны. Уилл скривился от отвращения:

- Дивное место, так и хочется побыстрее слинять отсюда. Будем надеяться, что хозяева оставили тут кое-что еще помимо грязи. Неизвестные нам адреса, несколько расчлененных тел, проститутку, а лучше даже и не одну...

- Действительно. Если нам очень повезет, то мы сможем даже поймать сифлис.

- Или дьявольскую сыпь, - бодро добавил Уилл, толкнувшись в дверь под лестницей. Она также была не заперта. - Дьявольская сыпь - как раз то, что доктор прописал.

- Дьявольской сыпи не существует.

- Существует, это просто вопрос веры, которой у тебя маловато. - И Уилл исчез в темноте.

Они тщательно обыскали подвалы и комнаты первого этажа, но не нашли ничего стоящего - только мусор и пыль. Комната, где Тесс и Уилл сражались с Темными сестрами, оказалась пуста. После долгих поисков Уилл все-таки нашел на стене какие-то бледные пятна, очень отдаленно напоминающие кровавые разводы, но Джем умерил его пыл, сказав, что с тем же успехом это могли быть и следы краски.

Выбравшись из подвалов, они поднялись наверх и оказались в длинном темном коридоре, по обе стороны которого шли двери. Его Уилл тоже хорошо помнил - именно здесь они с Тесс убегали от Темных сестер.

Отглянувшись по сторонам, Уилл нырнул в первую же комнату, которая оказалась по правую руку от него, - это была комната, где он нашел Тесс... Никаких следов ее пребывания. Даже осколков кувшина, который она в него запустила, и тех нет. Комната была пуста, мебель увезли. И лишь четыре незначительных углубления в полу указали то место, где некогда стояла тяжелая кровать.

Другие комнаты если и отличались от первой, то лишь количеством сваленного в них мусора. Уилл как раз пробовал открыть окно в одной из них, когда услышал голос Джема. Поспешив на зов, Уилл обнаружил друга в последней комнате по левую сторону коридора. Он стоял на середине комнаты, а в руке его ярко сиял колдовской свет. И... Он был не один! В обитом темным велюром кресле сидела женщина.

Она была молода, вероятно, не старше Джессамины, но платье носила самое простое, какое и не каждая старая дева наденет. Ее тусклые, темные волосы были собраны на затылке в тугий пучок, обнаженные до локтей руки покраснели от бесконечной работы по дому и стирки, кожа на них огрубела. Ее широко открытые глаза смотрели в пустоту.

- Ого! - выдохнул Уилл, слишком удивленный, чтобы сказать что-то еще. - Она...

- Она мертва, - отрезал Джем.

- Уверен? - Уилл не мог отвести взгляда от лица женщины. Она была бледной, очень бледной, но без синева, каковая обычно очень быстро появляется на трупах, а пальцы ее лежащих на коленях рук были слегка согнуты. Именно согнуты, а не скрючены в предсмертной конвульсии.

Уилл подошел поближе и взял ее за руку. Рука незнакомки оказалась твердой, как камень, и такой же холодной.

– Джем, она не обращает на меня внимания, – с театральным вздохом сказал Уилл, – так что она, скорее всего, мертва.

– Или она добродетельная женщина с хорошим вкусом. – Джем опустился на колени и заглянул покойнице в лицо. Ее бледно-синие, чуть навывкате глаза походили на кукольные. – Мисс, – тихо позвал он и, коснувшись ее запястья, попробовал нащупать пульс.

В ту же секунду девушка резко дернулась, и из груди ее вырвался низкий нечеловеческий полустон-полухрип.

Джем стремительно выпрямился и сделал пару шагов назад:

– Что...

Девушка подняла голову. Ее глаза были по-прежнему мертвы, и лишь зрачки вращались во все стороны, словно она тщетно пыталась сфокусировать взгляд. С ее губ сорвался мучительный стон и...

– Бойся! – закричала вдруг она столь истошно, что Уилл от неожиданности вскрикнул и отскочил назад. Голос ее напоминал скрежет трущихся друг о друга деталей механизма. – Остерегайтесь, нефилиты. Вас убьют точно так же, как сейчас убиваете вы. Ваш ангел не сможет защитить вас от того, что не создавал ни Бог, ни Дьявол, даже он не устоит против армии, пришедшей ни с Небес и ни из Ада. Остерегайтесь человека. Остерегайтесь механического ангела... Остерегайтесь... – Ее голос становился все громче и громче, пока не превратился в отчаянный, все заглушающий вопль. Она, словно марионетка в руках безумного кукловода, задергалась в разные стороны, замахала руками. – **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ... ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ... ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ... ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ...**

– Мой бог... – пробормотал Джем.

– **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ!** – взвыла женщина в последний раз, повалилась вперед и растянулась на полу.

Наступила зловещая тишина. Уилл уставился на нее, широко открыв рот.

– Она... – начал он.

– Да, – вздохнул Джем. – Думаю, на этот раз она точно мертва.

Но Уилл только головой покачал:

– Мертва? Знаешь, а вот теперь я так не думаю.

– И что же ты думаешь?

Вместо ответа Уилл опустился на колени возле тела. Двумя пальцами он коснулся щеки женщины и осторожно повернул ее голову так, чтобы заглянуть ей в лицо. Ее рот был широко открыт, правый глаз невидяще смотрел в потолок, а левый свисал до середины щеки на медном проводе, прикрученном к чему-то в глубине глазницы.

- Она никогда не была живой, потому никогда и не умирала, - объявил Уилл.
- Думаю, она... что-то наподобие одного из устройств Генри. - Кончиками пальцев он дотронулся до ее лица. - Кто же мог сделать такую штуку?

- Если бы только знать. Но она назвала нас нефилимами. Она знала, кто мы.

- Или это знал тот, кто ее сделал, - заметил Уилл. - Не думаю, что она вообще что-то знала. Она всего лишь механизм, вроде часов. А теперь у нее просто кончился завод. - Он встал. - Так или иначе, но лучше отвезти ее в Академию. Генри непременно захочется взглянуть на такое уникальное изобретение.

Джем не отвечал. Он смотрел на женщину, распластавшуюся на полу. Ее платье задралось до колен, обнажив грязные ноги. Рот был открыт в немом крике, и Джем ясно различал, как ее горло металлически поблескивает в тусклом свете лампы.

* * *

Только оказавшись в парке, Тесс почувствовала, что начинает расслабляться. Она не бывала на природе с тех самых пор, как приехала в Лондон, и теперь она насмотреться не могла на зеленую упругую траву и ветвистые деревья. И пусть парк этот был и в половину не столь хорош, как Центральный парк Нью-Йорка, ей все равно было хорошо, а в последнее время она, как никогда прежде, научилась ценить такие маленькие радости. Воздух здесь казался не таким сырым, как в городе, да и небо выглядело почти синим... Чего же еще желать?

Томас опять остался ждать девушек на козлах экипажа. Все это время Джессамина рта не закрывала, болтая обо всем на свете и одновременно ни о чем, а Тесс молча шла рядом, наслаждаясь прогулкой. Они прошли по широкой аллее, и Джессамина сообщила, что она, одному Богу известно почему, называлась Гнилым рядом. Несмотря на столь неблагозвучное название, это было место, чтобы, как говорится, и на людей посмотреть и себя показать. Посреди аллеи гарцевали на лошадях мужчины и женщины в изящных нарядах. Их веселый смех эхом разносился по парку, а ветер играл легкими вуалями, прикрепленными к небольшим элегантным шляпкам. По бокам аллеи неспешно прогуливались пешеходы. Под деревьями были установлены стулья и скамьи, на которых сидели преимущественно женщины, они лениво крутили в руках яркие зонтики от солнца и потягивали мятную воду. Рядом с ними курили представительные джентльмены, усатые и бородатые. В воздухе смешались запахи табака и лошадей с ароматом свежескошенной травы и духов.

Во время прогулки с ними никто не заговаривал, но Джессамина, казалось, знала всех и вся - знала, кто женился, кто искал мужа, кто имел дело с чьей-то там женой - и все знали об этом, кроме несчастного мужа. От этой болтовни слегка кружилась голова, и Тесс обрадовалась, когда они свернули на более узкую дорожку, ведущую в глубь парка.

Там Джессамина взяла Тесс под руку и слегка пожала – жест получился очень дружеским.

– Ты и не представляешь, какое это облегчение, когда рядом появляется еще одна девушка, – затараторила она. – Конечно, Шарлотта – замечательный человек, но она такая правильная, такая скучная... К тому же она замужем!

– Но есть же еще и Софи.

Джессамина фыркнула:

– Софи – служанка.

– Я знала девушек, которые очень дружески общались с горничными, – возразила Тесс.

Хотя, если быть честным, ее утверждение было не до конца верным. Она читала о таких девушках, но лично не знала ни одну. Однако, согласно романам, главная функция горничной состояла в том, чтобы слушать вас, пока вы изливаете ей сердечные тайны, рассказывая о своей трагической любви. За это главная героиня иногда позволяла одеваться горничной в свою одежду и притворяться хозяйкой. Таким образом, кстати, она могла избежать пленения главным злодеем. Правда, Тесс, как ни старалась, так и не могла представить себе Софи защищающей честь и достоинство Джессамины.

– Ты же видела ее лицо. Уродство ожесточило ее сердце. Тем более что горничная настоящей леди должна быть симпатичной и непременно говорить по-французски. А Софи мало того что уже никогда не станет красавицей, что ты с ней ни делай, так она еще и глупа как пробка. Язык ей, во всяком случае, выучить не по силам. Я сразу же сказала об этом Шарлотте, в тот же день, как она привела ее к нам. Но Шарлотта никогда не слушала меня. Никогда.

– Даже не представляю почему, – удивилась Тесс.

Они свернули на узкую дорожку, которая петляла между деревьями. За зарослями поблескивала река, а деревья, сплетаясь над головой ветвями, образовывали навес, укрывающий гуляющих от яркого солнца.

– Зато я знаю! – Джессамина запрокинула голову и подставив лицо солнечным лучам. – Шарлотта никогда никого не слушает. Она даже бедного Генри держит под каблуком. Не знаю, почему он вообще на ней женился.

– Как я понимаю, потому, что любит ее.

Джессамина снова фыркнула:

– А вот и неправильно понимаешь. Кроме тебя, так больше никто не думает. Генри просто хотел получить доступ к ресурсам Академии, в противном случае ему пришлось бы прервать свои дурацкие опыты и он бы никогда не воплотил в жизнь ни одну из своих задумок. Не думаю, что это он склонил Шарлотту к замужеству... вряд ли он вообще хотел жениться. Но если бы какая-то другая женщина управляла Академией, он, не задумываясь, женился бы на ней. Вряд ли для него есть разница между Шарлоттой и другими

женщинами. А еще есть эти мальчишки – Уилл и Джем. Джем достаточно приятный молодой человек, но ты знаешь, он, как иностранец, не заслуживает доверия. К тому же стоит узнать его поближе, как ты понимаешь, насколько он эгоистичен и ленив. Он не вылезает из своей комнаты, притворяется больным, порой отказывается выручить... – Джессамина беспечно болтала, очевидно забыв, что прямо сейчас Джем и Уилл бродят по Темному дому, в то время как она прогуливается в парке с Тесс. – А Уилл... Он вбил себе в голову, что должен вести себя так, словно воспитан дикарями. Он никого не уважает, для него не существует авторитетов, и он представления не имеет о том, как должен вести себя настоящий джентльмен. Я предполагаю, это потому, что он из Уэльса!

Тесс была сбита с толку:

– Из Уэльса?

«Разве это плохо – быть уэльсцем?» – собралась добавить она, но Джессамина, очевидно, иначе истолковала ее вопрос. Решив, что девушка поражена до глубины души и поверить не может в услышанное, настолько оно ужасно, Джессамина продолжала с удвоенным рвением:

– Да. Ты только посмотри на его черные волосы, и у тебя сразу же развеются все сомнения. Хотя, конечно, он не чистокровный уэльсец. Из Уэльса была его мать. Ради нее-то его отец и оставил нефилимов. Вот и вся история. А может, она его околдовала? – рассмеялась Джессамина. – Они ведь там, в Уэльсе, владеют совершенно особенным волшебством и знают всякие разные интересные штучки.

Тесс первый раз об этом слышала.

– А ты не знаешь, что случилось с родителями Уилла? Они и правда мертвы?

– Скорее всего, да. А как иначе? Ведь будь они живы, они непременно явились бы и забрали его. – Джессамина нахмурилась. – Так или иначе, но он сирота... Знаешь, я больше не хочу говорить об Академии. – Она повернулась и внимательно посмотрела на Тесс: – Я уверена, что тебе не терпится узнать, почему я так хорошо к тебе отношусь.

И вот тут Джессамина ошибалась. Тесс совершенно искренне считала, что все идет так, как и должно быть. Во всяком случае, в романах девушки из хороших и некогда богатых семейств, совсем как она сама, часто находили себе любезных и богатых защитниц в минуты жизненных невзгод. Эти в высшей степени достойные леди помогали своим протеже добрым советом и участием, давали им кров, покупали одежду и приглашали к ним лучших учителей. «Ну с образованием у меня все в порядке, – подумала Тесс. – Тетя Генриетта была, пожалуй, умнее всех гувернанток и учителей, вместе взятых». Хотя, надо сказать, Тесс все же немного смущал тот факт, что Джессамина ничуть не напоминала самоотверженных и великодушных пожилых дам из романов.

– Джессамина, вы читали «Фонарика» [53]?

– Конечно нет. Девушки не должны читать романы, – объявила Джессамина назидательным тоном, совершенно очевидно кому-то подражая. – Тем не менее, Тереза, я решила тебе довериться.

- Тесс, - автоматически поправила ее Тесс.

- Конечно, поскольку мы уже стали лучшими друзьями, - легко согласилась Джессамина, - а скоро станем друг для друга и кое-кем еще.

Тесс озадаченно посмотрела на свою спутницу:

- Что вы имеете в виду?

- Уверена, этот противный Уилл уже наврал тебе с три короба, сказал, что мои родители, мои дорогие папочка и мамочка мертвы, а я - бедная, несчастная сиротка, которую из милости при кухне держит Шарлотта. Но все это неправда. Мои родители оставили мне наследство - очень приличную сумму. Деньги эти я получу после своего восемнадцатилетия, а значит, случится это всего через несколько месяцев. Ты, конечно, поняла суть проблемы?

Тесс, которая ничего не поняла, лишь пробормотала:

- Да.

- Я не сумеречный охотник, Тесс. Я презираю нефилимов. Никогда не хотела стать одним из них, и мое единственное желание состоит в том, чтобы оставить Академию и забыть о ней и обо всех ее обитателях как о страшном сне.

- Но я думала, ваши родители были сумеречными охотниками...

- Ну и что? Никто никого не может против воли заставить быть сумеречным охотником. - В голосе Джессамины послышалась уже неприкрытая злость. - Мои родители и не хотели. Они оставили Анклав, когда были молоды. Мама всегда была со мной предельно откровенной. Это она никогда не хотела, чтобы вокруг меня вертелись сумеречные охотники. Она сказала, что не желает подобной жизни для своей девочки. Она хотела для меня другой судьбы. Я должна была выйти в свет, быть представленной королеве, найти хорошего мужа и родить славных детишек. Я должна была жить обычной жизнью... - Когда Джессамина произнесла последние слова, в ее глазах появился хищный блеск, и она напонила Терезе голодную волчицу, вышедшую на охоту. - Тесс, в этом городе есть другие девушки моего возраста, хотя и не столь симпатичные. Но они танцуют на балах и напропалую флиртуют с молодыми людьми, они смеются и дают согласие на брак. А я? Что делаю в это время я?! Они берут уроки французского, а я учу этот ужасный, отвратительный язык демонов. Это несправедливо...

- Но ты ведь можешь выйти замуж. - Тесс была озадачена. - Любой мужчина был бы...

- Я могу выйти замуж только за сумеречного охотника! - Джессамина буквально выплюнула последние слова. - И жить, как Шарлотта. Я стану носить мужское платье и сражаться наравне с мужчинами. Это отвратительно. В цивилизованном обществе женщины так себя не ведут. В цивилизованном обществе мы занимаемся хозяйством, следим за уютным, элегантным домом, приглашаем гостей и возимся с детьми. Мы украшаем свой дом и ухаживаем за

собой, чтобы радовать своих мужей. Мы вдохновляем их идти к цели и успокаиваем, если что-то пошло не так. Мы – нежные, ангельские создания, которые не могут гоняться за всякой нечистью!

Голос Джессамины не звучал ни нежно, ни ангельски, но Тесс воздержалась от замечаний и лишь попыталась сказать:

– Не понимаю, как я...

Джессамина поймала ее руку и в отчаянии забормотала:

– Ты согласна со мной? Тесс, я могу оставить Академию, но я не могу жить одна. Это было бы неприлично. Это было бы возможно, будь я вдовой... но я всего лишь молодая женщина, а молодые женщины не живут в одиночестве. Если бы у меня была подруга... сестра...

– Ты хочешь, чтобы я притворилась твоей сестрой? – с трудом выговорила Тесс.

– Почему бы и нет? – спросила Джессамина, и голос ее звучал так уверенно, словно это было самое разумное предложение в мире. – Или ты могла бы стать моей кузиной из Америки. Да, это сработало бы. Видишь, тебе и делать-то ничего не придется, – добавила она уже более спокойно. – Совершенно уверена, мы сразу поймали бы себе мужей на крючок.

У Тесс разболелась голова, и теперь ей больше всего хотелось, чтобы Джессамина замолчала. Она уже устала от разговоров о мужьях и их ловле, словно эти, пока еще неизвестные ей мужчины были простудой или бездомными котами, а не людьми.

– Я могли бы представить тебя цветущей лондонского общества, – продолжила Джессамина. – Мы бы ездили на балы и званые обеды... – Тут она вдруг остановилась, огляделась и растерянно пробормотала: – Но... где мы?

Тесс тоже огляделась. Дорожка сузилась. Теперь это была едва заметная тропинка, петляющая между высокими кривыми деревьями. Тесс больше не видела неба, не слышала веселых голосов. Неожиданно лицо Джессамины скривилось от страха.

– Мы сошли с дорожки, – прошептала она.

– Ну и что? Мы же в парке и всегда можем вернуться. – Тесс повернулась, ища разрыв в плотно сплетенных друг с другом ветвях деревьев. – Думаю, мы пришли оттуда...

Джессамина неожиданно схватила Тесс за руку и сжала ее что есть сил. Ее пальцы теперь напоминали птичьи лапы. Что-то... Нет, кто-то появился перед ними на тропинке.

Существо было маленьким, настолько маленьким, что на мгновение Тесс показалось, что они столкнулись с ребенком. Но когда оно выступило вперед, Тесс поняла, что перед ней мужчина. Он был сутул и так отчаянно худ, что напоминал скорее мумию, чем живого человека. Одет он был так, как обычно одеваются не очень удачливые уличные торговцы, – в рваное,

грязное тряпье. На голове его красовалась изрядно поношенная шляпа с обтрепанными полями, которую он лихо сдвинул на затылок. Его лицо было морщинистым и желтовато-белым, похожим на высохшее яблоко, долго пролежавшее в земле. Он казался жалким и немощным, но достаточно было заглянуть ему в глаза, которые, словно черные угли, сверкали под седыми бровями, чтобы понять, что старичок не так уж и прост.

Он усмехнулся, обнажив зубки, острые как бритвы:

- Симпатичные девушки.

Тесс поглядела на Джессамину; та напряглась, ее губы побелели.

- Мы должны идти, - прошептала Тесс и потянула Джессамину за руку.

Медленно, как будто в трансе, Джессамина позволила Тесс развернуть ее так, что они встали лицом как раз в ту сторону, откуда и пришли.

Тесс глазам своим не могла поверить, когда обнаружила, что человечек снова стоит перед ними. Ей показалось, что она видит залитую солнечным светом лужайку парка, только вот она была далеко. Слишком далеко.

- Вы сошли с дорожки, - сказал незнакомец. Его голос был монотонным и хриплым, словно звук какого-то механизма. - Симпатичные девушки, вы сошли с дорожки. Вы же знаете, что случается с девушками, сошедшими с дорожки, с девушками вроде вас.

И он шагнул вперед.

Джессамина, все еще не пришедшая в себя, отчаянно сжимала зонтик, словно это была ее последняя соломинка.

- Гоблин, эльф или кто вы там... мы не ссорились ни с кем из Малого народа, - выдавила она. - Но если вы тронете нас...

- Вы сошли с дорожки, - снова прохрипел маленький человек, подходя ближе. Только сейчас Тесс увидела, что его светлые ботинки вовсе не ботинки, а сверкающие копыта. - Глупые нефилемы забрели в Незаметное место. Эта земля древнее, чем любые Соглашения. Здесь все по-особому. Если кровь ангела падет на нее, то тут вырастут золотые виноградные лозы с алмазными ягодами. О, это будет прекрасно, так прекрасно... О таком можно только мечтать! И я требую вашей крови.

Тесс потянула Джессамину за руку:

- Джессамина, мы должны...

- Тесс, помолчи. - Резко отстранившись от Тесс, Джессамина нацелила пестрый зонтик прямо в гоблина. - Ты не хочешь делать этого. Ты не хочешь...

Существо рвануло вперед. Оно мчалось к ним, а его рот, казалось, становился все шире и шире. Морщинистая кожа разгладилась, и Тесс увидела его истинное лицо - уродливое, кривое, с огромными клыками. Она закричала

и отступила. Ее каблук зацепился за корень дерева, и Тесс рухнула на землю. Джессамина подняла свой зонтик – легкое движение запястьем, и он раскрылся, подобно огромному цветку.

Гоблин закричал. Потом он упал и закрутился на земле, отчаянно воя. Кровь струилась из раны на щеке, заливая рваный серый жакет.

– Я же тебе сказала... – прошипела Джессамина. Она тяжело дышала, ее грудь вздымалась так, словно она пробежала весь парк из конца в конец. – Я велела тебе оставить нас в покое, ты, грязное, ничтожное существо... – И она снова ударила гоблина.

Только теперь Тесс разглядела, что спицы зонтика Джессамины мерцают странным золотисто-белым светом и к тому же остры как бритвы. На веселенькую ткань в цветочек брызнула кровь.

Гоблин выл, выставив перед собой руки, чтобы защититься. Теперь он снова походил на маленького старого сутулого человечка, и хотя Тесс знала, что это всего лишь иллюзия, она не могла избавиться от чувства жалости.

– Извините, госпожа, извините... – верещал гоблин.

– Извинить?! – взвилась Джессамина. – Извинить тебя, мерзкое отродье?! Ты хотел вырастить цветы из моей крови! Ах ты, грязный гоблин! Отвратительная никчемная тварь! – Она снова и снова хлестала его зонтиком, а гоблин верещал и старался защититься от ударов.

Тесс села, перевела дыхание, вытряхнула из волос сухие листья и мелкие веточки и, покачиваясь, встала на ноги. Джессамина все еще размахивала зонтиком, осыпая гоблина ругательствами, а существо на земле уже не кричало и лишь вздрагивало всем телом при каждом ударе.

– Ненавижу вас! – вопила Джессамина тонким, дрожащим голосом. – Ненавижу вас всех, всех обитателей Нижнего мира! Все вы отвратительны! Отвратительны!

– Джессамина! – Тесс подбежала девушке и обхватила ее, прижав руки к телу.

Джессамина принялась отчаянно вырваться, и Тесс поняла, что долго ей не продержаться. Миссис Ловлесс была сильна, под нежной кожей играли стальные мускулы. Но потом вдруг она неожиданно ослабла и всем телом навалилась на Тесс, ее дыхание сбилось, пестрый зонтик выпал из руки.

– Нет! – взвыла она. – Нет, я не хотела! Я не собиралась! Нет!

Тесс поглядела вниз. Тело гоблина бесформенной кучей лежало у их ног, а под ним растекалась лужа крови. Она становилась все больше и больше, и вот от нее уже, подобно виноградным лозам, потянулись маленькие ручейки. Уводя рыдающую Джессамину, Тесс не могла не задаться вопросом: что же теперь вырастет на этой земле?

* * *

- Вы говорите странные вещи, - первой оправилась от удивления Шарлотта. - Мистер Мортмэйн, я не поняла, что вы имеете в виду...

- Вы все прекрасно поняли. - Его лицо растянулось в широкой озорной улыбке от уха до уха. - Сумеречные охотники. Нефилимы. Так вы себя называете, если не ошибаюсь? Полукровки, потомки людей и ангелов. Как странно... Библия рассказывает о нифилимах как об отвратительных монстрах, не так ли?

- Вы знаете, в Библии далеко не все правда, - заметил Генри, который просто физически не мог не поправить чужую ошибку. - На самом деле до сих пор существует проблема перевода с арамейского, на котором был написан оригинал...

- Генри! - предостерегающе шикнула на него Шарлотта.

- Вы действительно заманиваете в ловушку души демонов, которых затем убиваете в гигантском кристалле? - Мортмэйн смотрел на гостей, широко раскрыв глаза. - Просто великолепно!

- Это вы говорите о Шкатулке? - Генри выглядел расстроенным. - Но это же не кристалл, это, если хотите, деревянная коробка. А демоны... У большинства демонов вовсе нет душ. Но в их телах течет энергия...

- Помолчи, Генри! - рявкнула Шарлотта.

- Миссис Бранвелл, - вновь заговорил Мортмэйн, и голос его звучал ужасно весело. - Пожалуйста, не создавайте себе проблем. Я уже все о вас знаю, вы же видите. Вы - Шарлотта Бранвелл, не так ли? А это ваш муж, Генри Бранвелл. Вы управляете Лондонской Академией, расположенной на земле, где некогда стояла церковь. Господи, ну неужели вы и в самом деле полагали, что я не пойму, кто вы есть на самом деле? Особенно после того, как вы пытались зачаровать моего лакея? Он, кстати, ненавидит, когда на него накладывают чары, - сразу же покрывается сыпью.

Шарлотта прищурилась:

- Откуда вы об этом узнали?

Мортмэйн подался вперед:

- Я изучаю оккультизм. С того самого времени, когда, будучи еще молодым человеком, жил в Индии. Когда я узнал об истинном положении дел, я был просто-таки очарован иными мирами. Перед человеком в моем положении - у которого достаточно свободного времени, а свободных средств еще больше - открываются многие двери. Есть книги, которые можно купить, информация, которая может быть оплачена. Ваша организация на самом деле не такая уж и тайная, что бы вы там ни думали.

- Возможно, - согласился Генри. Выглядел он при этом глубоко несчастным.
- Но... Это опасно. Вы понимаете? Убийство демонов несколько не похоже на охоту на тигров. Они могут охотиться на вас, так же как вы - на них.

Мортмэйн хихикнул:

- Мой дорогой, у меня нет никакого желания сражаться с демонами просто так, без должной подготовки. Конечно, такая информация опасна, окажись она в руках легкомысленного и импульсивного субъекта, но я человек осторожный и разумный. Я хочу лишь знать больше... - Он огляделся. - Должен сказать, я никогда раньше не имел чести беседовать с нефилимами. Конечно, о вас часто упоминают в литературе, но читать о чем-то и, как говорится, пощупать своими руками - две разные вещи. Уверен, вы с этим согласитесь. Есть так много вещей, о которых вы бы могли мне рассказать...

- Того, что вы знаете, вполне достаточно, - ледяным тоном отрезала Шарлотта.

Мортмэйн озадаченно посмотрел на нее:

- Простите?

- Так как вы, кажется, знаете слишком много о нефилимах, мистер Мортмэйн, я должна спросить: какова ваша роль во всем этом деле?

Мортмэйн выглядел очень довольным.

- Я уничтожаю демонов. Защищаю людей-мирян - насколько я понимаю, именно так вы нас называете.

- Да, - согласилась Шарлотта. - Демоны опасны для людей, и мы защищаем мирян от них, но большую часть времени мы защищаем людей от их же дурацкого самомнения. Я вижу, вы не исключение.

Теперь Мортмэйн выглядел по-настоящему удивленным. Он перевел взгляд на Генри. Шарлотта хорошо знала такой взгляд. Так порой смотрели друг на друга мужчины, когда хотели сказать: «Вы что, не можете поставить на место вашу жену, сэр?» Но Шарлотта также очень хорошо знала, что глядеть так на Генри - дело пустое. Тем более что его сейчас, похоже, не интересовало ничего, кроме лежавшей на столе Мортмэйна схемы.

- Думаете, тайное знание, которое вам удалось приобрести, делает вас очень умным? - продолжала Шарлотта. - Знаете, за свою жизнь я видела много мертвых мирян, мистер Мортмэйн. Я даже сосчитать не смогу, сколько раз мы хоронили изуродованные тела мирян, которые считали себя сведущими в колдовстве, совсем как вы. Помню, когда я была еще совсем юной, мне пришлось поехать к одному адвокату. Он принадлежал к той категории глупцов, которые полагали, будто являются магами. Эти люди наряжаются в странные балахоны и впустую тратят время на бессмысленные песнопения и рисование никчемных пентаграмм. Так вот, однажды вечером этот адвокат решил, что достаточно поднаторел в колдовском искусстве, и попытался вызвать демона.

- Ему это удалось?

– Да, – кивнула Шарлотта. – Он вызвал демона Маракса. И тот убил его, а потом и всю его семью. – Ее голос звучал спокойно и даже сухо, словно она зачитывала список покупок перед тем, как пойти на рынок. – Он обезглавил почти всех членов семьи, включая и самого «мага», а их изуродованные тела повесил за ноги в сарае. Но это еще не самое страшное. Самого младшего из его сыновей мы нашли в гостиной: он жарился на вертеле в камине. Что же касается демона, то его так и не удалось поймать.

Мортмэйн побледнел, но больше никак иначе не выдал своего волнения – его выдержке можно было только позавидовать.

– Всегда найдутся те, кого перехитрят демоны, – протянул он. – Но я...

– Но вы никогда не были настолько глупы и никогда не совершите подобных ошибок, – закончила за него фразу Шарлотта. – Вы можете искренне верить в это, но все ваше поведение свидетельствует об обратном. Сейчас вам кажется, что вы совершенно ничего не боитесь. Вы смотрите на меня и Генри, и вам кажется, что все идет так, как и должно. Вы удивлены, и не более! Конечно, ведь сказка ожила! – Она несильно стукнула по краю стола, и тот подскочил на месте, словно перышко. – Но вы ошибаетесь, мистер Мортмэйн. Мы не обыкновенные люди. Видите? Нас питает энергия всего Анклава, – продолжала она столь же холодно. – И наша главная задача – защитить людей. Людей вроде Натаниэля Грея. Он исчез, и совершенно ясно, что повинны в его исчезновении какие-то злые силы. Мы пускаемся по следу, и с чем же мы сталкиваемся? С его бывшим работодателем, интересующимся вопросами оккультизма, считающим себя магом. Простое совпадение? Может быть, может быть... А может быть, и нет!

– Я... Он... Мистер Грей исчез? – Мортмэйн казался искренне растерянным.

– Да. К нам обратилась за помощью его сестра. Когда она начала поиски несколько недель назад, то две чародейки кое-что рассказали ей о судьбе брата. Она узнала, что Натаниэль в опасности, и поспешила к нам. И пока, сэр, вы тут забавляетесь, играя во всемогущего мага, может погибнуть человек. И еще я хочу, чтобы вы знали: Анклав не станет любезничать с теми, кто встанет у него на пути.

Мортмэйн провел дрожащей рукой по лбу.

– Я конечно же помогу вам, – пробормотал он. – Скажите, что вы хотите знать.

– Превосходно. – Сердце Шарлотты забилося от радости, но интонации остались прежними. – Мы хотим знать все, что знаете вы. Начинайте.

– Я был знаком еще с его отцом... Я конечно же имею в виду отца Натаниэля. Он начал работать у меня почти двадцать лет назад, когда моя компания занималась главным образом торговлей. Тогда у меня уже были офисы в Гонконге, Шанхае, Тяньцзине... – Мортмэйн прервался и испуганно посмотрел на Шарлотту, которая в нетерпении постукивала кончиками пальцев по столешнице. – Ричард Грей работал на меня здесь, в Лондоне. Он был человеком не только очень добрым, но и очень умным, и вскоре я сделал его своим управляющим. Мне жаль было терять такого замечательного работника,

но он с семьей решил переехать в Америку. Когда Натаниэль прислал мне письмо, я немедленно предложил ему работу.

- Господин Мортмэйн, - в голосе Шарлотты звучали стальные нотки, - вы уверены, что это относится к делу?

- Да, да, прошу вас, дослушайте меня до конца, - решительно ответил Аксель. - Видите ли, определенного рода знания - как вы, должно быть, поняли, я имею в виду оккультизм - всегда помогали мне в деловых вопросах. Помните, несколько лет назад в банковской системе произошел кризис? Тогда разорилось множество компаний, среди которых было несколько очень крупных и, как казалось до последнего дня, надежных. Так вот, мои знания помогли мне избежать несчастья. Я забрал свои деньги из банка незадолго до того, как он лопнул, и спас свою компанию. Но это вызвало подозрения Ричарда. Он, должно быть, собирал сведения и в конечном счете сопоставил то, что знал обо мне, с тем, что знал о «Клубе Преисподняя».

- Выходит, вы член этого клуба... - пробормотала Шарлотта. - Ну конечно, мне следовало догадаться раньше.

- Я предложил Ричарду членство в Клубе и даже брал его пару раз на встречи, но его в конечном итоге это не заинтересовало. Вскоре после этого он переехал в Америку. - Мортмэйн развел руками. - Что ж, я не сержусь, «Клуб Преисподняя» не для каждого. Но определенная категория людей жаждет знаний, и их не останавливают ни опасности, ни запреты. Посему я слышал, что заведения подобного рода открыты во многих городах. Члены таких клубов многое знают о Теневом мире. Они хотят делиться своими знаниями друг с другом, чтобы потом использовать их себе во благо, добиваясь процветания и благополучия. Но некоторые не могут потянуть даже первого... взноса, если хотите.

- И что вы имеете в виду?

- «Клуб Преисподняя» не злая организация, - сказал Мортмэйн, голос его звучал так тихо и так слабо, будто он был смертельно ранен. - Мы добились многих успехов, в стенах нашего Клуба было сделано много великих открытий. Я видел, как один чародей создал серебряное кольцо, которое могло переносить своего хозяина домой всякий раз, как он поворачивал его на пальце. Другой сотворил дверь, войдя в которую ты оказываешься именно в том месте, в котором хочешь оказаться. Я знал людей, которых наши маги вернули буквально с порога смерти...

- Я знаю, что такое волшебство и на что оно способно, мистер Мортмэйн. - Шарлотта поглядела на Генри, который теперь внимательно рассматривал чертеж какого-то сложного устройства, висевший на стене. - И меня не интересуют подробности жизни Клуба. Все, что я хочу знать, так это связаны ли похитившие мистера Грея чародеи с «Клубом Преисподняя» или нет? Насколько я знаю, его члены - исключительно миряне. Так как же туда попали обитатели Теневого мира?

Мортмэйн поморщился:

- Обитатели Теневого мира? Вы говорите о народе, который мы зовем волшебным? О прирожденных колдунах, ликантропах [54] и прочих удивительных

существах? Что ж, вы знаете многое, но, видно, далеко не все. Члены нашего Клуба не равны, госпожа Бранвелл. Мирянин вроде меня может стать лишь рядовым членом Клуба, но председательствуют в нем обитатели Нижнего мира: колдуны, ликантропы и вампиры. К сожалению, сейчас настали такие времена, что волшебный народ предпочитает держаться от мирян как можно дальше. Среди нас слишком много богатых промышленников, владеющих фабриками, железными дорогами... Волшебные существа ненавидят такие вещи. – Он покачал головой. – Они прекрасны, будто вышли из сказки, но боюсь, прогресс их скоро погубит.

Меньше всего на свете Шарлотту интересовали рассуждения Мортмэйна о волшебных существах. Ее мысли стремительно неслись вперед, и она хотела получить ответы на все свои вопросы как можно быстрее.

– Позвольте мне предположить, – перебила она Мортмэйна. – Вы представили Натаниэля Грея членам Клуба, точно так же, как когда-то представили его отца.

Мортмэйн, которому только-только удалось немного успокоиться и вернуть хотя бы отчасти былую самоуверенность, снова поник.

– Натаниэль проработал в моем лондонском офисе несколько дней до того, как мы поссорились. Тогда я сделал вывод, что он узнал о Клубе еще от отца и хотел к нам присоединиться еще с тех самых пор. Я не мог отказать ему и привел его на встречу. Тогда я полагал, что этим все и ограничится. Но вышло иначе. – Он вновь покачал головой. – Натаниэль тогда кинулся в Клуб, словно головой в омут. А через несколько недель после первого визита он съехал из меблированных комнат, которые снимал все это время. Примерно в то же время я получил от него письмо. Натаниэль, в частности, сообщал, что собирается работать на другого члена Клуба, который обещал ему за работу хорошие деньги. Настолько хорошие, что Натаниэль теперь мог позволить себе дорогостоящие капризы, о которых мечтал с самого начала. – Аксель тяжело вздохнул. – Письмо было коротким – по его же словам, у него не было времени на лишние объяснения. Само собой разумеется, он не оставил нового адреса.

– И это все? – В голосе Шарлотты теперь слышалось недоверие. – Вы не пробовали его искать? Выяснить, куда он ушел? Кто его новый работодатель?

– Человек работает там, где ему нравится, – довольно резко ответил Мортмэйн. – Не было никакой причины полагать...

– И вы не видели его с тех пор?

– Нет. Я же сказал вам...

Но Шарлотта не дала ему договорить:

– Вы утверждаете, будто он заинтересовался «Клубом Преисподняя». «Кинулся в Клуб, словно в омут с головой» – это ваши слова. Но ведь вы не видели его с тех самых пор, когда представили членам Клуба. Как же вы можете знать, чем Натаниэль жил все это время?

В глазах Мортмэйна промелькнула паника.

- Меня... Я сам не был на встречах с тех самых пор. Видите ли, работа. Я был очень занят...

Шарлотта, уже даже не слушая сбивчивые объяснения миллионера, пристально рассматривала Акселя Мортмэйна. Она всегда считала, что хорошо разбирается в людях и может читать по их лицам, как по книге. Но с такими хитрецами, как Мортмэйн, ей приходилось сталкиваться не часто. Приветливые, уверенные в себе... обманщики. Им многое подвластно, многое по плечу, вот только им не хватает ума понять, что их успехи в бизнесе вовсе не означают, что они добьются таких же успехов в волшебстве. Она вновь вспомнила об адвокате и о его доме в Найтсбридже[55], стены которого были с пола до потолка измазаны кровью. Она попыталась представить, какой ужас он пережил в последние мгновения жизни, и поехала. И вот теперь она ясно видела, как и в душе Акселя Мортмэйна всходят ростки страха, еще пока маленькие и слабые, но скоро они превратятся в толстые лианы и окутают его с головы до ног.

- Мистер Мортмэйн, прекратите, ради бога, не считайте меня такой уж дурочкой, - прервала она его наконец. - Я знаю, есть кое-что, что вы от меня скрываете. - Она вынула из сумочки один из винтиков, которые Уилл подобрал в доме Темных сестер, и положила его на стол. - Это очень похоже на те изделия, что производит ваша фабрика, мистер Мортмэйн.

Мортмэйн покосился на маленький кусочек металла на краю стола:

- Да... Да, помимо всего прочего мы делаем и такие винтики. Но что из того?

- Что ж, если вы являетесь членом «Клуба Преисподняя», то должны знать о двух чародейках, называвших себя Темными сестрами. Возможно, вы даже встречались с ними на собраниях. Так вот, они убивали людей. Преимущественно юношей и девушек. И мы нашли это в подвале их дома.

- Я не имею никакого отношения к убийствам! - воскликнул Мортмэйн. - Я никогда... Я думал... - На его лбу выступили крупные капли пота, взгляд отчаянно заметался по комнате.

- А что вы думали? - Голос Шарлотты звучал мягко.

Мортмэйн дрожащими пальцами взял винтик:

- Вы не можете даже себе вообразить... - Его голос на мгновение затих, а потом зазвучал с новой силой. - Несколько месяцев назад один из членов... один из обитателей Нижнего мира, очень старый и очень могущественный, состоящий, помимо всего прочего, в правлении Клуба, попросил меня собрать некий механизм. Винтики, кулачки[56]... и тому подобное. Я не спрашивал, зачем ему это нужно и почему эту работу он заказал именно мне. Более того, в тот момент я вовсе не увидел ничего подозрительного в подобном заказе.

- А случайно, это не тот же самый человек, к которому ушел работать Натаниэль?

Мортмэйн выронил винтик. Тот покатился через стол, и ему пришлось поймать его, чтобы тот не упал на пол. Хотя промышленник молчал, Шарлотте оказалось достаточно вспышки страха в его глазах, чтобы понять – ее предположение верно. Ее охватило нетерпение, по телу прошла мелкая дрожь, совсем как у гончей, взявшей след.

– Его имя! – потребовала она. – Назовите его имя.

Мортмэйн уставился на стол:

– Это может стоить мне жизни.

– А как насчет жизни Натаниэля Грея? – мягко поинтересовалась Шарлотта.

Мортмэйн покачал головой, стараясь не смотреть ей в глаза:

– Вы понятия не имеете, насколько могуществен этот человек. И насколько опасен...

Шарлотта выпрямилась.

– Генри, – позвала она. – Генри, дай мне, пожалуйста, маячок.

Генри наконец оторвался от чертежа и, часто моргая, в замешательстве уставился на супругу:

– Но, любимая...

– Принеси мне маячок! – приказала Шарлотта. Ей не нравилось кричать на Генри – ей всегда казалось, что с тем же успехом она может ударить ногой щенка, – но иногда другого выхода попросту не было.

Все еще пребывающий в замешательстве, Генри присоединился к жене, стоявшей перед столом Мортмэйна, и вытащил что-то из кармана пиджака. Это был темный продолговатый металлический предмет, на одной стороне которого протянулся ряд необычно выглядящих дисков. Шарлотта взяла предмет и продемонстрировала его Мортмэйну.

– Это маячок, – пояснила она. – С его помощью можно созвать весь Анклав. Уже через три минуты здесь будут нефилимы. И уж поверьте, они сумеют вас разговорить. Вот только беседовать они станут с вами не здесь, а в подвалах Академии, где к их услугам будет несколько весьма занятных приспособлений, помогающих развязывать языки даже самым большим упрямам. Вы, кстати, знаете, что случается с человеком, если закапать ему в глаз кровь демона?

Мортмэйн с ужасом уставился на гостью, но так ничего и не сказал.

– Пожалуйста, не заставляйте меня этого делать, мистер Мортмэйн. – Шарлотта почувствовала, как потеют руки, и крепче сжала маячок, чтобы не выронить его, но голос ее даже не дрогнул. – Мне бы крайне не хотелось становиться причиной вашей смерти, пускай даже и косвенной.

- Господи, да скажите же вы ей уже наконец! - не вытерпел Генри. - Поверьте, эти пытки ужасны, мистер Мортмэйн. Никто не выдерживает, никто. Не губите себя, мистер Мортмэйн, умоляю!

Мортмэйн закрыл лицо руками. «А ведь он всегда хотел встретиться с настоящими сумеречными охотниками, - с тоской подумала Шарлотта, разглядывая сидящего перед собой мужчину. - Что ж, вот и сбылась мечта».

- Де Куинси, - пробормотал Мортмэйн. - Я не знаю его имя. Только фамилию - де Куинси.

«Держи себя в руках», - Шарлотта медленно выдохнула, опустив устройство.

- Де Куинси? Не может быть...

- Вы слышали о нем? - Голос Мортмэйна был исполнен печали. - Я так и знал.

- Эта глава лондонского клана вампиров. Очень могущественного клана, - неохотно пояснила Шарлотта. - Он очень влиятелен в Нижнем мире, а еще он один из союзников Анклава. Не могу представить себе, чтобы он...

- Он глава Клуба, - пояснил Мортмэйн, который выглядел смертельно усталым. - Все ему подчиняются.

- Значит, глава Клуба. И как же вы его называете?

- Магистр, - тут же ответил Мортмэйн.

- Спасибо, мистер Мортмэйн. Вы очень помогли нам. - Шарлотта незаметным движением спрятала маячок в рукаве.

Мортмэйн смотрел на нее, уже не скрывая переполнявшей его злобы.

- Де Куинси узнает, что я все рассказал вам. Он убьет меня.

- Анклав позаботится о том, чтобы этого не случилось. Да и мы постараемся сохранить наш визит в тайне. Мы сами не заинтересованы в том, чтобы де Куинси узнал о нашей встрече.

- Вы даете слово? - тихо спросил Мортмэйн. - Ведь я всего лишь... глупый мирянин, так почему бы вам и не обмануть меня?

- Я надеюсь на ваше благоразумие, мистер Мортмэйн. Вы, кажется, начали осознавать собственное безумие. Анклав присмотрит за вами, это и в наших интересах: мы хотим быть уверены, что отныне вы будете держаться от «Клуба Преисподняя» и других подобных ему организаций как можно дальше. Поверьте, так надо для вашего же блага. Я также надеюсь, что вы расцените нашу встречу как последнее предупреждение.

Мортмэйн кивнул. Шарлотта направилась к выходу, Генри последовал за ней. Она уже открыла дверь и стояла на пороге, когда Мортмэйн снова заговорил:

- Это были только винтики, - промямлил он. - Только механизмы. Совершенно безопасные.

К удивлению Шарлотты, ему ответил Генри, причем даже не обернувшись:

- Неодушевленные предметы действительно безопасны, мистер Мортмэйн. Но можно ли сказать то же о людях, которые используют их?

Мортмэйн ничего на это не ответил, и сумеречные охотники покинули его кабинет. Через несколько мгновений они уже стояли на площади. После сперттого воздуха кабинета с плотно закрытыми окнами воздух лондонской улицы, как это ни было бы смешно, показался им свежим. «И пусть он пропитан угольным дымом и пылью, - подумала Шарлотта, - но в нем, по крайней мере, нет кислого запаха страха, который пропитал весь кабинет Мортмэйна».

Вытащив маячок из рукава, Шарлотта вернула его мужу.

- И что же это за штуковина, Генри? - спросила она, когда мистер Бранвелл с серьезным выражением лица забрал прибор.

- Я пока что еще только работаю над этим механизмом.. - Генри с нежностью посмотрел на прибор. - Это устройство чувствует энергию демонов. Я собирался назвать это датчиком. Пока он не работает, но я непременно доделаю его!

- Уверена, это будет здорово.

Генри очень редко рассказывал жене о своих изобретениях и еще реже показывал их.

- Ты гениальна, Шарлотта. Мне бы никогда не удалось придумать такую душераздирающую историю про пытки и Анклав и так хорошо держаться все это время! Но откуда ты узнала, что я захватил с собой механизм, который ты сможешь использовать в своих целях?

- Спасибо, дорогой, - только и ответила ему Шарлотта. - Как ты себя чувствуешь?

Генри выглядел немного испуганным.

- Знаешь, иногда ты бываешь просто ужасна, впрочем, как правило, ты великолепна, моя дорогая.

- Спасибо, Генри.

* * *

В Академию они возвращались в полном молчании. Джессамина смотрела в окно кеба, словно за всю свою жизнь не видела ничего интереснее разношерстной гомонящей толпы, и решительно отказывалась разговаривать. Она положила пестрый зонтик на колени, совершенно не заботясь о том, что кровь на его спицах может испачкать ее наряд. Когда они добрались до кладбища, она позволила Томасу помочь ей вылезти из экипажа, а потом сама протянула руку, чтобы помочь выйти Тесс.

Удивленная подобной вежливостью, Тесс могла только молча поражаться происходящему. Пальцы Джессамины были ледяными.

– Пойдем! – Джессамина нетерпеливо схватила ее за руку и потянула к дверям Академии, даже не взглянув на оставшегося за спиной Томаса.

Тесс позволила спутнице провести ее вверх по лестнице, а потом и по длинному коридору, точно такому же, какой вел к спальне Тесс. Джессамина остановилась возле одной из дверей, толкнула вперед Тесс, вошла следом и закрыла за собой дверь.

– Я хочу показать тебе кое-что, – объявила она.

Тесс огляделась. Это была одна из больших спален, которых в здании Академии было бесчисленное множество. Однако Тесс сразу же поняла, что здесь живет именно Джессамина. Стены комнаты до половины были обиты деревянными панелями, а выше оклеены розовыми шелковыми обоями. Расшитое цветами покрывало на кровати гармонировало по цвету с обоями. Затем взгляд Тесс упал на белый туалетный столик, на котором лежала кружевная и по виду очень дорогая салфетка. На ней уже разместились подставка для колец, флакон туалетной воды, многочисленные, отделанные серебром расчески и зеркало с резной ручкой.

– У вас прекрасная комната, – вежливо сказала Тесс, желая не столько выразить свое мнение, сколько успокоить Джессамину, находящуюся на грани истерики.

– Она слишком маленькая, – решительно заявила Джессамина, и на лице ее появилась недовольная гримаса. – Подойди сюда...

С этими словами она швырнула окровавленный зонтик на кровать, а затем пересекла комнату и встала у окна. Тесс последовала за ней в некотором замешательстве. В углу на высоком столе стоял большой кукольный домик. Как же он был прекрасен! В детстве у Тесс конечно же был домик для кукол: маленький, на две комнатки, сделанный из не очень хорошего картона. А этот домик... Он был совершенен. Прекрасная модель настоящего лондонского дома. Джессамина легко дотронулась до стены, и фасад его медленно разделился на две половинки и распахнулся.

Тесс затаила дыхание. В домике было много комнат, и во всех них стояла миниатюрная мебель, выполненная столь искусно, что отличалась от настоящей лишь размерами. Здесь восхищало все: от небольших деревянных стульев с расшитыми подушками на сиденьях и написанных маслом картин до чугунной печки на кухне. Были там и маленькие, одетые по последней моде куклы с фарфоровыми головками.

- Это мой дом. - Джессамина опустилась на колени, так что глаза ее оказались на одном уровне с комнатами кукольного домика, и жестом подозвала Тесс, чтобы та сделала то же самое.

Тесс неловко устроилась рядом, постаравшись не сесть на юбки Джессамины.

- Вы имеете в виду этот кукольный домик? Вы играли с ним, когда были маленькой?

- Нет! - В голосе Джессамины зазвучала злость. - 'Это мой дом. Отец построил его, когда мне было шесть. Точная копия дома, в котором мы жили на улице Керзон. Точно такие же обои были у нас в столовой... - С этими словами она указала пальцем на крошечную комнатку. - И точно такие же стулья в кабинете отца. Видишь?

Она пристально посмотрела на Тесс, словно та должна была увидеть в этом домике нечто большее, чем просто искусно выполненную игрушку, играть в которую Джессамине уже давно было не по возрасту. Тесс не знала, что она должна ответить на вопрос.

- Очень мило, - выдавила она наконец.

- Посмотри, здесь, в гостиной, мама, - продолжала Джессамина, коснувшись пальцем одной из крошечных куколок. Та качнулась в своем шикарном кресле. - А здесь, в кабинете, читает книгу папа. - Ее рука скользнула по маленькой фарфоровой фигурке. - А наверху в детской ребенок - это малютка Джесси. - В небольшой колыбельке действительно лежала еще одна кукла, только вот из-под крошечного кружевного покрывала виднелась лишь ее голова. - Позже они будут обедать здесь, в столовой. А затем мама и папа пойдут в гостиную и сядут у камина. Иногда вечером они отправляются в театр, на бал или на званый ужин... - Ее голос звучал спокойно, как будто она читала хорошо заученную литанию[57]. - А потом мама поцелует папу, пожелав спокойной ночи, и они отправятся в свои комнаты и проспят всю ночь напролет. И не будет никаких вызовов от Анклава, которые могут поднять их в середине ночи. Они не уйдут в ночь сражаться с демонами. И в этом доме никогда не останутся кровавые следы. Здесь никто никогда не потеряет лапу или глаз вервольфа, и никто не станет, давясь, пить святую воду, потому что на него напал вампир.

«Боже мой!» - пронеслось в голове у Тесс, и лицо ее искривила невольная гримаса ужаса. Это не могло укрыться от внимательно взгляда Джессамины.

- Когда наш дом сторел, я не знала, куда пойти. Не осталось никого, кто бы мог меня приютить. Мама и папа были сумеречными охотниками, но несколько лет назад они порвали с Анклавом, и теперь было бы глупо искать у него защиты... Этот зонтик - тот, с которым я сегодня отправилась на прогулку, - сделал Генри. Знаешь, вначале он показался мне таким симпатичным... А потом Генри сказал, что это самое настоящее оружие, ведь его спицы остры как бритвы.

- Ты спасла нас сегодня там, в парке, - возразила Тесс. - Я вообще не умею драться. И если бы не ты, то...

– Я не должна была делать этого. – Джессамина смотрела на кукольный домик остекленевшими глазами. – У меня никогда не будет той жизни, Тесс, о которой я мечтаю. У меня никогда не будет такого дома. Меня не заботит то, что я должна делать. Я никогда не буду жить вот так. Лучше мне умереть.

Такие разговоры встревожили Тесс не на шутку. Она уже было хотела возразить Джессамине, попытаться убедить ее в том, что все не так уж и плохо, как в комнату вошла Софи, как всегда безупречно аккуратная.. Она с опаской покосилась на Джессамину, а потом сказала:

– Мисс Тесс, мистер Бранвелл хочет видеть вас в своем кабинете. Говорит, это очень важно.

Тесс повернулась к Джессамине, чтобы спросить, в порядке ли она, но девушка вновь казалась равнодушной и надменной. Двери ее души захлопнулись, а на лицо вернулась маска отчужденности.

– Иди, Генри нужно слушаться, – сказала она. – Тем более что я тебе, должно быть, уже страшно надоела. К тому же у меня разболелась голова. Софи, ты понадобишься мне, когда освободишься: нужно будет помассажировать мне виски с eau de cologne[58].

Софи бросила на Тесс взгляд, который показался последней неуместно веселым, и присела в реверансе:

– Как пожелаете, мисс Джессамина.

Глава седьмая

Механическая девушка

День завтрашний от нас густою мглой закрыт,

Одна лишь мысль о нем пугает и томит.

Летучий этот миг не упускай! Кто знает,

Не слезы ли тебе грядущее сулит?[59]

Омар Хайям[60] «Рубаи»

На улице стемнело, и в свете фонаря Софи пускались в дикий пляс причудливые тени. Служанка вела Тесс вниз по каменной лестнице – один пролет за другим. Ступени были старыми, истертыми сотнями, а может быть, и тысячами ног, ходившими по ним на протяжении веков. Стены из грубо отесанного камня, крошечные окна, прорубленные через равные интервалы, уступили место сводчатым нишам – они явно спустились в подземелье.

– Софи, мы что, идем в склеп? – наконец спросила Тесс. Темнота и тишина ее нервировали.

Софи хихикнула, фонарь качнулся, и тени заплясали, закривлялись еще быстрее.

– Это помещение действительно когда-то было склепом, но потом мистер Бранвелл устроил там лабораторию. Теперь он оттуда не выходит ни днем ни ночью, переделывает старые механизмы и проводит различные эксперименты. Иногда это очень нервирует миссис Бранвелл.

– Что же он там делает? – Тесс едва не споткнулась на неровной ступеньке. Ей пришлось схватиться за стену, чтобы сохранить равновесие, но Софи, казалось, не заметила этого.

– Да чего только не делает, – заметила служанка, и ее голос эхом разнесся по подземелью. – В основном изобретает новое оружие и защитные механизмы для сумеречных охотников. Он, знаете ли, без ума от всяких занятых штукун, в которых есть винтики и колесики. Миссис Бранвелл иногда говорит, что Генри любил бы ее сильнее, если бы она заводилась, подобно часам. – И Софи рассмеялась.

– Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, Софи, что вы очень привязаны к миссис и мистеру Бранвелл, – заметила Тесс.

Горничная на это ничего не ответила, но выпрямилась и так гордо вскинула голову, будто хотела сказать: «Ну конечно же... это само собой разумеется».

– Во всяком случае, вы их любите намного сильнее, чем Уилла, – добавила Тесс, надеясь смягчить девушку, рассмешив ее.

– Уилла?! – В голосе Софи прозвучало нескрываемое отвращение. – Он... Знаете, мисс Грей, Уилл действительно плохой человек. Напоминает мне сына моего прошлого работодателя. Он точно так же, как и мистер Херондэйл, был без ума от самого себя. Считал себя пупом земли. С самого своего рождения он получал все, что хотел, и такое отношение чрезвычайно его избаловало. Потому он не переносил отказов и становился в подобных случаях очень жесток... – Она машинально подняла руку и дотронулась до лица, как раз до того места, где от уголка рта до виска тянулся уродливый шрам.

– И что было тогда?

Софи быстро взяла себя в руки, и голос ее вновь зазвучал решительно:

– Тогда он старался сделать так, чтобы понравившаяся ему... вещь не досталась никому. – Она переложила горящий фонарь из одной руки в другую

и внимательно посмотрела вниз, где угольно-черные тени сплетались друг с другом. – Будьте осторожны, мисс. Дальше лестница ужасно скользкая – в подвалах всегда было сыро, с этим уж ничего не поделаешь.

Тесс еще сильнее прижалась к стене и стала медленно спускаться вниз. Камень показался ей холодным.

– Вы думаете, я должна хорошо относиться к Уиллу просто потому, что он сумеречный охотник? – поинтересовалась тем временем Софи. – Знаете, не такие уж они и приятные люди, скажу я вам. Они полагают, будто лучше всех. Вот взять хотя бы мисс Джессамину... Однако мистер Карстаирс совсем другой. Он вообще не похож на остальных, даже на мистера и миссис Бранвелл.

Прежде чем Тесс смогла ответить, они резко остановились. Лестница закончилась тяжелой дубовой дверью, забранной решеткой. Софи потянула широкий железный брус, идущий поперек двери, и с трудом толкнула его вниз.

Дверь распахнулась, открыв огромный, ярко освещенный зал. Без сомнения, когда-то это был склеп церкви, давным-давно стоявшей на месте Академии. Толстые приземистые колонны поддерживали сводчатый потолок, терявшийся в темноте. Пол был выложен огромными неровными каменными плитами, потемневшими от времени. На некоторых из них до сих пор явственно различались слова, и Тесс предположила, что под ними кости покойников, некогда нашедших в церкви свой последний приют. Естественно, в помещении не было окон, однако оно было ярко освещено колдовскими камнями, установленными в медных светильниках по всему периметру зала.

Весь центр зала был заставлен большими деревянными столами, заваленными различными хитроумными механизмами и их деталями, о предназначении которых Тесс даже догадываться не могла. То тут, то там попадались длинные обрезки медного провода и заполненные жидкостями всевозможных цветов стеклянные мензурки: из некоторых валил густой дым, а некоторые источали восхитительные ароматы. Воздух, однако, был свежим и наполненным озоном, прямо как перед грозой. Один стол был полностью завален оружием – в колдовском свете хищно сверкали острые клинки. Рядом находился полузаконченный костюм, напоминающий тонкую металлическую броню, очень искусно выполненную. Он висел на проволочной рамке над большим каменным столом, чью поверхность закрывали толстые шерстяные одеяла.

У стола стоял Генри, а рядом с ним – Шарлотта. Генри показывал жене медное колесо, возможно часть какого-то прибора, и что-то объяснял низким, тихим голосом.

Сейчас вместо своего обычного костюма он накинул свободную холщовую рубашку – обыватели обычно представляют себе в таких рубашках рыбаков, – измазанную грязью и какой-то темной жидкостью.

Однако больше всего поразило Тесс то, с какой уверенностью Генри говорил с Шарлоттой. От его обычной застенчивости не осталось и следа. Когда же он поднял голову и посмотрел прямо на Тесс, то та поразилась еще больше, встретившись с его ясным и прямым взглядом.

- Мисс Грей! Софи проводила вас сюда? Умница.

- Да, она... - начала было Тесс, покосившись через плечо, но Софи рядом уже не было. Она, скорее всего, осталась стоять в дверях, а потом беззвучно удалилась.

Тесс почувствовала себя в дурацком положении из-за того, что не заметила ее ухода.

- Да... - пробормотала она еще раз. - Софи сказала, что вы хотели видеть меня.

- Это и в самом деле так, - согласился Генри. - Мы хотим, чтобы ты нам немного помогла. Не могла бы ты подойти сюда, моя дорогая?

Он жестом подозвал девушку, чтобы она присоединилась к нему и Шарлотте у стола. Приблизившись, Тесс обратила внимание на то, каким бледным и напряженным было лицо Шарлотты. Когда она встретилась с девушкой взглядом, то даже на секунду зажмурилась, словно стыдилась того, что сейчас должно было произойти. Однако Шарлотта быстро взяла себя в руки и, прикусив губу, посмотрела Тесс прямо в глаза, а потом вновь перевела взгляд на стол, где под широкой серо-голубой простыней что-то двигалось.

Тесс моргнула. Может, ей показалось? Но нет, ткань определенно шевелилась, и теперь, стоя ближе, Тесс поняла, что на столе лежат не просто какие-то вещи, прикрытые тканью. Это было что-то, похожее на... человеческое тело! Она затаила дыхание от страха, когда Генри подался вперед, взял простыню за угол и потянул на себя, открывая то, что лежало на столе. Голову Тесс сдавил железный обруч, в глазах потемнело, и, чтобы не упасть, она схватилась за край стола. Миранда!

Мертвая девушка лежала на спине. Руки ее были раскинуты в стороны, сосульки тусклых волос падали на обнаженные плечи. Глаза, которые так не нравились Тесс - синие, какие-то неестественные, будто сделанные из фарфора, - теперь отсутствовали. На белом лице на их месте зияли лишь черные дыры. Дешевое платье было разрезано до талии, обнажая грудь. Тесс вздрогнула и отвела взгляд, но потом в изумлении вновь посмотрела на тело. Не было ни обрывков мышц, ни крови, хотя грудь Миранды была рассечена и ее кожа разошлась в стороны, подобно кожуре апельсина. Внутри в свете колдовских ламп сверкал... металл!

Тесс сделала маленький шаг вперед, и еще один, и еще, пока не застыла перед самым столом, где лежала Миранда. Там, где должна была сочиться кровью порванная и истерзанная плоть, были лишь два куска отогнутой в стороны белой кожи, а под ними - металлический щиток. Листы меди, соединенные довольно сложным образом, составляли грудь и постепенно переходили в сетку из меди и гибкой бронзы - талию девушки. Тесс внимательно осмотрела тело и увидела, что в центре груди зияет дыра величиной примерно с ее ладонь - кто-то вырезал оттуда кусочек металла.

- Тесс, Уилл и Джем нашли ее в доме Темных сестер. - Голос Шарлотты звучал мягко, но настойчиво. - Когда они пришли туда, дом уже пустовал какое-то время. Оттуда даже мебель вывезли. Оставили только ее, одну, в комнате наверху...

Тесс, которая не могла отвести взгляда от тела горничной, лишь слабо кивнула:

- Это Миранда. Она прислуживала сестрам.

- Ты знаешь что-нибудь о ней? Кто она? Откуда? Чем еще она занималась?

- Нет, больше я ничего не знаю. Она никогда не разговаривала со мной, лишь передавала приказы сестер.

Генри запустил палец за нижнюю губу Миранды и потянул, открывая рот:

- У нее есть рудиментарный металлический язык, но ее рот не приспособлен для речи или питания. К тому же у нее нет ни кишок, ни желудка. Ее рот заканчивается листом металла, почти сразу за зубами... - Он повернул голову служанки, что-то внимательно рассматривая.

- Кто она такая? - поинтересовалась Тесс. - Одна из жительниц Теневого мира или демон?

- Нет. - Генри наконец оставил в покое челюсти Миранды. - Она совершенно точно не живое существо. Всего лишь автомат, пусть даже и очень искусно сработанный. Дьявольски сложный механизм, лишь созданный похожим на человека. Технологию производства таких машин разработал еще Леонардо да Винчи. Среди его многочисленных рисунков можно даже найти чертеж механического существа, похожего на человека, которое могло сидеть, гулять и поворачивать голову. Кстати, именно Леонардо да Винчи первым предположил, что люди - это не что иное, как сложные машины. Наши внутренности напоминают винтики, поршни и кулаки, просто сделаны они не из металла, а из мускулов и плоти. Так почему же нельзя их заменить медью и железом? - задавал себе вопрос великий изобретатель. Почему нельзя построить человека? Но это... Ни Жак Дро[61], ни Маллардет[62] никогда не могли и мечтать о подобном. Настоящий биоавтомат, самоходный, самонаправляющийся, завернутый в искусно выполненную кожу, неотличимую от человеческой плоти. - Его глаза сияли. - Она - само совершенство.

- Генри, хватит восторгов. - Голос Шарлотты звучал напряженно. - Все, что ты рассказываешь, безусловно, очень интересно, но намного более интересно, откуда взялась эта машина, кто ее сконструировал.

Генри провел тыльной стороной руки по лбу:

- Да... Те тела в подвале. Безмолвные братья исследовали их. У большинства не хватало органов, у некоторых отсутствовали кости и хрящи, кого-то обрили наголо. Мы не знаем точно, но предполагаем, что Темные сестры использовали тела жертв, чтобы на их основе конструировать такие вот механические существа, вроде Миранды.

- И кучера, - добавила Тесс. - Думаю, он точно такой же. Какой кошмар!

- Дальше - больше, - продолжала Шарлотта. - Механические инструменты в подвале Темных сестер были изготовлены фирмой «Мортмэйн и компания». Фирмой, где работал твой брат.

– Мортмэйн! – Тесс оторвала взгляд от лежащей на столе девушки и с испугом взглянула на Шарлотту: – Вы видели Мортмэйна? Он что-то рассказал вам о Нате?

Перед тем как ответить, Шарлотта бросила на Генри быстрый взгляд, и Тесс, которая внимательно следила за миссис Бранвелл, поняла – ей сейчас солгут. Она прекрасно знала этот взгляд, взгляд заговорщиков. Так же они переглядывались с Натом, когда решали что-нибудь скрыть от тети Генриетты.

– Вы что-то скрываете от меня, – заявила девушка, не дожидаясь ответа. – Где мой брат? Что о нем знает Мортмэйн?

Шарлотта тяжело вздохнула:

– Мортмэйн – член «Клуба Преисподняя», которым, кажется, управляют обитатели Темного мира. Думаю, он увяз в этом деле по самую макушку.

– Но что они сделали с моим братом?

– Ваш брат узнал о Клубе и непременно захотел стать его членом. Его очаровал Теневой мир, он посчитал, что общение с волшебным народом, как вы, миряне, называете обитателей Нижнего мира, может быть очень романтичным. Он стал работать на главу лондонского клана вампиров де Куинси, очень влиятельного обитателя Темного мира. Де Куинси фактически глава «Клуба Преисподняя». – В голосе Шарлотты звучало откровенное отвращение. – И знаешь, как его называют рядовые члены Клуба?

У Тесс закружилась голова, и, чтобы не упасть, ей пришлось схватиться за край стола.

– Магистр? – прошептала она побелевшими губами.

Шарлотта посмотрела на Генри, копавшегося в груди лежавшего на столе автомата. Неожиданно он за что-то ухватился, рванул на себя и... вытянул человеческое сердце, красное, живое, но твердое на вид и блестящее, словно лакированное. Медные и серебряные провода уходили от него вглубь тела. Каждые несколько секунд оно вяло тикало. Так или иначе, но оно все еще билось.

– Подержи-ка, – попросил он Тесс. – Я хочу кое-что проверить. Только поосторожнее – по этим медным трубкам в тело поступают масло и прочие легковоспламеняющиеся жидкости.

Тесс охватил такой ужас, что она смогла только отрицательно покачать головой.

– Хорошо, – сказал Генри, хотя выглядел он разочарованным. – Но я хотел бы, чтобы ты это видела. Если ты просто будешь смотреть... – Он покрутил сердце в длинных пальцах и показал плоскую металлическую пластинку на противоположной стороне. Там стояло клеймо с большой «К» и маленькой «д» под ней.

– Печать де Куинси, – пояснила Шарлотта, лицо ее стало очень суровым. – Я видела этот знак прежде на его письмах. Он всегда считался союзником Анклава... Во всяком случае, я так думала. Он даже присутствовал при подписании Соглашения. Де Куинси очень могуществен, он управляет всеми детьми ночи, живущими в западной части города. Мортмэйн клялся, что де Куинси всего лишь купил у него части механизма. Выходит, не только ты должна была бы послужить целям Магистра. В доме Темных сестер делали еще и этих механических существ.

– Если этот вампир и есть тот самый Магистр, – медленно проговорила Тесс, – тогда это по его приказу меня похитили Темные сестры, и это он вынудил Ната написать мне письмо. Он должен знать, где мой брат. – Шарлотта вместо ответа слабо улыбнулась, а голос Тесс с каждым словом звучал все более и более твердо: – Не воображайте, будто мне все равно, что Магистр хотел со мной сделать! Мне хочется знать, почему меня похитили и для чего учили изменяться. А еще откуда Магистр узнал о моих способностях. И не думайте, что я не хотела бы отомстить. Я бы сделала это, сделала не раздумывая, если бы только могла... – Ее голос дрогнул. – Но сейчас я не могу думать об этом. У меня больше никого нет, кроме брата, и я должна найти его во что бы то ни стало.

– Мы найдем его, Тесс, – заверила девушку Шарлотта, и в голосе ее звучала нестигаемая уверенность. – Так или иначе, но Темные сестры, Натаниэль, де Куинси, да и вы сами – всего лишь части одной загадки. И думаю, мы пока еще просто не нашли недостающие фрагменты, чтобы решить эту головоломку.

– Да, и я очень надеюсь, что мы скоро их обнаружим, – добавил Генри, бросив грустный взгляд на распростертое на столе тело. – Меня мучает один вопрос: зачем вампиру понадобились механические люди? На первый взгляд все это не имеет ни малейшего смысла.

– Ты прав, но это только на первый взгляд, – возразила Шарлотта и в задумчивости опустила голову. – Но мы разберемся что к чему.

* * *

Генри остался в лаборатории даже после того, как Шарлотта объявила, что пришло время подниматься вверх и приступать к ужину. Он рассеянно заверил супругу, что подойдет через пять минут, и махнул им на прощание рукой, уже полностью погружившись в свои чертежи, на что Шарлотта лишь печально покачала головой.

– Лаборатория Генри... Никогда не видела ничего подобного, – сказала Тесс миссис Бранвелл, когда они уже преодолели половину лестницы.

Надо сказать, что Тесс, которая, без сомнения, была намного моложе Шарлотты, уже успела порядком запыхаться, а миссис Бранвелл все шла и шла вперед, не сбавляя шагу и ни разу не сбившись с дыхания. Казалось, что она и вовсе не знает, что такое усталость.

- Да, - печально согласилась Шарлотта. - Генри проводил бы там дни и ночи напролет, если бы я позволила.

«Если бы я позволила» - эти слова удивили Тесс. Генри был мужчиной, и разве это не он должен решать, что и кому позволять в собственном доме? Тесс всегда казалось, что главнейшая обязанность жены - беспрекословно выполнять пожелания мужа и следить за домом, где ее супруг может укрыться от хаоса окружающего мира. Однако Академию вряд ли можно было бы назвать тихой гаванью. Конечно, для кого-то это был дом, но для кого-то и школа-интернат, а некоторые и вовсе считали ее крепостью, находящейся на осадном положении. И кто бы там ни руководил Академией, но это явно был не Генри.

Тесс настолько погрузилась в свои мысли, что негромкий вскрик Шарлотты напугал ее, и она резко остановилась, чуть не споткнувшись о ступеньку.

- Джессамина! Что случилось?

Тесс подняла взгляд. Джессамина стояла наверху лестницы, в открытом дверном проеме. Она все еще не переделалась, хотя уже и успела уложить волосы в сложную прическу; без сомнения, тут не обошлось без Софи. Выглядела она очень сердитой.

- Уилл! - объявила она. - Он в столовой и ведет себя неподобающе.

Шарлотта выглядела озадаченной.

- Какая разница между тем, что он «ведет себя неподобающе» сейчас, и тем, что он «ведет себя неподобающе» в библиотеке, или оружейной, или в любой другой комнате?

- Разница в том, что в столовой мы обедаем. - Джессамина произнесла эту фразу так, будто говорила с умалишенными. Потом она повернулась на каблуках и быстрым шагом направилась в сторону прихожей, глянув через плечо, чтобы удостовериться, что Тесс и Шарлотта следуют за ней.

Тесс не могла не улыбнуться:

- Иногда кажется, что они ваши дети.

Шарлотта вздохнула.

- Да, - согласилась она. - Вот только дети, даже самые непослушные, обычно любят своих родителей. Я же лишена такой привилегии.

Тесс так и не нашлась что ответить.

* * *

Шарлотта сказала, что ей перед ужином еще нужно кое-что сделать, и Тесс отправилась в столовую одна. Когда она добралась до столовой, то ее буквально распирало от гордости – она прошла такой путь и ни разу не заблудилась! Войдя в комнату, она первым делом увидела Уилла, он стоял на одном из буфетов и пытался что-то приделать к потолку.

Джем сидел в кресле и с явным сомнением наблюдал за происходящим.

– Думаю, что все закончится тем, что ты ее отломаешь. – Он кивнул, заметив Тесс: – Добрый вечер, мисс Грей. – Потом, проследив за ее взглядом, усмехнулся: – Что-то не так с газовой лампой, и Уилл пытается ее починить.

Тесс не показалось, будто с лампой что-то не в порядке, но спросить, в чем именно дело, она не успела, так как в комнату буквально ворвалась Джессамина:

– В самом деле, Уилл, сколько можно этих глупостей! Почему не позвать Томаса? Джентльмен не должен...

– А откуда взялась кровь на твоем рукаве, Джесси? – спросил Уилл, бросив вниз быстрый взгляд.

Джессамина скривилась. Не сказав ни слова, она резко развернулась и проследовала к дальнему концу стола, где уселась на стул и стала следить за происходящим с каменным выражением лица.

– Что случилось с вами на прогулке? – поинтересовался Джем, и выглядел при этом искренне взволнованным. Он повернулся, чтобы посмотреть на Тесс, и она заметила, как что-то зеленое сверкнуло у основания его шеи.

Джессамина тоже пристально просмотрела на Тесс, и той показалось, что у девушки вот-вот начнется истерика.

– Ничего не случилось... – робко начала Тесс.

– Сделал! – В столовую вошел Генри, торжествующе размахивая предметом, напоминающим медную трубу с черной кнопкой на одной стороне. – Могу поспорить, вы не верили в успех!

Отказавшись от борьбы с газовой лампой, Уилл переключил все свое внимание на Генри:

– На самом деле ни один из нас и понятия не имеет, о чем это ты болтаешь.

– Я наконец заставил работать люминофор, – гордо объявил Генри, размахивая перед собой странной штуковиной. – Он функционирует по принципу колдовского света, но мощность его больше в пять раз. Просто нажмите кнопку – и увидите вспышку света, какую себе и представить не сможете.

В столовой повисла мертвая тишина.

- Выходит, это очень, очень яркий колдовской свет? - первым заговорил Уилл.

- Точно, - с гордостью подтвердил Генри.

- А зачем он нам? - поинтересовался Джем. - В конце концов, колдовской свет нужен нам для освещения. И он совсем не опасен..

- Подождите - и вы все увидите своими глазами! - ответил Генри и поднял странную штуковину над головой. - Смотрите.

Уилл двинулся в сторону Генри, но было слишком поздно - мистер Бранвелл уже нажал кнопку. Вспышка света была такой сильной, что стало больно глазам, за ней последовал странный свист, а потом комната погрузилась во тьму. Тесс тихонько вскрикнула от удивления, а Джем добродушно рассмеялся.

- Я что, ослеп? - донесся из темноты раздраженный голос Уилла. - Никогда не прощу тебе этого, Генри, никогда!

- Нет. - Голос Генри звучал взволнованно. - Нет, люминофор, кажется... Уилл, он, кажется, просто убрал весь свет из комнаты.

- Это одна из его функций? - Джем был совершенно спокоен, впрочем, как и всегда.

- Ошиб... - начал было Генри, но потом запнулся и тихо пробормотал: - Нет.

Уилл что-то проворчал себе под нос. Тесс не расслышала, что именно, но была уверена, что разобрала слова «Генри» и «придурок». А через мгновение раздался страшный грохот.

- Уилл! - раздался исполненный тревоги женский голос.

В ту же самую секунду яркий свет залил комнату, и Тесс отчаянно заморгала. В дверях стояла Шарлотта. Высоко над головой она держала лампу с колдовским светом. У ее ног среди осколков разбитой посуды лежал Уилл.

- Что, спрашивается...

- Я пытался починить газовую лампу, - раздраженно ответил Уилл, не дослушав вопрос. Он медленно сел на полу и стряхнул осколки со своей рубашки.

- Это мог сделать и Томас. А теперь ты мало того что чуть не разбился, так еще и переколотил целую кучу тарелок.

- А виноват во всем твой муж! - Уилл принялся себя осматривать и вид при этом имел страшно недовольный. - Думаю, у меня перелом. Болит страшно.

- А выглядишь ты - лучше не придумаешь. - Шарлотта была безжалостна. - Встань. Полагаю, сегодня вечером мы будем обедать при колдовском свете.

Джессамина, по-прежнему сидевшая в дальнем конце стола, фыркнула. Это был первый звук, который она издала с тех пор, как Уилл спросил ее о крови на жакете.

– Ненавижу колдовской свет. В его лучах мое лицо становится совершенно зеленым.

* * *

Несмотря на зеленый цвет лица Джессамины, Тесс обнаружила, что колдовской свет ей нравится. В его белом сиянии все выглядело страшно романтичным и таинственным, даже горох с луком. Потянувшись за тяжелым серебряным ножом, чтобы отрезать кусочек мясного рулета, Тесс неожиданно вспомнила их маленькую квартирку на Манхэттене, где когда-то за ужином собирались она, Нат и тетя Генриетта. Каждый вечер они рассаживались за простым, грубо сколоченным столом и ужинали при свете двух свечей. Денег у них никогда не было, но они всегда жили очень достойно, отчего бедность не бросалась в глаза: у тети Генриетты всегда все было выглажено и начищено, начиная от оборок на занавесках и кончая маленьким медным чайником. Она всегда говорила, что чем меньше у вас есть вещей, тем бережнее вы должны обращаться с тем, что имеете. И теперь Тесс, оказавшись в этом огромном доме, чуть ли не доверху набитом дорогими вещами, задавалась вопросом: берегли ли сумеречные охотники то, что имели?

Шарлотта и Генри в подробностях пересказали то, что узнали от Мортмэйна. Джем и Уилл слушали внимательно, в то время как Джессамина со скучающим видом смотрела в окно. Джема, казалось, особенно заинтересовали описание дома Мортмэйна и те вещи, которые миллионер собирал по всему свету.

– Я же говорил вам, – сказал он наконец, – эти тайпаны всегда считали себя лучше других. И выше закона.

– Да, – согласилась Шарлотта. – Судя по его манерам, он привык отдавать приказы. Именно такие люди зачастую становятся легкой добычей для тех, кто хочет втянуть их в дела Нижнего мира. Власть для них – это наркотик, и с каждым днем им нужно ее все больше и больше. Они готовы на все, чтобы только стать еще влиятельнее. Вот только эти люди и понятия не имеют, как высока цена за власть в Нижнем мире. – Нахмурившись, она повернулась к Уиллу и Джессамине, которые, похоже, опять начинали ссориться? – В чем дело?

Тесс же в это время повернулась к Джему, который сидел справа от нее.

– Шанхай... – протянула она шепотом. – Звучит так романтично. Жаль, что я не могу поехать туда. Я всегда мечтала о путешествиях.

Джем улыбнулся в ответ, и девушка вновь заметила, как что-то сверкнуло на его шее. Присмотревшись внимательнее, Тесс поняла, что это был кулон, вырезанный из тусклого зеленого камня.

- Вы путешествуете. Вы же теперь в Англии, - возразил он.

- Раньше я путешествовала только в книгах. Знаю, это звучит глупо, но...

И тут их беседу прервал громкий крик Джессамины, для верности ударившей еще и вилкой по столу:

- Шарлотта, пусть Уилл оставит меня в покое!

Уилл откинулся на спинку стула. В его синих глазах плескалась злость.

- Оставлю, если она скажет, откуда взялась кровь на ее одежде. Или позволь мне высказать собственное предположение, дорогая Джесси. В парке ты наткнулась на бедную женщину, которая случайно задела тебя и испачкала твоё платье. Тогда ты вышла из себя и перерезала ей горло своим чертовым зонтиком. Я прав?

Улыбка Джессамины напоминала скорее оскал хищного животного.

- Ты смешон.

- Она права, - поддержала девушку Шарлотта. - И ты сам прекрасно понимаешь, что говоришь нелепые вещи.

- Тем более сегодня я в синем, а с синим сочетаются любые цвета, - продолжала Джессамина. - Все это знают. Хотя что с тебя взять - ты же почти не заботишься о собственной одежде.

- А вот и нет. С красным синее выглядит просто отвратительно, - возразил Уилл.

- А у меня есть жилет в красно-синюю полоску, - ни с того ни с сего вклинился в разговор Генри, потянувшись за блюдом с горохом.

- И если это не свидетельство того, что ни один здравомыслящий человек в мире не станет сочетать синий с красным, то я тогда и не знаю, что еще вам нужно...

- Уилл, - перебила его Шарлотта. - Не говори с Генри в подобном тоне. Генри...

Генри поднял голову:

- Да?

Шарлотта вздохнула:

- Ты положил горошек в тарелку Джессамине, а не себе. Будь внимательнее, пожалуйста.

Генри с удивлением посмотрел на тарелку. Тут дверь столовой распахнулась, и в комнату вошла Софи. Подойдя к столу, она что-то зашептала Шарлотте на

ухо. Колдовской свет падал прямо ей на лицо, отчего все черты стали острее, а шрам превратился в тонкую и кривую серебристую линию.

По мере того как Софи говорила, Шарлотта, казалось, расслаблялась все больше и больше. Через мгновение она встала из-за стола и поспешно вышла из комнаты, задержавшись лишь для того, чтобы легонько потрепать Генри по плечу.

Карие глаза Джессамины засверкали от удивления и любопытства.

– Куда это она?

Уилл внимательно посмотрел на Софи, и тут Тесс совершенно некстати вспомнила, как нежно он погладил ее по щеке в ее первую ночь в Академии.

– И в самом деле, моя дорогая Софи, куда это она пошла?

Горничная равнодушно посмотрела на Уилла.

– Если бы госпожа Бранвелл хотела, чтобы вы знали о ее намерениях, уверена, она бы вам сообщила, – фыркнула она и поспешила из комнаты вслед за хозяйкой.

Генри, положив себе еще гороха, приветливо улыбнулся.

– Ну тогда все в порядке, – заключил он. – А кстати, что мы обсуждали?

– Да так, всякую чепуху, – отмахнулся Уилл. – Мы хотим знать, куда ушла Шарлотта. Что-то случилось?

– Нет, – пожал плечами Генри. – Я имею в виду, что... – Тут он огляделся и наконец-то осознал, что четыре пары глаз неотрывно наблюдают за ним. Тогда Генри тяжело вздохнул и произнес: – Шарлотта не всегда говорит мне, что делает. Вы же знаете... – Тут он широко улыбнулся. – Но ее нельзя в этом винить. Она и в самом деле не может всецело на меня положиться.

Тесс очень захотелось как-то поддержать добродушного Генри, который казался ей немного не от мира сего, но она не знала, что сказать. Вообще, при виде Генри она каждый раз испытывала сложные чувства, потому что тот неизменно напоминал ей о брате, о том времени, когда Нат был еще молод и слыл неуклюжим и легкоранимым простофилей. Машинально она подняла руку, чтобы коснуться ангела, по-прежнему висящего у нее на шее. Каждый раз она искала у него поддержки, и его мерное тиканье всегда ее успокаивало.

В эту же самую секунду на нее посмотрел Генри:

– Этот механизм, что ты носишь на шее... Не возражаешь, если я на секунду взгляну на него?

Тесс заколебалась, а потом нерешительно кивнула. В конце концов, это был всего лишь Генри. Она расстегнула замочек цепочки и вручила ему кулон.

– Надо же, какой сложный механизм, да еще и такой маленький, – пробормотал он, крутя ангела в руках. – Где ты его взяла?

- Получила от матери.

- Очень похож на талисман, - продолжал Генри. - Не возражаешь, если я заберу его в лабораторию и там посмотрю что к чему?

- Нууу... - Тесс не могла скрыть своего беспокойства, но все-таки сдалась.
- Если только будете обращаться с ним очень-очень осторожно. Это все, что у меня осталось от матери. И если он сломается...

- Генри не сломает и не повредит его, - заверил девушку Джем. - Он действительно очень хорошо управляется с машинами.

- Да, это мое главное достоинство, - согласился Генри, и в словах его не было ни тени тщеславия, лишь констатация факта. - Я возвращу его тебе в том же виде, в каком забрал.

- Хорошо... - Тесс все еще колебалась.

- Не вижу повода для волнений, - фыркнула Джессамина, явно заскучавшая во время разговора. - Совершенно очевидно, что цена этой вещицы невелика, так о чем же тогда переживать.

- Некоторые люди ставят чувства выше алмазов, Джессамина, - сказала Шарлотта, вернувшись в столовую. На этот раз она выглядела обеспокоенной. - У нас гость, который хочет поговорить с тобой, Тесс.

- Со мной? - удивилась Тесс, тут же забыв о своем кулоне.

- Хорошо, и кто же это? - спросил Уилл. - Вы же не будете скрывать от нас имя таинственного гостя?

Шарлотта вздохнула:

- Это леди Белкурт. Она внизу. В Святилище.

- И она пришла в этот час? - нахмурился Уилл. - Что-то случилось?

- Я уже говорила с ней ранее, еще перед обедом, - пустилась в объяснения Шарлотта, - и разговор наш был о де Куинси. Мне кажется, у нее есть кое-какая информация, которая могла бы помочь нам в расследовании, но она настаивает на том, чтобы сначала поговорить с Тесс. Кажется, несмотря на все наши предосторожности, слухи о Тесс просочились в Нижний мир, и леди Белкурт заинтересована...

Тесс резко отложила вилку:

- Заинтересована в чем? - Она огляделась, понимая, что все смотрят на нее. - Кто такая эта леди Белкурт?

В столовой царило молчание, и Тесс в отчаянии повернулась к Джем, надеясь, что тот скорее смягчится и разрешит ее сомнения.

- Она сумеречный охотник?

- Она вампир, - вздохнул Джем. - Фактически наш осведомитель. Она делится важной информацией с Шарлоттой, постоянно сообщает нам о том, что происходит в Нижнем мире.

- Можешь не говорить с ней, если не хочешь, Тесс, - сказала Шарлотта. - Я могу отослать ее.

- Нет. - Тесс решительно отодвинула тарелку. - Если она хорошо знает де Куинси, возможно, она знает что-то и о Нате. Я не могу рисковать жизнью брата, отказываясь говорить с ней. Вдруг она и в самом деле что-то знает о нем. Я пойду.

- Разве ты не хочешь знать, о чем она хочет тебя спросить? - поинтересовался Уилл.

Тесс нерешительно взглянула на юношу. В колдовском свете его лицо казалось еще более бледным, а глаза - еще более синими. Сейчас по цвету они почти сравнялись с темными водами Северной Атлантики, где по поверхности почти черного моря дрейфовали огромные глыбы льда, - эта картина напоминала Тесс о зимних ночах, когда по оконному стеклу медленно сползают снежинки.

- Я никогда не встречала обитателей Нижнего мира, кроме Темных сестер, - заявила она. - Думаю... мне понравится.

- Тесс... - начал было Джем, но она уже встала. Не оглядываясь на сидевших за столом, она поспешила из комнаты, направляясь следом за Шарлоттой.

Глава восьмая

Камилла

Прекрасная, как яркая луна,
Заставила меня пылать она
И гаснуть, будто пламя под дождем.
Глаза закрыты - скорбь таится в них,
Печальны губы, словно розовый цветник
Прошедших дней, которых не вернем[63].

Тесс прошла лишь половину коридора, когда Уилл и Джем догнали ее и как ни в чем не бывало пошли рядом.

– Ты действительно подумала, что мы отпустим тебя одну? – спросил Уилл. Подняв руку, он позволил колдовскому свету течь меж пальцев, и в коридоре стало светло как днем.

Шарлотта, быстро идущая впереди, повернулась, нахмурилась, но ничего не сказала.

– Я знаю, что вы не можете позволить событиям развиваться своим чередом, – ответила Тесс, глядя прямо перед собой. – Но о Джиме я была лучшего мнения.

– Куда Уилл, туда и я, – добродушно пояснил Джем. – Кроме того, я не менее любопытен, чем он.

– Это едва ли предмет для хвастовства. Куда мы идем? – спросила Тесс, так как к этому моменту они уже достигли конца коридора. Столовую, оставшуюся позади, скрыли густые тени. – Мы что, ошиблись дорогой?

– Терпение – добродетель, мисс Грей, – объявил Уилл.

Они достигли длинного коридора, который шел вниз перпендикулярно первому. Тут стены были голыми – ни гобеленов, ни факелов, и Тесс поняла, почему Уилл прихватил с собой колдовской свет.

– Этот коридор ведет к нашему Святилищу, – объяснила Шарлотта. – Это самое безопасное место в Академии. Что бы ни произошло – пожар, взрыв, землетрясение, – эта комната останется целой. И еще это место, где мы встречаемся с теми, кто по той или иной причине не может ступить на освященную землю. Например, с проклятыми людьми или вампирами.

– А в чем разница? Разве это не проклятие быть вампиром? – спросила Тесс.

Шарлотта покачала головой:

– Нет. Мы думаем, что вампиризм – это своего рода болезнь, которой страдают демоны. Большинство их болезней не страшны людям, но некоторые из них вполне могут и передаваться. Например, вампиризм и ликантропия, когда через укус или царапину в человеческое тело попадает своего рода вирус.

– Демонический сифилис, – добавил Уилл.

– Прекрати, Уилл! Ты отлично знаешь, что никакого демонического сифилиса не существует, – отрезала Шарлотта. – На чем я остановилась?

- На том, что вампиризм не проклятие, а болезнь, - напомнила Тесс. - Но они все рано не могут ступить на освященную землю? Разве это не подразумевает то, что они прокляты?

- Это зависит от того, во что ты веришь, - возразил Джем. - И веришь ли ты в проклятие вообще.

- Но вы охотитесь на демонов. Вы должны верить в проклятие!

- Я верю в Добро и Зло, - объявил Джем. - А еще в вечную, бессмертную душу. Но я не верю в то, что где-то на этом свете существует гигантская огненная яма, в которой сидят черти с вилами и только и ждут того, как бы замучить какого-нибудь несчастного грешника. А еще я не верю, что можно угрожать людям с благими намерениями.

Тесс посмотрела на Уилла:

- А вы? Во что вы верите?

- Pulvis et umbra sumus, - ответил Уилл, даже не взглянув на Тесс. - Я полагаю, что мы - пыль и тени. А разве нет?

- Независимо от того, во что ты веришь, а во что - нет, пожалуйста, не говори леди Белкурт, будто она проклята, - попросила Шарлотта и сразу же после этого остановилась - коридор закончился, и перед ними возвышались огромные металлические двери. На каждой створке был вырезан причудливый символ, напоминающий две сплетенные буквы «С», причем одна из них в зеркальном отражении.

Шарлотта повернулась и внимательно посмотрела на своих спутников.

- Леди Белкурт очень любезно предложила помочь нам, и нет никакой причины оскорблять ее. Особенно это касается тебя, Уилл. Если ты в принципе не можешь вести себя вежливо, то лучше сразу уходи. Джем, а вот в твоё благоразумие я верю. Тесс... - Шарлотта перевела строгий и одновременно добрый взгляд на девушку, - попытайся не испугаться.

Она вытащила из кармана платья железный ключ и вставила его в замочную скважину. Навершие ключа было выполнено в форме ангела с распростертыми крыльями. Когда Шарлотта повернула ключ, крылья ангела сложились, и дверь распахнулась.

Комната, открывшаяся их взорам, походила на настоящую сокровищницу. Тут не было ни окон, ни дверей, кроме той, в которую они вошли. Массивные, бесконечно высокие колонны поддерживали сводчатый потолок, по углам которого играли тени. Комнату освещали свечи, расставленные в массивных канделябрах. Сами же колонны были покрыты искусной резьбой - магическими символами и руническими надписями, складывающимися в запутанные узоры, некоторые из которых человеческому глазу представлялись весьма хаотичными. Стены украшали огромные, висящие чуть ли не у самого потолка и доходящие почти до пола гобелены, на каждом из которых была вышита лишь одна руна. А еще в зале находилось огромное зеркало в позолоченной раме, отчего он казался вдвое больше, чем был на самом деле. В центре

возвышался массивный каменный фонтан. Вода текла из глаз ангела, стоящего посередине широкого круглого бассейна, отчего казалось, будто он плачет.

Около фонтана, между двумя внушительными колоннами, стояло несколько массивных стульев, обитых черным бархатом. На одном из них, самом высоком, сидела женщина со столь надменным видом, какого Тесс раньше еще ни у кого не видела. Женщина была стройна и очень хорошо одета. На ее шляпке, по последней моде чуть сдвинутой вперед, от сквозняка слабо колыхалось пушистое черное перо. Первое, что обращало на себя внимание, так это кожа незнакомки – совершенно белая, без малейшего изъяна. Тесс присмотрелась внимательнее – и поняла, что грудь женщины, скованная лифом из красного бархата, не вздымается. Казалось, она не дышала вовсе. Рубиновое ожерелье на белоснежной шее напоминало кровоточащую рану. Ее густые светлые волосы были собраны на затылке и ниспадали на плечи искусно завитыми локонами. Неестественно ярко-зеленые глаза сияли, подобно кошачьим.

Тесс затаила дыхание. Так красив мог быть только обитатель Темного мира.

– Притуши свой колдовской свет, Уилл, – тихо приказала Шарлотта, поспешив поприветствовать гостью. – Так мило с вашей стороны, что вы подождали нас, баронесса. Я полагаю, вам удобно здесь?

– Как и всегда, дорогая Шарлотта, как и всегда. – Голос леди Белкурт звучал смертельно устало.

– Леди Белкурт, пожалуйста, позвольте представить вам мисс Терезу Грей. – Шарлотта указала на Тесс, которая, не зная, что еще делать, почтительно поклонилась. Она попробовала вспомнить, как положено обращаться к баронессе, но не смогла. – Рядом с ней мистер Джеймс Карстаирс, один из наших молодых сумеречных охотников, а это...

Но взгляд зеленых глаз леди Белкурт уже устремился на Уилла.

– Уильям Херондэйл, – пропела она и улыбнулась.

Тесс на мгновение напряглась, но зубы вампира оказались абсолютно нормальными – никаких заостренных резцов.

– Не хочешь подойти и поприветствовать меня?

– Вы знакомы? – Шарлотта выглядела удивленной.

– Уильям выиграл у меня двадцать фунтов в стос[65], – вздохнула леди Белкурт, и Тесс не могла сдержать дрожь, пробежавшую по всему телу. – Несколько недель назад в Нижнем мире «Клуб Преисподняя» открыл очередной игорный дом.

– И он играл? – Шарлотта посмотрела на Уилла, который только пожал плечами.

– Я проводил расследование, и это было нужно для дела. Я притворился дурнем мирянином, которому не терпелось как следует покурлесить, –

объяснил Уилл. – Если бы я отказался играть на деньги, это вызвало бы подозрение.

Шарлотта опустила голову:

– Не лги мне, Уилл. Ты выиграл деньги, а согласно правилам, ты должен был отдать их Анклаву.

– Я потратил их на джин.

– Уилл!

Тот снова пожал плечами:

– Изображать порочное создание довольно затратно.

– Но тебе с легкостью удалось с этим справиться, – заметил Джем, и в его серебристых глазах вспыхнул озорной огонек.

Шарлотта всплеснула руками:

– Уильям, я поговорю с тобой позже! Леди Белкурт, я так понимаю, что вы тоже являетесь членом «Клуба Преисподняя»?

Леди Белкурт поморщилась:

– Конечно нет. Я была той ночью в игорном доме, потому что мой один мой друг, чародей, надеялся выиграть в карты. Он не рассчитывал сорвать крупный куш, однако справедливо полагал, что деньги всегда есть деньги, а игра – один из самых легких способов заработка. Двери Клуба открыты для большинства обитателей Нижнего мира. Создания, подобные нам, появляются там изредка. Как правило, миряне приходят в такой восторг, что сами лезут в бумажники и достают деньги. Я знаю, что управляют этим заведением обитатели Нижнего мира, но я никогда не стала бы членом подобного Клуба. Настоящий бизнес так *déclassé* [66].

– Де Куинси – член Клуба, – заявила Шарлотта. Фраза, сказанная спокойным тоном, была совершенно невинна, но Тесс вдруг отчетливо поняла, что Шарлотта может быть очень опасным противником. – Мне сказали, что он фактически глава организации. Вы об этом знали?

Леди Белкурт покачала головой, ее явно не интересовали подобные вещи.

– Много-много лет назад мы были близки с де Куинси, но наши пути уже давно разошлись. Не скрою, он предлагал мне вступить в правление Клуба, но я отказалась. У меня нет ни малейшего желания заниматься такими скучными вещами. Но думаю, с него станется встать во главе Клуба. Это смешная организация, если вас интересует мое мнение, но, несомненно, очень прибыльная.

Тут она наклонилась вперед, сложив на коленях тонкие руки в перчатках. Все ее движения, даже самые незначительные, были преисполнены какого-то неземного очарования. А еще леди Белкурт обладала какой-то животной грацией, словно большая черная кошка.

– Если уж речь зашла о де Куинси, то я хочу, чтобы вы понимали: во-первых, он – самый опасный вампир во всем Лондоне, – продолжала она. – Впрочем, не будь он тем, кто он есть на самом деле, вряд ли ему удалось бы встать во главе столь могущественного клана. Любой вампир, живущий в пределах Лондона, готов выполнить любой его каприз. – Ее алые губы растянулись в усмешке. – Во-вторых, де Куинси очень стар – стар даже для одного из детей ночи. Большая часть его жизни прошла еще до принятия Соглашения, и он ненавидит его, ненавидит так рьяно, что порой себя не помнит от злобы. Ему претит жить под ярмом Закона. Но еще больше Соглашения он ненавидит нефилимов.

Тесс заметила, как Джем подался назад и что-то прошептал Уиллу, а тот криво усмехнулся.

– Посмотрите на нас, леди Белкурт. Разве мы не очаровательны? Как же можно ненавидеть таких обаятельных молодых людей, как мы? – поинтересовался Уилл.

– Уверена, вы знаете, что вас на самом деле не любит большинство обитателей Нижнего мира.

– Но мы думали, что де Куинси наш союзник. – Шарлотта положила тонкие руки на спинку одного из бархатных стульев. – Он всегда сотрудничал с Анклавом.

– Притворялся. В его интересах сотрудничать с вами, что он и делает. Но он бы с радостью понаблюдал за тем, как вы идете на дно.

Шарлотта побледнела, но по-прежнему держала себя в руках.

– А что вы знаете о Темных сестрах? Де Куинси как-то связан с ними? А может, вы еще и слышали о его увлечении всевозможными механизмами?

– Тьфу, Темные сестры! – Леди Белкурт аж передернуло от отвращения. – Уродливые, глупые существа. Думаю, они из колдунов. Признаться честно, я всегда старалась их избегать. Они, как известно, занимались тем, что вербовали в Клуб новых членов, всех этих гнусных людишек с низменными интересами. Они заманивали их опиумом, проститутками из Нижнего мира и прочей мерзостью.

– А автоматы?

Леди Белкурт всплеснула руками, и Тесс невольно залюбовалась ею.

– Если де Куинси и любит играть с механизмами, то я об этом ничего не знаю. Давайте говорить начистоту, Шарлотта. Вначале, когда вы спросили меня о де Куинси, я вообще ничего не хотела говорить. Одно дело поделиться с Анклавом парой-тройкой сплетен из Нижнего мира, и совсем другое – предать самого могущественного вампира в Лондоне. Но потом я услышала о меняющей форму... – И тут она посмотрела на Тесс своими невероятными зелеными глазами. Красные губы снова растянулись в улыбке. – Я вижу семейное сходство.

Тесс не могла сдержать удивленного восклицания:

- Сходство с кем?!

- С Натаниэлем, конечно. Он же ваш брат, если я не ошибаюсь.

Тесс почувствовала себя так, словно ей на голову вылили ушат ледяной воды.

- Вы видели моего брата?

Улыбка леди Белкурт была улыбкой человека, который знает, что держит ситуацию под контролем.

- Я видела его в доме де Куинси, - сказала она. - Он был там почетным гостем. Было очевидно, что он совершенно очарован де Куинси и его гостями. Хороший мальчик ваш брат. Хороший, но несчастный.

- Он жив? - спросила Тесс. - Вы видели его живым?

- Был жив примерно две недели назад... - Леди Белкурт вновь взмахнула рукой. Ее перчатки были альми, словно она мыла руки в крови. - Так вот, возвращаясь к нашему разговору... Мы говорили о де Куинси. Скажите, Шарлотта, вы знали, что он устраивает приемы в своем лондонском доме?

Шарлотта убрала руки со спинки стула:

- Я слышала об этом.

- К сожалению, он забыл позвать нас, - заметил Уилл. - Хотя, возможно, наши приглашения просто затерялись на почте.

- Не расстраивайтесь, молодой человек, потому что приемы эти проходят не по совсем обычному сценарию. Если говорить прямо, то в это время в доме де Куинси мучают и убивают людей, - продолжала леди Белкурт. - Полагаю, их тела потом выбрасывают в Темзу, и никому не известно, где они находят свое последнее пристанище. Вы знали об этом?

Даже Уилл выглядел ошеломленным.

Первой нарушила молчание Шарлотта:

- Но Закон запрещает детям ночи убивать людей!

- Я же уже сказала, что де Куинси презирает Закон. Он делает это по двум причинам: хочет подразнить нефилимов и насладиться самим убийством. Однако не надейтесь, ошибок он не совершает.

Губы Шарлотты побелели.

- Как долго это продолжается, Камилла?

«Так вот как ее зовут, - подумала Тесс. - Камилла». Имя звучало по-французски, и это, возможно, объясняло ее легкий акцент.

- По крайней мере год. Возможно, и больше. - Голос леди Белкурт звучал спокойно, словно она говорила о меню на ужин.

- И вы сообщаете мне об этом только теперь... - А вот в голосе Шарлотты звучала неприкрытая обида.

- Де Куинси - истинный король ночного Лондона. Конечно, искушение раскрыть его тайны велико, но цена такого удовольствия - смерть, - проговорила Камилла, прикрыв глаз. - И если бы я даже рассказала вам обо всем чуть раньше, вы ничего не смогли бы сделать. Де Куинси один из ваших союзников. И как вы собираетесь вывести его на чистую воду? Однажды вечером с криками и проклятиями ворветесь в его дом, словно он обыкновенный преступник? Нет, если вы решите действовать против де Куинси, то у вас для этого должен быть очень серьезный повод. Как я понимаю, согласно новым Соглашениям, вампир должен нанести вред человеку прежде, чем нефилимы смогут принять меры?

- Да, - неохотно согласилась Шарлотта. - Но если нам позволили бы посетить одну из этих встреч...

Камилла тихо рассмеялась:

- Де Куинси никогда не позволил бы случиться подобному! Увидев сумеречных охотников, он заперся бы в своем доме, и даже вам не удалось бы туда проникнуть. Вам бы никогда не позволили войти.

- Но вы ведь можете попасть туда, - продолжала Шарлотта. - И можете привести с собой одного из нас...

Перо на шляпе Камиллы задрожало - она запрокинула голову и стала задумчиво рассматривать потолок.

- Вы предлагаете мне рисковать собственной жизнью?

- Не думаю, что для вас это такая уж проблема, если учесть, что на самом деле вы вовсе и не живы? - заметил Уилл.

- Я ценю свое существование точно так же, как и вы, сумеречные охотники, свои жизни, - снова прикрыв глаза, заметила леди Белкурт. - Вам бы стоило это запомнить, молодой человек.

И тут заговорил Джем. Он открыл рот впервые с тех пор, как вошел в Святилище.

- Леди Белкурт, извините за вопрос, но не могли бы вы сказать, чего конкретно хотите от Тесс?

Камилла посмотрела прямо на девушку. Ее зеленые глаза блестели в свете свечей как драгоценные камни.

- Вы ведь можете превратиться в кого угодно? У вас будут тот же голос и те же манеры, что у человека, в которого вы «перекинетесь»? Совершенная маскировка... Так, по крайней мере, мне рассказывали.

- Да, - нерешительно согласилась Тесс. - То есть мне говорили, что я ничем не отличаюсь от человека, в которого превращаюсь. Но я не назвала бы такую маскировку совершенной.

Камилла внимательно посмотрела на девушку:

- Она должна быть совершенной. Если бы вы превратились в меня..

- В вас? - удивилась Шарлотта. - Леди Белкурт, я не понимаю..

- Зато я понимаю, - тут же перебил ее Уилл. - Если Тесс превратится в леди Белкурт, она сможет попасть на одну из вечеринок де Куинси. И она будет потом свидетельствовать против него. Тогда Анклав накажет его, не нарушая Соглашения.

- А я смотрю, вы весьма умны, молодой человек, - улыбнулась Камилла, вновь продемонстрировав свои белые зубы.

- И кроме того, можно было бы разузнать, почему де Куинси так заинтересовался механизмами, - продолжал Джем. - Не думаю, что, убивая мирян, он всего лишь идет на поводу у собственных капризов. Он ничего не делает просто так.

Джем выразительно посмотрел на Шарлотту, и Тесс поняла, что юноша в этот миг так же, как и она, вспомнил о телах в подвале Темного дома.

- Мы должны придумать, как связаться с Анклавом из логова де Куинси, - продолжал размышлять Уилл, его синие глаза светились азартом. - Возможно, Генри мог бы изобрести необходимую штуквинину. И хорошо было бы получить проект, который использовали при строительстве дома.

- Уилл, - возразила Тесс, - я не..

- Конечно, ты одна туда не пойдешь, - нетерпеливо перебил ее Уилл. - Я отправлюсь с тобой. Не позволю ему причинить тебе вред.

- Нет, Уилл! - отрезала Шарлотта. - Ты и Тесс, одни, в доме, переполненном вампирами? Да вы с ума сошли! Я запрещаю.

- Но кого вы можете послать с ней, если не меня? - спросил Уилл. - Вы знаете, что я действительно смогу защитить ее..

- Могу пойти я. Или Генри..

Камилла, которая до этого следила за перепалкой со скучающим видом, наконец сказала:

- Боюсь, в этот раз я соглашусь с Уильямом. На эти вечеринки пускают только близких друзей де Куинси, естественно вампиров, и их слуг - людей. Де Куинси однажды уже сталкивался с Уиллом, когда тот притворялся богатым и глупым мирянином, очарованным оккультизмом. Думаю, он не удивится, если теперь увидит Уилла в качестве... раба одного из нас.

Рабы.. Тесс читала о них в «Кодексе»: это были миряне, поклявшиеся служить вампиру. Их еще называли затемненными. Эти люди кормили, вернее, поили вампира своей кровью и взамен время от времени получали капельку крови своего хозяина. Зачем им это было надо? Все очень просто. Регулярно употребляя кровь вампира, они после своей смерти сами должны были стать детьми ночи. К тому же хозяева привязывали к себе рабов посредством своей крови, и у тех даже мысли не возникало сбежать.

- Но Уиллу только семнадцать, - возразила Шарлотта.

- Большинство рабов стали таковыми еще в юном возрасте, - заметил Уилл. - Вампиры любят мирян в расцвете сил - так меньше шансов нарваться на дурную кровь. Кстати, эти люди живут чуть дольше, чем все остальные. - Он выглядел страшно довольным своими познаниями. - Большинство членов Анклава не сможет убедительно изобразить недавно поработанного человека просто потому, что они не молоды и не красивы..

- Ты хочешь сказать, что единственный красавец среди нас? Неужели все остальные на твой взгляд так отвратительны? - с удивлением спросил друга Джем. - Почему я, к примеру, не смогу сыграть эту роль?

- Нет, - возразил Уилл. - Ты и сам понимаешь, почему не подходишь.

Последнюю фразу Уилл произнес совершенно равнодушно, и Джем какое-то мгновение еще пристально смотрел на друга, а потом пожал плечами и отвел взгляд.

- Я все еще не уверена, - неспешно проговорила Шарлотта. - Когда следующий прием, Камилла?

- В субботу ночью.

Шарлотта глубоко вздохнула:

- Я вынуждена буду посоветоваться с Анклавом, прежде чем дать согласие на эту авантюру. К тому же еще должна согласиться Тесс.

После этих слов все присутствующие в зале обернулись и посмотрели на девушку. Та нервно облизнула сухие губы.

- Мой брат может находиться в доме у де Куинси? - спросила она у леди Белкорт.

- Не могу вам этого обещать, но это вполне возможно. Натаниэль Грей прежде часто бывал на приемах де Куинси. Он был очень популярен.

Тесс почувствовала, как по спине ее пробежал холодок страха.

- Был ли он... Был ли он поработан?

- Нет, - ответила Камилла после паузы.

«Она лжет, - решила Тесс. - Или на худой конец что-то недоговаривает».

- Хорошо, я согласна, - объявила она наконец. - Но я хочу, чтобы мне пообещали: если Нат там, мы спасем его. Я хочу быть уверенной, что все это устраивается не только для того, чтобы поймать де Куинси. Вы обещали мне спасти Ната, и я хочу знать, что вы не нарушите своего слова.

- Конечно, - согласилась Шарлотта. - Но я не знаю, Тесс... Это очень опасно...

- Ты когда-нибудь превращалась в обитателя Нижнего мира? - спросил Уилл.
- Ты ведь даже не знаешь, получится ли у тебя такой фокус.

Тесс покачала головой:

- Нет, я никогда не делала ничего подобного. Но... я могу попробовать... - И она обратилась к леди Белкурт: - Не могли бы вы дать мне что-нибудь из своих вещей? Кольцо или носовой платок.

Камилла изящным жестом подняла руки, легко отбросила в сторону белокурые локоны, свободно лежавшие на ее идеальных, словно высеченных из мрамора плечах, и расстегнула ожерелье. Когда она протянула его Тесс, то девушка невольно залюбовалась ее тонкими и длинными пальцами.

- Вот. Возьмите это, - сказала леди Белкурт.

Нахмурившись, Джем шагнул вперед, забрал ожерелье и сам протянул его Тесс. Ожерелье оказалось тяжелым, а квадратный рубин, размером чуть ли не с кулак, был на удивление холодным, словно долго пролежал в снегу. Когда Тесс сжала его в кулаке, то на секунду ей показалось, что в руках у нее кусочек льда. Она затаила дыхание и закрыла глаза.

Странно, но теперь все было по-другому. В мгновение ока вокруг нее стало так темно, что хоть глаз выколи, а потом вдали вспыхнул свет - серебристое мерцание. Только вот свет этот не грел, напротив, от него исходил прямо-таки арктический холод. Тесс, морщась от боли, потянула свет к себе, его лучи коконом завернулись вокруг ее тела, и девушка подалась вперед, пытаясь достичь самого его источника. Свет стал еще сильнее, и теперь вместо кокона ее окружали нестерпимо мерцающие белые стены...

Тесс почувствовала острую боль в груди, и на мгновение все перед глазами поплыло и стало алым, цвета крови. Тесс запаниковала. Ее глаза распахнулись...

Она по-прежнему была в Святилище, а все присутствующие не сводили с нее глаз. Камилла слегка улыбалась, остальные же казались пораженными до глубины души. Во всяком случае, выражения лиц у них сейчас были точно такими же, как тогда, когда она превратилась в Джессамину.

Но что-то во всем этом было отчаянно неправильное. Внутри она чувствовала пустоту. Нет, ей не было больно, не было тоскливо, ей было... никак. Словно из ее тела исчезла душа. И тут по телу ее пробежала сильнейшая судорога, стало трудно дышать, и Тесс опустилась на стул, прижав руки к груди. Она дрожала всем телом.

- Тесс? - Джем присел рядом и взял ее за руку.

В зеркале напротив отражалась Камилла, похожая на настоящую как две капли воды. Светлые блестящие локоны Камиллы растрепались и теперь свободно ниспадали на неестественно белые плечи. Девушка посмотрела вниз - ее грудь налилась, и лиф ее платья каждую секунду рисковал расползтись по швам. «По моим венам сейчас не бежит кровь, - с ужасом подумала она. - Мое сердце не бьется. Я даже не дышу. И эта пустота внутри, эта страшная пустота... Неужели я лишилась души?! Смогу ли я потом вернуть себя прежнюю?»

Теперь ей казалось, что ее мертвое сердце превратилось в камень. Она постоянно чувствовала его, и это ощущение сводило ее с ума. Она со стоном вдохнула и поняла, что может дышать, вот только ее новому телу это совершенно не нужно.

- Боже! - едва слышно прошептала она, обращаясь к Джем. - Мое сердце не бьется. Я чувствую себя так, словно умерла. Джем..

Он нежно погладил ее руку, посмотрел ей прямо в глаза и ласково улыбнулся, словно она по-прежнему была Терезой Грей.

- Ты жива. - Джем старался говорить так тихо, чтобы его могла слышать только Тесс. - Ты всего лишь надела чужую личину, но ты по-прежнему остаешься Тесс - и ты жива. Знаешь, как я это понял?

Она покачала головой.

- Когда ты пришла в себя, ты воскликнула: «Мой Бог!» Возможно, ты и сама этого не помнишь, но было именно так. И знаешь что? Ни один вампир не произнесет таких слов. - Он сжал ее руку. - Твоя душа по-прежнему с тобой, даже если ты этого не чувствуешь.

Девушка закрыла глаза. Мгновение она сидела не двигаясь, полностью сконцентрировавшись на ощущениях, которые дарил ей его теплая рука, прикасающаяся к ее ледяной коже. В конце концов она открыла глаза и слабо, едва заметно улыбнулась Джем.

- Тесс, - позвала Шарлотта. - С тобой... С тобой все в порядке?

Тесс с трудом отвела взгляд от Джима и немного растерянно посмотрела на Шарлотту, с беспокойством наблюдавшую за ней. Рядом с миссис Бранвелл стоял Уилл, но по его лицу было совершенно невозможно понять, о чем он думает.

- Великолепно, дорогая, - нарушила всеобщее молчание леди Белкорт. - Но быть похожей на меня внешне еще мало. Вы должны ходить, как я, говорить, как я, держать себя, как я, если вы, конечно, желаете действительно обмануть де Куинси. Я бы никогда не стала так резко садиться на стул. - Она склонила голову набок. - Однако в целом представление получилось впечатляющее. Кто-то хорошо обучил вас.

Тесс сразу же вспомнила о Темных сестрах. Да уж, они в свое время постарались на славу. Но теперь Тесс не могла не признать, что они в чем-

то и помогли ей. Именно с их помощью она сумела развить способности, которые теперь должны были помочь ей выручить брата из беды. Хотя... Как было бы хорошо, если бы она так и осталась обычной американской девушкой, ведать не ведающей ни о Нижнем мире, ни о его обитателях.

Тесс решила, что на первый раз достаточно, и медленно расслабилась, позволив коже Камиллы сползти с ее тела. Ощущение было такое, словно она вынырнула из ледяной воды на яркое солнце. По телу пробежала сильная дрожь, и она машинально схватила Джема за руку, словно опасаясь не удержаться и снова свалиться в ледяную бездну. В груди, словно ударившаяся о стекло птица, которая вначале лежала неподвижно, а потом вдруг вспорхнула и заметалась по комнате, забилося сердце. Воздух горячей волной хлынул в легкие. Тесс отпустила Джема и прижала руки к груди. Она наслаждалась теплотой своей кожи, биением сердца, чуть прерывистым дыханием и с силой сжимала пальцы, впиваясь ногтями в кожу, стараясь не упустить ни одного вдоха.

Вновь посмотрев в зеркало, она поняла, что снова стала сама собой. И пусть теперь она не была утонченной красавицей, а стала всего лишь Терезой Грей, ее собственное лицо было милее ей во сто крат, чем совершенный лик Камиллы. Она почувствовала невероятное облегчение, словно только что избежала смертельной опасности.

- Мое ожерелье? - холодно напомнила леди Белкурт, протянув изящную руку.

Джем забрал украшение у Тесс и вернул его вампиру. В тот момент, когда он проносил ожерелье мимо ее лица, Тесс увидела выгравированную на серебряной оправе рубина надпись: *Amor verus moritur numquam*[67].

А потом Тесс нестерпимо захотелось посмотреть на Уилла, хотя природы своего желанья она и сама не понимала. Она бросила на него быстрый взгляд и, встретившись с ним глазами, тут же потупилась. Он поступил так же.

- Леди Белкурт, ни один из нас никогда прежде не бывал в доме де Куинси. Не могли бы вы нарисовать план первого этажа или хотя бы рассказать о расположении комнат? - На этот раз Уилл был сама вежливость.

- У меня для вас есть кое-что получше. - Леди Белкурт медленно надела на шею ожерелье. - Магнус Бэйн.

- Чародей? - Брови Шарлотты поползли вверх от удивления.

- Да, вы правы, он чародей, - согласилась леди Белкурт. - Он прекрасно знает лондонский дом де Куинси, потому как бывал у него в гостях не реже меня. Впрочем, вечеринки с убийствами ему не по вкусу так же, как и мне.

- Надо же, какой благородный, - пробормотал Уилл.

- Он встретит вас у де Куинси и покажет дом. Никто не удивится, увидев нас вместе, потому что Магнус Бэйн мой возлюбленный.

Тесс еле-еле сдержалась, чтобы не открыть рот от изумления, чего делать воспитанной девушке никак не полагалось. Впрочем, добропорядочные леди никогда не станут рассказывать о своих любовных отношениях людям

малознакомым. Но возможно, у вампиров другие порядки? Тесс исподтишка оглядела остальных. Их, похоже, тоже поразило признание леди Белкурт. Одному лишь Уиллу, казалось, снова было наплевать на условности, и на губах его играла веселая улыбка.

- Хороший план, - после затянувшейся паузы сказала наконец Шарлотта.

- Несомненно. - Камилла поднялась. - А теперь пусть кто-нибудь проводит меня. Уже поздно, а я еще не ужинала.

- Уилл, Джем, проводите леди Белкурт, - сказала Шарлотта, все еще с беспокойством глядя на Тесс.

Девушка наблюдала, как юноши двинулись вслед за Камиллой, подобно солдатам из королевского эскорта. Впрочем, они и были воинами, так что чему тут удивляться? Уже в дверях леди Белкурт остановилась и оглянулась. Она медленно перевела взгляд с Шарлотты на Тесс и холодно им улыбнулась на прощание. Тесс в очередной раз подумала, что никогда еще ей не приходилось видеть столь красивую женщину. Однако ни красота леди Белкурт, ни ее хорошие манеры не могли уничтожить чувство отвращения, которое Тесс испытывала все время, что находилась в Святилище.

- Если вы отправитесь в дом де Куинси, юная леди, и сделаете что должно - и не важно, преуспеете вы в своем деле или нет, - я обещаю вам, что вы не пожалеете о сделанном, - сказала Камилла.

Тесс нахмурилась и хотела было ответить, но Камилла уже скрылась в темноте коридора. Все произошло настолько быстро, что Тесс показалось, будто баронесса буквально растворилась в воздухе.

Нахмурившись, Тесс повернулась к Шарлоте:

- Что она имела в виду?

- Не знаю, - вздохнула леди Бранвелл и покачала головой. - Хотела бы я думать, что она имела в виду лишь удовольствие от осознания исполненного долга. Но для этого надо совершенно не знать Камиллу...

- Она похожа на других вампиров? - спросила Тесс. - Они все такие же... холодные?

- Многие из них прожили очень долго, - дипломатично ответила Шарлотта, - и видят происходящее в ином свете, нежели мы.

Тесс чувствовала, как на нее волнами накатывает головная боль, и прижала пальцы к ноющим вискам.

- Это точно, - пробормотала она.

* * *

Что же до Уилла, то его в вампирах больше всего раздражала лишь одна вещь. Его не пугала их способность беззвучно и стремительно перемещаться с места на место, его не раздражали их попытки всякий раз очаровать, а вернее, зачаровать собеседника. Он спокойно слушал их прекрасные, мелодичные, как у сирен, голоса, смотрел в их холодные, змеиные глаза... Но вот их запах он просто не выносил. Вернее, он не выносил отсутствие какого-либо запаха. Каждый из нас чем-нибудь да пахнет – потом, мылом, духами. Даже куклы, даже восковые манекены чем-то пахнут. А вот вампиры не пахли ничем.

Джем придержал дверь, пропуская Камиллу вперед. Они как раз прошли по коридору, ведущему из Святилища в особый зал Академии, расположенный на неосвященной земле. Сделано это было специально для того, чтобы вампиры и прочие создания ночи беспрепятственно встречались здесь с представителями Анклава и в то же самое время не могли проникнуть в другие помещения Академии.

Камилла прекрасно знала дорогу, так как бывала здесь неоднократно, и вряд ли по неосторожности могла ступить на освященную землю, так что молодые люди провожали ее лишь из любезности.

Леди Белкорт, проходя мимо Джема, едва удостоила его взглядом, а идущий за ней Уилл, притормозив на мгновение, прошептал другу:

– Она не пахнет.

Джем выглядел встревоженным.

– Ты что, нюхал ее?

Камилла, стоявшая уже у следующих дверей, повернулась и недобро улыбнулась:

– Я слышу все, что вы говорите. Что ж, вы правы, молодой человек, вампиры не пахнут. Именно поэтому мы самые совершенные хищники на свете.

– А еще у вас превосходный слух, – добавил Джем и захлопнул дверь.

Они стояли в маленьком квадратном фойе. Рука Камиллы уже легла на ручку входной двери, словно она спешила, однако все ее движения были преисполнены спокойствия и величия.

– Вы прекрасно дополняете друг друга, – продолжала она. – Черное и белое. Вы, молодой человек, так бледны, что вполне могли бы сойти за вампира, – сказала она Джему. – А вы... – с этими словами она повернулась к Уиллу, – не думаю, что кто-то сможет усомниться в наших с вами отношениях. Вы выглядите как отменный раб. Возможно, только лишь старый хитрец де Куинси может заподозрить обман.

Джем посмотрел на Камиллу, и его острый взгляд, казалось, мог бы разрезать стекло. Уилл никогда еще не видел у своего друга такого выражения лица и даже внутренне содрогнулся.

- Почему вы, леди Белкурт, помогаете нам? Вы сами рассказали нам о преступлениях де Куинси, придумали план его поимки. Так почему же?

Камилла улыбнулась. Она была красива, отметил про себя Уилл. Впрочем, и сухие цветы порой бывают красивы, однако даже самые лучшие из них никогда не сравнятся с самыми простыми, но живыми.

- На самом деле это я виновата в том, что сейчас происходит. Де Куинси кое-что узнал от меня и теперь всю пользуется этим. Так что его преступления отчасти и на моей совести.

Джем покачал головой:

- Не думаю. Извините, леди Белкурт, но я не думаю, что вы способны сложить голову ради каких бы то ни было принципов. Да что там говорить, большинство из нас в своих поступках руководствуется лишь личной выгодой. Всеми нами, как правило, движут любовь или ненависть, а не честь и совесть.

- Да, это сладкое слово «мечь», - поддержал друга Уилл. - В конце концов вы же знали о происходящем уже около года и только сейчас пришли к нам.

- Я пришла из-за мисс Грей.

- Да, но это ведь не все? - продолжал Джем. - Тесс лишь орудие, возможность добиться желаемого, но какова причина, повод? Мне кажется, вы что-то скрываете от нас, леди Белкурт. - Он склонил голову набок и внимательно посмотрел на баронессу. - Почему вы так сильно ненавидите де Куинси?

- А что вам за дело до моих чувств, маленький сумеречный охотник? - Улыбка Камиллы теперь напоминала оскал хищного животного, отчетливо стали видны острые резцы, белеющие на фоне ярко-красных губ. Но Уилла такими штучками было не напугать: на своем веку он видел уже достаточно вампиров и знал, как с ними справиться. - Зачем вам надо знать истинные причины моих поступков?

Вместо Джема ответил Уилл, который прекрасно знал, что его друг думает по этому поводу:

- Иначе мы не сможем вам доверять. Возможно, вы посылаете нас в западню. Шарлотта не хочет верить в это, но такой оборот дел вполне возможен.

- Посылаю вас в западню? - В голосе Камиллы звучала насмешка, она словно дразнила юношей. - Рискую навлечь на себя гнев всемогущего Анклава? Нет уж, увольте, я не самоубийца!

- Леди Белкурт, боюсь, вам все же придется ответить на наши вопросы. Если вы этого не сделаете, то вряд ли сумеете воплотить в жизнь свой план. Во всяком случае, мы никогда не позволим Тесс ввязаться в эту авантюру, - спокойно ответил Джем.

- Что ж, ладно, - сдалась леди Белкурт. - Вижу, вы не успокоитесь, пока не получите объяснений. Вы, - она кивнула Уиллу, - правы. И вы, кажется, несмотря на юный возраст, многое знаете о любви и мести. Мы с вами при случае поговорим и о том и о другом. - Она снова улыбнулась, однако в улыбке этой не было ничего радостного или доброго. - Когда-то у меня был возлюбленный. Ликантроп, так же, как и Тесс, способный менять свою форму. Но детям ночи не позволено любить детей луны. Мы были осторожны, но де Куинси все равно узнал о нас. Узнал - и хладнокровно убил его, совсем как тех мирян во время своих адских вечеринок. - Ее глаза светились в полутьме холодным зеленым светом, и она не сводила хищного взгляда с сумеречных охотников. - Я любила его, а де Куинси все уничтожил. Тогда ему помогали и другие вампиры. И я никогда им этого не прощу, никогда! Убейте их! Убейте их всех!

* * *

День, когда десять лет назад было подписано Соглашение, без преувеличения можно было бы назвать великим. С тех пор жизнь нефилимов и обитателей Нижнего мира во многом изменилась. Больше они уже не стремились уничтожить друг друга. Напротив, им пришлось объединиться, чтобы сражаться против общего противника - демонов. При подписании Соглашения в Идрисе присутствовало пятьдесят человек: десять детей ночи, десять детей Лилит, в просторечье именуемых колдунами или чародеями, десять представителей волшебного народа, десять детей луны и десять существ, в чьих жилах текла кровь Разиэля...

Тесс подскочила на месте, услышав громкий стук в дверь. Она читала «Кодекс сумеречных охотников», удобно устроившись на подушках, и сама не заметила, как заснула. Она только и успела, что сесть и, отложив книгу, натянуть одеяло до подбородка, как дверь открылась. В комнату вошла Шарлотта, державшая в руках зажженную лампу. Тесс вдруг поймала себя на том, что чувствует горькое разочарование. Но кого она ждала? Кого надеялась увидеть? Несмотря на поздний час, Шарлотта была одета для прогулки. Ее лицо было очень серьезно, под черными глазами залегли тени, в уголках рта и глаз резче обозначились мелкие морщинки.

- Не спишь?

Тесс кивнула и показала книгу, которую читала.

- Изучаю.

Шарлотта, ничего не ответив, пересекла комнату и села в изножье кровати Тесс. Она протянула ей руку, и что-то блеснуло на ее ладони. Это был кулон в виде ангела.

- Ты оставила его Генри.

Тесс отложила книгу и взяла кулон. Она надела цепочку через голову и, ощутив знакомую тяжесть, почувствовала себя уверенней.

- Он узнал что-то?

- Не уверена. Генри сказал, что изнутри кулон проржавел и удивительно, что механизм до сих пор работает. Он почистил его, хотя, кажется, ничего не изменилось. Возможно, он теперь тикает чуть быстрее?

- Возможно. - Тесс совершенно не заботили такие мелочи. Она лишь радовалась тому, что ей вернули столь дорогую ее сердце вещь - единственную память о покойной матери.

Шарлотта положила руки на колени:

- Тесс, я тогда не все тебе сказала.

Сердце девушки забилось быстрее.

- Что вы имеете в виду?

- Мортмэйн... - Шарлотта колебалась. - Когда я рассказала тебе, что Мортмэйн представил твоего брата членам «Клуба Преисподняя», я сказала лишь часть правды. На самом деле твой брат уже знал о Нижнем мире. Ты понимаешь, он знал о нем еще до встречи с Мортмэйном! И кажется, он узнал о нем от вашего отца.

Тесс была настолько ошеломлена, что не могла и слова вымолвить.

- Сколько лет тебе было, когда умерли твои родители? - спросила Шарлотта.

- Они погибли во время несчастного случая, - прошептала Тесс. - Мне было три. Нату - шесть.

Шарлотта нахмурилась:

- Надо же... Твой брат был слишком молод, чтобы отец мог решить доверить ему такую тайну, но... предположим, так оно все и было.

- Нет, - покачала головой Тесс. - Нет, вы не понимаете. Я получила самое обычное воспитание, я ничем не отличалась от тысяч и тысяч других американских девушек. Тетя Генриетта... Она была самой практичной женщиной в мире. Она ведь тоже знала бы. Не могла не знать о таких вещах. Она была младшей сестрой матери. Они вместе приплыли в Америку из Лондона.

- Люди часто хранят тайны, Тесс, намного чаще, чем нам бы того хотелось. И далеко не всегда они рассказывают обо всем даже тем, кого любят всем сердцем. - Шарлотта провела пальцами по обложке «Кодекса», украшенной рельефным рисунком. - И ты должна признать, что в этом есть определенный смысл.

- Смысл? Нет в этом никакого смысла!

- Тесс... - вздохнула Шарлотта. - Мы не знаем, откуда взялись твои способности. Но если один из твоих родителей был связан с волшебным миром, то это как-то могло повлиять на вашу дальнейшую жизнь. Возможно, твой отец был членом «Клуба Преисподняя». Иначе откуда де Куинси мог бы узнать о тебе?

- Честно говоря, я уже думала о чем-то подобном, - неохотно призналась Тесс. - Только... Когда стали происходить все эти ужасы, мне даже иногда казалось, будто это лишь сон. Прежде моя жизнь была реальна, а это - ужасный кошмар. Я верила: для того чтобы вернуться к прежней, нормальной жизни, достаточно только найти Ната. - Она посмотрела прямо на Шарлотту. - Но теперь я задаюсь вопросом: может быть, сон - это моя прежняя жизнь, реальность - это то, что происходит сейчас? Если мои родители знали о «Клубе Преисподняя»... Если они были частью мира теней... Тогда мне некуда возвращаться.

Шарлотта внимательно посмотрела на Тесс:

- Ты не думала, откуда у Софи этот ужасный шрам?

Озадаченная столь резкой сменой темы, Тесс только и смогла, что пробормотать:

- Я... Я задавалась этим вопросом, но я... не люблю спрашивать.

- Пусть так, - вздохнула Шарлотта, и голос ее звучал спокойно, даже равнодушно. - Когда я впервые увидела Софи, она сидела на ступеньках крыльца, грязная, с кровавой тряпкой, прижатой к щеке. Она увидела меня, когда я прошла мимо, хотя я была зачарована. Это и привлекло к ней мое внимание. Оказалось, что у Софи, так же как у Томаса и Агаты, есть особый дар - она обладает Зрением. Я предложила ей деньги, но она не взяла их. Тогда я попросила ее проводить меня до чайного магазина, и по дороге она рассказала мне свою историю. Она работала горничной в прекрасном доме, стоящем в Лесу святого Иоанна [68]. Конечно, там могли работать горничными только очень красивые девушки, а Софи, безусловно, была красива. Вначале ее красота помогла ей, а потом чуть не уничтожила. Сын хозяина дома попытался совратить ее, но на все его домогательства она отвечала решительным отказом. И вот в один ужасный день, разозлившись на неуступчивую горничную, он схватил нож и ударил ее по лицу, сказав, что если она такая капризная, то оставаться ей одной до конца жизни. Он решил: если сам не может получить Софи, то и никто другой не сможет.

- Как ужасно, - прошептала Тесс.

- Она бросилась за помощью к хозяйке, матери юноши, но он заявил, что Софи все лжет. Сказал, что это она пыталась совратить его, между ними произошла стычка и он, защищаясь, нечаянно схватился за нож. Конечно, хозяева поверили своему сыну и выставили Софи на улицу. К тому времени как я нашла ее, щека уже воспалилась от инфекции. Я привела ее сюда, и о ней позаботились тихие братья. Они вылечили воспаление, спасли ей жизнь, но не смогли убрать шрам с лица.

Тесс, сострадавшая Софи всем сердцем, машинально прижала руки к лицу:

- Бедная девушка...

Шарлотта склонила голову набок и пристально посмотрела на Тесс. И во взгляде ее была такая сила, что Тесс показалось, будто она превратилась в крошечную птичку, а Шарлотта - в огромного мощного зверя.

- У Софи есть дар, - продолжала Шарлотта. - Она может видеть то, что другие не видят. В своей прежней жизни она часто задавалась вопросом: не сошла ли она с ума? Теперь она знает, что не безумна, просто отличается от большинства. В том мире она была лишь горничной, которая, вероятно, потеряла бы место сразу же, как только начала бы увядать ее красота. Теперь же она принадлежит к нашему братству, она приносит пользу по мере сил, и ей больше нечего бояться. - Шарлотта подалась вперед. - Оглянись, посмотри на жизнь, которую ты вела, Тесс. Ты и твоя тетка были очень бедны, если не ошибаюсь. Если бы ты не отправилась в Лондон, что бы ты делала после смерти тети? Чем бы занималась? Повторила бы историю Софи? - Шарлотта покачала головой. - У тебя невероятно редкий дар. Ты не должна ни у кого ничего просить. Ты не должна ни от кого зависеть. Ты свободна, и свобода - твой самый главный дар.

- Из-за этой самой способности меня мучили, практически держали в тюрьме. Трудно теперь думать о ней как о даре.

Шарлотта вновь покачала головой:

- Однажды Софи сказала мне, что довольна тем, как все сложилось. Она понимает, что рано или поздно встретит человека, который полюбит именно ее, а не прельстится хорошенькой мордашкой. Подумай над этим, Тесс. Сила в том, кто ты есть. Кто бы ни любил тебя, ты сама тоже должна себя любить. И только если тебе удастся полюбить себя, тогда и другие полюбят тебя, причем такой, какая ты есть.

Тесс взяла «Кодекс» и прижала его к груди, словно пытаясь защититься от чего-то неведомого.

- Так значит, я была права. То, что происходит сейчас, реально, а моя прежняя жизнь была лишь сном..

- Точно. - Шарлотта ласково погладила Тесс по плечу.

Тесс так давно никто не жалел, так давно не проявлял к ней участия, что на глаза ее невольно навернулись слезы. Как же она была одинока, как же скучала по маме и папе, по тете Генриетте... Как же ей все это время не хватало простого человеческого тепла.

Шарлотта улыбнулась:

- А теперь пришло время проснуться.

Глава девятая

Анклав

На сердце жернов,

лицо как кремень.

Обман и подлость —

Все смерть измерит.

Мы пыль и пепел...[69]

Альфред, лорд Теннисон «Мод»

– Попробуй снова, – предложил Уилл. – Просто пройдишь из одного угла комнаты в другой. Мы скажем, если ты будешь выглядеть убедительно.

Тесс вздохнула. Ее голова пульсировала от боли, перед глазами все плыло. Как же тяжело учиться быть другим человеком, даже если леди Белкурт и не совсем человек.

Прошло уже два дня после визита баронессы, и Тесс все это время пыталась стать хоть немного похожей на элегантную красавицу, однако все ее усилия были тщетны. К тому же, каждый раз меняя свой облик и превращаясь в Камиллу, она чувствовала, что не может стать ею до конца. Каждый раз в голове ее будто вставала невидимая преграда, которую она пока не могла преодолеть и начать мыслить как вампир, а не как живой человек из плоти и крови. Неудивительно, что она пока никак не могла уловить особенности манеры поведения баронессы. Из-за этого ей трудно было понять, как именно следует ходить, как говорить и какое выражение сохранять на лице, чтобы обмануть де Куинси, который, без сомнения, очень хорошо знал Камиллу. А вот она, Тесс, старого вампира совершенно не знала и понятия не имела, чего от него ожидать. И каков характер их отношений с Камиллой? Как он ведет себя с ней? Пока что у нее были только вопросы и ни одного ответа.

После ленча, во время которого она пыталась разговаривать, манерно растягивая слова, Тесс отправилась в библиотеку. Изо всех сил она старалась идти такой же легкой, как у Камиллы, походкой – еще в тот памятный вечер Тесс обратила внимание на то, что баронесса словно бы парит над землей. Корсаж ее платья сегодня украшала брошь из драгоценных камней, которую совсем недавно принес один из рабов леди Белкурт – маленькое морщинистое существо по имени Арчер. Для Тесс приготовили специальное платье, которое она должна была надеть на прием к де Куинси, но оно было слишком тяжелым и неудобным, чтобы носить его весь день.

Поэтому Тесс пока довольствовалась собственным новым сине-белым платьем, которое всякий раз, как она превращалась в Камиллу, становилось слишком узко в груди и слишком широко в талии.

И вот теперь она тренировалась в библиотеке, а Джем и Уилл, усевшись на одном из длинных столов у дальней стены библиотеки, якобы ей помогали. На самом деле Тесс готова была поклясться, что они явились сюда, чтобы посмеяться над ней. Их присутствие раздражало и мешало сконцентрироваться.

– Ты слишком сильно выбрасываешь ноги назад, когда ходишь, – объявил Уилл и с невозмутимым видом принялся вытирать блестящее красное яблоко о рубаху, совершенно не обращая внимания на возмущенный взгляд Тесс. – У Камиллы прекрасная походка. Когда она идет, то похожа на лесную фею, а не на утку на ферме.

– Я не похожа на утку.

– А я вот люблю уток, – постарался сгладить неловкую ситуацию Джем. – Особенно тех, что в Гайд-парке. – Он бросил быстрый взгляд на Уилла; оба юноши сидели на краю высокого стола, болтая ногами. – Помнишь, ты предложил покормить пирогом с домашней птицей диких уток? Тебя еще тогда интересовало, бывают ли утки каннибалы?

– Ага, и они умяли пирог в два счета, – пуще прежнего развеселился Уилл. – Кровожадные маленькие твари. Уткам нельзя доверять никогда.

– Вы мне, конечно, очень помогаете, и я чрезвычайно ценю ваше общество, – не выдержала в конце концов Тесс, – но мне кажется, вам уже пора идти и заниматься собственными делами. Вы уже битый час сидите здесь и отвлекаете меня пустыми разговорами о каких-то там пирогах и утках.

– Твое нетерпение – результат плохого воспитания, – усмехнулся Уилл и с хрустом откусил здоровенный кусок яблока. – Но, возможно, природа Камиллы так сильна, что рано или поздно ее сущность завладеет твоей.

Его тон звучал игриво. «Странно, – подумала Тесс, – всего за несколько дней мы прошли путь от полного непонимания до дружеского подтрунивания. И мы уже так много узнали друг о друге. Он даже просил у меня помощи, умолял молчать, когда с Джемом случился тот странный ночной приступ. Никогда бы не подумала, что отношения с кем-то могут развиваться столь стремительно». Но Тесс не обольщалась на счет Уилла. Да, возможно, несмотря на все его шутки, порой дурацкие, он относился к ней с изрядной долей симпатии, однако дальше этого дело явно не заходило. Она вообще задавалась вопросом: способен ли Уилл испытывать хоть какие-то сложные и сильные чувства?

Тесс прикусила губу и вздрогнула от неожиданно острой боли. Она никак не могла привыкнуть к тому, что в обличье Камиллы кусалась инстинктивно. Вот и сейчас ее резцы заострились в мгновение ока и с легкостью прокусили тонкую кожу на губе. Тесс почувствовала во рту вкус крови – ее собственной крови, соленой и горячей. Машинально она провела пальцами по губам и, убрав руку, увидела, что они испачканы красным.

- Не трогай, - решительно сказал Уилл и, отложив яблоко, спрыгнул со стола. - Ты удивишься, насколько быстро у вампиров заживают любые раны.

Тесс коснулась языком левого резца. Он снова стал плоским - обычный зуб.

- Я не понимаю, почему ее тело ведет себя подобным образом. Что заставляет ее чуть что выпускать... клыки?!

- Голод, - объяснил Джем. - Думала о крови?

- Нет.

- Думала о том, как было бы прекрасно укусить меня? - спросил Уилл.

- Нет! Конечно же нет! Да что же вы такое говорите!

- Успокойся ради бога, все в порядке, - вздохнул Джем. - Уилл просто интересуется.

Тесс вздохнула:

- Сейчас мне кажется, что я никогда не смогу полностью превратиться в Камиллу. Это так трудно. Я не понимаю ее сути.

Тут уже настал черед Джема спрыгнуть со стола. Он подошел к девушке и в упор посмотрел на нее:

- Ты и в самом деле не можешь прочесть ее мысли? Помнится, ты говорила, что мыслишь так же, как и те люди, в которых ты превращаешься.

- Да, обычно так и происходит, но не на этот раз. Я стараюсь, очень стараюсь, но все, чего я добилась, - это случайные вспышки, мимолетные образы. Мне никак не удастся подобраться к ее мыслям.

- Хорошо, надеюсь, тебе удастся прорвать ее защиту до завтрашнего дня, - вздохнул Уилл. - Или у нас будут очень серьезные проблемы.

- Уилл! - фыркнул Джем. - Не говори так.

- Ты прав, - согласился Уилл. - Не стоит полагаться только на Тесс. Если она сделает ошибку, уверен: я смогу вывести ее из этого проклятого дома, даже если у меня на пути встанут десятки голодных вампиров.

Джем - Тесс уже поняла, что это вошло у юноши в привычку, - проигнорировал хвастовство друга.

- Возможно, ты узнаешь лишь о мыслях людей, которые уже умерли? - поинтересовался он. - Наверное, предметы, которые давали тебе Темные сестры, принадлежали убитым им людям, и ты на самом деле не читала мысли, а узнавала лишь, о чем думали покойники перед смертью.

- Нет. Я смогла прочитать мысли Джессамины, когда обратилась в нее. Так что нет, слава богу, но у меня нет никакой связи с мертвыми. Иначе я бы вконец разочаровалась в своих способностях.

Джем задумчиво посмотрел на Тесс, и девушка почувствовала себя неловко под его пристальным взглядом.

– Как ясно ты можешь читать мысли мертвых? Например, если я дам тебе вещицу, которая некогда принадлежала моему отцу, ты сможешь мне сказать, о чем он думал перед смертью?

Теперь уже встревоженным не на шутку выглядел Уилл.

– Джеймс, я не думаю... – начал было он, но прервался, поскольку дверь библиотеки открылась и в комнату вошла Шарлотта. Она была не одна. За ней следовали люди, много людей, которых Тесс никогда прежде не видела. – Анклав... – прошептал Уилл и жестом приказал Джему и Тесс спрятаться за одним из высоких книжных шкафов.

Из своего укрытия они наблюдали, как библиотека наполняется сумеречными охотниками – в большинстве своем мужчинами, однако среди них имелись и две женщины.

Тесс смотрела на них во все глаза, вспоминая слова Уилла о том, что женщины тоже могут быть воинами. Одна из сумеречных охотниц, самая высокая из всех – в ней было, наверное, метра два, – носила причудливую прическу: напудренные и заплетенные в косу волосы были уложены на голове так, что напоминали корону. Впрочем, и вела себя эта уже немолодая женщина по-королевски. Вторая женщина была моложе, волосы ее были темны, а глаза похожи на кошачьи. Манеры ее были вкрадчивыми, а движения – плавными, отчего ее сходство с кошкой только усиливалось.

Мужчины же представляли собой разношерстную толпу. Старшим из них был высокий мужчина, облаченный во все серое, отчего его кожа и волосы тоже казались серыми. Его худое лицо – просто кожа да кости – с большим носом-крючком походило на орлиную морду. Да и глаза у него были острыми и внимательными, совсем как у хищной птицы. В уголках его глаз и рта залегли глубокие морщины – следы беспощадного времени. Тесс присмотрелась к нему повнимательнее и уже даже не удивилась, увидев, что его глаза подведены красной краской. Рядом с ним стоял самый молодой из группы, юноша, должно быть, всего на год старше Джема или Уилла. Он был красив, но красота его была какой-то холодной. Им хотелось любоваться, но у Тесс и мысли не возникло бы заговорить с ним. На лице его, казалось, навечно застыло настороженное выражение.

Джем вздохнул и что-то недовольно проворчал себе под нос.

– Габриэль Лайтвуд, – прошептал он. – Но что он здесь делает? Я думал, он сейчас в школе в Идрисе.

Уилл не пошевелился. Он также неотрывно смотрел на юношу – брови его поползли вверх, на губах заиграла слабая улыбка.

– Только не лезь к нему, Уилл, – торопливо добавил Джем. – Только не здесь. Я редко тебя о чем-то прошу, так что, пожалуйста, пойдешь мне навстречу.

- Тебе не кажется, что ты просишь меня о невозможном? - проворчал Уилл, стараясь не смотреть на друга. Чуть высунувшись из-за книжного шкафа, он наблюдал за Шарлоттой, которая каждого из сумеречных охотников проводила к его месту за стоящим посреди библиотеки столом. Выглядело это так, словно она долго убеждала этих людей прийти сюда и теперь старалась сделать все возможное, чтобы держать ситуацию под контролем.

- Фредерик Ашдаун и Майкл Пенхоллоу, пожалуйста, садитесь сюда, - звучал тихий, но уверенный голос Шарлотты. - Лилиан Хайсмит, если бы вы сели там, рядом с картой...

- А где Генри? - спросил вдруг какой-то седовласый мужчина. - Где же ваш муж? Как один из председателей Академии, он должен быть здесь.

Шарлотта колебалась долю секунду, прежде чем натянуто улыбнулась и ответила:

- Он занят, мистер Лайтвуд.

Тесс тут же поняла две вещи: первое - седовласый человек, скорее всего, отец Габриэля Лайтвуда, и второе - Шарлотта лгала.

- Лучше бы ему было отложить все свои дела, - пробормотал мистер Лайтвуд. - Анклав заседает без председателя... невысказанно! - И тут он резко обернулся.

Уилл тут же отпрянул назад, прячась за высоким книжным шкафом, но было уже слишком поздно. Мистер Лайтвуд прищурился:

- А кто это прячется там, за книжным шкафом? Выходи и покажись нам!

Уилл посмотрел на Джема, который лишь выразительно пожал плечами:

- Нет смысла прятаться и ждать, когда нас вытащат отсюда силой.

- Говори за себя, - прошипела Тесс. - Я не хочу, чтобы Шарлотта рассердилась на меня. Мне кажется, что мы не должны были бы здесь находиться...

- Нет, дорогая, не мы, а ты. Это ты не должна даже подозревать о встречах Анклава. Так что ты права, Шарлотта на тебя очень рассердится, - яростно зашептал ей в ответ Уилл. - Впрочем, она всегда точно знает, кто и в чем виноват. Но если хочешь послушать моего совета, верни себе первоначальный облик. Иначе этих старых тьюфяков хватит удар.

- О господи, конечно! - Тесс уже забыла, что до сих пор находится в образе Камиллы.

Она поторопилась принять свой первоначальный облик, а потом они все втроем вышли из своего укрытия.

- Уилл, - вздохнула Шарлотта, увидев юношу, а потом при появлении Тесс и Джема лишь покачала головой. - Я же предупреждала вас, что Анклав соберется здесь в четыре часа.

– Да что вы? – удивился Уилл. – Наверно, я запомнил. Как это ужасно! Прошу простить нас. – Голос его звучал вполне искренне, однако на губах играла усмешка, и глаза он старательно отводил в сторону, стараясь не встречаться с Шарлоттой взглядом. – Привет, Габриэль.

Красавец ответил Уиллу взглядом, преисполненным ненависти. Его необыкновенно яркие зеленые глаза хищно сверкнули, а совершенное лицо исказила гримаса отвращения.

– Уильям... – наконец произнес он, и было видно, что слова даются ему с трудом. Потом он внимательно посмотрел на Джема: – И Джеймс. Разве вы не слишком молоды, чтобы присутствовать на встречах Анклава?

– Вряд ли, ведь мы не старше тебя, – ответил Джем, сохраняя самое простодушное выражение лица, на какое только был способен.

– В июне мне исполнилось восемнадцать, – выдавил Габриэль и откинулся на спинку стула так, что его передние ножки оторвались от пола. – Теперь я имею право участвовать в заседаниях.

– Какая милая юная леди, – прервала перепалку высокая надменная женщина. – Это та девушка, о которой ты говорила, Лотти? Та самая девочка-чародейка? – Вопрос был адресован Шарлотте, но женщина даже не смотрела в ее сторону, сосредоточив все свое внимание на Тесс. – Надо же, как интересно. А ведь так никогда и не подумаешь...

– Магнус Бэйн тоже не представлял из себя ничего особенного, когда я увидел его в первый раз, – заметил мистер Лайтвуд, с любопытством поглядывая на Тесс. – Давайте же посмотрим, на что она способна. Моя дорогая, не будете ли вы столь любезны и не продемонстрируете ли нам свое мастерство?

– Я не чародейка, – сердито возразила Тесс.

– Хорошо. Вы, моя дорогая, безусловно наделены весьма необычными способностями, – продолжала пожилая женщина. – Так кто же вы, если не чародейка?

– Мы это скоро узнаем. – Шарлотта вновь перехватила инициативу. – Мисс Грей уже доказала свою честность мне и мистеру Бранвеллу. На данный момент этого вполне достаточно. По крайней мере, пока Анклав не решит использовать ее.

– Конечно же решит, причем в ближайшее время, – фыркнул Уилл. – Без нее все наши планы пойдут псу под хвост...

Габриэль вернул свой стул на место, ножки громко стукнули о каменный пол.

– Госпожа Бранвелл, разве Уильям не слишком молод, чтобы участвовать в разговоре?

Пристальный взгляд Шарлотты скользнул вначале по раскрасневшемуся от гнева лицу Габриэля, а потом по равнодушному Уилла.

- Да, действительно. Уилл, Джем, пожалуйста, будьте так добры, подождите в коридоре вместе с Тесс, - со вздохом произнесла она.

Уилл собирался было ответить, но Джем бросил на него предупреждающий взгляд, и юноше не оставалось ничего другого, как проглотить обиду. Габриэль Лайтвуд аж светился, наслаждаясь победой.

- Я покажу вам выход, - сказал он, поднимаясь со стула.

Проводив троицу до дверей, он вышел с ними в коридор.

- Ты.. - выплюнул он в лицо Уиллу, стараясь, однако, говорить как можно тише, чтобы собравшиеся в библиотеке люди его не услышали. - Ты позоришь доброе имя сумеречных охотников.

Прислонившись к стене коридора, Уилл смерил Габриэля холодным взглядом:

- Вряд ли кому-то удастся извалять в грязи имя сумеречных охотников больше, чем твоему отцу.

- Не смей оскорблять мою семью! - прорычал Габриэль и резко развернулся, собираясь возвратиться назад в библиотеку.

- Мне не кажется, что твое расположение - не такая уж ценная вещь. Во всяком случае, меня так мало волнует твое мнение, что я не стану говорить приятные вещи лишь тебе в угоду, - заметил Уилл.

Габриэль застыл на месте. Его глаза пылали от еле сдерживаемого гнева, тонкие черты исказила гримаса ненависти. Сейчас он кого-то напоминал Тесс, вот только кого - она никак не могла понять.

- Что?! - прошипел Габриэль.

- Это означает, что он не нуждается в твоей признательности, - пояснил Джем.

Щеки Габриэля запылали.

- Если бы ты, Херондэйл, достиг бы уже совершеннолетия и не был бы таким жалким молокососом, каким являешься сейчас, я бы вызвал тебя на дуэль. И мы бы бились с тобой до смерти. Но учти, настанет день, и я тебя на ленточки разрежу...

- Прекрати, Габриэль, - перебил его Джем, прежде чем Уилл успел ответить.
- Не стоит подбивать Уилла на поединок. Это все равно что наказывать собаку, которую ты мучил долгие годы, за то, что она тебя укусила. Ты же прекрасно знаешь, кто повинен в вашей вражде. Знает это и Уилл.

- Здесь все не так просто, Джеймс, - объявил Уилл, не сводя полного ненависти взгляда с Габриэля. - Я веду себя сообразно своему характеру.

Джем пожал плечами:

- Что ж, это правда. Ты всегда был несдержанным человеком.

Габриэль наградил Джема мрачным взглядом:

- Держись от меня подальше, Карстаирс. А то и тебе достанется.

Джем сделал шаг вперед и встал рядом с Уиллом. Теперь они стояли плечом к плечу и с вызовом смотрели на Габриэля. Тесс показалось: еще немного – и все трое бросятся в драку.

- Если это касается Уилла, это касается и меня, – спокойно ответил Джем.

Габриэль покачал головой.

- Ты приличный человек, Джеймс, и хороший сумеречный охотник. Ты настоящий джентльмен, – сказал он. – К тому же ты болен.. В общем, никто тебя ни в чем не обвиняет. Но этот.. – Он скривил губы и указал пальцем на Уилла. – Эта тварь рано или поздно погубит и себя, и тебя. Найди себе в parabotai кого-нибудь другого. Никто не верит, что Уилл Херондэйл проживет больше девятнадцати лет. Когда же он погибнет, то никто и слезы не уронит по этому поводу.

Для Тесс это уже было чересчур, и она буквально вспыхнула от негодования:

- Что вы такое говорите!

Габриэль, которого прервали столь бесцеремонным образом, посмотрел на девушку с таким удивлением, словно она была ожившей статуей:

- Извините?

- Вы слышали меня. Как можно говорить кому-то – все равно кому! – такие ужасные вещи! Это.. Это верх невоспитанности! – Она схватила Уилла за рукав. – Пойдем, Уилл. Этот.. этот человек.. На него даже время тратить не стоит.

Уилл выглядел очень довольным.

- Точно, ты права.

- Вы.. вы.. – Габриэль запнулся и с тревогой посмотрел на Тесс. – Вы и понятия не имеете о том, что он сделал..

- Это не важно. Вы ведь все нефилимы? И Уилл один из вас, я права? А это значит, что вы должны сражаться против зла все вместе, а не драться друг с другом.. – Нахмурившись, Тесс поглядела на Габриэля: – Думаю, вам нужно извиниться.

- Пусть лучше мне вынут кишки и завяжут узлом, чем я принесу извинения этому жалкому червяку, – выплюнул Габриэль.

- Боже мой, – мягко сказал Джем, – ну ты же это не всерьез. Уилл вовсе не червь, и это сам прекрасно знаешь. А что касается внутренностей.. Звучит ужасно.

- Я сказал то, что думаю, - не сдавался Габриэль, распаляясь все сильнее и сильнее. - Я предпочел бы прыгнуть в чан с ядом Малфаса [70] и сидел бы там, пока от меня и костей не останется, но я все равно перед ним не извинился.

- Ладно, - покладисто согласился Уилл. - На твое счастье, я знаю одного парня, который мог бы продать нам чан крови Малфаса...

Тут дверь библиотеки открылась. На пороге стоял мистер Лайтвуд.

- Габриэль, - произнес он ледяным тоном. - Позволь напомнить тебе, что ты впервые участвуешь в собрании Анклава. Ты же не хочешь все пропустить? Или ты собираешься и дальше играть в коридоре с остальными детьми?

Слова мистера Лайтвуда не понравились всем собравшимся, но особенно болезненно их воспринял Габриэль. Он с трудом сдержался, чтобы не ответить, сглотнул, кивнул, бросил последний взгляд на Уилла и последовал за отцом в библиотеку, громко хлопнув дверью за собой.

- Уилл... - протянул Джем и недовольно посмотрел на друга. - Этого-то я и боялся. Нехорошо получилось. Ты же встречаешься с ним впервые после рождественского приема?

- Да, - кивнул Уилл. - А ты думал, что я брошусь ему на шею от радости? Полагал, будто я все это время скучал без него?

- Нет, - покачал головой Джем.

- Он всегда себя так ведет? - спросила Тесс. - Так ужасно?

- Ты еще не видела его старшего брата, - заметил Джем. - На его фоне Габриэль самый покладистый из всех покладистых людей. Тот ненавидит Уилла намного больше, чем Габриэль, если такое возможно.

Уилл усмехнулся, отвернулся и, насвистывая, зашагал прочь по коридору. Мгновение поколебавшись, Джем пошел в ту же сторону, сделав знак Тесс, чтобы она следовала за ними.

- Почему Габриэль Лайтвуд ненавидит тебя, Уилл? - поинтересовалась Тесс.
- Что ты с ним не поделил?

- Ничего я с ним не делил, - фыркнул Уилл, не сбавляя шаг. - Все дело в его сестре.

Тесс взглянула на Джема, который только пожал плечами:

- Некоторые девушки, и их, я скажу, не так уж и мало, утверждают, будто Уилл их обидел, скомпрометировал.

- Уилл? - Тесс старалась что есть сил, чтобы поспевать за молодыми людьми, однако в тяжелых юбках, которые то и дело норовили запутаться в ногах, делать это было нелегко. Заказанные ею несколько дней назад платья привезли только вчера, и Тесс пока привыкала носить дорогие модные

наряды. Когда она только увидела посылку, то невольно вспомнила свои простые платьица, которые носила, еще будучи маленькой девочкой. Тогда она частенько бегала за братом, пинала его в лодыжку, а потом убегала, когда он пытался поймать ее. Интересно, что случится, если она попытается пнуть Уилла? Вряд ли что-то хорошее, но идея ей все равно нравилась.

- К сожалению, с сестрой Габриэля вышел скандал.. - продолжил было Джем.

- У тебя слишком много вопросов, Тесс. - Уилл резко повернул налево и стал подниматься по узкой лестнице. - Разве я не прав?

- Точно, - согласилась Тесс, ее каблочки громко застучали по каменным ступеням. - Что такое parabota? И почему ты так дурно говорил об отце Габриэля?

- Parabotai в переводе с греческого означает «солдат, одновременно выполняющий обязанности колесничего», - объяснил Джем. - Но когда нефилим произносит это слово, он говорит о воинах-мужчинах, которые поклялись защищать друг друга до последней капли крови.

- Мужчинах? - переспросила Тесс. - А разве не могут такую клятву дать женщины или женщина и мужчина?

- Женщины - воины? Мне казалось, раньше ты считала, будто на этом свете нет ни одной кровожадной женщины, - заметил Уилл, даже не поворачиваясь в ее сторону. - Что касается отца Габриэля, то у него слишком хорошая репутация среди демонов и обитателей Нижнего мира. Для нефилима слишком хорошая. Я бы не удивился, что Лайтвуд-старший после очередного визита в Шедуэлл заработает демонический сифилис.

- Демонический сифилис? - Тесс была одновременно напугана и заинтригована.

- Нет, ты не прав, он его уже, скорее всего, подцепил, - рассмеялся Джем.

- А если говорить серьезно, Уилл, ну сколько раз я должен повторять, что демонического сифилиса не существует?

Уилл остановился перед узкой дверью у очередного поворота.

- Думаю, что это... это... - пробормотал он, совершенно очевидно разговаривая сам с собой.

Когда ничего не случилось, он достал из кармана жилета металлический стержень и нацарапал на двери какой-то знак. Та распахнулась, в воздух поднялось облако пыли.

- Это, должно быть, складское помещение...

Джем последовал за Уиллом, а через мгновение за ним вошла и Тесс. Они оказались в маленькой комнате, из единственного зарешеченного окна почти под потолком лился бледный свет. Комната эта, заполненная дорожными сундуками и коробками, могла бы показаться обычной кладовкой, если бы не груды старого оружия, сложенного по углам, - это были ржавые

металлические конструкции, на вид очень тяжелые, с широкими лезвиями, на концах которых висели шипастые шары.

Уилл сдвинул один из сундуков в сторону, чтобы расчистить место на полу. В воздух тут же поднялось огромное облако пыли. Джем закашлялся и бросил на друга укоризненный взгляд.

– Такое ощущение, что ты привел нас сюда, чтобы убить, – проворчал он. – Но если причина иная, постарайся больше так не пылить.

– Не смертельно, – заявил Уилл. – Держитесь. Нужно передвинуть еще один сундук.

Тесс искоса посмотрела на Джема.

– Что Габриэль имел в виду, когда говорил, что ты болен.. и никто тебя ни в чем не винит? – спросила она шепотом, чтобы Уилл ничего не услышал.

Она внимательно наблюдала за Джемом и видела, как его темные зрачки расширились, закрыв почти всю серебристую радужку.

– Он имел в виду только то, что я болен, – вот и все.

Тесс понимала, что Джем чего-то не договаривает. Нат, когда врал, выглядел точно так же – каждый раз он слишком честно и слишком прямо смотрел ей в глаза. Но прежде, чем Тесс успела спросить что-нибудь еще, Уилл выпрямился и объявил:

– Вот и все. Проходите и присаживайтесь.

И сам устроился на пыльном полу. Джем подошел и сел около него, но Тесс на мгновение задержалась, не решаясь присоединиться к юношам. Уилл, который до сих пор держал стило в руке, посмотрел на нее с хитрой улыбкой:

– Не хочешь присесть, Тесс? Или боишься испачкать свое симпатичное платье? Так ты не бойся, все равно на него потратилась Джессамина.

Это была правда. Тесс не имела никакого желания портить лучшее из платьев, которое когда-либо носила. Но насмешливый тон Уилла раздражал, и она приняла вызов. Крепко стиснув зубы, она даже не села, плюхнулась рядом с молодыми людьми.

Как только все устроились с максимально возможным удобством, Уилл приставил стило острием к каменному полу и принялся водить им, вычерчивая непонятные узоры. Прямо из кончика заостренной палочки вытекали широкие темные линии, и Тесс, словно зачарованная, наблюдала за происходящим. Линии эти были не похожи на обычные рисунки, сделанные пером и чернилами. Походили они на ночные тени, которые испокон веков прятались на этом полу, и сейчас Уилл просто делал их видимыми.

Уилл уже наполовину закончил рисунок, когда Джем наконец понял, что делает его друг, и разволновался не на шутку.

– Что ты творишь... – начал было он, но Уилл поднял свободную руку и предостерегающе покачал головой:

– Не мешай. Если я сделаю ошибку, мы провалимся сквозь пол и окажемся на нижнем этаже.

Однако замечание Уилла не имело значения, так как он уже закончил рисовать. Тесс тихо вскрикнула, поскольку каменные плиты неярко замерцали, а потом стали прозрачными, будто были сделаны из стекла. Наклонившись вперед, совершенно позабыв о платье, девушка смотрела на библиотеку.

Прямо под ними находился огромный круглый стол, за которым заседал Анклав. Почти сразу Тесс заметила Шарлотту, сидевшую между Бенедиктом Лайтвудом и седовласой величественной женщиной.

– Почему здесь? – спросил Джем низким голосом. – Почему не в оружейной? Она рядом с библиотекой.

– Тут лучше слышно, – объяснил Уилл. – И кроме того, вдруг кто-нибудь решит зайти в оружейную и посмотреть, каким оружием мы на самом деле располагаем? Такое прежде уже случалось.

И тут Тесс, как зачарованная разглядывавшая библиотеку, поняла, что на самом деле слышит голоса.

– А они могут услышать нас?

Уилл покачал головой:

– Нет, наложенные на эту комнату чары не дадут им этого сделать... – Он нахмурился и наклонился вперед: – О чем это они говорят?

Троица замолчала, и в тишине ясно зазвучал голос Бенедикта Лайтвуда.

– Я ничего не знаю об этом, Шарлотта, – сказал он. – И в целом план кажется мне очень опасным.

– Но мы должны остановить де Куинси. Мы не можем позволить ему продолжать убивать невинных людей, – возразила Шарлотта. – Он глава лондонского клана, и дети ночи считают его своим идейным предводителем. Если он и дальше станет безнаказанно нарушать закон, то они тоже решат, что им все позволено. Поверьте, скоро по Нижнему миру поползут слухи: нефилимам, мол, наплевать на то, что творит де Куинси или они и вовсе не в состоянии ему противостоять.

– Насколько я понимаю, в своих рассуждениях вы полагаетесь на рассказ леди Белкурт? Но де Куинси наш самый старый союзник, который еще ни разу не давал повода усомниться в собственной верности, – возразил Лайтвуд.

– Я не знаю, что вас так удивляет, Бенедикт. – Казалось, голос Шарлотты вот-вот сорвется. – Леди Белкурт всегда сообщала нам достоверную информацию, и вот теперь вы предлагаете просто проигнорировать ее слова. Вы, конечно, можете настоять на своем, но знайте, что с этой самой минуты

кровь всех мирян, которые уже погибли и которым только предстоит погибнуть, будет на ваших руках.

- Шарлотта права, мы подчиняемся Закону и должны проверять любые донесения подобного рода, - заметил стройный темноволосый мужчина, сидящий на дальнем конце стола. - Вы отлично знаете это, Бенедикт, точно так же, как и остальные присутствующие. Вы просто упрямитесь.

Шарлотта вздохнула с облегчением, в то время как лицо Лайтвуда потемнело.

- Спасибо, Майкл. Я ценю вашу помощь, - пробормотала Шарлотта.

И тут высокая женщина, которая называла Шарлотту Лотти, низко, раскатисто засмеялась.

- Не драматизируй, Шарлотта, - отсмеявшись, сказала она. - Ты должна признать, что в целом дело довольно необычное. Чего стоит только один бордель, в подвалах которого были найдены изуродованные тела мирян! А ваш таинственный осведомитель, который продал де Куинси какие-то жуткие машины. Кто он? Шарлотта, ты отказываешься даже назвать его имя, но почему-то хочешь, чтобы мы ему поверили. И еще эта девушка, меняющая форму... Кто же она в конце концов: чародейка или нет?

- Я поклялась, что не стану вовлекать своего осведомителя в это дело и всеми силами буду стараться защитить его, - решительно ответила Шарлотта. - Совершенно естественно, что он боится де Куинси.

- Ваш осведомитель - сумеречный охотник или нет? - поинтересовался Лайтвуд. - Если нет, то он не самый надежный источник информации.

- О, прошу вас, Бенедикт, ваши взгляды уже давным-давно устарели, - взяла слово женщина с кошачьими глазами. - Послушав вас, можно решить, будто Соглашения и вовсе не существует.

- Лилиан права. Бенедикт, не будьте же смешным, - подхватил Майкл. - Найти идеального осведомителя все равно что целомудренную вдову. Такие, безусловно, существуют, но от них мало толку. И потом, осведомитель просто передает нам информацию. А наша работа заключается в том, чтобы эту информацию проверить. Насколько я понял, Шарлотта предлагает сделать именно это.

- Мне просто неприятно наблюдать за тем, как пытаются манипулировать Анклавом, - мягко проговорил Лайтвуд.

«Очень, очень странно...» - подумала Тесс. Ей было непривычно видеть столь солидных людей, ведущих себя по отношению друг к другу столь непочтительно. Но, похоже, это было в традициях сумеречных охотников.

- Давайте как следует проанализируем то, что происходит. У нас есть вампир, который по той или иной причине недоволен главой своего клана. Не лучший ли способ лишить его власти, натравив на него Анклав?

- Черт возьми, - пробормотал Уилл, переглядываясь с Джемом. - Откуда он знает об этом?

Джем покачал головой: осведомленность мистера Лайтвуда и для него оставалась загадкой.

- Знает о чем? - прошептала Тесс, но ее голос заглушили Шарлотта и седоволосая женщина, заговорившие разом.

- Камилла никогда не поступила бы подобным образом! - возразила Шарлотта.
- Она не дура: знает, какое наказание ее ждет, если де Куинси прознает о случившемся!

- Но мы не можем не согласиться с тем, что Бенедикт по-своему прав, - возразила пожилая женщина. - Было бы лучше, если бы кто-то из сумеречных охотников увидел, как де Куинси нарушает закон...

- Но в этом и состоит суть нашего плана, - продолжала Шарлотта, голос которой звучал все более и более напряженно, и Тесс почувствовала острую жалость к этой маленькой, но такой мужественной и решительной женщине. - Мы хотим поймать де Куинси на месте преступления, тетушка Каллида.

- О... - поражено протянула Тесс.

Джем закатил глаза.

- Да, она тетя Шарлотты, - пояснил он. - Отец Шарлотты - ее брат - раньше управлял Академией. Она любит приказывать, но сама всегда делает только то, что хочет.

- Точно, - согласился Уилл. - Знаете, что она мне однажды предложила?

Джем ошеломленно посмотрел на друга. В его взгляде смешались удивление и недоверие.

- Она этого не делала.

- Делала, - настаивал Уилл. - Какой скандал, правда? Но я бы мог даже согласиться, если бы она не попыталась запугать меня.

Джем скорбно покачал головой и вновь обратил все свое внимание на библиотеку.

- Кроме того, на одном из деталей механизма, спрятанного в теле Миранды, мы нашли печать де Куинси, - продолжала Шарлотта. - Слишком многое связывает его с кровавыми убийствами, произошедшими в последнее время, и мы больше не можем закрывать на это глаза.

- Согласна, - поддержала ее Лилиан. - Я считаю, мы во что бы то ни стало должны выяснить, зачем де Куинси создает все эти механизмы, причем выяснить это в ближайшее время. Один или два механических человека роли не играют, но если он решит собрать целую армию? Что будет тогда?

- Это всего лишь предположение, Лилиан, причем не подкрепленное фактами, - заметил Майкл.

Лилиан лишь отмахнулась от него:

- Механический человек по сути своей не является ни ангелом, ни демоном, ни созданием Бога, ни созданием Дьявола. И откуда возникает вопрос: можем ли мы использовать против механических людей свое оружие?

- Думаю, вы создаете проблемы на пустом месте, - возразил Бенедикт Лайтвуд. - Автоматы существуют уже много лет. Миряне ими буквально очарованы. Но пока что ни один автомат не представлял для нас реальной угрозы.

- Прежде ни один из них не был сделан при помощи волшебства! - взвилась Шарлотта.

- Вы говорите о таких автоматах... - Лайтвуд, казалось, начал терять терпение.

Шарлотта заносчиво вскинула голову, но Тесс и юноша видели, с какой силой она сжала руки под столом.

- Вас беспокоит, Бенедикт, что мы в обход Закона накажем де Куинси за преступления, которые он не совершал, и тем самым разрушим хрупкий мир, что установился между детьми ночи и нефилимами. Я права? - Бенедикт Лайтвуд кивнул. - Уилл предлагал лишь проследить за де Куинси, давайте же так и поступим. Если мы придем к выводу, что он не нарушает закон, мы не станем ничего предпринимать и не разрушим наши отношения с детьми ночи. Если же мы увидим, что де Куинси нарушает Закон, значит, он лгал нам всегда, а подобное поведение мы не можем игнорировать. Закон и Соглашение - превыше всего, и мы жестоко покараем любого, кто рискнет их нарушить.

- А я согласен с Шарлоттой, - впервые за все это время подал голос Габриэль Лайтвуд, и Тесс была чрезвычайно удивлена его словами. - Думаю, предлагаемый ею план весьма хорош. Только есть одно «но»: не стоит посылать девушку, меняющую форму, вместе с Уиллом Херондэйлом. Он слишком молод, чтобы участвовать в такой серьезной операции. Вы не боитесь доверить ему столь рискованное дело?

- Ах ты, маленький выскочка! - зарычал Уилл, наклоняясь ниже и чуть ли не припадая к полу, словно хотел прыгнуть вниз и наброситься на Габриэля. - Когда я доберусь до тебя...

- Вместо Уильяма с ней пойду я, - продолжал тем временем младший Лайтвуд. - Поверьте, я буду присматривать за девушкой, а не глазеть по сторонам.

- Раньше я думал, что его достаточно будет просто повесить, а теперь думаю, его следует четвертовать, да и то это будет довольно мягким для него наказанием, - серьезно проговорил Джем, однако потом не выдержал и озорно улыбнулся.

- Тесс знает Уилла, - возразила Шарлотта. - Она ему доверяет.

- Ну этого я бы не стала утверждать, - пробормотала Тесс.

– Кроме того, план придумал именно Уилл, это он многое выяснил о деятельности «Клуба Преисподняя», а значит, он и должен вывести де Куинси на чистую воду, – не сдавалась Шарлотта. – Уилл знает, что искать в доме де Куинси, знает, как выглядят механизмы, уже видел убитых ради создания автоматов людей. К тому же он превосходный разведчик и хороший сумеречный охотник. Вы должны дать ему этот шанс.

Габриэль скрестил руки на груди, на лице его застыло упрямое выражение.

– Я ему ничего не должен.

– Итак, Уилл и ваша девочка-колдунья в нужный день и в нужный час попадут в дом де Куинси, дождутся, когда собравшиеся там нарушат Закон, а затем оповестят нас о происходящем... Каким, кстати, образом они это сделают? – спросила Лилиан.

– С помощью одного из изобретений Генри, – ответила Шарлотта, и голос ее, когда она произносила имя мужа, предательски дрогнул. – Фосфор. Благодаря ему колдовской свет на мгновение вспыхнет так ярко, что осветит весь дом. Это и послужит нам сигналом.

– Господи, только не одно из изобретений Генри, – пробормотал Майкл.

– Действительно, на первых порах у него были сложности с созданием соответствующего устройства, но вчера вечером его опыты закончились успехом, – возразила Шарлотта. – Все работает безотказно.

Майкл фыркнул:

– Помните, когда последний раз Генри предложил нам одно из своих изобретений? Мы все потом несколько дней не могли очистить механизм от рыбьих кишок.

– Но, Майкл, то устройство не предполагалось использовать около воды.. – бросилась было Шарлотта на защиту мужа, но ее уже никто не слушал – все взволнованно обсуждали неудачные изобретения Генри и ужасные последствия их использования. Шарлотта стушевалась и замолчала.

«Бедная Шарлотта, – подумала Тесс. – А ведь ей так важно, что люди думают о ней, как к ней относятся».

– Эти негодяи вконец ее доведут, – пробормотал Уилл.

Тесс взглянула на него с удивлением, но юноша этого даже не заметил: все его внимание было сосредоточено на происходящем в библиотеке. «Выходит, он любит Шарлотту», – решила Тесс и удивилась, насколько же приятным было для нее это открытие. Оказывается, Уилл вовсе не такой черствый, каким бы хотел казаться.

Впрочем, не то чтобы это имело для нее какое-либо значение. Она перевела взгляд с Уилла на Джема, от бывшего самообладания которого сейчас не осталось уже и следа. Он был бледен и нервно кусал губы.

- А где, кстати, Генри? Он давным-давно должен был явиться, - воскликнул Бенедикт Лайтвуд.

В ту же самую секунду дверь в комнату, где прятались молодые люди, распахнулась. На пороге стоял Генри собственной персоной. Глаза у него были дикие, волосы торчали во все стороны. Он сжимал в руке ту самую медную трубу, которая чуть было не свалилась на Уилла в столовой.

Юноша со страхом покосился на прибор:

- Держись от меня подальше с этой штукой.

Генри, раскрасневшийся и потный, уставился на них.

- Черт побери! - воскликнул он. - Я искал библиотеку. Анклав..

- Заседание уже идет, - ответил Джем. - Только вот проходит оно этажом ниже, Генри. Третья дверь справа. Тебе лучше поспешить. Шарлотта ждет тебя.

- Знаю, - согласился Генри. - Взрыв, взрыв, взрыв.. Я всего лишь хотел получить фосфор, и все.

- Генри, ты очень нужен Шарлотте. - Джем говорил с мужчиной, как с душевнобольным.

- Да, да... Точно... - Генри крутанулся на месте, собираясь выскочить из комнаты, затем снова замер и пристально посмотрел на молодых людей. На его веснушчатом лице было написано замешательство, как будто только теперь он задался вопросом, почему Уилл, Тесс и Джем собрались в заброшенной кладовой.

- А чего это вы тут делаете?

Уилл склонил голову набок и улыбнулся Генри.

- Разгадываем шарады, - ничтоже сумняшеся заявил он. - А эта игра требует полной сосредоточенности.

- Точно. Право, тогда... - начал Генри, но не договорил и выскочил из комнаты как ошпаренный. Дверь за ним громко хлопнула.

- Шарады! - с отвращением протянул Джем, затем снова наклонился вперед, оперев локти в колени, и прислушался.

Сейчас говорила Каллида:

- Шарлотта, дорогая, признай, что так дальше продолжаться не может. Генри не в состоянии управлять Академией, и ты это знаешь не хуже меня. Всеми делами занимаешься ты, и только ты. Возможно, порядок тебе помогают поддерживать Джеймс Карстаирс и Уилл Херондэйл, но ведь ни одному, ни второму еще даже не исполнилось восемнадцати. Все это очень, очень несерьезно. Мне кажется, что от них больше вреда, чем пользы.

Шарлотта что-то недовольно пробормотала.

– Шарлотта, когда же вы наконец поймете, что нельзя управлять Академией в одиночку? – добавил Бенедикт. – Вам всего двадцать три года. Если бы вы хотели уйти...

Всего двадцать три! Тесс была удивлена. Она думала, что Шарлотта намного старше, хотя, возможно, всему виной были ее серьезное выражение лица и строгие наряды.

– Консул Вейланд передал управление Академией мне и моему мужу пять лет назад, – резко оборвала его Шарлотта, к которой вернулась былая уверенность. – Если вы считаете, что он сделал неверный выбор, то поговорите об этом с ним, а не со мной. Пока же позвольте мне управлять Академией так, как я считаю нужным.

– Надеюсь, это значит, что все серьезные решения мы и дальше будем принимать посредством голосования? – поинтересовался Бенедикт Лайтвуд. – Или вы хотите все решать единолично?

– Лайтвуд, право, достаточно. Конечно же мы будем голосовать, – ответил вместо Шарлотты Майкл, и в голосе его явно слышалось раздражение. – Все, довольно. Те, кто считает, что мы должны нанести визит де Куинси, скажите «да».

К великому удивлению Тесс, стройный хор голосов ответил «да». Решение было принято единогласно, кто бы мог подумать! А ведь после всех этих споров она была уверена, что Шарлотте еще придется побороться, чтобы отстоять свою точку зрения. Джем поймал ее удивленный взгляд и улыбнулся.

– Они всегда так себя ведут, – пробормотал он. – Любят поспорить, продемонстрировать собственную значимость, но ни один из них в подобной ситуации еще не проголосовал против. Все боятся прослыть трусами.

– Очень хорошо, – вздохнул Бенедикт. – Тогда завтра ночью. Все будут готовы? Имеются ли...

Дверь с грохотом открылась, и в библиотеку ворвался Генри, выглядевший еще более ошалевшим и растрепанным, чем прежде, если такое вообще возможно.

– Я здесь! – объявил он. – Я же не опоздал?

Шарлотта закрыла лицо руками.

– Генри, – сухо сказал Бенедикт Лайтвуд, – как приятно видеть вас. Ваша жена только что сообщила нам о вашем последнем изобретении. Фосфор, не так ли?

– Да! – Генри гордо потряс медной трубой. – Вот оно. И могу обещать, что машина работает как часы. Хотите проверить?

– Нет никакой необходимости в демонстрации... – торопливо начал Бенедикт, но было слишком поздно – Генри уже нажал кнопку.

Последовала яркая вспышка, огоньки свечей пустились в дикий пляс. Тесс замерла, во все глаза глядя на неосвещенный черный квадрат на полу. От страха перехватило дыхание. Потом кто-то завопил, что-то рухнуло на пол и разбилось. А потом, перекрыв все звуки, раздался голос Бенедикта Лайтвуда, ругавшегося на чем свет стоит.

Уилл закатил глаза и усмехнулся.

- Выходка в духе Генри, - весело заметил он. - И все же испытание прошло вполне успешно. Разве не так?

Тесс не могла не согласиться и с тем и с другим.

Глава десятая

Бледные короли и принцы

Предстала бледная как смерть

Мне воинская сила...[71]

Джон Китс[72] «La Belle Dame Sam Merci»[73]

Когда экипаж захохотал по Странд[74], Уилл поднял руку в черной перчатке и отодвинул бархатную занавеску, в окно тут же хлынул желтый свет газовых фонарей.

- Кажется, сегодня вечером будет дождь, - заметил он.

Тесс проследила за его пристальным взглядом. По небу плыли металлическо-серые облака.

«Обычное дело для Лондона», - мрачно подумала она.

Понурые люди в шляпах и длинных темных пальто поспешно шли по тротуарам, борясь с порывами сильного ветра, который нес угольную пыль, запах лошадиного навоза и мелкий мусор. И снова Тесс показалось, будто она чувствует запах гнили с реки.

- А это что за церковь прямо посреди улицы? - громко спросила она.

- Это церковь Святой Марии ле Странд, - задумчиво ответил Уилл. - Какие только легенды с ней не связаны, что только люди о ней не говорят.. Эй, ты слушаешь меня?

- Да, - ответила Тесс. - Но мне сейчас не очень хочется слушать старинные байки. Мы едем в гости к самому настоящему вампиру, и я понятия не имею, как себя вести. А ты мне совсем, совсем не помогаешь!

Уилл скривился:

- Просто будь поосторожней. Когда мы доберемся до дома, ты не сможешь обратиться ко мне за помощью или советом. Помни, я твой раб. Ты держишь меня ради крови.. крови, которую получаешь всякий раз, как захочешь. И больше ничего.

- Поэтому меньше болтай сегодня вечером, - сказала Тесс. - Впрочем, тебе вообще бы стоило болтать как можно меньше.

- Не буду, если ты не станешь меня провоцировать, - заметил Уилл.

- Будем надеяться, нам повезет.

Однако Уилл словно ее и не слышал. Правой рукой он сжимал металлическую манжету на левом запястье, внутри которой скрывался нож. Теперь он неотрывно смотрел в окно, словно боялся пропустить что-то очень важное.

- Ты можешь думать о вампирах как о диких чудовищах, но они вовсе не такие, - сказал он после долгого молчания. Его профиль четко вырисовывался на черном фоне окна. - Они очень умны и очень жестоки. Совершенные машины для убийства, люди почти ничего не могут им противопоставить. Их общество живет по очень сложным правилам, и ты должна постараться соответствовать. Поверь, если ты не знаешь, что сказать, то лучше не говори ничего. Любая оплошность может стоить тебе жизни.

Тесс что есть силы сжала руки, которые были холодными как лед.

- Шутишь? Так же, как тогда, в библиотеке, когда мы говорили о книгах?

- Нет. - Теперь голос Уилла звучал иначе. Таким серьезным и напряженным Тесс его никогда не видела.

- Уилл, ты пугаешь меня. - Слова вырвались у нее прежде, чем она успела обдумать то, что собиралась сказать. И теперь ей ничего не оставалось, как покорно ожидать очередной насмешки.

Но он отвернулся от окна и посмотрел на девушку с таким сочувствием, что у нее сердце защемило.

- Тесс, ты не должна делать этого, если не хочешь.

Ей оставалось лишь тяжело вздохнуть: разве у нее был выбор, разве могла она отказаться и бросить брата на произвол судьбы?

- И что тогда? Мы развернемся и поедem домой?

Неожиданно он подался вперед и взял ее руки в свои. Изящные ручки девушки по сравнению с его большими, широкими ладонями казались кукольными.

- Один за всех и все за одного, - с мягкой улыбкой сказал он.

- Это из «Трех мушкетеров»?- слабо улыбнулась Тесс, а потом замерла, пораженная странным взглядом Уилла.

Его синие глаза потемнели и сейчас казались почти черными, цвета вечернего неба. Юноша долго смотрел на нее, а потом, зажмурившись, сказал:

- Иногда, когда я должен делать что-то, чего не хочу, я представляю себя героем книги. Думаю: а вот этот герой в той-то и той-то ситуации сделал бы то-то и то-то - и мне становится легче.

- Действительно? И кем ты себя представляешь? Д'Артаньяном? - Тесс назвала единственного героя из «Трех мушкетеров», кого смогла припомнить.

- Нет, ну что ты! Он слишком хорош для меня, - ухмыльнулся Уилл.

- Неужели ты представляешь себя Сиднеем Картоном? Но ты говорил, что ненавидишь «Повесть о двух городах»!

- Да, ну и что? Это не мешает мне сравнивать себя с одним из героев книги. - Уилл казался совершенно невозмутимым. - По большому счету Сидней Картон был никчемным человеком. Он знал, что ничего не стоит, однако все же нашел в себе мужество совершить великий поступок[75]. - Уилл понизил голос. - Помнишь, что он говорит Люси Манетт? Что хотя он и слаб, но все еще может гореть.

Тесс, читавшая «Повесть о двух городах» уже столько раз, что и не сосчитать, прошептала:

- «...Твоя слабость в том, что тебе время от времени для поддержки мужества требуется столкнуться с твоей жертвой и проверить свои силы. Это помогает тебе держаться. А надо быть стойким и без того»[76]. - Тесс замялась, почувствовав себя неловко. - Но он говорил так, потому что любил Люси.

- Да, - согласился Уилл. - Он действительно любил ее и прекрасно понимал, что ему нечего ей предложить. Если быть честным, то ей намного лучше было без него, чем с ним. - Он по-прежнему держал руки Тесс в своих, и она даже через перчатки чувствовала его тепло.

Когда они еще вышли из Академии и направлялись к экипажу, который должен был отвезти их на прием к де Куинси, порыв ветра растрепал волосы Уилла. И теперь он выглядел еще моложе, еще уязвимее. А взгляд его казался беззащитным... Она никогда не думала, что Уилл может так смотреть на нее. Вообще не думала, что кто-то когда-то так на нее посмотрит. Если бы она была человеком, то сейчас ее лицо залила бы краска стыда.

И тут вдруг в голове ее родилась мысль, от которой ей стало так тоскливо, что слезы подступили к глазам. На кого именно так смотрит Уилл: на нее, Терезу Грей в образе прекрасной баронессы, или на красавицу Камиллу? Да и вообще, может ли она, ничем не примечательная, кроме своего специфического дара, девушка соперничать с леди Белкурт? Думал ли он о том, какая она есть на самом деле, или видел лишь красивую оболочку?

Тесс отодвинулась, хотя Уилл так крепко сжимал ее руки в своих, что ей потребовалось на это несколько секунд.

– Тесс... – начал он, но, прежде чем смог договорить, экипаж, дернувшись, остановился, бархатные занавески на окнах качнулись.

Послышался голос Томаса:

– Приехали!

Глубоко вздохнув, Уилл рывком распахнул дверцу и выпрыгнул на мостовую, а потом подал руку, чтобы помочь девушке выйти.

Выходя из экипажа, Тесс чуть пригнула голову, чтобы не помять розы на модной шляпке Камиллы. Хотя Уилл, как и Тесс, был в перчатках, ей показалось, что она почувствовала пульсацию крови под его кожей. Юноша сильно покраснелся, и она никак не могла понять, виной тому холод или волнение.

Они оказались перед внушительным домом из светлого кирпича, по бокам входной двери которого возвышались изящные колонны. К дому этому, стена к стене, примыкали другие здания, такие же светлые, отчего все вместе они напоминали костяшки домино.

Дверь, к которой вело несколько ступенек, была слегка приоткрыта, и сквозь щель на темное крыльцо падал дрожащий свет мерцающих свечей.

Тесс повернулась и немного испуганно посмотрела на Уилла, а затем перевела взгляд на Томаса. Он невозмутимо восседал на козлах, его лицо, скрытое шляпой с длинным козырьком, напоминало птичье. Глядя на этого сонного мужчину, невозможно было представить, что в его кармане лежит пистолет с украшенной серебром рукояткой.

И тут вдруг в ее голове раздался мелодичный смех, и она даже не сразу поняла, что это смеется леди Белкурт, которую, очевидно, забавляет подчиненное положение всегда такого заносчивого Уилла. «Вот и ты», – сказала сама себе Тесс, пытаясь подавить вспыхнувшее было раздражение, а ведь до этого она так боялась не услышать мыслей Камиллы.

Она постаралась взять себя в руки и, отвернувшись от Уилла, распрямила спину и гордо вскинула голову. Такая надменная поза была ей совершенно несвойственна, но естественна для Камиллы.

– Ты должен обращаться ко мне как к своей госпоже. Помни, для всех ты мой слуга, – напомнила девушка, поджав губы. – А теперь пойдем. – Она качнула головой в сторону ступеней и стала подниматься, даже не удостоверившись, следует ли за ней Уилл.

У дверей их встречал лакей в роскошной ливрее.

– Ваша светлость, – пробормотал он и поклонился; Тесс заметила на его шее, чуть выше воротника, следы от укуса. Она наконец-то обернулась и скользнула взглядом по Уиллу, следующему за ней по пятам. Тесс собиралась было назвать его имя лакею, но тут в ее голове снова раздался голос Камиллы: «Мы не представляем наших домашних животных друг другу. Они – наша собственность, наши вещи, у которых даже нет имени»

«Как это отвратительно!» – пронеслось в голове Тесс. Раздумывая над жестокими словами Камиллы, она едва заметила, как лакей провел ее по длинному коридору в большую комнату с мраморным полом. Он снова поклонился и бесшумно исчез. Уилл приблизился к Тесс, и какое-то время они просто стояли на месте, осматриваясь. Комнату освещали сотни толстых, оплывших белых и красных свечей, расставленных в канделябрах или поддерживаемых мраморными, похожими на живые как две капли воды руками, прикрепленными к стенам. Красный воск капал на пол, и на гладком блестящем мраморе расплзались похожие на розы пятна.

По залу медленно расхаживали вампиры. Лица их по цвету были схожи с мраморными подсвечниками-руками, и движения были неестественно плавными и неторопливыми. Тесс оставалось только удивляться тому, как же они все были похожи: тонкие, словно нарисованные острым карандашом черты лица, безупречно гладкая кожа. Румяна, нанесенные на их белые, без единой кровинки щеки, казались лихорадочными пятнами. Многие облачились в костюмы, модные еще в прошлом веке: бриджи до колена, шейные платки, пышные юбки на кринолине, которыми не побрезговали бы и Мария Антуанетта [77], причудливые шлейфы, рукава, из под которых выглядывали кружевные манжеты рубашек... Беспокойный взгляд Тесс перебегал с одного гостя на другого, но Натаниэля нигде не было видно. В конце концов на глаза ей попала высокая, чрезвычайно худая женщина, прекрасная и уродливая одновременно. На голове ее возвышался тяжелый причудливый парик, а и без того бледное лицо было еще и густо напудрено. «Ее зовут леди Делила», – раздался голос Камиллы. На руках леди Делила держала... ребенка! Тесс чуть было не задохнулась от отвращения к женщине и острой жалости к малышу. Но, присмотревшись повнимательнее, она поняла, что младенец тоже вампир – запавшие глаза на кругленьком детском личике казались черными дырами. Малыш улыбнулся Тесс, показав клыки.

– Нам нужно отыскать Магнуса Вэйна, – прошептал Уилл. – Он должен нам помочь, согласно плану. Я покажу его тебе, как только увижу.

Тесс как раз собиралась объяснить Уиллу, что Камилла сама узнает Магнуса и скажет ей об этом, как заметила стройного, одетого в черный, с длинными фалдами скюртук человека со светлыми длинными волосами, и ей показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Но когда мужчина повернулся, на нее накатила волна разочарования. Это был не Натаниэль. Лицо вампира было бледным и угловатым, совершенно не похожим на лицо брата Тесс, а волосы его, показавшиеся ей вначале светлыми, на самом деле были белыми, почти бесцветными. Он скользнул по Тесс взглядом и отвесил ей легкий поклон.

Но Тесс быстро потеряла к нему интерес, переключившись на других гостей: в зале были не только вампиры, но и поработанные ими люди. Они медленно

бродили между кровососами, держа в руках серебряные подносы с пустыми бокалами и крошечными ножичками, тоже серебряными, – видимо, с их помощью вампиры делали надрезы на коже своих жертв.

Какая-то женщина в белом напудренном парике остановила одного из поработанных юношей, бледного, одетого в серый жилет и такого же цвета брюки. Она властно схватила его за волосы и откинула его голову назад. Он подчинился ей без малейшего возражения. Схватив тонкими пальцами серебряный ножик, женщина-вампир провела острым лезвием по его шее чуть ниже челюсти. Бокалы на подносе зазвенели, поскольку рука юноши дрогнула, но он не уронил свою ношу, даже когда женщина поднесла бокал к разрезу и чуть надавила на горло жертвы. Из раны тонкой струйкой потекла кровь.

У Тесс подвело живот от отвращения и... голода. И голод этот становился с каждой секундой все сильнее и сильнее, превращаясь в ужасную, иссушающую жажду. Тесс зачарованно наблюдала за тем, как женщина-вампир поднесла бокал к губам. Несчастный юноша посерел от страха и слабости и отчетливо задрожал, в то время как вампир с наслаждением пила его кровь. «Я сумею с этим справиться, – решительно сказала себе Тесс. – И то, что я вижу, – это знак свыше. Тем самым мне хотят напомнить: как бы вампиры ни были похожи на людей, они все равно остаются вампирами». Она хотела было взять Уилла за руку, но в последнее мгновение остановилась – леди Белкурт никогда бы не поступила таким образом. Выпрямившись, она щелчком пальцев подозвала к себе юношу. Уилл с удивлением посмотрел на нее, но потом все же подошел, не проронив ни слова. Однако невооруженным глазом было видно, что он изо всех сил сдерживает раздражение, очевидно понимая, что должен во что бы то ни стало демонстрировать покорность.

– Держись рядом со мной, Уильям, – приказала Тесс, наградив своего спутника многозначительным взглядом. – Я не хочу потерять тебя в толпе.

Уилл крепко сжал челюсти.

– Мне кажется или ты наслаждаешься своим положением? – прошептал он.

– Не задавай вопросов – и не получишь на них неприятных ответов, – чувствуя себя невероятно смелой, ответила Тесс и ткнула его под подбородок кончиком кружевного веера, заставляя откинуть голову. – Просто веди себя непосредственно.

– Тяжело поддаются дрессировке, не правда ли? – Из толпы вынырнул вампир с бесцветными волосами, с которым они недавно раскланивались. – Я имею в виду рабов, – добавил он, по ошибке приняв ее замешательство за непонимание. – Стоит только наконец-то всему их научить, как они умирают то от одного, то от другого. Прямо как назло делают! Все-таки нежные создания эти люди! Живут не дольше бабочек.

Он улыбнулся, обнажив белоснежные ровные зубы, и Тесс невольно залюбовалась его лицом. Впечатление даже не портила бледная до синевы кожа, которую по цвету можно было бы сравнить с вековым льдом где-нибудь в Антарктиде. Его светлые, почти белые волосы, тщательно расчесанные и уложенные в аккуратную прическу, ниспадали на воротник его элегантного черного сюртука, под которым Тесс заметила роскошный, расшитый серебряной нитью жилет.

- Рад видеть тебя, Камилла, - произнес мужчина. В речи его звучал легкий акцент, который Тесс не смогла сразу идентифицировать. Может быть, мужчина этот был славянином?

«Алексей де Куинси», - раздался в голове Тесс голос Камиллы. В ту же самую секунду ее голову заполнили образы, сменяющие друг друга с калейдоскопической скоростью. Вот Камилла танцует с де Куинси, и ее руки покоятся на его плечах. А вот она стоит на берегу темной, почти черной реки, над головой ее раскинулось холодное северное небо. В нескольких шагах от нее де Куинси склонился над человеком, лежащим без движения на траве. В следующем видении леди Белкурт неподвижно сидит за длинным столом в окружении других вампиров, де Куинси восседает во главе. Он кричит, кричит так громко, что закладывает уши, кричит на нее и стучит кулаком по столу с такой нечеловеческой силой, что по мрамору бегут трещины. Он говорит что-то о вервольфе и отношениях, о которых она будет сожалеть до конца жизни. И еще одно видение: она сидит одна в темной комнате и плачет. Входит де Куинси, встает перед ней на колени и берет ее руку в свои, желая вымолить прощение за причиненную боль. «Вампиры могут плакать? - немного отстраненно удивляется Тесс, а потом понимает: - Они уже давно, очень давно знают друг друга, они - Алексей де Куинси и Камилла Белкурт. Они даже когда-то были друзьями... Впрочем, он до сих пор считает Камиллу своим другом».

- Алексей, - улыбнулась Тесс. - Я тоже рада тебя видеть. - Протянув руку, она на мгновение замерла, ожидая поцелуя, и в ту же самую секунду почувствовала на своей коже холод его губ.

Взгляд де Куинси скользнул от Тесс к Уиллу, и он облизнулся:

- Меня всегда восхищал твой вкус. Этот экземпляр весьма привлекателен. - Он протянул тонкую бледную руку и провел указательным пальцем по щеке Уилла сверху вниз. - Какая хорошая кожа, - пробормотал он, - и эти глаза...

- Спасибо, - поблагодарила Тесс, и голос ее звучал равнодушно, словно они говорили о цвете новых обоев в гостиной. Однако внутренне девушка была далека от спокойствия: с волнением она наблюдала за происходящим, а де Куинси тем временем уже чуть ли не обнимал Уилла. Юноша побледнел и напрягся. Тесс теперь мучил один-единственный вопрос: сможет ли Уилл до конца доиграть свою роль, особенно теперь, когда опасность была столь близка?

Де Куинси прочертил пальцем дорожку по шее Уилла до ключицы, где бился пульс.

- Да, вот оно... - протянул он и улыбнулся, на сей раз Тесс ясно видела белые клыки, острые, словно лезвия бритвы. Его веки отяжелели и опустились, голос стал низким и хриплым. - Ты не возражаешь, Камилла, если я попробую?

У Тесс потемнело в глазах. Она снова увидела де Куинси таким, каким его видела Камилла. Когда-то белая рубашка стала красной, по подбородку стекают капельки крови... А перед ним лежит неподвижное тело жертвы. Ее вытянутые руки ласкает черная вода...

Тесс, не отдавая себе отчета в том, что делает, молниеносно схватила де Куинси за запястье.

– Нет уж, мой милый, – проворковала она. – Я хочу сохранить его для себя, по крайней мере на какое-то время. Ты же знаешь, иногда твой аппетит становится совершенно неумным. – И она расслабленно прикрыла глаза.

Де Куинси тихо засмеялся:

– Ради тебя, Камилла, я сдержусь. – Он наконец убрал руку, и на мгновение Тесс показалось, что его холодные, равнодушные глаза полыхнули гневом. – Ведь мы с тобой старые друзья.

– Спасибо, Алексей.

– Кстати, дорогая, ты так и не ответила мне на мое предложение. Ты станешь членом «Клуба Преисподняя» или нет? – поинтересовался он. – Я знаю, что ты не любишь мирян, считая их всех ничтожными идиотами, но у них есть деньги. А деньги нам сейчас понадобятся. Дело в том, что мы сейчас находимся на пороге... очень интересных открытий. И если все пойдет по плану, то мы получим власть, о которой ты и мечтать раньше не могла, моя дорогая.

Тесс ждала реакции Камиллы, но она молчала. И что же теперь ей делать? Она постаралась справиться с паникой и улыбнулась де Куинси.

– Мне думается... – начала она, надеясь, что де Куинси сочтет ее хриплый голос признаком радостного волнения, а не страха, – ты даже не представляешь, какие порой меня посещают... необычные мечты.

– Я прошу только об одном: подумай о моем предложении, Камилла... Однако я должен быть радушным хозяином и поприветствовать остальных гостей. Полагаю, что увижу тебя на представлении?

У Тесс уже почти не оставалось сил: и она смогла лишь кивнуть:

– Конечно.

Де Куинси поклонился и исчез в толпе. Тесс с облегчением вздохнула. Она до сих пор поверить не могла в то, что сумела провести старого вампира.

– Больше так не делай, – прошептал Уилл, демонстративно глядя в другую сторону. – Вампиры не дышат, ты должна об этом помнить.

– Боже мой, Уилл! – Тесс лишь каким-то чудом не дрожала как осиновый лист. – Он едва не укусил тебя.

Глаза Уилла потемнели от гнева.

– Я бы убил его.

– А потом и минуты не прошло бы, как оба вы были бы мертвы, – раздался сзади незнакомый голос.

Тесс резко повернулась и увидела высокого мужчину. А она и не слышала, как он к ним подошел! Определенно, нужно быть еще осторожнее.

Мужчина этот носил роскошный камзол из парчи, скроенный по моде предыдущего столетия, воротник и манжеты которого были отделаны золотыми позументами. На ногах – тесные бриджи до колен и ботинки на высоких каблуках и с массивными пряжками. Его волосы были столь темными, что отдавали синевой, и были жесткими, словно конские, а кожа – такой смуглой, какой никогда не бывает у англичан. Чертами же лица он очень походил на Джема. В одном ухе он носил серьгу – серебряное колечко, с которого свисал крупный, размером с фалангу пальца, алмаз, нестерпимо блестящий в свете сотен свечей. Алмазы сверкали и в набалдашнике его серебряной трости. Тесс вообще показалось, что незнакомец сам словно бы светится изнутри, подобно колдовскому огню. Она поражено смотрела на него и ничего не могла с собой поделать – слишком уж необычный вид имел этот мужчина.

– Это Магнус, – спокойно пояснил Уилл, и голос его зазвучал расслабленно.
– Магнус Бэйн.

– О, моя дорогая Камилла, – протянул Магнус и поклонился, желая поцеловать обтянутую перчаткой руку Тесс, – мы не виделись слишком долго.

В тот момент, когда он коснулся губами руки девушки, в ее голову бурным потоком хлынули воспоминания баронессы: Магнес обнимает ее, целует, ласкает... Тесс слабо вскрикнула и отдернула руку. «Не поздно ли вы решили появиться?» – обиженно подумала она, мысленно обращаясь к Камилле.

– Понятно... – пробормотал он, выпрямляясь.

Тесс взглянула в его чуть раскосые, золотисто-зеленые, похожие на кошачьи глаза и чуть было не потеряла голову от волнения. Однако глаза его, в отличие от глаз всех прочих вампиров, не были ни холодными, ни равнодушными, не было в них и печали, столь свойственной Уиллу, и это помогло Тесс взять себя в руки.

Магнус тем временем кивнул на дальний угол зала и тихо сказал:

– Пойдемте. Там есть комната, где мы сможем поговорить.

Ошеломленной Тесс ничего не оставалось, как последовать за ним. Уилл держался чуть в стороне. Возможно, ей казалось, но, когда она проходила по залу, собравшиеся там вампиры замолкали и провожали ее взглядами. Какая-то рыжеволосая женщина в вычурном синем платье неотрывно смотрела на нее, и если бы взглядом можно было бы убить, Тесс была бы уже мертва. Камилла тогда шепнула, что эта женщина ревновала к ней де Куинси.

Когда Магнус наконец достиг двери, хитро спрятанной в отделанной резными панелями стене, Тесс была уже чуть ли не на грани истерики. Замок открылся с мягким щелчком.

Они оказались в библиотеке, очевидно редко используемой: и выстроившиеся вдоль стен книжные шкафы, и тяжелые бархатные портьеры на окнах покрывал

толстый слой пыли. Стоило только за ними закрыться двери, как свет в комнате потускнел. Но прежде чем Тесс смогла что-то сказать, Магнус схватил ее за руку и тут же в огромных каминах, расположенных один напротив другого, полыхнул огонь. Вот только языки пламени были не привычными, красными, а синими. В комнате тяжело запахло восточными благовониями.

- О! - Тесс не смогла сдержать удивленного возгласа.

На губах Магнуса играла легкая усмешка, когда он вскочил на большой мраморный стол, стоявший в центре комнаты, а потом перекатился на бок и непринужденно улегся, подперев голову рукой.

- Вы что, никогда прежде не видели, как чародей творит волшебство?

Уилл демонстративно вздохнул:

- Пожалуйста, не дразните ее, Магнус. Полагаю, Камилла предупреждала вас, что Тесс пока еще слишком мало знает о Теневом мире.

- Конечно, извините меня, - протянул Магнус, однако в его голосе не слышно было сожаления. - Но, столкнувшись с ее способностями, трудно в это поверить. - Он внимательно посмотрел на Тесс: - Я видел ваше настоящее лицо, когда поцеловал вам руку. Вы же сразу поняли, кто я такой? К тому же вы сейчас знаете то, что знает Камилла: на свете есть чародеи и демоны, способные менять свою форму. Но я никогда не слышал о таких людях, как вы.

- Вряд ли я чародейка. Во всяком случае, никто не может сказать этого наверняка, - заявила Тесс. - Шарлотта говорит, что на мне нет отметки, как у других чародеев.

- Она ошибается. Вы чародейка, даже если у вас нет ушей летучей мыши или козлиных копыт. Все это на самом деле совершенно неважно. - Магнус увидел, что Тесс нахмурилась, и удивленно поднял брови. - Выходит, вы не хотите быть чародейкой, не так ли? Мы вам не нравимся?

- Я никогда не думала... что могу оказаться не человеком, - шепотом пробормотала Тесс.

- Бедняжка. - В тоне Магнуса не было ни грамма сочувствия. - Но теперь, зная правду, вы должны понимать: обратного пути нет.

- Оставьте ее в покое, Магнус, - разозлился Уилл. - Давайте наконец займемся делом. Если вы не хотите помочь, то, по крайней мере, не мучайте Тесс.

Сказав так, юноша подошел к массивному дубовому столу в углу комнаты и начал рыться в разбросанных на нем бумагах.

Магнус подмигнул Тесс.

- Думаю, он ревнив, - заговорщически шепнул он.

Тесс покачала головой и подошла к ближайшему книжному шкафу. На средней полке лежала богато иллюстрированная, открытая почти на середине книга. Все фигуры, облаченные в замысловатые старинные одежды, были столь детально прорисованы, что оставалось только диву даваться мастерству художника. Некоторые из них блестели так ярко, словно были позолочены.

- Это Библия! - изумленно воскликнула Тесс.

- А что вас удивляет? - спросил Магнус.

- Я думала, что вампиры не могут дотрагиваться до святых вещей.

- Это зависит от возраста вампира и от его веры. Де Куинси, к примеру, собирает старые Библии. Он говорит, что едва ли на свете есть еще одна книга с такой же жуткой и кровавой историей.

Тесс бросила взгляд на закрытую дверь: из-за нее доносились слабые отзвуки голосов.

- Разве мы не вызовем подозрений, уединившись подобным образом? Все видели, как мы зашли в библиотеку, и все смотрели на нас, я в этом уверена.

- Они смотрели на Уилла, - улыбка Магнуса была холодной и безрадостной, как у вампира, ему не хватало только клыков. - Уилл выглядит... неправильно.

Тесс посмотрела на Уилла, который просматривал бумаги, так и не сняв перчаток.

- Уилл ведет себя не как порабощенный человек, - продолжал Магнус. - К примеру, он не смотрит на вас со слепым обожанием.

- Всему виной ее чудовищная шляпа, - фыркнул Уилл. - Я не могу с обожанием смотреть на столь нелепо наряженную женщину.

- Ну и что, что шляпа нелепа? - спросил Магнус. - Рабы считают своих хозяев самыми лучшими в не зависимости от того, что те носят и как себя ведут. К тому же все знают о наших отношениях с Камиллой и теперь задаются вопросом, чем мы втроем здесь занимаемся. - Он гнусно усмехнулся.

И тут в голове Тесс снова замелькали чужие образы.

- Де Куинси... Он говорил с Камиллой о ее отношениях с вервольфом. Он был ею страшно недоволен, будто она совершила преступление.

Магнус теперь перевернулся на спину и вращал трость над головой.

- Именно так он и думает, - ответил чародей. - Вампиры и вервольфы презирают друг друга, и вражда их уходит своими корнями в глубь веков, когда две расы демонов, одни из которых породили вампиров, а другие вервольфов, враждовали друг с другом. На самом же деле, как мне кажется, все намного проще. И вампиры, и вервольфы - хищники, а хищники всегда

будут драться друг с другом за власть. На самом деле вампиры не любят вообще никого: ни фей, ни вервольфов, ни чародеев. Я просто нравлюсь де Куинси, он думает, что мы друзья, именно поэтому я здесь. Впрочем, я подозреваю, что он хотел бы быть для меня больше чем другом. – Магнус снова криво усмехнулся, а Тесс окончательно смутилась. – Хотя вряд ли его мечтам суждено когда-нибудь сбыться. Я слишком презираю его, впрочем, сам он об этом не догадывается.

– Тогда почему вы продолжаете общаться с ним? – спросил Уилл, к этому времени уже добравшийся до высокого секретера, стоявшего между двух окон, и исследующий его содержимое. – Почему бываете в его доме?

– Дела, дела, – вздохнул Магнус. – Он – глава лондонского клана. Камилла не может отказать ему и не посетить очередной прием, в противном случае она рискует нанести ему страшное оскорбление. Я же не могу позволить ей пойти одной.. Это было бы слишком легкомысленно с моей стороны. Де Куинси опасен для всех, и не важно, вампир ты или нет. Особую осторожность следует сохранять тем, кто однажды вызвал его недовольство.

– Тогда вы.. – начал Уилл и прервался, а когда заговорил снова, голос его изменился. – Я нашел кое-что.. – Он помолчал мгновение. – Вы должны взглянуть на это, Магнус. – Уилл подошел к столу, на котором лежал чародей, положил на него свернутый в трубочку пергамент. Жестом он пригласил Тесс присоединиться, после чего развернул документ. – На том столе не было ничего интересного, – сказал он, – но я нашел вот это, спрятанное в потайном ящичке секретера. Магнус, что вы об этом думаете?

Тесс, встав у стола рядом с Уиллом, неотрывно смотрела на пергамент. На нем был изображен, достаточно грубо надо сказать, человеческий скелет, составленный из поршней, винтиков и металлических пластин. Нижняя челюсть крепилась на шарнире, а вместо глаз и рта были дыры. На груди имелась небольшая дверца, точно такая же, как у Миранды. По левому краю пергамента неряшливым почерком были накорябаны какие-то слова – очевидно, пояснения к рисунку. Написаны они были на языке, незнакомом Тесс.

– Схема автомата, – протянул Магнус, склонив голову набок. – Искусственный человек. Людям всегда нравились такие странные существа. Возможно, потому, что, в отличие от них самих, эти машины не могут подхватить какую-нибудь тяжелую заразу или умереть. Вы когда-нибудь читали «Книгу изобретателя механических устройств»?

– Никогда не слышал о такой, – покачал головой Уилл. – Как я понимаю, это не из тех книг, что ты любишь читать, а, Тесс?

Тесс покачала головой.

– Она была написана одним арабским ученым, жившим за два столетия до гениального механика Леонардо да Винчи. В ней он рассказывал о конструировании механизмов, которые могут подражать движениям людей. В этом нет ничего сверхъестественного. Но здесь.. – Длинный палец Магнуса медленно погладил страницу, а потом ткнул в шедшую по левому краю пергамента надпись. – Это касается меня.

Уилл наклонился ближе, и его рука скользнула по руке Тесс.

- Да, именно об этом я и хотел спросить. Тут имеет место быть колдовство?

Магнус кивнул:

- Связующие чары. С их помощью в любую вещь можно вселить демоническую сущность, даруя ей таким образом жизнь. Я видел, как действуют эти чары. Еще задолго до принятия Соглашения вампиры развлекались, создавая с их помощью всевозможные механизмы. Например, музыкальные шкатулки, игравшие только по ночам, или механических лошадей, начинавших скакать после заката. Еще та глупость, хочу вам сказать. - Он принял глубокомысленный вид и задумчиво побарабанил пальцами по набалдашнику трости. - Однако автомат, который будет полностью имитировать человека, создать очень сложно, если не сказать - невозможно. Все дело в том, что человеческий облик слишком сложен и ни один материал по-настоящему не похож на людскую плоть.

- Но что, если кто-то использует.. настоящую кожу? - спросила Тесс.

Магнус немного помолчал.

- Ну и что? Содранная кожа начнет портиться уже через несколько часов и скоро потеряет надлежащий вид. Хотя можно было бы использовать волшебство, чтобы поддержать ее в нужном состоянии. А затем, снова с помощью волшебства, уже вселить в машину демоническую сущность.

- И что тогда получится? - спросил Уилл.

- Тогда удалось бы создать машину, которая сама смогла бы писать поэмы, рисовать пейзажи... Если, конечно, создатель автомата нацелен на созидание. Дело в том, что машина сама по себе, какой бы совершенной она ни была, не имеет воображения, в ней нет творческого начала, и наделить автомат этими качествами попросту невозможно. Даже в том случае, если вселить в машину демоническую сущность, его мышление будет чрезвычайно ограниченным. Однако с помощью духа создатель машины может претворить в жизнь практически все, так как порабощенный дух полностью покорен своему хозяину.

- Армия механических людей! - усмехнулся Уилл, только вот усмешка его походила на звериный оскал и человеческого в ней было мало. - Создание, не рожденное ни в небесах, ни в аду.

- Ну так бы я тоже говорить не стал, - заявил Магнус. - Демонической сущностью не так-то легко завладеть. Нужно вызвать демона, затем поработить его... Сами знаете, как это тяжело. Получить демоническую энергию, достаточную для создания целой армии, очень опасно и почти невозможно. Даже всей злобы и хитрости де Куинси на это не хватит.

- Вижу. - Уилл снова свернул пергамент и спрятал его во внутренний карман пиджака. - Премного благодарен вам за помощь, Магнус.

Чародей выглядел слегка озадаченным, однако ответ его прозвучал учтиво:

- Помогать вам было для меня истинным удовольствием.

- Я так понимаю, вы бы не пожалели, если бы в один прекрасный день место де Куинси занял другой вампир, - заметил Уилл. - Вы сами видели, как он нарушал Закон?

- Лишь однажды. Я был приглашен сюда на театральное представление. Вместо этого... - Магнус помрачнел. - Уилл, позвольте показать вам.

Он направился к книжной полке, жестом приглашая молодых людей присоединиться. Когда все приблизились к шкафу, Магнус схватил Уилла за руку. Богато иллюстрированная Библия полетела в сторону, и на ее месте открылось маленькое отверстие, проделанное в задней стенке шкафа. Тесс наклонилась вперед и заглянула в глазок - перед ней был самый настоящий музыкальный салон. По крайней мере, именно так подумала Тесс, сначала увидевшая расставленные рядами стулья, повернутые «лицом» к задней части комнаты, закрытой атласным занавесом. Такое расположение мебели напомнило Тесс театр. Комната была освещена, и довольно-таки прилично, горящими в тяжелых канделябрах свечами. Перед занавесом, повернутый к зрителям, стоял единственный стол, с высокой резной спинкой.

Тесс присмотрелась к нему повнимательнее и вздрогнула: к подлокотникам крепились наручники. В неровном свете свечей они тускло поблескивали, напоминая панцири гигантских насекомых. Сам же стул казался пятнистым из-за бурых подтеков, изуродовавших его некогда прекрасно отполированный каркас. Ножки стула были прибиты к полу.

- Здесь они устраивают небольшие... представления, - объяснил Магнус, в голосе которого теперь явственно звучало отвращение. - Они приводят человека и приковывают его... или ее... к стулу. А потом медленно высасывают из жертвы кровь, всю, до капли, в то время как восторженная толпа наблюдает за происходящим.

- И они наслаждаются зрелищем, - зло прошипел Уилл. - Упиваются болью мирян, их страхом!

- Не всем детям ночи нравится такое представление, - спокойно объяснил Магнус. - Любители такого рода представлений далеко не лучшие представители рода вампиров.

- А жертвы? - поинтересовался Уилл. - Где они их находят?

- Это главным образом опустившиеся люди, - ответил Магнус. - Преступники, алкоголики, наркоманы, шлюхи. Забытые, никому не нужные, всеми презираемые. Те, кого не станут искать. - Он посмотрел прямо на Уилла. - Это как-то влияет на ваше решение?

- Мы начнем, как только де Куинси нарушит Закон, - объявил Уилл. - В тот самый момент, когда вампир причинит вред человеку, я подам сигнал, и весь Анклав будет здесь. Он будет наказан.

- В самом деле? - удивился Магнус. - И как же они смогут сюда попасть?

- Не волнуйтесь об этом. - Сам Уилл, похоже, ничуть не тревожился. - Ваша задача отвести Тесс в нужное место и потом вывести ее отсюда. Томас будет ждать вас снаружи в экипаже. Сядете, и он мигом домчит вас до Академии.

- И вы хотите, чтобы я, могущественный чародей, тратил свое время на эту девушку? - проворчал Магнус. - Ведь я мог бы..

- Это дело сумеречных охотников, - перебил его Уилл. - Мы создали Закон, и мы защищаем Закон. Помощь, которую вы нам оказали, была неоценима, но большего мы не в праве от вас требовать.

Магнус, бросив через плечо Уилла быстрый взгляд, посмотрел на Тесс и скривился:

- Гордые нефилимы.. Они без зазрения совести будут вас использовать, но как только добьются желаемого, станут почивать на лаврах в одиночку, враз позабыв обо всем, что вы для них сделали.

- Вы и меня отошлете перед началом сражения? - спросила Уилла Тесс.

- Я должен так поступить, - вздохнул Уилл. - Так было бы лучше для Камиллы, которой не нужна огласка. Никто не должен знать, что она сотрудничает с сумеречными охотниками.

- Все это ерунда! - возразила Тесс. - Де Куинси знает, что я.. Вернее, Камилла привела тебя сюда. Он сразу же сделает вывод: она ему солгала. Неужели она думает, что после этого клан ничего не узнает о ее предательстве?

И тут вдруг в ее голове раздался тихий смех Камиллы - она ничуть не боялась.

Уилл и Магнус обменялись встревоженными взглядами.

- Она полагает, что никто из собравшихся здесь не переживет сегодняшнюю ночь, - неохотно объяснил Магнус.

- Мертвые не могут говорить, - согласился Уилл. Он поменял позу, и теперь на его лицо упали черные тени, от чего его черты заострились и выражение лица из решительного стало почти неприятным. Потом он, словно что-то услышав, стремительно наклонился к глазку и, постояв так какое-то время, тихо сказал:

- Взгляните.

Магнус и Тесс наклонились к юноше почти одновременно, чуть было не столкнувшись лбами. Однако они успели увидеть, как раздвижные двери, ведущие в музыкальный салон, распахнулись. Очень быстро комнату заполнили вампиры, рассаживающиеся на стульях перед импровизированной сценой.

- Пора, - тихо объявил Магнус и одним движением закрыл глазок.

* * *

В музыкальном салоне было не протолкнуться. Тесс, стоявшая под руку с Магнусом, наблюдала за тем, как Уилл пробирается сквозь толпу, ища три свободных места. Он шел, низко опустив голову, постоянно кланялся, не поднимая глаз от пола, но даже в этом случае...

– Они все еще смотрят на него, – шепотом пробормотала Тесс Магнусу. – На Уилла, я имею в виду.

– Конечно, – согласился Магнус, скользя взглядом по залу. Его кошачьи глаза тускло светились. – Да вы и сами приглядитесь к нему. Лицо падшего ангела, глаза цвета ночного неба. Он очень красив, вампиры любят таких. Да и я бы не возражал... – Магнус усмехнулся. – Черные волосы и синие глаза – моя любимая комбинация.

Потянувшись, Тесс нервно поправила белокурые локоны Камиллы. Магнус наконец отвел взгляд от Уилла и пожал плечами:

– Совершенство, не принадлежащее никому.

На это высказывание Тесс так и не ответила, тем более что Уилл нашел три свободных стула, стоящие рядом, и призывно замахал руками. Тесс попробовала не обращать внимания на то, как другие вампиры смотрели на юношу, и позволила Магнусу проводить ее к стулу. По дороге она думала о том, что Уилл и в самом деле красив, но ведь в человеке ценят не только внешность. Так неужели он для всех собравшихся здесь существ лишь прекрасная оболочка, обертка, под которой скрывается вкусное угощение?

Наконец Тесс села, и мужчины устроились по бокам от нее. Когда она садилась, ее пышные юбки из тафты[78] зашелестели, подобно листьям на ветру. Она несколько отстраненно удивилась тому, как прохладно в комнате, и это несмотря на то, что она полна людей и в ней горит множество свечей. Рукав Уилла задрался, когда он полез за чем-то в карман пиджака, и Тесс увидела, что его кожа покрыта мурашками. Она задавалась вопросом: всегда ли люди, спутники вампиров, страдали от холода?

По комнате прокатился восхищенный шепот, и Тесс перевела взгляд от Уилла на сцену, которая все это время оставалась практически неосвещенной. Большая часть сцены тонула в темноте, и даже острые глаза Камиллы не могли различить, что происходит там, среди сплетающихся друг с другом теней. И тут на сцену вышел де Куинси.

Все враз смолкли, и де Куинси усмехнулся – хищно, безумно. От его былой ласки за один миг не осталось и следа: теперь он выглядел диким зверем, почуявшим кровь. По рядам собравшихся пробежал одобрительный шепот – так люди обычно оценивают игру хорошего актера.

– Добрый вечер, – начал де Куинси. – Добро пожаловать, друзья. Те из вас, кто присоединился ко мне лишь сегодня... – и он улыбнулся, глядя на Тесс, которая была слишком взволнована, чтобы обращать внимание на такие

мелочи, – уверен, не останутся разочарованными. Гордые дети ночи, приветствую вас, тех, кто не склоняется под гнетом глупых правил, именуемых лишь по ошибке Законом. Приветствую тех, кто не желает потакать капризам нефилимов. Приветствую тех, кто не желает отказываться от наших древних традиций только для того, чтобы угодить кучке самовлюбленных дураков.

Было невозможно не заметить, какой эффект произвела речь де Куинси на Уилла. Он напрягся, словно натянутая тетива, сжал руки в кулаки, на шее его вздулись вены.

– Сегодня у нас необычный вечер, – продолжал де Куинси. – Наш главный гость совершил страшное преступление – он предал детей ночи. – Де Куинси пристально посмотрел на замерших в тревожном ожидании вампиров. – И каким будет наказание за измену?

– Смерть! – закричала Делила. Она подалась вперед, ее лицо исказила жуткая гримаса – смесь вожделения и злобы.

Другие вампиры подхватили ее крик:

– Смерть! Смерть!

В ту же самую секунду из темноты на сцену выступили несколько кровососов. Двое из них крепко держали отчаянно сопротивляющегося им человека. Черный капюшон скрывал его лицо, и Тесс могла лишь заключить, что несчастный хорошо сложен и, должно быть, молод. Его одежда была разорвана и теперь превратилась в лохмотья. Голые ноги оставляли кровавые следы на полу, когда вампиры тащили его, прежде чем усадить на стул посреди сцены. Слабый вздох сочувствия вырвался из горла Тесс. Сидевший рядом с ней Уилл напрягся еще сильнее, хотя это казалось уже почти невозможным.

Человек продолжал слабо сопротивляться, и теперь он напоминал насекомое, бьющееся на конце булавки в безнадежной попытке освободиться. Вампиры быстро и ловко привязали его за запястья и лодыжки к стулу, а затем снова отступили в тень. Де Куинси усмехнулся, его клыки хищно сверкнули. Тесс почувствовала, как в зале нарастает возбуждение, с каждым мгновением вампиров охватывал все более сильный голод. Помещение уже больше не напоминало театр, а собравшиеся в нем существа – изысканных представителей высшего света. Они скалились, выли, урчали, тянулись вперед, словно почуявшие добычу хищники. Их широко раскрытые глаза пылали, из открытых ртов капала слюна.

– Когда? – шепотом пробормотала Тесс. – Когда ты вызовешь Анклав?

– Когда он пустит кровь. – Голос Уилла дрожал от напряжения. – Мы должны видеть, как он это делает.

– Уилл...

– Тесс... – прошептал он и сильно, до боли, сжал ее руку. – Тихо!

Неохотно Тесс уступила и снова повернулась к сцене. А там де Куинси уже приближался к скованному пленнику. Оказавшись рядом со стулом, он

остановился... нагнулся... его тонкие бледные пальцы обхватили плечо человека – прикосновение было легким, как касание лапки паука. Пленник забился в отчаянных конвульсиях, а рука вампира скользнула от его плеча к шее. Де Куинси прижал два белых пальца к артерии, словно доктор проверял пульс.

Тесс заметила, что теперь на пальце де Куинси было надето толстое серебряное кольцо, одна сторона которого была острая, словно бритва. Сверкнул металл, и пленник закричал – первый звук, который вырвался из его горла за все это время. И девушке в этом крике послышалось что-то знакомое.

По шее пленника побежал первый, еще пока очень тонкий ручеек крови, напоминающий изогнутую красную тесьму. Ручеек этот достиг ключицы, и капельки стали скапливаться там, образуя крошечное озеро. Пленный забился еще более сильно, еще более отчаянно, в то время как де Куинси, чье искривленное безумной гримасой лицо совсем уже перестало походить на человеческое, опустил руку и коснулся кончиками пальцев кровавого ручейка. А потом он поднес их ко рту... Толпа зашипела и застонала, вампиры сдерживались из последних сил, чтобы усидеть на местах. Тесс бросила полный ужаса взгляд на сидящую рядом женщину. Ее рот был приоткрыт, на белое платье с клыков капали слюни, глаза были совершенно дикими.

– Уилл, – пробормотала Тесс, – Уилл, пожалуйста.

Тот посмотрел мимо нее, на Магнуса:

– Магнус, заберите ее отсюда.

Тесс уже давно мечтала сбежать из этого дома, но сейчас почему-то все ее естество противилось этому.

– Уилл, нет, я в порядке...

Голос Уилла звучал тихо, но его глаза недобро сверкали.

– Мы это уже обсуждали. Идите, или я не стану вызывать Анклав. Идите, или этот человек умрет.

– Пошли, – приказал Магнус, взял Тесс за локоть и потянул вверх, заставляя подняться.

Неохотно она подчинилась чародею и поплелась за ним к дверям. По дороге Тесс с тревогой озиралась по сторонам – заметил ли кто-нибудь их бегство? Но нет, внимание всех вампиров было приковано к де Куинси и окровавленному пленнику. Тем более что многие вампиры уже тоже вскочили на ноги и, шипя, топтались на месте, ожидая любого знака от своего предводителя, чтобы рвануть вперед.

Уилл все еще сидел посреди обезумевшей толпы. Однако теперь он наклонился вперед и походил на сторожевую собаку, готовую в любую секунду рвануть вперед и разорвать врага. Его левая рука скользнула в карман жилета, и вот уже он держит странную медную штуковину...

Изобретение Генри!

Магнус распахнул дверь:

- Поспешим!

Тесс на секунду замешкалась и бросила последний взгляд на сцену. Де Куинси теперь стоял за спиной у пленника. Его искривленной дикой ухмылкой рот был измазан кровью. Он вытянул руку и схватил капюшон, накиннутый на голову несчастному.

Одновременно с этим Уилл встал и поднял над головой свое странное устройство. Магнус выругался и потянул Тесс за руку. Она уже собралась было подчиниться, но тут де Куинси рванул капюшон на себя, и всем открылось лицо пленника... Опухшее от побоев, изуродованное кровоподтеками. Один глаз почернел, распух и был закрыт. Белокурые волосы, склеившиеся от пота и крови, прилипли к голове и свисали на шею отвратительными сосульками. Но все это не имело значения – Тесс в любом случае узнала бы этого человека. Теперь она поняла, почему его голос показался ей знакомым.

Это был Натаниэль!

Глава одиннадцатая

Немногие ангелы

Но мы ведь люди все, –

Нам слабости дала сама природа

И сделала рабами плоти. Мало

Есть ангелов...

Шекспир «Король Генрих VIII»

Тесс закричала. Из ее горла вырвался дикий, нечеловеческий крик – крик вампира. Казалось, что от этого звука сейчас разлетятся стекла в окнах. Тогда ей казалось, что она зовет брата по имени, но позже, вспоминая произошедшее, она пришла к выводу, что кричала:

- Уилл! Давай, Уилл! Сделай это сейчас!

Вампиры замерли и, казалось, от удивления даже позабыли о своей жертве. На Тесс обратилось множество неестественно белых лиц. Де Куинси неподвижно замер на сцене. Даже Натаниэль нашел в себе силы поднять голову и посмотреть прямо на нее. В его глазах плескался безумный страх, смешанный с отчаянной радостью, - а вдруг это не предсмертный бред, вдруг этот крик реален?

Уилл, державший палец на кнопке прибора, все еще колебался. Потом он встретился взглядом с Тесс. Это длилось лишь долю секунды, но де Куинси заметил этот взгляд. Он словно прочел их мысли, и выражение его лица тут же изменилось. Вампир указал на Уилла и крикнул:

- Этот мальчик! Остановите его!

Уилл тут же отвернулся от Тесс, что, впрочем, было вполне разумно, так как окружающие его вампиры уже вскочили со своих мест и теперь медленно к нему приближались. Их глаза горели от гнева и голода. Уилл бросил быстрый взгляд на де Куинси, который подошел к краю сцены и теперь с искаженным яростью лицом наблюдал за кношей. Однако сам Уилл не выказывал ни капли страха.

- Я не мальчик, - громко крикнул он, чтобы слышали все собравшиеся в зале. - Я нефилим!

С этими словами он нажал кнопку.

Тесс зажмурилась, ожидая увидеть нестерпимо яркую вспышку колдовского света, но вместо этого раздался громкий свистящий звук, и пламя канделябров взметнулось к потолку. Полетели искры, оставляющие дымящиеся следы на тяжелых портьерах и изысканных женских платьях. Внезапно комната наполнилась черным дымом. Отовсюду зазвучали пронзительные крики и вопли ужаса.

Тесс больше не видела Уилла. Она попробовала броситься вперед, но Магнус - а она и забыла о его существовании - поймал ее за запястье.

- Мисс Грей, нет! - вскричал он и, когда она не ответила, потащил прочь, втолковывая по дороге: - Мисс Грей! Вы сейчас вампир! Если на вас попадет искра, то вы вспыхните подобно сухой древесине...

И словно бы в подтверждение его слов маленькая искра упала на белый, напудренный парик леди Делилы и тут же превратилась в поток яркого пламени. Обезумевшая от ужаса женщина попыталась сорвать парик с головы, но стоило ей только поднести руки к огню, как они вспыхнули, будто были сделаны из бумаги. Меньше чем за секунду она превратилась в пылающий факел. Взыв, она побежала к двери, но огонь оказался быстрее. Несколько секунд, и на том месте, где она стояла, бушевало пламя. Обернувшись, Тесс увидела, как в языках режущего пламени корчится уродливое черное существо.

- Видите?! Об этом я и говорил! - закричал Магнус на ухо Тесс, - поступок вовсе не бессмысленный, если учесть тот крик, что подняли пытающиеся спастись от огня вампиры.

- Отпустите! - закричала в ответ Тесс.

И тут вдруг де Куинси прыгнул в самый центр зала. Натаниэль остался один на сцене. Он обмяк, и теперь в сидячем положении его удерживали только наручники.

- Там мой брат. Мой брат! - не унималась Тесс.

Магнус с удивлением посмотрел на нее. Воспользовавшись его замешательством, Тесс дернулась, высвободила руку и побежала к сцене. Комната к тому времени превратилась в настоящий ад: повсюду метались обезумевшие вампиры, многие из них пытались пробиться к дверям. Те же, кому уже удалось пробиться к выходу, толкались, царапались и кусались, пытаясь первыми выбраться из комнаты. Другие вампиры, видя, что подходы к дверям забиты, устремились к огромному французскому окну, выходящему прямо в сад.

Тесс в последний момент отскочила в сторону, чтобы не запнуться об упавший стул, и едва не врезалась прямо в рыжеволосую женщину в синем платье, которая ранее пыталась испепелить ее взглядом. Вампирша попыталась было схватить Тесс, подалась вперед и... споткнулась. Ее рот раскрылся в крике, и из него фонтаном хлынула кровь. Ее лицо скукожилось, словно втянулось внутрь, кожа истончилась и пожелтела, став похожа на пергамент, а потом и вовсе рассыпалась в пыль. Ее рыжие волосы поредели и стали седыми, тело начало таять... И вот, издав последний отчаянный крик, женщина обратилась в прах, поверх которой упало синее атласное платье.

Тесс вырвало. Она с трудом отвела взгляд от останков и увидела Уилла. Юноша стоял прямо перед ней, сжимая в руке длинный серебряный нож. Клинок был измазан алой кровью. Лицо его тоже было перепачкано кровью, глаза дико сверкали.

- Что, черт побери, ты здесь делаешь?! - закричал он на Тесс. - Ты невероятно глупая...

Тесс услышала шум раньше Уилла. Тонкий скрип, напоминающий скрежет сломанной машины. Юноша в сером костюме - этим вечером Тесс видела, как какая-то женщина-вампир пила его кровь, - бросился на Уилла, сжимая в руках отломанную ножку стула. Из горла его вырвался полузадушенный отчаянный хрип, лицо было измазано кровью и копотью, и слезы оставляли на нем кривые дорожки.

- Уилл, сзади! - закричала Тесс, юноша обернулся. Двигался он столь стремительно, что Тесс показалось, будто он превратился в одно темное пятно. Серебряный нож сверкнул в полумраке зала, словно глаз хищного зверя.

Через секунду нападавший лежал на полу, и из груди у него торчал нож. Одежда его медленно пропитывалась кровью, более темной и густой, чем у вампиров.

Уилл посмотрел на труп и побледнел так, что Тесс стало страшно.

– Я думал...

– Он убил бы тебя, если бы смог, – бросилась успокаивать его девушка.

– Помолчи, – отрезал Уилл. Он покачал головой, как будто пытаюсь одновременно отогнать прочь звук ее голоса и образ убитого юноши. Порабощенный мирянин был очень молодым: теперь, когда смерть разгладила его лицо, это стало очевидным. – Я велел тебе уходить...

– Это мой брат, – сказала Тесс, указав на сцену. Натаниэль был все еще без сознания. Он сидел на стуле, тяжело привалившись к спинке. Если бы не кровь, все еще текущая из раны на шее, она подумала бы, что он мертв. – Там сидит Натаниэль! – повторила она еще раз.

Глаза Уилла расширились от удивления.

– Но как... – начал было он, но закончить так и не успел.

В этот момент все прочие звуки заглушил звон бьющегося стекла. Стекло во французских окнах словно взорвалось, разлетевшись в стороны миллионом крошечных осколков, и комнату заполнили сумеречные охотники. Тесс видела, что другая группа с криками бежала за пытавшимися скрыться в саду вампирами. Тесс, словно громом пораженная, стояла на месте и смотрела, как охотники заставляют вампиров, словно стадо непослушных овец, собраться на середине комнаты. Посмотрев в сторону дверей, она увидела, что в зал возвращаются несколько минут назад сбежавшие из него вампиры. Позади них гордо вышагивали нефилимы. Де Куинси, шатаясь, шел впереди, его бледное лицо было измазано золой, и он злобно скалился, бросая по сторонам полные ненависти взгляды.

Среди сумеречных охотников Тесс заметила Генри, которого всегда легко было узнать по ярко-рыжим всклокоченным волосам. Шарлотта, облаченная в мужскую одежду, держалась рядом. Сейчас она очень походила на женщин, чьи портреты Тесс видела в Кодексе. Теперь уже ни у кого бы язык не повернулся назвать эту грозную воительницу маленькой и слабой женщиной. А еще там был Джем. Он был бледен, как всегда, и цветом лица не отличался от окружающих его вампиров; татуировки на его коже казались угольно-черными. В толпе Тесс разглядела и Габриэля Лайтвуда, и его отца, Бенедикта, и стройную черноволосую мисс Хайсмитт. Магнус шел последним. Синие искры слетали с его пальцев при малейшем движении.

Уилл отдышался, и кровь вновь прилила к лицу.

– А я уже и не ждал, – пробормотал он. – Машинка дала сбой. – Он окинул взглядом своих друзей, а затем пристально посмотрел на Тесс: – Можешь посмотреть, что там творится с твоим братом. Надеюсь, больше ты ничего не натворишь.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, даже не удостоив ее взглядом. Нефилимы же тем временем окружили пленных вампиров, над которыми на добрую голову возвышался де Куинси. Его бледное лицо

искривилось от еле сдерживаемой ярости, рубашка была заляпана кровью – его собственной или чужой, Тесс не могла сказать. Другие вампиры пытались спрятаться за его спиной, словно нашкодившие дети за спиной родителя, и выглядели при этом злыми и несчастными одновременно.

– Закон! – воскликнул де Куинси, в то время как Бенедикт Лайтвуд подступил к нему. В правой руке охотника сверкал испещренный черными рунами клинок.

– Закон защищает нас. Мы сдаемся. Закон...

– Вы нарушили Закон, – прорычал Бенедикт. – Вы поставили себя вне Закона, и он больше не защищает вас. Вы достойны смерти.

– Один мирянин, всего лишь один мирянин, – испуганно забормотал де Куинси, бросив быстрый взгляд на Натаниэля. – Один мирянин, который также нарушил Соглашение...

– Закон не распространяется на мирян. Нельзя ожидать, что они станут жить по правилам мира, о котором даже не знают.

– Но этот мирянин не стоит и пенса, – продолжал де Куинси. – Вы даже не представляете, насколько он ничтожен. Неужели вы действительно хотите разрушить наш союз из-за столь гнусного и никчемного существа?

– Нет, дело тут не в одном мирянине! – крикнула что есть сил Шарлотта, чтобы все собравшиеся в комнате могли ее слышать. В руках ее был пергамент, который Уилл нашел в библиотеке. Тесс ума не могла приложить, когда Уилл умудрился передать документ мисс Бранвелл. – Что вы скажете об этом? Вы думали, мы ничего не найдем? Не узнаем о людях-машинах? Это... Это самое настоящее черное колдовство, которое запрещает наш Закон!

Выражение лица де Куинси не изменилось, но Тесс готова была поклясться, что старый вампир удивлен, как никогда.

– Где вы это нашли?

Шарлотта поджала губы:

– Не имеет значения.

– Независимо от того, что это... Вы думаете, что знаете... – начал де Куинси.

– Мы знаем достаточно! – Шарлотту переполняли эмоции, и она с трудом держала себя в руках. – Мы знаем, что вы ненавидите и презираете нас! Мы знаем, что все это время вы лгали нам!

– И в своей ненависти дошли до того, что нарушили Соглашение, – пробормотал де Куинси, однако теперь в его голосе не звучало презрение, напротив, говорил он сбивчиво и торопливо.

– Не играйте с нами в ваши игры, – выкрикнул Бенедикт. – И это после всего, что мы сделали для вас? Это ваша благодарность? Мы хотели, чтобы вы стали нам ровней...

Лицо де Куинси скривилось.

- Ровней?! Вы даже не знаете, что означает это слово. Вы слишком верите в собственное превосходство, полагаете, будто вам даровано право вершить чужие судьбы и навязывать свои законы всем народам. Если вы говорите о равенстве, то где же наши места в Совете? А где наши послы в Идрисе?

- Но это... это смешно, - побледнев, пробормотала Шарлотта.

Бенедикт бросил на нее нетерпеливый взгляд.

- Все это не относится к делу, - сухо сказал он. - Ничто из вышеперечисленного не извиняет вашего поведения, де Куинси. Все это время вы притворялись, будто заинтересованы в мире и сотрудничестве, а думали лишь о том, как нарушить Закон. Вы осмелились посмеяться над нами, и теперь вам нет прощения. Признайте свои вину и поражение, сообщите нужные нам сведения, и мы, возможно, не станем уничтожать ваш клан. В противном случае на наше милосердие вы можете не рассчитывать.

На эти слова ответил другой вампир. Один из тех, кто привязывал Натаниэля к стулу, - высокий, мускулистый, рыжий, с сердитым лицом.

- Если бы мы когда-нибудь нуждались в доказательстве нечестности нефилимов, которые никогда не держат своего слова, то мы бы их получили сегодня. Только посмейте тронуть нас, сумеречные охотники, - и начнется настоящая война.

Бенедикт недобро усмехнулся.

- Так значит, пусть начнется война, - медленно проговорил он и вдруг метнул клинок в де Куинси.

Тот со свистом рассек воздух и по самую рукоятку погрузился в грудь рыжего вампира, который бросился вперед и закрыл собой предводителя клана. Кровь из раны брызнула во все стороны, вампиры закричали. С леденящим душу воем де Куинси кинулся на Бенедикта. Остальные вампиры, казалось, в одну секунду побороли страх и последовали за своим предводителем. Завязалась драка, комнату наполнили крики ярости и стоны боли.

Тесс, стоявшая до сих пор в оцепенении, пришла в себя, подхватила пышные юбки и побежала к сцене, где опустилась на колени рядом со стулом Натаниэля. Его голова склонилась набок, глаза были закрыты. Кровь из раны на шее текла тоненькой прерывистой струйкой. Тесс схватила его за рукав и легонько потрясла.

- Нат, - прошептала она, - Нат, это я.

Он застонал, но в себя так и не пришел. Кусая губы, Тесс попыталась освободить его руки, но толстые наручники, прибитые к стулу мощными гвоздями, были сделаны так, чтобы выдержать натиск вампира. Что уж говорить о человеке, тем более о слабой девушке? Тесс тянула что было

сил, пока не сбила пальцы в кровь, но все было бесполезно. Эх, если бы только у нее был один из ножей Уилла...

Она в отчаянии оглядела комнату. Та все еще была затянута дымом, и видно было по-прежнему плохо. То тут, то там в свете свечей сверкало оружие – серебряные кинжалы, которыми размахивали сумеречные охотники. Теперь Тесс знала, что они назывались клинками серафима, и мерцать они начинали после того, как называлось имя покровительствующих им ангелов. Кровавые брызги, яркие, как осколки рубинов, летели в разные стороны – вампирам приходилось несладко, хотя их и было намного больше, чем нападавших. Дети ночи были коварны и быстры, однако сумеречные охотники не уступали им в ловкости, да еще к тому же были прекрасно вооружены и обучены вести бой. Один за другим кровососы падали на пол, сраженные ударами кинжалов. Пол стал скользким от крови, а персидские ковры противно хлюпали под ногами.

Дым чуть разошелся, и Тесс увидела Шарлотту, как раз справляющуюся с крупным вампиром в сером пиджаке. Она рассекла клинком его шею, и кровь брызнула на стену, оставив на ней причудливые пятна. Вампир, рыча, рухнул на колени, и Шарлотта прикончила его, вонзив клинок в грудь.

И тут она заметила Уилла, схватившегося с вампиром прямо за спиной у Шарлотты. Кровосос ловко уклонялся от ударов кинжала охотника, в руке он сжимал самый настоящий пистолет. Улучив мгновение, он направил его на Уилла, прицелился и выстрелил. Юноша бросился вниз и, проехавшись по скользкому от крови полу, натолкнулся на обитый бархатом стул и затормозил прямо у ног своего противника. Пуля не задела его лишь каким-то чудом. Вампир снова выстрелил, но Уилл опять совершил прыжок, на этот раз совсем уж какой-то невероятный. Он взлетел вверх, быстро, словно кот, пробежал по спинкам поставленных в ряд стульев и уже через секунду оказался на полу, разделенный со своим противником несколькими метрами. Юноша крутанулся на месте, серебряный кинжал, сверкая, полетел прямо в цель. Вампир попытался уклониться, но оказался недостаточно быстр – кинжал вонзился прямо в плечо. Кровосос взревел от боли, потянулся к рукоятке, желая вытащить приносящий ему нечеловеческие страдания нож, но в ту же самую секунду словно из ниоткуда за его спиной появилась тень. Сверкнуло серебро, и вампир развалился на части, забрызгав кровью мебель и стены и подняв столб пыли. Когда пыль осела, Тесс увидела Джема, сжимающего в руке трость с набалдашником в виде головы дракона. Он усмехнулся, но не ей, а своим мыслями, и пнул пистолет, лежащий рядом с останками вампира, – оружие скользнуло по полу, прямо к ногам Уилла. Тот кивнул другу, усмехнулся в ответ, схватил оружие и засунул его за пояс.

– Уилл! – позвала Тесс, хотя не была уверена, услышит ли он ее из-за шума, стоявшего в комнате. – Уилл...

Кто-то схватил ее сзади за шлейф платья, потянул назад и поднял над землей. Тесс показалось, что ее схватила огромная птица. Она снова закричала, и ее швырнули вперед, так что девушка заскользила по полу, а потом врезалась в груды перевернутых стульев. Те с грохотом разлетелись в разные стороны, и Тесс, оглушенная, растянулась среди обломков. Она и сама не понимала, как нашла в себе силы на то, чтобы поднять голову и посмотреть на нападавшего.

Над ней застыл де Куинси. Взгляд его черных, налитых кровью глаз был диким. Белые волосы разметались по лицу, а рубашка, располованная спереди, пропиталась кровью. Должно быть, его ранили, но недостаточно серьезно, чтобы убить, а на вампирах, как известно, все заживает быстро. Грудь, которая теперь была хорошо видна, была совершенно гладкой – никаких следов, никаких шрамов.

– Ах ты, тварь, – прорычал он. – Мерзкая лживая тварь. Ты привела сюда этого мальчишку, Камилла. Ты привела в мой дом нефилима!

Тесс попыталась отползти, но наткнулась спиной на сломанные стулья и застыла на месте.

– Я не прогнал тебя, я позволил тебе вернуться, я простил тебе твою отвратительную, противоестественную связь с вервольфом. Я терпел твоего нелепого чародея. И вот как ты отблагодарила меня. Отблагодарила нас. – С этими словами де Куинси потянулся к ней, его руки были черными от копоти. – Видишь? – прошипел он, и лицо его сделалось совершенно безумным. – Это твои мертвые родичи. На моих руках прах вампиров. Ты предала их, продала нефилимам. – Он выплевывал каждое слово, будто оно было пропитано ядом.

Из горла Тесс вырвался странный булькающий звук. Это смеялась Камилла.

– Противоестественная связь? – Слова вырвались изо рта Тесс прежде, чем она смогла остановить их. Ей показалось, она полностью утратила контроль над собой. – Я любила его... любила так, как ты никогда меня не любил... Любила, как ты никого никогда не любил. А ты убил его, и сделал это лишь для того, чтобы всем продемонстрировать свою силу. И теперь я хочу, чтобы ты знал, каково это: потерять все, что тебе дорого. Я хочу, чтобы ты знал: твой дом сторел, твой клан уничтожен, твои верные псы погибли, обратившись в прах. Еще немного – и ты потеряешь жизнь. И все это сделала я. Я!

Камилла замолчала так же неожиданно, как и заговорила. Потрясенной, чуть не теряющей сознание от боли Тесс казалось, что она умирает. Последним, нечеловеческим усилием она пошарила у себя за спиной, надеясь найти хоть что-то, что поможет ей защититься от обезумевшего от ярости вампира. Де Куинси тем временем смотрел на нее, словно громом пораженный. Тесс отстраненно подумала, что, должно быть, никто и никогда еще не говорил с ним в подобном тоне. По крайней мере, подчиненные ему вампиры точно не позволяли себе ничего подобного.

– Возможно... – протянул он. – Возможно, я тебя недооценил. Возможно, ты и уничтожишь меня... – Он придвинулся еще ближе. – Но я заберею тебя с собой...

В ту же самую секунду пальцы Тесс сжались вокруг ножки стула. Не думая, она рванулась вперед и обрушила его на голову де Куинси. Вампир взвыл и покачнулся, а в душе у девушки жарким пламенем вспыхнула надежда – неужели ей удастся спастись? Она, пошатываясь, встала на ноги и, не давая возможности де Куинси прийти в себя, снова ударила его по голове. На сей раз сломанный, ощерившийся острыми, как ножи, щепками подлокотник прошелся по лицу вампира, но рваная рана практически сразу же затянулась. Де Куинси оскалил клыки в беззвучном рыке и прыгнул. Так мог прыгнуть только дикий зверь, ни один человек не был способен ни на что похожее. Он

повалил Тесс на пол и, рухнув на нее сверху, прижал ее всем телом. Стул она была вынуждена выпустить из рук. Вампир что есть силы сжал ее шею, с его зубов капала вязкая слюна. Тесс, уже почти ничего не соображавшая от боли и страха, впиалась острыми ногтями Камиллы в его лицо и замолотила ногами, пытаясь ударить побольнее нападавшего. Его кровь, которой пропиталась рубашка, казалось, жгла сильнее кислоты. Тесс уже не кричала, а хрипела, глаза ее были выпучены и наливались кровью, а он лишь смеялся над ее жалкими попытками освободиться. В глазах де Куинси разлилась чернота, белков не стало видно, и теперь никому бы и в голову не пришло сравнить его с человеком. Это была хищная злобная тварь, восставшая из самого ада.

Свободной рукой он схватил запястья Тесс и прижал их к полу у нее над головой.

– Камилла, – хрипло пробормотал он, склонившись прямо к ее лицу. – Успокойся, моя маленькая Камилла. Несколько секунд – и все будет кончено..

Он чуть подался назад, словно кобра, собирающаяся нанести смертельный удар. В голове у Тесс мутилось, и она уже почти не могла сопротивляться..

Вампир завопил и начал отчаянно извиваться. У Тесс все плыло перед глазами, однако она смогла увидеть, как чья-то рука, державшая кровососа за волосы, тянула его назад, заставляя встать на ноги. И рука эта была по всей длине покрыта черными символами. Такими знакомыми символами..

Уилл!

Де Куинси ничего не оставалось, как отпустить ее и подняться на ноги. Тесс, не обращая внимания на головокружение, приподнялась на локтях и со смесью ужаса и восторга смотрела на то, как Уилл отшвырнул дико воющего вампира к стене. Глаза юноши потемнели еще больше, и Тесс в очередной раз поняла, почему их сравнивают с ночным небом.

– Нефилим! – Де Куинси качнулся, выпрямился и плюнул под ноги Уилла. – Убийца! Грязный пес!

– Что ж, пес, даже грязный, далеко не худшая тварь на этом свете, – парировал Уилл. – А вот о тебе я того же сказать не могу. – Он вытащил из-за пояса пистолет и прицелился. – Ты – гнусная тварь, противная самому Дьяволу. Ты не заслуживаешь жизни, даже такой жалкой, как твоя. Мы в свое время сохранили жизнь тебе и твоим прихвостням, и вот как ты решил нам отплатить за милость?!

– Как будто мы нуждаемся в вашей жалости, – прорычал де Куинси. – Как будто мы когда-то стояли ниже вас. Вы, нефилимы, думаете что являетесь... – Вдруг он замолчал.

– Являемся кем? – Уилл взвел курок. Щелчок не заглушил даже адский шум, стоявший в комнате. – Ну, говори.

Глаза вампира горели.

– Что ты хочешь услышать?

- Боже... - протянул Уилл. - Ну неужели ты опять собираешься сесть на старого конька? Мол, мы, нефилимы, играем в Бога, думаем, что равны ему. Ты даже имя Его произнести не можешь. Вы только и способны, что глумиться над Библией, для всего остального у вас кишка тонка! - Его палец, лежащий на курке, побелел от напряжения. - Ну, давай скажи, что собирался. Назови его имя, а я подарю тебе жизнь. Вампир оскалился:

- Ты не сможешь убить меня этой глупой человеческой игрушкой.

- Если пуля пройдет через сердце, ты умрешь, - спокойно ответил Уилл.

Его рука даже не дрогнула.

Тесс стояла, тяжело привалившись к стене, и неотрывно наблюдала за разворачивающейся перед ней драмой. Она хотела вернуться к Натаниэлю, но от слабости у нее подгибались ноги, а от страха кружилась голова, потому она была вынуждена оставаться на месте.

Де Куинси вскинул голову. Открыл рот. Но так и не смог назвать Бога, вместо этого послышался лишь сдавленный хрип. Задохнувшись, он закашлялся и прижал руки к груди. Уилл засмеялся..

Лицо вампира скривилось от гнева и боли, и он вне себя от ярости бросился на охотника. Движение было настолько быстрым, что фигура вампира превратилась в расплывчатое пятно. Раздался звук выстрела, брызнула кровь. Уилл выронил пистолет, который отлетел прямо к ногам несчастной девушки, и рухнул на пол, а вампир навалился сверху. Тесс нагнулась, чтобы подобрать оружие, а когда выпрямилась, то увидела, что де Куинси что-то сжимает шею Уилла, по капле выдавливая из него жизнь.

Тесс вскинула пистолет, ее руки дрожали так, что оружие ходило ходуном. Никогда прежде ей не доводилось стрелять. Да и как не попасть в Уилла? А тот уже задыхался, его лицо налилось кровью. Де Куинси что-то рычал и все сильнее и сильнее сжимал руки..

Уилл дернулся. Каким-то чудом ему удалось приподняться, и он впился зубами в плечо вампира. Де Куинси завопил и ослабил хватку; Уилл, задыхаясь, откатился в сторону и встал на колени, сплевывая на пол кровь. Тесс не могла поверить своим глазам: Уилл усмехался, скалясь окровавленными зубами. Тяжело посмотрев на де Куинси, он сказал:

- Как тебе это, вампир? Ты же собирался искушать того мирянина. Теперь ты знаешь, на что это похоже, не так ли?

Де Куинси, тоже стоящий на коленях, посмотрел на уродливую рану на своем плече, которая уже начинала затягиваться, хотя темная кровь все еще и сочилась.

- Ты ответишь за это, нефилим. Ты умрешь, - выдавил он.

Уилл широко развел руки в стороны. Сейчас он больше походил на демона, чем на человека.

- Ну так давай, иди сюда.

Де Куинси подобрался, готовясь к прыжку, - и Тесс спустила курок. Сильная отдача отбросила ее назад, а вампир завалился на бок, из его плеча хлынула кровь. Она не попала в сердце. Проклятие!

Взвывая, де Куинси попытался встать. Тесс подняла руку, снова нажала на курок, но ничего не произошло. В пистолете больше не оставалось пуль. Де Куинси засмеялся. Он все еще сжимал плечо здоровой рукой, хотя кровь уже почти остановилась.

- Камилла! - Он буквально выплюнул это имя. - Я вернусь. Я заставлю тебе пожалеть о том, что ты сделала. Ты будешь проклинать тот миг, когда родилась.

Тесс почувствовала, как ее сковал могильный холод, и дело было не в том, что она по-прежнему испытывала животный ужас. Это был страх Камиллы. Де Куинси оскалился в последний раз и, развернувшись, с невероятной скоростью пронесся через комнату и бросился в высокое окно. Стекло разбилось с громким звоном, забрызгав все вокруг мелкими осколками. Де Куинси исчез в ночи.

Уилл выругался.

- Мы не можем потерять его... - Он рванул было вперед, но, услышав отчаянный крик Тесс, кинулся назад. Вампир, больше похожий на чучело в лохмотьях, словно бы соткался из воздуха за спиной Тесс и схватил ее за плечи. Она попробовала вырваться, но вампир держал ее слишком крепко. Он наклонился к ней и забормотал ей в шею ужасные слова: мол, ее, предательницу, он станет рвать зубами, и не успокоится, пока она не превратится в кусок окровавленного мяса. От его зловонного дыхания у девушки подступил комок к горлу.

- Тесс, - закричал Уилл и вытащил из-за пояса сверкающий клинок.

В тот миг, когда вампир развернул девушку к себе лицом, Уилл сжал крепче рукоятку кинжала. Тесс в ужасе смотрела на искаженное дикой гримасой лицо вампира, на его окровавленные клыки. Кровосос наклонил голову...

И вздрогнул всем телом. А потом начал распадаться. Вначале плоть сошла с лица и рук, потом со всего тела, обнажив кости. Тесс мгновение, показавшееся ей бесконечно долгим, смотрела на почерневший скелет, а потом и он рассыпался в прах. На полу остались валяться его лохмотья и сияющий серебряный клинок.

Тесс подняла взгляд. Джем стоял на расстоянии нескольких футов от нее и был бледным, как никогда. В его левой руке был зажат клинок. Казалось, что во время схватки он совершенно не пострадал, лишь по его лицу тянулась длинная, но совершенно не глубокая царапина. В свете затухающего пожара - а в комнате все еще горели несколько ковров и портьеры - его волосы и глаза мерцали чистым серебром.

- Думаю, этот был последним, - сказал он.

Удивленная Тесс огляделась. Вокруг уже никто не дрался. Некоторые сумеречные охотники бродили среди обломков, рассматривая тела врагов и отыскивая павших друзей, другие сидели на уцелевших стульях и пытались залечить полученные в бою раны. Ни одного вампира не было видно. Огонь постепенно затухал, в комнате было уже не так дымно, но теперь повсюду кружилась белая, похожая на снег зола.

Уилл, с подбородка которого все еще капала кровь, с удивлением посмотрел на Джема.

– Хороший бросок, – похвалил он.

Джем покачал головой.

– Ты укусил де Куинси, – протянул он. – Ты что, совсем из ума выжил? Он же вампир. Ты знаешь, что означает укусить вампира?

– У меня не было выбора, – вздохнул Уилл. – Он чуть не убил меня.

– Знаю, – сказал Джем. – Но право слово, Уилл... Неужели снова?

* * *

Натаниэля освободил Генри: он просто разрубил стул, и наручники отвалились сами собой. Натаниэль со стоном сполз на пол, и Тесс едва успела его подхватить. Рядом засуетилась Шарлотта: она принесла влажный платок, чтобы обтереть лицо Ната, и уцелевшую портьеру, в которую завернули отчаянно дрожавшего парня. После этого она обратилась к Бенедикту Лайтвуду, и во время своей речи она бросала быстрые взгляды то на Тесс, то на Натаниэля. Выглядела она при этом чрезвычайно возбужденной. Тесс, которой казалось, что еще немного, и она свалится от усталости прямо посреди бывшего музыкального салона, задавалась лишь одним вопросом: чего Шарлотта хочет от мистера Лайтвуда?

Впрочем, вскоре она перестала обращать на них внимание. Все, казалось, происходило как во сне. Она сидела на полу и обнимала пребывавшего в беспамятстве брата, в то время как сумеречные охотники бродили вокруг, рисуя друг на друге лечебные руны. Стоило только на их коже появиться соответствующему символу, как раны начинали затягиваться почти так же быстро, как и у вампиров. Тесс была поражена до глубины души: ей уже рассказывали о волшебной силе рун, но она и представить не могла, насколько сильной магией обладали эти знаки. Она обводила комнату рассеянным взглядом, пока не заметила Джема. Он медленно, дрожащими пальцами расстегнул рубашку, обнажив длинный ярко-красный порез. Пока Уилл рисовал под раной лечебную руну, Джем, сжав губы в тонкую линию, смотрел куда-то вдаль невидящим взглядом.

– Как я вижу, ты снова стала собой, – заметил Уилл. Тесс даже не видела, как он подошел. Он вытирал кровь с шеи влажным полотенцем и вид при этом имел такой беззаботный, словно только что вышел из ванной.

Тесс, которая сразу не поняла, что имеет в виду Уилл, осмотрела себя. Точно! В какой-то миг она потеряла контроль над своим телом и вернула себе прежний облик. Оказалось, что она была настолько утомлена и напугана, что даже не заметила, как ее сердце забилося вновь. И теперь оно стучало в груди подобно барабану.

– Не знал, что ты умеешь стрелять, – помолчав, добавил Уилл.

– Я и не умею, – просто ответила Тесс. – Думаю, это Камилла умеет. У меня все получилось... инстинктивно. – Она облизала губы. – Но какое это все имеет значение, я ведь все равно не попала.

– Мы редко используем оружие такого типа. Дело в том, что мы наносим на свое оружие особые символы, они очень полезны, но не дают пороху вспыхнуть. Генри пробовал решить эту проблему, но без особого успеха. Вампиры умирают, если прострелить им сердце, но если промажешь, то только сильнее их разозлишь. Наше обычное оружие в случае столкновения с ними работает намного лучше огнестрельного. Обычно мы все равно пытаемся поразить вампира в самое сердце, однако любая рана, нанесенная клинком серафима, для них очень и очень опасна. В любом случае, после этого у нас есть время добить их ударом в сердце или сжечь.

Тесс внимательно посмотрела на Уилла:

– Разве это так трудно?

Он отбросил влажную ткань, некогда бывшую белой, а теперь ставшую алой от крови, и сказал:

– Не так трудно что?

– Убивать вампиров, – пояснила Тесс. – Они же не люди, а только похожи на них. Тем более что они чувствуют то же, что и люди. Так же кричат и истекают кровью. Из всего выходит, что их не так уж сложно и убить.

Было видно, что Уилл напрягся.

– Нет, – возразил он. – И если бы ты действительно знала о них хоть что-нибудь...

– Это не я так думаю, это Камилла, – возразила Тесс. – Кстати, она умеет и любить, и ненавидеть.

– И она все еще жива. Каждый имеет право выбора, Тесс. Эти вампиры не пришли бы сюда сегодня вечером, если бы не сделали свой выбор. – Он посмотрел вниз, прямо на Натаниэля, чья голова покоилась на коленях Тесс. – А это, как я понимаю, твой брат?

- Да, ты прав. Ума не приложу, почему де Куинси хотел его убить, - тихо сказала Тесс. - Не представляю, что он мог сделать, чтобы навлечь на себя гнев вампиров.

- Тесс! - Шарлотта, похожая на маленькую встрепанную птичку, стремительно приближалась к молодым людям. «Сейчас она опять кажется милой и совершенно неопасной», - подумала Тесс. И действительно, ни одежда воина, ни защитные узоры, змеями извивающиеся на коже Шарлотты, не придавали ей по-настоящему грозный вид. - Мы получили разрешение отвезти твоего брата в Академию, - объявила она, решительно указав на Натаниэля. - Вампиры, возможно, накачали его наркотиками. Конечно же он был еще и укушен. И кто знает, что еще с ним делали... Однако он рискует перейти на сторону тьмы, если мы не сделаем все возможное, чтобы это предотвратить. В любом случае, я сомневаюсь, что ему смогут помочь в обыкновенной больнице. У нас же за ним присмотрят безмолвные братья. Бедняжка...

- Бедняжка? - эхом отозвался Уилл, и голос его прозвучал грубо. - Но он ведь сам во все это влез? Никто не заставлял его связываться с обитателями Нижнего мира.

- В самом деле, Уилл, - Шарлотта холодно посмотрела на юношу, - неужели у тебя нет ни капли сочувствия?

- О боже! - вздохнул Уилл, переводя взгляд от Шарлотты на Натаниэля и обратно. - Есть ли в мире что-нибудь, что делает женщину более глупой, чем вид раненого молодого человека?

Тесс недобро прищурилась:

- Ты бы хоть в порядок себя привел, а потом уже спорил.

Уилл картинно закатил глаза и удалился, что-то бормоча себе под нос. Шарлотта со слабой улыбкой посмотрела на Тесс:

- Должна сказать, мне нравится, как ты справляешься с Уиллом.

Тесс только головой покачала:

- Вряд ли с ним вообще кто-то может справиться.

* * *

Было решено, что Тесс и Натаниэль поедут с Генри и Шарлоттой на городском экипаже; Уилл и Джем отправятся домой в экипаже поменьше, который одолжила тетя Шарлотты. С ними же поедет и Томас. Лайтвуды и прочие члены Анклава останутся в доме, чтобы как следует его обыскать и уничтожить следы сражения, которые могли бы напугать мирян. Уилл тоже хотел остаться со всеми и принять участие в поисках, но Шарлотта стояла насмерть. Он

наглотался крови вампира и должен был вернуться в Академию как можно скорее, чтобы начать лечение.

Томас, однако, не позволил Уиллу, чей костюм был испачкан в крови и копоти, сесть в экипаж. Велев молодым людям ждать у дверей, Томас удалился и вскоре вернулся с влажным куском ткани. Уилл тем временем, прислонившись к дверце экипажа, наблюдал за тем, как члены Анклава, словно муравьи, снуют по дому де Куинси. Они устраняли следы пожара и старательно прочесывали комнаты в поисках важных бумаг.

Вернувшийся с мокрой тряпкой, Томас заставил Уилла почистить свой костюм, и, пока юноша, недовольно ворча, пытался стереть кровь и коготь со своего пиджака, Томас в свою очередь облокотился на дверцу экипажа и принялся непринужденно насвистывать. Экипаж поскрипывал, стоило только гиганту Томасу двинуться.

Шарлотта всегда поощряла Томаса, когда он присоединялся к Джиму и Уиллу во время уроков физического воспитания. Шли годы, и из худого, нескладного ребенка Томас превратился в высокого, мускулистого мужчину, неизменно пугавшего портных своими габаритами. Уилл был прекрасным воином – кровь нефилимов давала о себе знать, – но даже он не смел игнорировать силача Томаса.

Уилл помнил тот день, когда Томас впервые появился в Академии. Он был из семьи, вот уже много лет верой и правдой служившей нефилимам. Мальчик родился настолько слабым, что никто не сомневался – ему не выжить. Но малыш Томас обманул судьбу. Когда ему исполнилось двенадцать лет, хотя на вид ему никто не давал и девяти, его отослали в Академию. Уилл тогда посмеялся над Шарлоттой, решившей оставить Томаса, однако сам втайне этому порадовался. Он уже давно мечтал о мальчишке одного с собой возраста, который мог бы стать ему товарищем по играм. Они и стали друзьями, но ровно до тех пор, пока в Академию не приехал Джим. Уилл быстро позабыл о друге, но Томас несколько на него не обиделся и всегда обращался очень дружелюбно, впрочем, как и с остальными.

– Эх, чего в этом мире только не происходит... А вот ведь странно, никто из соседей даже из окна не выглянул, не говоря уже о том, чтобы позвать полицию. Хотя представляю, какой шум вы тут подняли, – неторопливо рассуждал Томас, рассеянно оглядывавший улицу. Шарлотта всегда очень трепетно относилась к правильному, королевскому английскому, и акцент уроженца Ист-Энда появлялся или исчезал у Томаса в зависимости от того, помнил ли он о ее наставлениях или нет.

– Согласись, в нашей собачьей работе все-таки что-то есть. – Уилл старательно протер лицо и шею. – Что же до соседей, то мне кажется, что на этой улице живут не одни законопослушные миряне. Есть тут и люди, которые не стали бы связываться с сумеречными охотниками, опасаясь за свой бизнес.

– Уилл, ты самый ужасный человек, которого я когда-либо встречал, – сказал Томас настолько спокойно, что Уилл решил – над ним посмеиваются. – Смотри, как бы тебе самому завтра не превратиться в недочеловека, если не получишь лекарства вовремя. Хотя, возможно, тебя и вовсе не интересует мое мнение.

– Возможно, я хочу занять черный глаз, – зло фыркнул Уилл. – Не думал об этом?

Томас только усмехнулся и легко вскочил на козлы. Уилл тем временем продолжал соскребать засохшую кровь вампира с рук и оружия. Он был настолько поглощен своим занятием, что не заметил Габриэля Лайтвуда, когда тот вынырнул из тени и направился напрямик к нему. На его губах играла насмешливая улыбка.

– Хорошая работа, Херондэйл. Не у каждого бы получилось устроить такой пожар, – заметил Габриэль. – Здорово вышло! И ничего, что теперь мы должны тут все подчищать. Да и то, что наш план сгорел в пожаре, вместе, кстати, с остатками твоей репутации, тоже сущая ерунда.

– Значит, ты хочешь сказать, что до сегодняшнего дня у меня еще были шансы стать приличным человеком? – с наигранным ужасом пробормотал Уилл. – Ясно, я делал что-то не так. Или не сделал чего-то не так, в зависимости от того, как на это посмотреть. – С этими словами он постучал по дверце экипажа. – Эй, Томас! Высади меня у ближайшего борделя! Я там как следует напьюсь, потискаю девочек, а потом устрою отличную драку с каким-нибудь отменным мерзавцем.

Томас фыркнул и что-то пробормотал. Ясно послышалось слово «чепуха».

Габриэль помрачнел:

– Есть в этом мире хоть что-то, к чему ты относишься серьезно?

– Увы, так сразу ничего на ум и не приходит.

– Знаешь, было время, когда я думал, что мы могли бы стать друзьями, Уильям, – задумчиво сказал Габриэль.

– Знаешь, однажды я решил, будто я вовсе не я, а хорек, – объявил Уилл. – Но все это оказалось лишь опиумным бредом. Знаешь, так жутко было. Я-то тогда и не догадывался, что это за штука такая.

– Шутишь на тему опиума? Очень умно. Особенно если вспомнить о твоём друге Карстаирсе, – протянул Габриэль.

Уилл замер, а потом все тем же насмешливым тоном поинтересовался:

– Ты подразумеваешь его болезнь?

Габриэль часто заморгал, всем своим видом выражая удивление:

– Что?

– Ну, как вы там говорите о Джеме?. Называете его больным ведь, да? Его «болезнь»... – Уилл отшвырнул в сторону пропитанную кровью ткань и теперь шипел не хуже змеи. – И ты еще удивляешься, почему мы так и не стали друзьями.

- Я только хотел знать, успокоишься ли ты когда-нибудь, - ответил ему Габриэль совершенно спокойно.

- Успокоюсь?

- Станешь ли вести себя как должно?

Уилл скрестил руки на груди. Его глаза опасно засверкали.

- Никогда не успокоюсь, - ответил он. - А кстати, это случайно не твоя сестра мне рассказала...

И тут резко открылась дверца экипажа. Кто-то схватил Уилла за воротник и грубо затащил его внутрь. Дверца со стуком захлопнулась, и Томас, вытянувшись в струнку, ударил кнутом. Через мгновение экипаж качнулся и покатил по ночной улице, оставив позади взбешенного Габриэля, которому ничего не оставалось, как только сжимать в бессильной злобе кулаки и смотреть вслед удаляющемуся недругу,

* * *

- О чем ты только думаешь? - покачал головой Джем, затащив Уилла в экипаж и усадив напротив себя. Его серебристые глаза холодно сверкали в полумраке. Он сидел с прямой спиной, зажав между коленями трость и положив руки на набалдашник в виде головы дракона. Насколько Уилл знал, эта трость принадлежала еще отцу Джема и была изготовлена специально для него сумеречным охотником - оружейником из Пекина. - Зачем ты цепляешься к Габриэлю Лайтвуду? С какой целью?

- Слышал, что он говорил о тебе?

- Плевать на то, что он говорит обо мне, и на то, что он думает. Он только себе нервы треплет... - Джем наклонился вперед и положил подбородок на руки. - Знаешь, никак не могу понять, почему у тебя совершенно нет чувства самосохранения. Хотя, в конечном итоге, тебе все-таки придется научиться самообладанию, чтобы справляться без меня.

Уилл пропустил это замечание мимо ушей, впрочем, как и обычно.

- Габриэль Лайтвуд едва ли представляет угрозу...

- Тогда забудь о нем. Лучше скажи - есть ли у тебя какая-то веская причина, чтобы кусать вампиров?

Уилл коснулся кончиками пальцев засохшей крови на запястье и улыбнулся:

- Они этого не ожидают.

- Конечно. Они знают, что случается, когда один из нас пробует кровь вампира. К тому же они думают, что у тебя в голове есть хоть капля мозгов.

- И каждый раз они жестоко ошибаются на мой счет. Подобные наивные мысли еще ни разу не сослужили им хорошую службу.

- Да и тебе тоже. - Джем задумчиво посмотрел на друга. Он был единственным, кто никогда не выходил из себя, общаясь с Уиллом. И не важно, что мог вытворить Уилл, максимум, на что он мог рассчитывать, так это лишь на легкое раздражение со стороны Джема. - Что у вас случилось? Мы ожидали сигнала...

- Устройство Генри не сработало как положено. Вместо вспышки света оно подпало занавески.

Джем откашлялся, словно ему стало тяжело дышать.

Теперь настал черед Уилла внимательно смотреть на друга.

- В этом нет ничего забавного. Я не знал, появись вы вовремя или нет.

- Ты действительно думал, что мы можем не появиться после того, как начался пожар? - осторожно поинтересовался Джем. - Они могли зажарить тебя на вертеле, и мы это отлично знали.

- А Тесс, глупое создание, должна была уйти с Магнусом, а вместо этого уперлась...

- Ее брат был в том доме, безоружный, прикованный к стулу, - заметил Джем. - Я тоже не уверен, что ушел бы, окажись на ее месте.

- Вижу, ты мою точку зрения не разделяешь.

- Конечно, отчасти я тебя понимаю, - покладисто ответил Джем. - Симпатичная девушка всегда отвлекает от важных дел.

- Считаешь, что она симпатичная? - удивился Уилл: Джем редко о ком высказывался в подобном духе.

- Да, и ты считаешь так же.

- Не замечал. В самом деле, не замечал.

- Да не ври ты. Все ты заметил, и я заметил, что ты заметил, - улыбнулся Джем. Несмотря на то что еще час назад он сражался с вампирами не на жизнь, а на смерть, сейчас юноша выглядел бодрым и полным сил. На щеках его играл легкий румянец, а глаза задорно блестели. Уилла не могли не радовать произошедшие с другом перемены. В последнее время он частенько чувствовал себя неважно. И каждый раз Джем становился ужасно бледным, почти белым, а зрачки его напоминали пятнышки черной золы на снегу. В такие минуты его, как правило, охватывало безумие. И каждый раз, когда такое случалось, Уилл крепко держал Джема, пока тот метался по кровати, кричал что-то на другом языке и закатывал глаза. Уилл понимал, что Джем

ходит по краю и каждый следующий такой приступ может стать последним. Он иногда думал о том, что станет делать после смерти Джема, но не мог вообразить себе дальнейшую жизнь без друга. Единственное, что он мог, так это мысленно вернуться назад и вспомнить о своей жизни в Академии еще до появления Джема. Однако и он, и Джем старались гнать от себя дурные мысли.

Но были и счастливые дни, вроде сегодняшнего, когда Уилл смотрел на Джема и не видел никаких следов страшной болезни. Тогда он позволял себе мечтать: как было бы хорошо, если бы Джем вдруг неожиданно выздоровел. И никаких тре вог, никакого иссушающего душу, изматывающего страха. Потому что Уилл всегда боялся за друга, порой ему казалось, будто в его голове живет крошечный червячок страха, который, накормленный гневом и болью, вырастает до немыслимых размеров, а потом снова скукоживается и ждет своего часа.

– Уилл, – голос Джема прервал неприятные размышления, – ты слышал хоть одно слово из того, что я говорил тебе в последние пять минут?

– Нет.

– Мы можем не говорить о Тесс, если ты не хочешь.

– Дело не в Тесс... – И это была правда. Уилл не думал о Тесс, совсем не думал. Во время битвы его беспокоил только он сам, а именно его умение принимать решения и его мастерство. – У одного из вампиров был раб... Человек. Он бросился на меня, и я его убил, – продолжал Уилл. – Убил не задумываясь. А ведь это был всего лишь глупый юноша, и вот теперь он мертв.

– Он был темным, – заметил Джем. – Он бы стал вампиром. Это был вопрос времени.

– Он был всего лишь глупым юнцом, – повторил Уилл и отвернулся к окну, хотя из-за ярко горящего в экипаже колдовского света можно было ясно различить только собственное отражение на оконном стекле. – Я собираюсь напиться, когда вернемся домой, – добавил он. – Думаю, мне это необходимо.

– Нет, не напьешься, – возразил Джем. – Ты знаешь, что случится, когда мы доберемся до дома.

Понимая, что Джем прав, Уилл нахмурился.

* * *

Тесс сидела на обитом бархатом сиденье экипажа напротив Генри и Шарлотты, которые шепотом обсуждали события прошедшего вечера. Тесс позволила словам свободно скользить мимо и совершенно выпала из реальности. Во

время сражения погибли только два сумеречных охотника, но бегство де Куинси было серьезной проблемой, и Шарлотта волновалась, опасаясь недовольства Анклава. Генри пытался ее успокоить, но его жена казалась безутешной. Тесс же, если бы у нее еще оставались бы силы на то, чтобы что-то ощущать, сказала бы, что чувствует себя очень плохо. Поэтому сейчас она даже думать не хотела о том, что было и что будет.

Рядом с ней полулежал Натаниэль. Его голова снова покоилась на ее коленях. Девушка задумчиво гладила его грязные, спутанные волосы. Она до сих пор не могла поверить в собственную удачу.

- Нат, - прошептала она очень тихо, надеясь, что Шарлотта ее не слышит. - Теперь все будет хорошо. Все будет хорошо.

Ресницы Натаниэля затрепетали, и он приоткрыл глаза. Юноша поднял руку - сломанные ногти, суставы распухли и покраснели - и с трудом коснулся руки сестры, их пальцы сплелись.

- Не ходи дальше, - с трудом пробормотал он. Его веки затрепетали, и глаза закрылись снова: он то терял сознание, то приходил в себя. - Тесс, прошу, остановись.

При звуках такого любимого, такого родного голоса на глаза у Тесс навернулись слезы. Она не хотела, чтобы Шарлотта или кто-то из сумеречных охотников видел, как она плачет.

Глава двенадцатая

Кровь и вода

Я тронуть ее не посмею,

Пусть губы сожжет поцелуй.

В грехе я от счастья сомлею -

Всевышний, мне счастье даруй...[79]

Алджернон Чарльз Суинберн «Lam Veneris»[80]

Софи и Агата уже ждали их, стоя на крыльце с фонарями. Тесс еле выбралась из экипажа и, спотыкаясь от усталости на каждом шагу, побрела к дому. Она оказалась очень удивлена – и благодарна, – когда Софи подскочила, чтобы помочь ей идти. Шарлотта и Генри взвалили на плечи Натаниэля и теперь чуть ли не тащили его по двору. Когда они уже добрались до крыльца, по двору загрохотал экипаж – это приехали Уилл с Джемом. Ночную тишину разогнал зычный голос Томаса, выкрикивавшего приветствия.

Джессамины, однако, нигде не было видно, впрочем, Тесс этому ничуть не удивилась.

Они уложили Натаниэля в спальне, очень похожей на комнату, в которой в Академии жила Тесс. В ней стояла такая же массивная мебель из темного дерева: такая же кровать с балдахином, такой же платяной шкаф. Когда Шарлотта и Агата наконец уложили Натаниэля, Тесс буквально рухнула на стул, стоящий у его кровати. Натаниэль, находящийся на грани истощения, метался на кровати в лихорадочном бреду. Голоса... тихие голоса, какие всегда раздавались в комнате больного... снова зазвучали вокруг Тесс. Она слышала, как Шарлотта говорила о безмолвных братьях, Генри ответил что-то, то ли насчет посыльного, то ли насчет полученного сообщения... Она не была уверена. В какой-то миг появилась Софи, которая легонько потрясла Тесс за плечо и убедила ее выпить чего-нибудь горячего и сладкого. После этого девушка почувствовала себя значительно лучше: кровь быстрее побежала по венам, в голове прояснилось, возвращались силы. Вскоре она уже могла сидеть прямо. Она не преминула этим воспользоваться и огляделась по сторонам. К ее удивлению, кроме нее и брата, в комнате уже никого не было. Все ушли.

Тогда Тесс принялась разглядывать Натаниэля. Его лицо все еще было мертвенно-бледным и опухшим от многочисленных кровоподтеков и синяков, спутанные волосы разметались по подушке. Тесс почувствовала, как ее охватывает отчаяние, – она ничем не могла помочь брату. Сама того не желая, она вспоминала прежнего Натаниэля, всегда элегантно одетого, такого красивого, такого аккуратного. Он всегда следил за тем, чтобы ботинки были начищены до блеска, а манжеты рубашки оставались кипельно-белыми. Никогда бы он не позволил себе даже по дому разгуливать с растрепанными волосами... Сейчас же Натаниэль был совсем не похож на себя прежнего, и Тесс с тоской думала о том, будет ли когда-нибудь все по-старому. Ей вспомнилось, как Натаниэль кружит ее в танце посреди крошечной тетиной гостиной и мурлычет себе под нос какой-то незамысловатый мотив, а глаза его светятся от радости... Она наклонилась вперед, разглядывая его лицо, и вдруг уловила какое-то слабое движение. Резко повернувшись, она поняла, что это всего лишь отражение в зеркале, висевшем напротив кровати. Сейчас роскошное платье Камиллы – она так и не успела переодеться – казалось ей нелепым, словно она была ребенком, тайком нацепившим на себя вечерний наряд матери. В любом случае, она была слишком молода и слишком... проста для такого вычурного туалета. Неудивительно, что Уилл...

– Тесс? – Голос Натаниэля, слабый и прерывающийся, тут же выдернул ее из мыслей. – Тесс, не оставляй меня. Похоже, я болен.

– Нат! – Она схватила его руку и несильно сжала. – Ты в порядке. Ты выздоровеешь. Они послали за доктором....

– Кто это «они»?! – вдруг пронзительно закричал он. – Где мы?! Я не знаю это место!

– Мы в Академии. Здесь ты в безопасности.

Натаниэль часто заморгал. Под глазами у него залегли черные круги, а губы покрывала корочка запекшейся крови. Безумный взгляд блуждал по комнате, ни на чем не задерживаясь.

– Сумеречные охотники, – выдохнул он. – Не думал, что они действительно существуют... Магистр... – прошептал Натаниэль, и Тесс напряглась. – Он сказал, что они приняли Закон. А еще он сказал, что их надо бояться, потому что на самом деле в этом мире нет никакого Закона. Нет наказания... Есть лишь правило: убей или будешь убитым. – Голос его креп с каждым словом. – Тесс, мне так жаль... я так сожалею обо всем...

– Когда ты говоришь о Магистре, то имеешь в виду де Куинси? – спросила Тесс, и голос ее звучал даже слишком настойчиво, однако Нат натужно закашлялся, судорожно втянул воздух, а потом посмотрел куда-то за спину сестры, и взгляд его был переполнен страхом. Выпустив его руку, Тесс обернулась.

Шарлотта в сопровождении брата Еноха вошла в комнату почти бесшумно. Она все еще не сменила мужскую одежду на свое обычное платье, хотя и успела сбросить старомодный длинный плащ с двойной застежкой на горле. Сейчас, когда рядом с ней стоял брат Енох, она казалась еще меньше, чем обычно. Мужчина был облачен в те же одежды, в которых Тесс увидела его в первый раз, однако теперь он держал в руках черный посох с набалдашником в виде раскинутых крыльев. Капюшон был низко опущен, и лица его почти не было видно.

– Тесс, – обратилась Шарлотта к девушке, – ты помнишь брата Еноха? Он должен помочь Натаниэлю.

Услышав слова мисс Бранвелл, Натаниэль взвыл, словно раненый зверь, и, схватив руку сестры, сжал ее так сильно, что у девушки на глазах выступили слезы. Тесс такое поведение брата удивило и напугало чрезвычайно.

– Натаниэль? Что случилось?

– Де Куинси говорил мне о них... Григорий... Безмолвные братья. Они могут убить человека силой одной лишь мысли. – Теперь Натаниэль дрожал всем телом. – Тесс... – Его голос сел до шепота. – Тесс, посмотри на его лицо.

И Тесс посмотрела. Пока она говорила с Натаниэлем, брат Енох беззвучно откинул капюшон. Гладкие провалы на месте глаз отражали колдовской свет, стежки, которыми был сшит рот, сверкали.

Шарлотта шагнула вперед:

– Если бы брат Енох мог осмотреть мистера Грея...

– Нет! – воскликнула Тесс. Ей наконец удалось освободить свою руку, и она встала между хозяевами и кроватью брата. – Не трогайте его!

Шарлотта немного помолчала. Выглядела она при этом очень обеспокоенной.

– Безмолвные братья наши лучшие целители. Без брата Еноха Натаниэль... – Ее голос стих. – Хорошо, но без него мы немногое сможем сделать.

– Миссис Грей. – Ей потребовалась несколько мгновений, чтобы понять, что ее имя прозвучало у нее в голове, а не было произнесено вслух. Брат Енох. Это был его голос. Тесс вспомнила, что так же он говорил с ней в ее первый день в стенах Академии. – Как интересно, мисс Грей, – продолжал брат Енох. – Вы принадлежите Нижнему миру, а ваш брат – нет. Как такое может быть?

Тесс оставалась спокойной.

– Вы.. Вы можете сказать это только.. только посмотрев на него?

– Тесс! – Натаниэль приподнялся с подушек. Его бледное лицо вспыхнуло. – Не говори с ним! Он опасен!

– Все в порядке, Нат, – заверила его Тесс, не сводя глаз с брата Еноха. Она знала, что должна испугаться, но чувствовала только разочарование. – То есть вы хотите сказать, что в Нате нет ничего необычного? – спросила она низким голосом. – Ничего сверхъестественного?

– Ничего, – подтвердил безмолвный брат.

До этого Тесс не понимала, как же сильно она надеялась на то, что ее брат окажется таким же, как она. От разочарования голос ее зазвучал очень резко:

– И предположить не могу, откуда вы так много обо мне знаете? Я что, и вправду чародейка?

– Не могу тебе рассказать обо всем. На тебе есть знак дочери Лилит. Однако в то же самое время в тебе нет и ничего демонического.

– Я замечала, – пробормотала Шарлотта, и Тесс поняла, что та тоже слышит голос брата Еноха. – Я думала, что ошибаюсь и она, возможно, не чародей. Некоторые люди рождаются с незначительными способностями, например могут видеть... Или в ее роду могли быть волшебники...

«Да, она не человек, – думала тем временем Шарлотта. – Я должна во всем разобраться. Возможно, я смогу найти в архиве что-нибудь, что поможет мне напасть на след».

Теперь у Тесс сложилось такое ощущение, что безмолвный брат смотрит ей прямо в лицо, хотя глаз у него и не было.

– Я чувствую в тебе силу. Ты обладаешь даром, которого нет у других чародеев.

- Вы имеете в виду мою способность изменять облик?

- Нет, не это.

- Тогда кто же я такая? - воскликнула Тесс. - Что я могу... - Тут она замолчала и повернулась к Натаниэлю. Все это время ее брат, наполовину отбросив одеяло, отчаянно пытался подняться на ноги. Его смертельно бледное лицо блестело от пота. Глядя на него, Тесс почувствовала себя виноватой. То, что «говорил» брат Енох, настолько ее заинтересовало, что она совершенно позабыла о Натаниэле. С помощью Шарлотты ей удалось уложить Ната обратно на подушки и накрыть одеялом. Судя по всему, ему стало намного хуже. Когда Тесс подтыкала одеяло, он извернулся и снова схватил ее за запястье. Посмотрев ему в глаза, она содрогнулась от ужаса - это были глаза дикого зверя.

- Он знает? - спросил Нат. - Он знает, где я?

- Кого ты имеешь в виду? Де Куинси?

- Тесс... - Он, сжав запястье сестры еще сильнее, потянул ее на себя и зашипел прямо в ухо: - Ты должна простить меня. Он сказал, что ты станешь их королевой. Он сказал, что они собирались убить меня. Я не хочу умирать, Тесси. Я не хочу умирать.

- Конечно же ты не умрешь! - Тесс попыталась успокоить брата, но он, казалось, ее совсем не слышал.

Натаниэль какое-то время смотрел на сестру невидящим взглядом, а потом неожиданно выпучил глаза и страшно закричал.

- Держите это подальше от меня! Держите это подальше от меня! - выл он. Потом оттолкнул сестру, рухнул на подушки и начал биться в конвульсиях. - Мой Бог, не позволяйте этому дотрагиваться до меня!

Испуганная Тесс отдернула руку и со слезами на глазах повернулась к Шарлотте. Но та уже отошла от кровати, и ее место занял брат Енох. Его изуродованное лицо оставалось совершенно бесстрастным.

- Вы должны позволить мне помочь вашему брату. Иначе он умрет, - снова раздался голос брата Еноха.

- О чем он бредит? - несчастным голосом спросила Тесс. - Что с ним случилось?

- Вампиры дали ему наркотик, чтобы он вел себя спокойно, пока они пили его кровь. Если его не лечить, он сойдет с ума, а потом погибнет. У него уже начались галлюцинации.

- Это не моя ошибка! - вопил Натаниэль. - У меня не было выбора! Это не моя ошибка!

Он повернулся к Тесс, и она с ужасом увидела, что его глаза стали совершенно черными, словно у насекомого. Она задрожала от страха и с отчаянием во взгляде обернулась к брату Еноху:

- Помогите ему. Пожалуйста, помогите ему.

Она схватила безмолвного брата за руку и тут же отпрянула в ужасе – его рука была твердой и холодной, словно вырезанной из мрамора. Однако брат Енох, казалось, даже не заметил ее реакции. Он шагнул к кровати и прижал свои скрюченные пальцы ко лбу Натаниэля. Тот обессиленно откинулся на подушки и закрыл глаза.

- Вы должны уйти. – Брат Енох говорил, даже не глядя на девушку – Ваше присутствие только замедлит его выздоровление.

- Но Нат попросил, чтобы я осталась.

- Иди, – повторил ледяной голос в голове Тесс.

Она посмотрела на брата. Тот, казалось, уже немного расслабился, глаза его были закрыты. Тогда Тесс повернулась к Шарлотте, ища у нее поддержки, но та лишь едва заметно покачала головой. Ее глаза были полны сочувствия, но в них читалась и решимость.

- Как только твоему брату станет лучше, я тебя позову. Обещаю.

Тесс еще раз взглянула на брата Еноха. Он развязал мешочек, висевший у него на поясе, и теперь медленно выкладывал на ночной столик различные предметы. Стекланные пузырьки с порошками и жидкостями, связки сушеных растений, палочки из какого-то черного вещества, напоминавшего мягкий уголь.

- Если что-нибудь случится с Натом, я вам этого никогда не прощу, – сказала Тесс и для большей убедительности добавила: – Никогда.

Но с тем же успехом можно было обращаться к статуе. Брат Енох только пожал плечами, и это был единственный знак того, что он слышал ее слова.

Тогда Тесс повернулась и выбежала из комнаты.

* * *

После полумрака спальни Натаниэля яркий свет, заливавший коридор, больно резал глаза. Она прижалась спиной к стене у двери и, изо всех сил стараясь не расплакаться, зажмурилась. Сейчас она страшно злилась на себя за проявленную слабость. Сжав правую руку в кулак, она ударила им по стене, и сразу же ее руку пронзила острая боль. Ощущение было не из приятных, однако в голове прояснилось, а слезы высохли. Она была готова действовать дальше.

- Выглядишь, словно побитый щенок.

Тесс обернулась на голос. Джем тихо, как кот, вышел из полутемного бокового коридора. Он уже успел переодеться, и теперь на нем красовались темные широкие брюки, собранные поясом на талии, и белая, чуть темнее, чем его кожа, рубашка. Его прекрасные светлые волосы были влажными и слегка завивались на кончиках.

- Так и есть. - Тесс прижала руку к груди. Перчатка, которую она до сих пор не сняла, немного смягчила удар, однако ушибленное место все еще сильно болело.

- Твой брат... - продолжал Джем. - С ним все в порядке?

- Не знаю. Он там с одним из этих... Ну, тех существ, похожих на монахов.

- Брат Енох. - Джем с сочувствием посмотрел на Тесс. - Я знаю, как выглядят безмолвные братья, но они действительно очень хорошие доктора. Имеют большой запас лекарств и владеют искусством исцеления. Они живут долго и знают много.

- Едва ли стоит жить долго, если так выглядишь.

Уголок рта Джема дернулся.

- Предполагаю, все зависит от того, для чего ты живешь. - Он внимательно посмотрел на Тесс.

«В том, как Джем смотрит на людей, есть что-то особенное, - подумала девушка. - Он словно видит тебя насквозь. Но ничего из того, что он видит или слышит, не беспокоит его, не расстраивает и не разочаровывает».

- Брат Енох... - неожиданно начала она. - Знаешь, что он сказал? Он сказал, что Нат не похож на меня, что он обычный человек. У него нет никаких сверхъестественных способностей.

- И ты из-за этого расстроилась?

- Не знаю. С одной стороны, я не хотела бы, чтобы он был... ну, таким, как я... Ни он, ни кто-то другой. Но если он не такой, как я, выходит, он вроде как и не совсем мой брат. Он, безусловно, сын моих родителей. Но тогда чья я дочь?

- Тебе этого не узнать. Конечно, было бы здорово, если бы все мы точно знали, кто мы такие и зачем живем. Но это знание не получить извне, оно внутри нас. Познай. - Джем усмехнулся. - Приношу извинения, если мои слова звучат слишком пафосно, но в свое оправдание я могу сказать, что сделал эти выводы, исходя из собственного опыта.

- Но я не знаю себя, - покачала головой Тесс. - Мне так жаль... После схватки с де Куинси ты, наверное, думаешь, что я ужасная трусиха и плакса. А теперь ты и вовсе, наверное, станешь меня презирать: вместо того чтобы обрадоваться тому, что мой брат совершенно нормален, я лью слезы. Но у меня не хватает храбрости быть чудовищем в одиночку.

- Ты не чудовище, - возразил Джем. - И не трусиха. Напротив, я был поражен твоей отвагой, когда ты выстрелила в де Куинси. Ты бы, без сомнения, убила бы его, если бы в пистолете были еще пули.

- Да, думаю, убила бы. Я хотела убить их всех.

- Что ж, об этом нас и просила Камилла. Ты же помнишь: «Убейте их всех!» Возможно, ты просто почувствовала ее эмоции?

- Но у Камиллы не было никаких причин заботиться о Нате, а ведь я разозлилась именно из-за того, что случилось с ним. Когда я увидела там Ната... Когда поняла, что они собираются с ним сделать... - Она судорожно втянула воздух. - Не знаю, сколько в том, что произошло, было от меня, а сколько - от Камиллы. Я даже не знаю, имею ли я право на такие чувства...

- Тебе интересно, имеет ли право молодая, хорошо воспитанная девушка ненавидеть кого-то так сильно? - спросил Джем.

- Да любой человек... не знаю. Возможно, именно об этом я и хочу сказать.

Джем, казалось, смотрел сквозь нее, словно видел что-то у нее за спиной, за стеной коридора, за пределами Академии.

- На самом деле совершенно не важно, кем ты физиологически являешься: мужчиной или женщиной, сильной или слабой, больной или здоровой... Намного важнее то, что у тебя в душе, - сказал он. - Если у тебя душа воина, ты - воин. Все остальное чепуха. Ты похожа на лампу, твое тело - это стеклянная оболочка, а твоя душа - это свет. - Джем, казалось, улыбнулся и тут же вновь стал самим собой, чуть смутившись. - Это то, во что я верю.

Но прежде чем Тесс смогла ответить, дверь комнаты Ната открылась и оттуда вышла Шарлотта. На вопросительный взгляд Тесс она ответила усталым кивком.

- Брату Еноху удалось помочь твоему брату, - объявила она. - Но у него еще работы непочатый край. Так что новости будут только утром. Иди спать, Тесс. Изводя себя, ты Натаниэлю не поможешь.

Тесс каким-то чудом сдержалась, чтобы не броситься к Шарлотте и не засыпать ее вопросами, ответа на которые она все равно бы не получила. Вместо этого она лишь сдержанно кивнула.

- А ты, Джем... - обратилась Шарлотта к юноше. - Не мог бы ты поговорить со мной пару минут? Может быть, пройдем в библиотеку?

Джем кивнул:

- Конечно. - Он поклонился и улыбнулся Тесс. - Завтра увидимся. - С этими словами юноша последовал за Шарлоттой и вскоре скрылся за углом.

Тесс не могла побороть искушение и толкнула дверь комнаты Ната, но та оказалась заперта. С тяжелым вздохом Тесс направилась по коридору в

другую сторону. Возможно, Шарлотта была права. Возможно, ей и в самом деле нужно выспаться.

На полпути к своей спальне она услышала странные звуки, и буквально через секунду перед ней предстала Софи, державшая в руках металлическое ведро. Горничная со всей силы размахнулась и ударила им по закрытой двери. Выглядела она при этом доведенной до белого каления.

– Его высочество находится этим вечером в особенно приподнятом расположении духа, – прошипела она, как только Тесс приблизилась. – Представьте, какая милая забава: швырнуть ведро мне в голову!

– О ком вы говорите, Софи? – удивилась Тесс и тут же сама поняла, о ком идет речь. – Ты говоришь об Уилле! Он вообще хорошо себя чувствует?

– Достаточно хорошо, чтобы бросаться ведрами, – раздраженно сказала Софи. – И называть меня этим противным именем. Не знаю, что оно означает. Думаю, непременно что-то дурное. – Она поджала губы. – Лучше я пойду и отыщу миссис Бранвелл. Возможно, она заставит его принять лекарство, раз я не могу.

– Лекарство?

– Он должен пить вот это! – Софи подтолкнула ведро к Тесс. Конечно, девушка не дала бы руку на отсечение, но ей показалось, что напиток напоминает обычную воду. – Он должен. Не хочу даже говорить о том, что случится, если он не станет этого делать.

– Я заставлю его выпить. Где он? – Тесс овладела отчаянной решимостью настоять на своем хоть в чем-то.

– Наверху, на чердаке. – Глаза Софи округлились. – Но я бы на вашем месте не стала, мисс. Он может быть очень противным.

– Ерунда, – отмахнулась Тесс, потянувшись к ведру.

Софи подчинилась, в ее взгляде смешались облегчение и сочувствие. Ведро, заполненное чуть ли не до краев, оказалось почти неподъемным.

– Уилл Херондэйл должен научиться вести себя как мужчина, – добавила Тесс и ногой открыла дверь, ведущую на чердак. Софи посмотрела на нее как на выжившую из ума.

За дверью оказалась узкая лестница, ведущая на самый верх здания. Тесс крепко держала ведро перед собой, но когда стала подниматься, то все равно расплескала воду. Лиф ее платья тут же вымок, и она почувствовала, как по коже побежали мурашки. Когда она поднялась по лестнице, то уже не обращала внимание на летящие из ведра брызги и окончательно вымокла. Сама девушка тяжело дышала от напряжения и думала только о том, как бы побыстрее куда-нибудь поставить это проклятое ведро.

Наверху двери не оказалось. Лестница выходила прямо на чердак – огромную комнату и под остроконечной крышей. Мощные стропила протянулись через весь чердак и исчезали где-то в темноте. Серый предрассветный свет

струился сквозь квадратные окна, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Тесс огляделась. Ничего. Ни мебели, ни светильников, только совсем уж узкая лесенка, ведущая к люку в потолке.

В центре комнаты, распластавшись на полу, лежал босой Уилл. Вокруг стояло множество ведер, дощатый пол был мокрым. Подойдя ближе, Тесс увидела, что вода ручейками растекается в разные стороны, кое-где собираясь в небольшие лужицы. И местами эти лужицы имели красноватый цвет, словно туда капнули кровью.

Рука юноши лежала у него на лице, потому глаза были не видны. Сам же он беспокойно подергивался, словно его мучили приступы боли. Когда Тесс приблизилась, Уилл что-то пробормотал низким голосом. Что-то, похожее на женское имя.

- Сесиль... Сесиль...

- Уилл? - позвала Тесс. - Кого ты зовешь, Уилл?

- Если ты Софи, то проваливай, да побыстрее, - ответил Уилл, так и не поднимая головы и не открывая глаз. - Я же предупредил тебя, если ты принесешь мне еще одно из твоих адских ведер...

- Я не Софи, - прервала его девушка. - Я Тесс.

На мгновение Уилл затих, и только грудь его тяжело поднималась и опускалась. Его черные брюки и белая рубашка были насквозь мокрыми, ткань липла к телу, а волосы - темными сосульками к голове и полу. Должно быть, ему было очень холодно.

- Они что, послали тебя? - наконец вымолвил он. Голос его звучал недоверчиво, но было в нем и что-то еще, чего Тесс разобрать не могла.

- Да, - ответила она просто, хотя все было совсем не так.

Уилл открыл глаза и повернул голову в ее сторону. Даже в полумраке она видела, как сверкают его глаза.

- Хорошо. Оставь воду и иди.

Тесс поглядела вниз на ведро. Почему-то ей не хотелось его слушать.

- А что потом? Я хочу спросить... что я тебе принесла?

- А они тебе не сказали? - Он с удивлением посмотрел на Тесс и даже приподнялся на локтях. - Это святая вода. Она сжигает тьму, которая оказалась во мне после того, как я укусил вампира.

Теперь настала очередь Тесс удивляться:

- Ты хочешь сказать...

- Все время забываю, что ты ничего не знаешь, - раздраженно пробормотал Уилл. - Помнишь, как я укусил де Куинси? Тогда я проглотил немного его крови. Немного, но много и не требуется.

- Требуется для чего?

- Чтобы превратиться в вампира.

При этих словах Тесс едва не уронила ведро.

- Ты превратишься в вампира?

Уилл усмехнулся:

- Не тревожься понапрасну. Для превращения потребуется несколько дней. Впрочем, я бы умер намного раньше. Но все это время меня бы непреодолимо тянуло к вампирам, я бы отчаянно надеялся стать одним из них. Помнишь всех этих рабов на приеме у де Куинси?

- А святая вода...

- Противоядие. Я должен пить ее все время. Но от нее я делаюсь совсем больным, кашляю кровью...

- О господи! - Тесс передернуло от отвращения, и она наконец осторожно поставила ведро на пол, словно находилась рядом с диким зверем. - Думаю, тогда тебе все же не стоит капризничать.

- Я предполагал, что ты так скажешь. - Уилл сел, поморщился и протянул руки, чтобы взять ведро. Он нахмурился, глядя на его содержимое, а затем поднял и поднес ко рту. После нескольких больших глотков он сморщился и вылил остальное себе на голову. Закончив, он отбросил его в сторону.

- Помогает? - спросила Тесс с нескрываемым любопытством. - Если вот так выливать воду на голову?

Уилл издал странный звук, который даже при всем желании нельзя было бы принять за смех.

- Ну и вопросы ты задаешь... - Он покачал головой, и капельки воды с его волос попали на платье Тесс. Девушка не могла справиться с искушением и, отчаянно краснея - слава богу, на чердаке было темно, - посмотрела на юношу. Мокрая ткань рубашки стала почти совсем прозрачной и теперь облепляла тело, словно вторая кожа. Она ясно видела мускулистую грудь, острую линию ключиц, татуировки, которые сейчас, казалось, горят черным пламенем... Тесс тяжело вздохнула.

- Кровь вампира вызывает лихорадку, и я горю, словно в огне, - продолжал Уилл. - Я не могу остыть. Но... Да... Вода помогает.

Тесс неотрывно смотрела на юношу. Когда он вошел в ее комнату в Темном доме, она подумала, что еще никогда не видела столь красивого человека. Сейчас же ее охватило чувство странной неловкости: хотелось смотреть и смотреть на него, не отрываясь, и одновременно было страшно неловко, и

надо было бы отвести взгляд, и вообще перестать так по-дурацки краснеть... Желание дотронуться до него стало почти невыносимым, ей отчаянно хотелось провести рукой по груди, по сильным рукам, коснуться влажных волос, почувствовать, какова на ощупь его кожа... Прижаться щекой к его щеке, почувствовать, как его ресницы щекожут кожу. Такие длинные ресницы..

- Уилл, - начала она, и ее хриплый голос звучал как-то слишком тихо. - Уилл, я хотела тебя спросить...

Он посмотрел на нее. Мокрые волосы торчали в разные стороны.

- О чем?

- Ты ведешь себя так, словно тебя ничего не волнует, - выпалила она на одном дыхании. У нее было чувство, будто она пробежала несколько миль в гору, и теперь, перевалив вершину, понеслась вниз на головокружительной скорости. Все, ей было не остановиться. Какая-то неведомая сила подхватила ее и понесла вперед. - Но... Каждого из нас что-то заботит. Разве нет?

- Разве нет? - мягко переспросил Уилл.

Когда же она не ответила, он подался вперед, опираясь рукой о пол.

- Тесс, - позвал он. - Иди сюда, сядь рядом со мной.

Она поступила так, как он просил. Было холодно и мокро, но она села, подобрав юбки так, что из под них торчали только носки ее туфель. Как-то вдруг оказалось, что они сидят слишком уж близко друг к другу. Его мужественный профиль четко выделялся на фоне серого окна, и только плавная линия рта чуть смягчала общее впечатление.

- Ты никогда не смеешься, - заметила Тесс. - Ведешь себя так, словно постоянно забавляешься, только никогда не смеешься. Но иногда ты улыбаешься, когда думаешь, что никто не видит.

Мгновение он молчал, а потом, всем своим видом показывая, насколько ему данная тема неприятна, заговорил:

- Ты... Ты то и дело заставляешь меня смеяться. С того самого момента, как врезала мне той бутылкой.

- Это был кувшин, - автоматически поправила девушка.

Кончики его губ искривились.

- Не говоря уже о том, что ты все время поправляешь меня. Забавно при этом выглядишь, знаешь ли. И то, как ты дала отпор Габриэлю Лайтвуду... А потом и с де Куинси не стала церемониться. Ты делаешь меня... - Он замолчал, посмотрел на девушку, и ей вдруг стало очень неловко. Тесс показалось, будто так по-дурацки она еще никогда не выглядела: красная, растрепанная, взволнованная, в мокром платье с чужого плеча... - Позволь посмотреть на твои руки... Тесс, - неожиданно попросил он.

Она молча выполнила его просьбу и протянула ему руки ладонями вверх. Все это время она не могла отвести взгляда от его лица.

- Тут кровь, - сказал он. - На твоих перчатках. Тесс проследила за его взглядом - да, он был прав, ее... вернее, белые шелковые перчатки Камиллы были перепачканы в крови. Она их медленно сняла. Оказалось, что они еще и порвались на кончиках пальцев, должно быть, когда она пыталась освободить Ната.

- Ого... - протянула она и попыталась убрать руки, чтобы снять перчатки, но Уилл отпустил только ее левую руку, а правую продолжил держать за запястье. На его правом указательном пальце она заметила тяжелое серебряное кольцо, украшенное искусно выполненным рисунком - две летящие рядом друг с другом птицы.. Уилл чуть нагнул голову, и его влажные черные волосы соскользнули на лоб, так что теперь она не могла видеть его глаз. Он, едва касаясь, провел пальцами по перчатке. Та застегивалась на запястье на четыре пуговички-жемчужинки, и Уилл нежно их погладил, а потом стал медленно расстегивать. И вот наконец подушечка его большого пальца коснулась обнаженной кожи Тесс в том месте, где отчаянно, словно пойманная птица, бился пульс.

Ее сердце едва не выпрыгнуло из груди.

- Уилл...

- Тесс, - ответил он. - Что ты хочешь от меня?

Он все еще поглаживал ее запястье, и от этого по ее телу растекались волны удовольствия. Когда она заговорила, ее голос дрожал:

- Я... Я хочу тебя понять.

Он посмотрел на нее через спутанные пряди волос:

- Это действительно так необходимо?

- Не знаю, - пожала плечами Тесс. - Не уверена, что кто-то здесь понимает тебя, кроме, возможно, Джема.

- Джем не понимает меня, - вздохнул Уилл. - Он беспокоится обо мне, словно брат. Но это совсем другое.

- Разве ты не хочешь, чтобы он понял тебя?

- Мой бог, нет, конечно! - воскликнул юноша. - Почему он должен знать, зачем я живу или что-то делаю?

- Возможно, ты просто ему интересен, - ответила Тесс.

- А для него это имеет значение? - мягко спросил Уилл и быстрым движением сдернул перчатку с ее руки. Холодный воздух комнаты обжег пальцы девушки, и волна дрожи прокатилась по телу, словно ей на голову вылили ушат ледяной воды. - Разве хоть что-то имеет значение, когда ты все равно ничего не можешь сделать, чтобы изменить положение вещей?

Тесс искала ответ и не находила. К тому же она дрожала и говорить ей было нелегко.

– Тебе и в самом деле холодно? – переплетя свои пальцы с ее, спросил Уилл, а потом прижал ее руку к своей щеке. Она поразилась тому, насколько горячей была его кожа. – Тесс, – протянул он. Его голос был глубоким и мягким, чуть хриплым от желания.

Девушка чуть подалась вперед. Ее охватило странное ощущение, будто тело стало совсем легким и вот-вот взлетит к потолку. А еще она чувствовала присутствие Уилла, чувствовала сильнее, чем ощущала присутствие кого-либо еще в своей жизни. Она видела, как сияют его темно-синие, чуть прикрытые веками глаза, ясно различала слабую тень щетины, уже проступившей на подбородке, и уже почти незаметные белые тонкие шрамы, пунктирными линиями прочертившие кожу на плечах и шее. А еще был его рот в форме полумесяца, с крохотной трещинкой на нижней губе... Когда Уилл наклонился вперед и потянулся к ней губами, она потянулась в ответ, словно бросалась с головой в омут.

На мгновение их губы соприкоснулись, свободная рука Уилла запуталась в ее волосах. Тесс задохнулась, когда он обнял ее, прижимая к себе все сильнее и сильнее. Ее юбки разметались по полу, но она уже и думать забыла о неловкости. Тесс обвила руками шею юноши. Через тонкую, мокрую рубашку Тесс чувствовала, как играют его мускулы. Пальцы юноши нашли заколку, которая удерживала прическу Тесс, и уже через мгновение ее волосы тяжелой волной легли на плечи девушки. Заколка со стуком упала где-то за ее спиной. Тесс тихо вскрикнула от неожиданности. А потом вдруг без предупреждения Уилл разомкнул объятия и с силой оттолкнул девушку от себя, так, что она чуть было не упала на спину.

Она молча смотрела на Уилла, и в ее глазах плескалось бесконечное удивление. А тот стоял на коленях, и его грудь вздымалась так, словно он долгое время бежал в гору. Уилл был бледен, и лишь на его щеках расплывались лихорадочные пятна.

– Боже мой, – прошептал он. – Что это было?

Тесс почувствовала, как вновь краснеет. Разве Уилл не знал, что это было, и разве не она должна была оттолкнуть его?

– Я не могу. – Он сжал кулаки; она видела, как сильно он дрожит. – Тесс, думаю, тебе лучше уйти.

– Уйти? – У нее закружилась голова. Ей казалось, что ее в одной ночной рубашке выбросили на снег из теплой и уютной постели.

– Я... я не должен был заходить так далеко. Мне жаль... – Его лицо скривилось от боли. – Боже, Тесс... – Он с трудом выдавливал из себя эти слова. – Пожалуйста. Только отпусти. Я не могу находиться здесь с тобой. Это невозможно.

– Уилл, пожалуйста...

– Нет! – Он отвернулся и уставился в пол. – Я обо всем расскажу тебе завтра, если захочешь... Если захочешь... Только оставь меня сейчас одного... Пожалуйста... – Его голос дрогнул. – Тесс. Я тебя прошу. Ты понимаешь? Я прошу тебя! Пожалуйста, пожалуйста, уходи!

– Хорошо, – изумленно ответила она.

Увидев же, как расслабились его плечи, Тесс стало так тоскливо, будто из мира разом исчезла вся радость. Но оставаться на чердаке и дальше не имело смысла. Она медленно поднялась на ноги. Ее платье намокло и стало холодным и тяжелым, ноги скользили по влажному полу. Уилл не двигался, даже не посмотрел в ее сторону – так и остался сидеть на коленях, уставившись в пол. А Тесс, не оглядываясь, пересекла чердак и, аккуратно закрыв за собой дверь, спустилась по лестнице.

* * *

Оказавшись в своей комнате, Тесс, слишком усталая для того, чтобы снять платье Камиллы, повалилась на кровать. Однако она была слишком измотана, чтобы уснуть. Ей казалось, что это был самый важный день в ее жизни. Впервые она использовала свой дар по собственному желанию и усмотрению и при этом чувствовала себя вполне хорошо. Первый раз, когда она стреляла из пистолета. И – а ведь она грезила об этом годы! – первый раз поцеловалась.

Тесс повернулась, спрятав лицо в подушке. Много лет она задавалась вопросом: каков будет ее первый поцелуй и ее первый возлюбленный? Тогда она не уставала твердить себе: только бы он был красив, только бы любил ее, только бы был добр... Но она и думать не могла о том, что ее первый поцелуй будет настолько кратким, отчаянным и полным страсти. Поцелуй с привкусом святой воды и... крови.

Глава тринадцатая

Нечто темное

Порою легче стерпеть обман того, кого любишь, чем услышать от него всю правду.

Франсуа де Ларошфуко[81] «Максимы»

Тесс проснулась на следующий день от того, что Софи зажгла лампу у ее кровати. Со стоном она пошевелилась и наконец приоткрыла глаза.

– Пора, мисс. – Голос Софи звучал, как обычно, живо. – Вы проспали день. Сейчас восемь часов вечера, и Шарлотта попросила меня разбудить вас.

– Восемь вечера! – Тесс отбросила одеяло и с удивлением обнаружила, что все еще одета в платье Камиллы, мягкое, все в разводах, испачканное кровью, копотью и пылью. Господи, и как она могла лечь в кровать одетой! Воспоминания прошлой ночи начали всплывать в ее памяти – белые лица вампиров, огонь, пожирающий тяжелые портьеры, смех Магнуса Бэйна, де Куинси, Натаниэль и... Уилл. «Боже, – подумала она, – Уилл!»

Тесс с трудом отогнала от себя мысли об Уилле и с тревогой посмотрела на Софи.

– Мой брат, – пробормотала она, – он...

Улыбка Софи слегка померкла.

– Не волнуйтесь, ухудшений нет... впрочем, как и улучшений, – сказала она, но, увидев, как лицо Тесс искажает гримаса страха, быстро добавила: – Сейчас, мисс, вам нужно принять горячую ванну и поесть. Вашему брату не будет никакой пользы от того, что вы станете морить себя голодом и перестанете мыться.

Тесс еще раз оглядела себя. Платье Камиллы погибло, это очевидно, порвано и безнадежно испачкано. Шелковые чулки также порвались в нескольких местах, а ее ноги и руки покрывала грязь. Тесс вздрогнула, подумав о том, в каком состоянии ее волосы.

– Похоже, вы правы.

Ванна – овальная, на массивных изогнутых ножках – стояла в углу комнаты, скрытая японской ширмой. Софи наполнила ее горячей водой, которая уже начинала остывать.

Тесс скользнула за ширму, разделась и опустилась в горячую воду. Мгновение она сидела неподвижно, позволив своему телу расслабиться и согреться. А потом медленно откинулась назад и закрыла глаза...

Сразу же нахлынули воспоминания: чердак, Уилл, его легкие прикосновение, поцелуй... и приказ убираться вон.

Она нырнула под воду, словно так могла спрятаться от обиды и боли. Но это, естественно, не сработало. «Ты, конечно, можешь утонуть, но кому от этого будет лучше? – серьезно сказала она себе. – А вот если утопить Уилла... Очень, очень неплохая идея». Она снова села и взяла кусок лавандового мыла, лежащий на краю ванны, и стала старательно тереть тело и волосы до тех пор, пока вода не почернела от золы и грязи. Может, и

нельзя по своему желанию перестать о ком-то думать, но она все равно попробует.

Когда Тесс вышла из-за ширмы, ее уже ждала Софи. На столике стоял поднос с бутербродами и чаем. Горничная помогла Тесс облачиться в ее желтое платье, отделанное темным позументом. На вкус Тесс оно было несколько ярковато, но Джессамине очень понравилась модель, и она настояла на заказе. «Я не могу носить желтый, но он прекрасно подходит девушкам с не очень яркой внешностью и каштановыми волосами», – заявила она.

Софи принялась расчесывать Тесс, аккуратно проводя гребнем по волосам, и девушка даже закрыла глаза от удовольствия. Охватившие ее ощущения напомнили ей о временах раннего детства, когда ее каждый день расчесывала теть Генриетта. В общем, теперь Тесс была достаточно спокойна и могла выдержать расспросы Софи, не потеряв при этом лица.

– Вы заставили мистера Херондэйла принять лекарство вчера вечером, мисс?

– Я... – Тесс попыталась взять себя в руки, но у нее ничего не получилось, и она отчаянно покраснела. – Он не хотел... Но я в конце концов его уговорила.

Тесс и сама понимала, насколько неубедительно звучат ее слова.

– Вижу. – Выражение лица Софи не изменилось, но ритмичные движения щетки стали быстрее. – Знаю, что это не мое дело, но...

– Софи, вы можете говорить мне все что хотите.

– Я хотела сказать о... мистере Херондэйле. – Софи говорила медленно, словно через силу. – Он не тот, о ком вы должны заботиться, мисс Тесс. Он того не стоит. Ему нельзя доверять, и на него нельзя полагаться. Он... Он не такой, каким кажется.

Тесс сцепила руки так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она чувствовала, что Софи говорит правду. Неужели Уилл и в самом деле?... И все же о его объятиях и поцелуе вспоминать было приятно.

– Не знаю, что и думать о нем, Софи. Иногда он кажется очень хорошим человеком, настоящим героем, а затем полностью меняется, словно ветер, и я не понимаю, почему это происходит...

– Ничего. Совершенно ничего не происходит. Он ни о ком не заботится, только о себе.

– Он заботится о Дžeme, – спокойно возразила Тесс.

Движения щетки замедлились. Софи помолчала, и Тесс была уверена, что та определенно хочет что-то сказать, но никак не решается. И что же именно?

Щетка начала двигаться снова.

– Этого... думаю, этого недостаточно.

– Вы, Софи, хотите сказать, что мне не следует думать о юноше, который никогда не будет относиться ко мне с уважением и никогда не позаботится обо мне?

– Нет! – отрезала Софи. – Есть вещи и похуже, чем это. Хорошо любить кого-то, кто не любит вас, если он хотя бы стоит вашей любви. Если он заслуживает ее.

Страсть в голосе Софи удивила Тесс. Она обернулась, чтобы взглянуть на горничную.

– Софи, а есть кто-то, о ком болит ваше сердце? Это Томас?

Софи выглядела удивленной:

– Томас? Нет. Почему вы так решили?

– Потому что мне кажется, он беспокоится о вас, – объяснила Тесс. – Я видела, как он смотрит на вас. Стоит вам появиться в комнате, как он глаз с вас не сводит. Я полагаю..

Ее голос затих, когда взгляд натолкнулся на изумленный взор Софи.

– Томас? – снова повторила Софи. – Нет, этого быть не может. Я уверена, он и не думает обо мне.

Тесс не стала возражать. Было совершенно ясно, что, какие бы чувства Томас ни испытывал по отношению к Софи, она их не разделяла.

– Уилл? – поинтересовалась Тесс. – Хотите сказать, что переживаете за Уилла? – «Как это все печально», – мысленно добавила она, представляя, как Уилл может вести себя с девушками, которым он однозначно приглянулся.

– Уилл? – В голосе Софи прозвучал страх, и этого было достаточно для Тесс, чтобы больше не произносить имени юноши. – Вы хотите знать, была ли я когда-нибудь влюблена в него?

– Хорошо, я думала... Я просто хотела сказать, ведь он же ужасно красив... – Тесс поняла, что ее слова прозвучали совершенно неубедительно.

– Есть вещи более привлекательные, чем внешний облик. Мой прошлый работодатель, – с волнением отвечала Софи и из-за усилившегося акцента слово «прошлый» превратилось в «пошлый», – часто уезжал на сафари в Африку и Индию, охотиться на тигров, слонов, жирафов. И он рассказал мне, как можно сразу же отличить ядовитых змей и насекомых от их безобидных сородичей. Все оказалось очень просто: ядовитые твари очень яркие и красивые. И чем более красива тварь, тем более смертоносен ее яд. То же и с Уиллом. Привлекательное лицо и красивое тело скрывают гнилую душу.

– Софи, я не знаю..

– Есть в нем что-то темное, – подытожила Софи. – К тому же он явно что-то скрывает. У него есть какая-то тайна, которая съедает его изнутри. – Она положила серебряную щетку для волос на туалетный столик, и только тогда

Тесс с удивлением заметила, что у Софи дрожат руки. – Запомните мои слова.

* * *

После того как Софи ушла, Тесс забрала с ночного столика механического ангела и надела цепочку на шею. Как только она почувствовала на груди знакомую тяжесть, то сразу же успокоилась. Ей всегда казалось, что кулон этот помогает ей и защищает каким-то необыкновенным образом, и сейчас она подумала – хотя, возможно, такие мысли можно было бы назвать глупыми, – что он поможет и Нату. Стоит только прийти к нему с механическим ангелом, как он тут же почувствует его присутствие, даже если будет без сознания, – и ему станет лучше.

Все то время, что она закрывала дверь спальни, шла по коридору и тихо стучала в дверь его спальни, она сжимала в руке маленький кулон. Ей никто не ответил, и она повернула ручку, открыв дверь. Шторы на окнах были раздвинуты, и комнату заливал яркий, какой-то совершенно не лондонский свет. Она сразу же увидела Ната, крепко спящего на горе подушек. Одна рука его лежала на лбу, щеки горели от лихорадки.

Но он был не один. В кресле у изголовья кровати сидела Джессамина. На коленях у нее лежала открытая книга. Девушка спокойно встретила удивленный взгляд Тесс и холодно ей улыбнулась.

– Я... – начала было Тесс. – Что ты тут делаешь?

– Думала почитать твоему брату, – ответила Джессамина. – Когда я пришла, тут никого не было. Ну, конечно, кроме Софи, но ведь с ней и поговорить не о чем.

– Нат без сознания, Джессамина. Ему не нужны беседы.

– Откуда ты знаешь? – возразила Джессамина. – Я слышала, люди могут слышать то, что им говорят, даже если находятся без сознания или вовсе мертвы.

– Но он не мертв !

– Конечно нет. – Джессамина одарила ее насмешливым взглядом. – Он слишком красив, чтобы умереть. Кстати, Тесс, он женат? А может, там, в Нью-Йорке, у него есть девушка?

– У Ната? – Тесс растерялась, не зная, что ответить на такой вопрос. На самом деле всегда были девушки, самые разные девушки, которые интересовались Натаниэлем, но он ни на кого из них внимания не обращал.

– Джессамина, ему плохо. Сейчас... не время...

- Но когда-нибудь он ведь поправится, - решительно заявила Джессамина. - И когда это случится, он будет знать, что именно я за ним ухаживала все это время. Мужчины всегда влюбляются в женщин, которые ухаживают за ними во время болезни. «Коль боль и мука скрутят снова, / Как ангел я помочь готова!» - процитировала она с самодовольной ухмылкой, но, заметив испуганный взгляд Тесс, нахмурилась: - Что случилось? Я что, недостаточно хороша для твоего драгоценного брата?

- Но у него совсем нет денег, Джесс...

- У меня достаточно денег для нас обоих. Мне только нужен человек, который бы помог мне убраться отсюда. Я тебе уже говорила.

- Да, действительно. Ты еще просила о помощи меня..

- Ах, так вот что тебя смущает, - уже почти весело улыбнулась Джессамина. - Послушай, Тесс, мы все еще можем быть лучшими друзьями, мы можем даже стать названными сестрами. Но если всерьез думать о будущем, то следует выбирать мужчину, а не женщину. С ним у меня больше шансов устроить свою жизнь, разве ты не находишь?

Тесс не знала, что и ответить, и стояла с совершенно глупым видом. Джессамина только плечами пожала:

- Ах да, совсем забыла. Шарлотта хочет видеть тебя. Сейчас она в гостинной. А о Натаниэле можешь не волноваться. Я буду очень, очень хорошо присматривать за ним. К тому же я сделала ему холодной компресс, вот видишь?

Тесс не слишком-то понравилась такая напористость Джессамины, но на споры у нее совершенно не было сил, потому что, совершенно очевидно, мисс Ловлесс не собиралась так просто сдавать своих позиций. И едва ли с ней вообще стоило сейчас ссориться. Поэтому Тесс молча повернулась, разочарованно вздохнула и покинула комнату.

Дверь в гостиную была слегка приоткрыта, и Тесс, сама того не желая, услышала громкие голоса. Она подняла было руку, чтобы постучать, но, услышав свое имя, замерла на месте.

- Это не больница! Брату Тесс здесь не место! - Уилл говорил так громко, что, казалось, еще немного - и его голос сорвется на крик. - Он не существо из Нижнего мира, а всего лишь глупый, продажный мирянин, который вляпался в грязное дело и не смог справиться с последствиями...

- Мирские доктора ему ничем не помогут, и ты это прекрасно знаешь, - раздался спокойный голос Шарлотты. - Подумай, Уилл, подумай как следует над тем, что говоришь.

- Он уже знает о Нижнем мире. - Это был Джем, и голос его, как всегда, звучал спокойно и рассудительно. - Он может знать что-то важное, то, чего пока не знаем мы.. Мортмэйн утверждал, что Натаниэль работал на де Куинси. Выходит, он может знать о планах де Куинси, о людях-машинах, о бизнесе Магистра... да обо всем. В конце концов, де Куинси хотел его убить. Возможно, потому, что тот знал кое-что, чего знать не должен.

Наступила долгая пауза. Тишину первым нарушил Уилл.

- Мы можем снова вызвать безмолвных братьев, - предложил он. - Они вывернут ему мозги наизнанку и выудят все, что нам нужно. Не обязательно ждать его пробуждения.

- Ты же знаешь, что с мирянами подобное проделывать опасно, - возразила Шарлотта. - Брат Енох говорил, что лихорадка спровоцировала у мистера Грея галлюцинации и он не может отличить реальность от горячечного бреда. Сейчас мы можем только навредить ему, надолго задержать выздоровление.

- Действительно, о чем я вообще говорю! Сомневаюсь, что у него вообще есть мозги, так что и выворачивать наизнанку нечего.

Тесс не могла видеть Уилла, но ясно представила себе, как его лицо исказила презрительная гримаса. От гнева у нее потемнело в глазах.

- Ты ничего не знаешь об этом человеке. - Джем произнес эти слова ледяным тоном. Тесс никогда не слышала, чтобы он прежде говорил так с кем-нибудь. - Не знаю, какая муха тебя укусила, но что бы с тобой ни происходило - ничто не извиняет подобного поведения.

- Уилл, я знаю, что с тобой происходит, знаю, каково это, - печально проговорила Шарлотта.

- Ты знаешь? - Уилл, казалось, был потрясен.

- Ты расстроен, ведь вчера все получилось не так, как планировалось. Да, мы спасли мирянина и потеряли только двоих из наших людей, но де Куинси сбежал, и это самое главное. Мой план провалился. Именно я во время последнего заседания Анклава предложила его кандидатуру, именно я настояла на своем, и теперь именно меня обвинят в неудаче. Не стану даже говорить о том, что теперь Камилле придется прятаться, так как мы понятия не имеем, где сейчас находится де Куинси и что он задумал. Однако одно я могу сказать совершенно точно, он уже назначил награду за ее голову. Конечно, Камилла предусмотрительно исчезла, но теперь из-за всего произошедшего на нас еще и злится Магнус Бэйн. Так что сейчас у нас нет ни чародея, ни осведомителя.

- Но мы не дали де Куинси убить брата Тесс, и кто знает, скольких еще мирян, - возразил Джем. - Это кое-что да значит. Бенедикт Лайтвуд не хотел верить в предательство де Куинси, а теперь он поставлен перед фактом. Он знает, что ты была права.

- Скорее всего, он только еще сильнее разозлится, - вздохнула Шарлотта.

- Возможно, - согласился Уилл. - Но знаешь, мне кажется, если бы ты не настояла на том, чтобы я взял с собой очередное нелепое изобретение Генри, все пошло бы по-другому. Мой план, Шарлотта, был практически идеальным, и я предупреждал, что нельзя в этом деле полагаться на какую-то дурацкую штуковину. Ты, конечно, можешь в очередной раз закрыть глаза на произошедшее и убедить себя в том, что твой муженек - великий изобретатель. Однако знай, что причина нашей неудачи вчера вечером -

прибор Генри. Ни одно из его изобретений еще ни разу не сработало должным образом. Если бы ты признала, что твой муж – бездарный глупец, мы бы только выиграли от этого.

– Уилл! – Похоже, Джем был возмущен до глубины души.

– Нет! Нет, Джеймс, успокойся! – Голос Шарлотты дрожал. Похоже, Джем еле удержался, чтобы не наброситься на друга с кулаками. – Уилл, Генри очень хороший, добрый человек, и он любит тебя.

– Избавь меня от этого, Шарлотта, прошу. – Голос Уилла тоже дрожал, но только уже от ярости.

– Он ведь знал тебя, когда ты был еще мальчиком. Он заботился о тебе, словно ты его младший брат.. И я.. Я тоже заботилась о тебе. Мы любили тебя, Уилл..

– Да, – согласился тот. – Помню, вы мне прохода не давали, и я мечтал лишь об одном, чтобы вы наконец-то отстали от меня.

Шарлотта вздохнула так тяжело и так печально, что у Тесс защемило сердце.

– Я знаю, что на самом деле ты так не думаешь.

– Нет, думаю, – возразил Уилл. – И я по-прежнему считаю, что чем скорее мы прочистим мозги Натаниэля Грея, тем будет лучше для всех. Если вы слишком слабы, чтобы сделать это..

Шарлотта начала говорить что-то в ответ, но для Тесс это уже было слишком. Она рывком распахнула дверь и стремительно вошла в комнату.

За окнами уже начали стучаться сумерки, и столовую освещал ревуший в огромном камине огонь, его жадное пламя с урчанием, словно хищный зверь кость, пожирало толстые дрова. Шарлотта сидела за большим столом, бессильно опустив руки на колени. Джем устроился рядом на кончике стула, готовый вскочить в любую минуту. Уилл стоял в глубине комнаты, у самого камина, совершенно не обращая внимания на нестерпимый жар. Хотя, возможно, исходящие от него волны холодной ярости остужали пламя. Глаза его бешено сверкали, рубашка с расстегнутым воротом чуть съехала набок, обнажая грудь, – похоже, Джем до него все-таки добрался. Когда он увидел Тесс, в глазах у него мелькнуло неподдельное изумление, а потом на щеках заиграл болезненный румянец – он тоже не смог забыть произошедшего сегодня утром на чердаке. Его бездонные синие глаза, которые еще секунду назад пылали гневом, словно бы подернула корка льда, и он отвернулся с самым равнодушным видом, на какой только был способен.

– Даже и спрашивать не буду, подслушивала ли ты, – процедил он. – Что, прибежала защищать своего драгоценного брата?

– Мне вообще есть что сказать, Уилл, и ты прекрасно знаешь об этом, – зло ответила Тесс, а потом повернулась к Шарлотте: – Я не позволю брату Еноху рыться в голове Ната. Он и так тяжело болен, а такое обращение и вовсе может его убить.

Шарлотта покачала головой. Она выглядела усталой до предела, лицо ее было серым, глаза опухли, словно она долго плакала. Тесс задавалась вопросом, спала ли она вообще.

– Конечно, мы дадим ему выздороветь, прежде чем станем задавать вопросы.

– А что, если он проведет в постели несколько недель? Или месяцев? – поинтересовался Уилл. – Мы не можем так долго ждать.

– Почему? Что тебя так волнует? Или ты просто хочешь рискнуть жизнью моего брата, потому что тебе вообще наплевать на всех, кроме себя?! – взвилась Тесс.

Глаза Уилла окончательно застыли, превратившись в осколки синего стекла.

– Ты хотела найти брата, ты его нашла. Считай, что тебе повезло. Но нас судьба твоего брата занимает мало. Его жизнь – не наше дело. Надеюсь, ты это понимаешь. Знаешь, обычно не в наших правилах пренебрегать законом и собственной безопасностью ради спасения жизни или рассудка одного глупого мирянина, который к тому же еще и совершил преступление.

– Тесс, Уилл ведет себя недопустимо, но он лишь пытается сказать, что... – Джем немного помолчал, а потом продолжил: – Де Куинси говорил, что доверял твоему брату. Теперь де Куинси сбежал, и мы понятия не имеем, где он скрывается. В доме де Куинси мы нашли бумаги, которые ясно указывают на то, что между обитателями Нижнего мира и сумеречными охотниками вскоре должна начаться война. И в этой войне де Куинси одну из главных ролей отводил механическим людям, над которыми работал долгое время. Понимаете, почему нам так важно узнать, где прячется де Куинси. Нам очень нужно поговорить с вашим братом, Тесс, и как можно скорее.

– Возможно, это и в ваших интересах, – отрезала Тесс. – Но это не моя война. Я не сумеречный охотник.

– Обязательно напомни нам об этом еще раз, – встрял в разговор Уилл, – а то вдруг мы забудем.

– Помолчи-ка, Уилл. – Тон Шарлотты был намного резче обычного. Она перевела взгляд с юноши на Тесс, и девушка внутренне содрогнулась – такая мольба застыла в карих глазах миссис Бранвелл. – Мы доверяем тебе, Тесс. Но и ты должна доверять нам.

– Нет, – отрезала Тесс. – Нет, я не стану делать этого.

Она почувствовала на себе пристальный взгляд Уилла, и ее захлестнула горячая волна гнева. Как смеет он разговаривать с ней так презрительно и так холодно, как смеет в чем-то упрекать или обвинять ее? Что она сделала, чтобы заслужить это? Ведь она даже позволила ему поцеловать себя. Но так или иначе, все, что случилось сегодня утром, теперь не имело ровным счетом никакого значения – ни то, как она отважно вела себя в логове вампиров и буквально спасла Уиллу жизнь, ни то, что он потом поцеловал ее.

– Вы просто хотите использовать меня, вы ничем не отличаетесь от Темных сестер! Леди Белкорт явилась к вам со своим предложением в подходящий момент, и вы решили, что я сделаю всю грязную работу. И вы плевать хотели на то, какой я подвергаюсь опасности! Вы ведете себя, словно я вам что-то задолжала, хотя до недавнего времени я и знать не знала о вашем мире, вашей войне и вашем Законе. И да, это ваш мир, не мой, это вы хотите им управлять, вы мечтаете о неограниченной власти в нем, не я. И я не виновата в том, что вы плохо делаете свою работу!

Тесс видела, как побледнела и напряглась Шарлотта. На какое-то мгновение она почувствовала острую жалость к этой, по сути, очень одинокой женщине, вынужденной в одиночку справляться с трудностями, но охвативший ее гнев оказался сильнее, Тесс уже не могла остановиться, жестокие слова лились словно вышедшая из берегов горная река.

– Все ваши слова об обитателях Нижнего мира, о том, как вы их ненавидите и какие они нехорошие, полная ерунда! Вы никогда не бываете искренними, вы обманываете даже сами себя. Вы говорите, что защищаете мирян? О, как это благородно. Вот только было бы неплохо, если бы вы их не презирали, во всяком случае, не высказывали бы свое отношение к ним столь откровенно. – Она посмотрела на Уилла. Тот был бледен, в его безумно сверкающих глазах застыл... Она не была до конца уверена, что угадала его чувство, но, возможно... «Страх, – подумала Тесс, – но не я его причина. Тут что-то другое».

– Тесс, – начала было Шарлотта, но девушка уже развернулась и решительно зашагала к двери. В последний момент она обернулась – сумеречные охотники неотрывно смотрели на нее, в глазах Шарлотты плескалась печаль, Джем выглядел немного виноватым, а Уилл...

– И держитесь подальше от моего брата, – резко бросила она. – И не ходите за мной, все это бесполезно.

* * *

«Надо дать гневу выход, иначе можно сойти с ума!» – думала Тесс. Она ни секунды не сожалела о резких, возможно даже жестоких словах, потому что теперь она была почти... счастлива.

Конечно, последствия ее вспышки могли оказаться не слишком приятными. Она ясно дала понять сумеречным охотникам, что презирает их и не нуждается в их помощи. Но легко сказать «я уйду», вот только куда собственно идти?. Конечно, она могла бы просто вернуться в свою комнату и сделать вид, что ничего не произошло, но тогда бы ее выпад все бы сочли банальной истерикой. Наверняка после этого к ней бы стали относиться еще хуже, еще более снисходительно и презрительно, чем раньше. Ей вдруг отчаянно захотелось увидеть брата, но она удержалась – боялась, что ее плохое настроение может как-то повредить ему. К тому же был риск наткнуться на

Софи или Агату и выместить на них остатки злости, а это было бы несправедливо.

Немного подумав, она решительно зашагала по узкой винтовой лестнице, ведущей на первый этаж Академии. Она прошла через огромный, освещенный колдовским светом вестибюль, бывший когда-то церковным нефом, и вышла на широкое крыльцо. Спустившись на несколько ступеней, она обняла себя за плечи, задрожав от налетевшего на нее порыва ледяного ветра. Наверно, днем шел дождь, поскольку ступени были влажными, и черный булыжник внутреннего двора походил на зеркала. Луна скрылась за стремительно несущимися облаками, и огромные железные ворота потонули в ступающих тенях, превратившись в огромный черный провал в стене. «Мы – пыль и тени».

– Знаю, о чем ты думаешь, – раздался голос за ее спиной. Он звучал так тихо, что Тесс на какое-то мгновение показалось, что она ослышалась и это лишь ветер играет листвой высоко в кронах деревьев.

Девушка обернулась. Джем стоял дверях, его серебристые волосы в падающем со спины колдовском свете походили на нимб, лицо же скрывала густая тень. В правой руке Джем держал свою неизменную трость – глаза дракона хитро поблескивали, словно внимательно рассматривали Тесс.

– Не думала, что ты пойдешь за мной..

– На самом деле думала. А еще ты, должно быть, думала: если они называют это сырое и холодное время года летом, то на что похожа зима? Ты удивишься. Зима здесь почти ничем не отличается от лета. – Он сделал несколько шагов вперед и сел на ступеньку у ног Тесс, хотя не слишком близко к ней. – А вот весна в этих краях действительно прекрасна.

– Ты это серьезно? – спросила Тесс без всякого интереса.

– Нет, на самом деле я немного преувеличиваю. Весной здесь так же туманно и сыро, как и в любое другое время года. – Он покосился на Тесс. – Знаю, ты не хотела, чтобы за тобой кто-нибудь пошел. Но надеюсь, ты имела в виду в первую очередь Уилла.

– Я... – Тесс повернулась, чтобы посмотреть на Джема. – Я не должна была говорить такие вещи.

– Нет, ты имела на это право, – вздохнул Джем. – Мы, сумеречные охотники, так долго вели замкнутый образ жизни, что теперь часто забываем посмотреть на ситуацию с другой стороны. Сейчас мы обращаем внимание лишь на то, что хорошо для нефилимов или плохо для нефилимов. Вот только порой – а может быть, даже не порой, а очень часто – мы забываем подумать о том, хорошо ли то, что мы делаем, для остального мира или нет.

– Я не хотела обижать Шарлотту.

– Шарлотта очень остро реагирует на все, что происходит в стенах Академии. Ее решения часто подвергаются критике, и каждый раз она честно пытается найти компромисс и выйти из ситуации с наименьшими потерями для

всех сторон. Ты слышала Бенедикта Лайтвуда на встрече Анклава? Теперь Шарлотта считает, что не вправе сделать ошибку.

- И это касается любого из нас? Любого из вас? - Тесс глубоко вдохнула; воздух был настолько влажным, что ей показалось, будто она глотнула воды. В ноздри сразу же ударил запах города - смесь лошадиного пота, нечистот, гнилой воды, духов и чего-то еще, чего Тесс не могла определить. - Я только... Иногда мне кажется, что все это слишком и я скоро сойду с ума. Мне сейчас очень тяжело. Мне бы так хотелось, чтобы ничего этого не было. Чтобы я так никогда и не узнала о своих способностях. Чтобы Нат остался дома и сейчас был бы здоров!

- Иногда в нашей жизни происходят такие быстрые изменения, что мы не успеваем все как следует обдумать и принять решение самостоятельно, - вздохнул Джем. - Но думаю, намного хуже, когда не меняется ничего или меняется так, что мы долгое время ничего не замечаем. Но могу сказать одно, ты обязательно привыкнешь. Ты научишься жить новой жизнью, и когда-нибудь тебе даже представить будет трудно, что все могло быть иначе.

- Говоришь, я привыкну к своим способностям и стану считать себя настоящей чародейкой... или кто я там есть на самом деле?

- На самом деле ты всегда была такой, и, по сути, для тебя ничего не изменится. Очень скоро ты свыкнешься со своим положением.

Тесс глубоко вздохнула, а потом так же медленно выдохнула.

- На самом деле я так не думаю, - начала она. - Я имею в виду свои слова, сказанные в столовой. Я не считаю нефилимов таким уж ужасными, как остальные.

- Я знаю. Если бы ты так думала, ты бы не стояла здесь, а охраняла брата.

- Уилл ведь тоже не думает то, что говорит, - через мгновение продолжала Тесс. - Он не причинил бы зла Нату.

- Ах... - Джем перевел взгляд на ворота, взгляд его серых глаз стал задумчивым. - Ты права. Но я удивлен, знаешь ли... Я знаю его, знаю очень хорошо. Но у меня на то, чтобы понять Уилла, ушли годы. Но порой даже мне бывает трудно понять, когда он говорит всерьез, а когда лишь играет на публику.

- Поэтому ты никогда не сердишься на него?

Джем рассмеялся:

- Ну это не совсем верно. Иногда мне просто хочется задушить его.

- Как же ты успокаиваешься?

- Иду в мое самое любимое место во всем Лондоне, - просто ответил Джем. - Стою там, смотрю на воду, думаю о жизни... Мерное течение реки завораживает, и я забываю о мелких неприятностях.

Тесс была очень заинтересована:

- И это работает?

- На самом деле не всегда. Иногда я бываю так зол, что кажется, могу убить Уилла голыми руками. Но потом я выпускаю пар, и мне становится лучше.

Тесс захихикала:

- А где оно? Твое любимое место?

На какое-то мгновение Джем задумался. Потом встал и протянул ей руку, ту, в которой сжимал трость:

- Пойдем, я покажу тебе.

- Это далеко?

- Не очень. Всего полчаса ходьбы, - улыбнулся он.

«У него такая красивая улыбка», - подумала Тесс и не могла сдержаться, чтобы не улыбнуться в ответ. И впервые за долгое время у нее стало хорошо на душе.

Тесс оперлась на руку Джема - и почувствовала себя, как никогда, защищенной, словно все беды и несчастья остались в прошлом. Когда они пошли к воротам, Тесс обернулась, посмотрела на Академию, а потом позволила Джему увести ее на городскую улицу. Вскоре сплетающиеся друг с другом в диковинном танце вечерние тени поглотили их.

Глава четырнадцатая

Мост Блэкфайерз [82]

Двадцать мостов от Башни до Кью, -

Так уверяет Река.

Но все мосты как один молоды,

А Темза течет века.

И этот рассказ - Реки рассказ -

Я лишь подправил слегка [83].

Редьярд Кипдинг «Рассказ реки»

Проходя через железные ворота Академии, Тесс чувствовала себя Спящей красавицей, оставляющей позади заколдованный замок, с увитыми колючими растениями стенами. Академия находилась посреди площади, от которой в разные стороны разбегались улицы, одни широкие и хорошо освещенные, другие узкие, кривые и темные. Улицы эти сплетались друг с другом, сходились, а потом разбегались вновь, образуя хитрые узоры городского лабиринта.

Все еще аккуратно придерживая за локоть, Джем вел Тесс по узкой улочке. Небо над их головами походило на стальную плиту. Влажная от дождя земля хлюпала под ногами, а блестящие от воды стены домов, казалось, жили своей жизнью: они сдвигались, преграждая им путь, а потом бросались в стороны, стило только приблизиться, прятались друг за другом, толкались, пытались выйти вперед или, напротив, отступить в тень. Джем не замолкал ни на минуту все то время, что они шли. Ничего важного, просто рассказывал о Лондоне и о своих первых днях в этом городе, который даже по прошествии стольких лет казался ему серым и враждебным. Раньше он и представить себе не мог, что на земле есть место, где так часто идет дождь, где дороги превращаются в реки, а дома – в морские скалы. Иногда ему казалось, что вода уже пропитала его тело насквозь и скоро, когда его кости основательно вымокнут, он начнет прорастать в землю, подобно дереву.

– Но даже к этому можно привыкнуть, – заверил он Тесс, когда они вышли из узкого переулка на Флит-стрит [84]. – Хотя иногда тебе будет отчаянно хотеться, чтобы кто-то взял тебя и хорошенько выжал, как мокрую губку.

Вспоминая хаос, царивший днем на улицах, Тесс сейчас немного успокоилась и теперь с удивлением думала о том, насколько же тихи и спокойны лондонские улицы по вечерам: вместо гомонящей толпы по тротуарам теперь брели редкие прохожие. Шли они опустив головы, держась в тени зданий. Попадались и экипажи, и восседающие верхом на лошадях люди. Однако все они, казалось, не замечали Тесс и Джема, словно они были продолжением мокрой мостовой или скользких от влаги кирпичных стен домов. Может, они околдованы? Тесс удивлялась происходящему, но вопросов не задавала. Болтовня Джема успокаивала, и она наслаждалась звуком его голоса. Он сказал ей, что сейчас они находятся в самой старой части города, в месте, где много веков назад появился на свет новорожденный Лондон. Магазины, витрины которых выходили на улицу, были уже закрыты, однако то тут, то там из вечерней тьмы доносились голоса зазывал. В этом царстве теней и воды, где можно было пройти улицу из конца в конец и никого не встретить, слова о грушевом мыле, от которого волосы становились гуще и пышнее, и керосиновых лампах звучали почти дико. Невидимки, предлагающие посетить лекции по спиритизму, вписывались в окружающий их антураж намного лучше. Подняв голову, Тесс заметила острые шпили Академии, стрелами взлетающие в небо над городскими крышами. Сейчас ей трудно было поверить в то, что их никто не видел. Должно быть, на улицах Лондона было намного больше

странных существ, чем кто-то мог себе вообразить. Она вспомнила зеленокожую женщину-попугая и содрогнулась. Не хотелось бы ей встретить подобное существо вновь. Но в итоге любопытство взяло верх, и она спросила у Джема, действительно ли миряне не видят Академию.

- Позволь показать тебе кое-что, - вместо ответа предложил он. - Остановись здесь. - Он легонько подтолкнул Тесс, и она встала прямо посреди улицы. - Что ты там видишь?

Тесс окинула взглядом простиравшуюся перед ней улицу. Они находились около пересечения Флит-стрит и Чансери-Лейн [85]. Скучнее и обычнее места себе и представить было нельзя.

- Фасад банка. А что я еще должна там видеть?

- Расслабься, постарайся расфокусировать взгляд, ни на чем не сосредотачивайся, - попросил ее Джем. - Посмотри по сторонам чуть искоса, так, словно ты хочешь взглянуть на дикого кота, но боишься его напугать. Посмотри теперь на банк. Смотри прямо на него, быстро!

Тесс сделала все так, как просил Джем. Банк исчез. На его месте стояла средневековая таверна. Часть ее стен была сложена из грубых необработанных камней, часть - из толстых бревен. Соломенную крышу на месте удерживала сырая глина. Из небольших окон и полуоткрытой покосившейся двери на улицу лился красноватый свет. Было видно, как внутри таверны в клубах дыма перемещаются какие-то тени. Они ничуть не походили на фигуры обычных мужчин и женщин - слишком уж высокие, слишком тонкие... Тесс присмотрелась повнимательнее... О господи, у них, похоже, было несколько конечностей! Из таверны доносилась музыка, нежная, наводящая сладкое оцепенение, - так могли бы играть эльфы. Но музыку эту то и дело заглушали взрывы грубого хохота. На вывеске, чуть косо приколоченной над дверью, был изображен человек, вставший на цыпочки, чтобы ущипнуть за нос рогатого демона. Надпись ниже гласила: «Таверна дьявола».

«Здесь Уилл как-то провел вечер», - вспомнила Тесс и посмотрела на Джема, но тот неотрывно смотрел вперед, его рука была неподвижна, дыхание - ровным и спокойным. Красноватый свет отражался в его серебристых глазах, и Тесс невольно залюбовалась юношей.

- Это то самое место? - спросила она.

Взгляд Джема стал рассеянным. А потом он словно бы встряхнулся, повернулся к девушке и рассмеялся.

- Нет, мой бог, конечно же нет, - ответил он. - Я просто хотел, чтобы ты увидела.

Кто-то вышел из дверей таверны - мужчина в длинном черном пальто, на голове которого красовалась изящная и очень необычная шляпа из темного фетра. Он поднял голову, и они с Тесс встретились взглядами. У незнакомца была черная, переходящая в синеву кожа, а волосы и длинная, чуть ли не до пояса, борода - белы, как первый снег. Незнакомец сдержанно кивнул, а потом двинулся на восток, к Странду, в то время как Тесс задавалась вопросом: как это прохожие на улице не оборачиваются ему вслед? Однако

никто не обращал внимания на странного человека, словно он и не шел не спеша по лондонской улице. Тесс поняла, что миряне не видят ни странных посетителей таверны, ни самого заведения. Более того, когда на улицу, хихикая и болтая что-то на непонятном языке, вывалились те самые странные, многорукие и веретенообразные существа, они чуть было не натолкнулись на угольщика, устало катящего вперед свою тележку. Он остановился, мгновение озадаченно озирался по сторонам, а затем, пожав плечами, продолжил свой путь.

- Когда-то тут была обыкновенная таверна, - объяснил Джем, - которая один бог знает чем привлекла обитателей Нижнего мира. Нефилимам не понравилось, что рядом с мирянами крутятся разные сомнительные существа. В итоге мирян от этого места отвадили, зачаровав его особым образом. Сейчас на месте таверны они видят банк. Таверну же эту стали посещать исключительно обитатели Нижнего мира, и посещают они ее чаще, чем хотелось бы.. - Джем поглядел на луну и нахмурился: - Уже слишком поздно. Нам лучше продолжить путь.

Бросив последний взгляд на «Таверну дьявола», Тесс поспешила за Джемом, который продолжал непринужденно болтать, указывая то на одно здание, то на другое:

- Вот церковь Храма, ее построили сами рыцари тамплиеры[86], когда вернулись из паломничества в Святую землю. Они были друзьями нефилимов, эти рыцари. Миряне, но прекрасно знали о Нижнем мире. И конечно, - добавил он, поскольку они к тому моменту уже вышли на мост Блэкфайерз, - многие думают, что безмолвные братья когда-то были черными монахами[87], хотя доказательств этого не существует.

Оглядев мост, Тесс не могла не задаться вопросом, за что Джем так любит это место. Гранитный мост протянулся с одного берега Темзы на другой - низкий, с многочисленными арками, с темно-красными парапетами, подкрашенными золотой и алой красками и мерцающими в лунном свете. Тихий, утонувший в тенях, с уродливой «решеткой» железной дороги, протянувшейся на противоположный берег реки. Возможно, здесь было бы не так уж и плохо, если бы по восточной стороне моста не протянулись рельсы.

- Знаю, что ты думаешь, - нарушил молчание Джем. - Здесь не так уж и хорошо. На самом деле для меня это то, что нужно: люди нечасто приходят сюда, чтобы насладиться видом. Я же могу в одиночестве полюбоваться рекой, в которой купается лунный свет.

Они вышли к центру моста. Тесс прислонилась к гранитному парапету и посмотрела вниз - под ней плескались черные воды Темзы. Вдоль берегов, на сколько хватало глаз, простирался Лондон. Массивный купол собора Святого Павла[88] плыл в ночном небе, окутанный туманом, словно призрак саванов. Вообще в этом извечном лондонском тумане все предметы теряли свои естественные очертания, превращаясь в размытые пятна самых причудливых форм.

Тесс снова посмотрела на реку. Запах гниющих водорослей и нечистот поднимался от воды. В плотном тумане он словно бы густел, и казалось, смрад можно было резать ножом. Однако было в этой черной, зловонной реке что-то завораживающее: она словно брала начало в глубине веков и несла

свои воды сквозь столетия, и мутными ее воды стали не от грязи, просто они впитали в себя покрытое пылью тысячелетий время...

- «Сладкая Темза течет и течет, а я пою и пою», - произнесла Тесс нараспев. Обычно она редко цитировала стихи в разговоре, но было в Джем что-то особенное, что заставляло ее расчувствоваться. К тому же она ясно понимала, что этот человек вряд ли посмеется над ней.

- Я уже слышал эти строки раньше, - сказал он. - Уилл как-то цитировал. Откуда это?

- «Проталамион»[89], - нахмурилась Тесс. - Не думала, что Уилл читает стихи.

- Уилл читает постоянно и имеет превосходную память, - с улыбкой ответил Джем. - Он помнит почти все из прочитанного.

- Ты очень любишь Уилла? - спросила Тесс.

- Да, я люблю его как брата, - сухо объявил Джем.

- Да, и любовь твоя взаимна, - задумчиво проговорила Тесс. - Как бы он ни вел себя с другими, тебя он тоже искренне любит. И он добр к тебе. Вот только для меня загадка, как тебе удалось добиться такого отношения.

Джем наклонился, облокотился о парапет и невидящим взглядом посмотрел на Тесс - мыслями он был где-то далеко-далеко. Он рассеянно постукивал пальцами по набалдашнику трости. Тесс разглядывала его исподтишка: в лунном свете юноша был странно, нереально красив, - и она не могла не восторгаться тонкими чертами его лица и прекрасными, глубокими, как холодные горные озера, глазами. Казалось, он весь состоит из кусочков серебра и теней - полная противоположность яркому и шумному Уиллу, чьи цвета, без сомнения, были синий и золотой.

Наконец Джем печально произнес:

- На самом деле я не знаю, почему так вышло. Возможно, потому что мы оба остались без родителей и ему было так же одиноко, как и мне...

- Я тоже сирота, - заметила Тесс. - Так же как Джессамина. Но Уилл не считает нас ровней.

- Нет. Не считает... - Джем отвел взгляд, как будто чего-то не договаривал.

- Не понимаю его, - вздохнула Тесс. - Он может быть очень славным, но потом уже в следующее мгновение превращается в настоящее чудовище. Не могу понять, добр он или жесток, любит меня или ненавидит...

- А это имеет значение? - приподнял брови Джем. - Тебе нужно получить ответы на эти вопросы, чтобы принять решение?

- Тогда вечером, в твоей комнате... Он вошел и сказал, что пил всю ночь, но позже, когда ты... он протрезвел в один миг, - продолжала Тесс. - Я знаю, как выглядят люди в подпитии, потому что не раз видела в таком состоянии

своего брата. Я знаю, что нельзя протрезветь в один миг. Даже моя тетя, выливая ведро холодной воды на голову Натаниэля, не могла привести его в чувство, если он был по-настоящему пьян. Зачем же он тогда притворялся, зачем говорил, будто пьян, хотя на самом деле был трезв как стеклышко?

Джем вздохнул:

- И это ты считаешь главной загадкой Уилла Херондэйла? Знаешь, я тоже не раз задавался подобным вопросом. Как можно пить столько, сколько пьет Уилл - по его собственным словам, конечно, - и до сих пор оставаться в живых? И знаешь, однажды ночью я проследил за ним.

- Ты проследил за ним?

Джем криво усмехнулся:

- Да. Уилл тогда немного поругался с Шарлоттой и ушел, громко хлопнув дверь. Перед этим он заявил, что имеет право на развлечения. Но если бы я тогда знал, куда мы на самом деле пойдём, я бы надел ботинки попрочнее. всю ночь Уилл бродил по городу, от собора Святого Павла до Спитлфидза[90], а потом и до главной улицы Уайтчепела[91]. Он спустился к реке и блуждал в доках. И все это время он с кем-то говорил. Должно быть, с блуждающим духом. Он словно преследовал какого-то призрака. Следующим утром он потчевал нас очередным рассказом о своих немислимых ночных приключениях, а я так ничего ему и не сказал. Если он лжет, то, должно быть, имеет на то вескую причину.

- Он лжет тебе, и все же ты доверяешь ему?

- Да, - согласился Джем. - Я доверяю ему.

- Но...

- Он лжет не так, как это делают заядлые обманщики. Он никогда не старается обелить себя, выставить в лучшем свете. Напротив, говорит о себе как о законченном мерзавце.

- Он рассказывал тебе, что случилось с его родителями? Говорил ли он тогда правду или лгал?

- Думаю, в его словах была и правда и ложь, - ответил Джем после долгой паузы. - Я знаю, что его отец покинул нефилимов, и это случилось еще до того, как родился Уилл. Он влюбился в мирскую девушку, и, когда Совет отказался сделать ее сумеречным охотником, он оставил Анклав и сбежал с ней в отдаленные районы Уэльса. Они полагали, что там их не найдут. Анклав был в ярости.

- Так мать Уилла была миряночкой? Это значит, что он нефилим лишь наполовину?

- Кровь нефилимов всегда будет сильнее крови людей, - объяснил Джем, - так что Уилл самый настоящий сумеречный охотник. Однако я хочу, чтобы ты знала. Отступникам приходится очень тяжело. Все, кто оставляет Анклав, должны следовать трем правилам. Во-первых, им запрещено общаться с

сумеречными охотниками, даже с родными. Эти люди должны раз и навсегда забыть о своей семье. Они не могут с ними даже словом перемолвиться. Во-вторых, они не могут призывать на помощь Анклав, какая бы серьезная опасность им ни угрожала. И в-третьих...

- И что же в-третьих?

- Даже если вы оставили Анклав, - продолжал Джем, - ваши дети принадлежат ему.

Волна дрожи пробежала по телу Тесс. Джем все еще смотрел на реку, как будто пытался разглядеть что-то важное на ее угольно-черной поверхности.

- Каждые шесть лет - пока человеку не исполнится восемнадцать - представитель находит семейство отступника и спрашивает ребенка, не хотел бы он присоединиться к нефилимам. Естественно, что согласие автоматически подразумевает полный разрыв с семьей.

- Не могу вообразить себе ничего подобного, - пробормотала потрясенная Тесс. - Неужели человек совсем не может общаться с членами своей семьи? Неужели не может от них получить даже маленькой весточки?

Джем вместо ответа лишь низко опустил голову.

- И Уилл согласился? Он по собственному желанию присоединился к сумеречным охотникам?

- Он отказался. Дважды. Но потом - Уиллу тогда, должно быть, было лет двенадцать - однажды в двери Академии постучали. Шарлотта, которой на тот момент уже исполнилось восемнадцать, пошла отворять. На пороге стоял Уилл. Она рассказывала мне, что мальчик выглядел жалко: худой, весь в ссадинах и грязи, словно спал в придорожных канавах. Он сказал: «Я сумеречный охотник, я один из вас. Вы должны впустить меня. Больше мне некуда идти».

- Он так и сказал? «Больше мне некуда идти»?

Джем колебался.

- Видишь ли, все это я тебе рассказываю со слов Шарлотты. Уилл никогда не говорил об этом эпизоде своей жизни. Но Шарлотта уверяла меня, что все это правда.

- Не понимаю. Его родители... Они мертвы, не так ли? Иначе они бы искали его.

- Они так и сделали, - спокойно продолжал Джем. - Через несколько недель после появления Уилла в Академии за ним приехали его родители. Они стучали в ворота и звали Уилла. Уилл тогда был всего лишь ребенком, и Шарлотта решила нарушить правила. Она пошла к нему и спросила, хочет ли он видеть родителей, но вместо ответа он залез под кровать и зажал уши руками. Он отказывался выходить и не желал даже слышать о родителях. Думаю, Шарлотта в конце концов спустилась вниз и все им объяснила. Или же они, отчаявшись добиться встречи с сыном, уехали сами.

- Как такое возможно?! Их ребенок находился в Академии. Они имели право...

- Они не имели никакого права. - Джем говорил мягко, но Тесс казалось, что сейчас перед ней стоит совершенно незнакомый ей человек. - Уилл хотел стать сумеречным охотником. Как только он сделал выбор, родители больше не имели на него никаких прав. Анклав мог выгнать их враз, и никто бы им и слова не сказал.

- И ты никогда не спрашивал, почему он так поступил?

- Если бы он хотел, чтобы я знал, он сам бы мне рассказал, - объяснил Джем. - Ты спросила - почему он относится ко мне лучше, чем к другим? Думаю, потому, что я никогда не спрашиваю его, почему он ко мне так относится. - Джем криво улыбнулся.

На свежем воздухе его щеки слегка порозовели, глаза сверкали. Их руки лежали рядом на парапете. В какой-то миг Тесс, смутившись, подумала, что он вот-вот положит свою руку поверх ее, но, подняв на него взгляд, поняла, что мыслями он находится где-то очень далеко.

Неожиданно Джем нахмурился:

- Поздновато для прогулки, не так ли?

Проследив за его пристальным взглядом, она увидела двоих - мужчина и женщина шли по мосту в их сторону. На голове у мужчины была фетровая шляпа, какие обычно носят рабочие, на плечи он накинул темное пальто из грубой шерсти. Женщина держала своего спутника под руку и шла, низко наклонив голову, так, что лица ее не было видно.

- Они, вероятно, думают то же о нас, - сказала Тесс и посмотрела прямо в глаза Дjemu. - И ты... ты тоже живешь в Академии, потому что тебе некуда идти? Почему ты не остался в Шанхае?

- Мои родители управляли местной Академией, - после секундного молчания ответил Джем, - и были убиты демоном Янью. - Его голос звучал очень печально. - После их гибели все решили, что мне следует как можно скорее оставить страну, ведь демон и его слуги могли устроить на меня охоту.

- Но почему ты приехал сюда, почему в Англию?

- Мой отец был британцем. Я говорю по-английски. Это казалось разумным. - Джем, как всегда, говорил спокойно, но Тесс чувствовала, насколько он внутренне напряжен. - Мои наставники полагали, что здесь мне будет хорошо. Почти как дома...

На противоположной стороне моста парочка остановилась у парапета. Казалось, мужчина рассказывал что-то о конструкции моста, указывая то на одну его деталь, то на другую, а женщина кивала ему.

- И ты чувствуешь себя здесь как дома?

- Не совсем, - покачал головой Джем. - Первое, что я понял, попав сюда: мой отец никогда не был настоящим англичанином. Настоящие англичане, во-первых, британцы, а во-вторых, джентльмены. И это независимо от того, кто они и в какой семье родились. Они могут быть докторами, чиновниками или землевладельцами - не важно. Но все они прежде всего считают себя уроженцами Британии. Для нас же, сумеречных охотников, важно в первую очередь то, что мы нефилимы. А где мы родились и где живем - вопрос десятый. Когда другой нефилим смотрит на меня, он видит лишь сумеречного охотника, и никого больше. Миряне же видят во мне разных людей: молодого человека, иностранца, странного типа...

- Одна твоя половина принадлежит этому миру, вторая - иному, - пробормотала Тесс. - Совсем как у меня. Но ты-то знаешь, что ты человек.

Выражение лица Джема смягчилось.

- Как и ты. Ты тоже человек.

Тесс почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и подняла голову, стараясь не заплакать. Она увидела, что луна скрылась за облаком, и то засияло, словно огромная жемчужина неправильной формы.

- Полагаю, нам пора возвращаться. В Академии могут начать волноваться.

Джем потянулся, чтобы взять Тесс под руку, - и застыл. Пара, которую Джем заметил несколькими минутами раньше, внезапно оказалась перед ними, закрывая им дорогу. Насколько же стремительно они должны были двигаться, чтобы буквально за мгновение добраться до противоположного конца моста. Лицо женщины скрывала широкополая шляпа, мужчина высоко поднял воротник и надвинул свою шляпу на глаза.

Тесс чуть не охнула от того, как сильно Джем сжал ее руку, но когда он заговорил, его голос оставался совершенно спокойным:

- Добрый вечер. Мы можем вам чем-то помочь?

Странная парочка хранила молчание и лишь сделала шаг вперед. Юбки женщины зашелестели на ветру. Тесс огляделась, но больше никого на мосту не было, впрочем, как и на набережных по обе стороны реки. Лондон, казалось, в этот час был населен лишь призрачными тенями.

- Простите, - продолжал Джем. - Был бы признателен, если бы вы позволили нам пройти.

Он шагнул вперед, и Тесс последовала за ним. Теперь они стояли на расстоянии вытянутой руки от безмолвной пары. И тут луна вышла из-за туч, и ее желтоватые холодные лучи осветили лицо мужчины. Тесс не могла его не узнать.

Спутанные волосы, широкий сломанный нос, скошенный подбородок и глаза навывкате, такие же, как у стоявшей рядом с ним женщины с мертвым взглядом... Тесс очень хорошо помнила этот взгляд, потому что Миранда смотрела так всегда.

- Но вы мертвы! Уилл убил вас. Я видела ваше тело, - прошептала Тесс. - А вы? Вы же тот самый кучер! Джем, он служил Темным сестрам.

Кучер тоненько захихикал. Слышать такие звуки от столь грузного мужчины было по-настоящему жутко.

- Я служу Магистру, - объявил он. - Пока Темные сестры служили ему, я служил им. Теперь я вновь вернулся к Магистру.

Голос извозчика отличался от того, который Тесс слышала ранее. Теперь он был тоньше, выше и звучал... зловеще. Но на Джема происходящее, казалось, не произвело ровным счетом никакого впечатления, он все так же спокойно стоял подле Тесс и рассматривал странную парочку.

- Кто вы такие? - спросил он. - Почему преследуете нас?

- Магистр приказал нам следовать за вами, - объяснил кучер. - Вы нефилемы. Вы разрушили его дом, убили его людей - детей ночи. Мы здесь для того, чтобы объявить вам войну. И еще мы тут из-за девушки. - Он перевел взгляд на Тесс. - Она собственность Магистра, и он ее получит.

- Магистр... - протянул Джем, и его глаза опасно сверкнули в лунном свете. - Вы говорите о де Куинси?

- Не имеет значения, как вы его называете. Он Магистр - и все. Он велел нам доставить сообщение. Мы должны сказать вам лишь одно слово: «Война».

Джем с такой силой сжал набалдашник трости, что его пальцы побелели.

- Вы служите де Куинси, но вы не вампиры. Кто вы такие?

Женщина, стоящая рядом с кучером, издала странный свистящий звук, похожий на свисток поезда.

- Остерегайтесь, нефилемы. Вы убиваете других, а значит, и сами будете убиты. Ваш ангел не сможет защитить вас от того, над кем не властен ни Бог, ни Дьявол.

Тесс начала было поворачиваться к Джему, но он уже сорвался с места. Молниеносным движением он выбросил вперед руку, сжимавшую трость. Последовала вспышка. В его руке сиял острый как бритва, мерцающий клинок, все это время прятавшийся в трости. Одним движением Джем рассек грудь извозчика. Тот качнулся назад, из его горла вырвался хриплый треск, глаза удивленно распахнулись.

Тесс затаила дыхание. Рубашка извозчика была разрезана чуть ли не напополам, однако не было ни пятен крови, ни следов плоти. В прорехе лишь сверкал металл.

Джем убрал клинок и несколько раз глубоко вдохнул, восстанавливая дыхание, а потом произнес со смесью удовлетворения и облегчения:

- Я так и знал...

Кучер зарычал. Из кармана пальто он выхватил длинный зазубренный нож, каким мясники рубят кости, в то время как женщина, словно очнувшись, шагнула к Тесс, протянув к ней руки без перчаток. Ее движения были судорожные, неровные, но очень, очень быстрые, намного быстрее, чем Тесс могла бы представить. Женщина подалась вперед. Невыразительное лицо, полуоткрытый рот... Что-то металлическое блеснуло в глубине ее глотки.

Тесс отступила и ударилась спиной о парапет. Она бросила быстрый взгляд на Джема, но на него наступал кучер, и юноше было не до нее. Джем вновь ударил нападавшего клинком, но тот остановился лишь на секунду. Пальто извозчика и рубашка теперь были разрезаны в нескольких местах, и под ними ясно виднелся металлический каркас.

Женщина попыталась схватить Тесс, но та в последний момент метнулась в сторону, и ее преследовательница, неуклюже двигаясь, врезалась в парапет. Но боли она не почувствовала. Приняв вертикальное положение, она повернулась и снова попыталась схватить Тесс. Однако удар, казалось, повредил ее левую руку, которая теперь плетью висела вдоль тела. Женщина потянулась к Тесс правой рукой и сумела-таки схватить девушку за запястье. Захват механической женщины был таким сильным, что Тесс вскрикнула от пронзившей ее руку боли. Механические пальцы сжимались все сильнее и сильнее, впивались в нежную кожу, чуть ли не ломали кости. Тесс что есть мочи впилась ногтями в схватившую ее руку и принялась отчаянно ее царапать. Кожа соскользнула с руки нападавшей, словно кожура с перезрелого фрукта, и ногти Тесс заскребли по металлу. Звук был настолько неприятным, что Тесс невольно поежилась.

Она пробовала выдернуть руку, но добилась лишь того, что женщина схватила ее крепче и подобралась ближе. Из ее горла вылетал какой-то странный треск, перемежаемый клокочущими звуками. Сейчас она напоминала Тесс отвратительное гигантское насекомое. В отчаянной попытке освободиться Тесс подняла было ногу, собираясь пнуть нападавшую..

И тут неожиданно раздался лязг, так металл ударяется о металл. Клинок Джема, сверкнув, соскользнул вниз с грудной пластины кучера и отсек женщине правую руку чуть ниже локтя. Тесс, которую теперь никто не держал, упала на спину. Пальцы металлической руки разжались, и она с грохотом свалилась на мостовую. Женщина резко обернулась к Джиму. Вжик-кляк, вжик-кляк... Джем шагнул вперед, ударил женщину тростью, заставив отступить на шаг, а потом ударил еще раз, и еще, пока она не стукнулась спиной о перила моста, причем так сильно, что перевалилась через них. Падая, она не издала ни звука и, достигнув поверхности реки сразу же ушла под воду. Тесс подскочила к перилам как раз вовремя, чтобы увидеть, как та исчезает в глубинах Темзы. Вода сомкнулась над ней с тихим плеском.

Тесс обернулась. Джем, тяжело дыша, сжимал в руке трость. Из глубокого пореза на его лице бежала кровь, но в остальном он, казалось, не пострадал. Сейчас он пристально следил за массивной фигурой, скорчившейся на земле у его ног. Было видно, что в любой момент он готов нанести очередной удар. Кучер слабо шевелился и время от времени подергивался всем телом; между лентами порванной одежды сверкал металл. Его голова была отсечена, и темное маслянистое вещество из обрубка шеи капало на землю.

Потянувшись, Джем откинул назад растрепавшиеся волосы и измазал щеку кровью. Тесс нерешительно дотронулась до его дрожащей руки:

– С тобой все в порядке?

Джем едва заметно улыбнулся:

– Я должен спросить об этом тебя. – Голос его тоже слегка дрожал. – Эти механические твари, они меня нервируют. Они... – Тут он прервался, глядя куда-то мимо нее.

С южного конца моста в их сторону неровными длинными прыжками несло по крайней мере полдюжины механических существ. Приближались они стремительно, так как за это время преодолели уже около трети разделяющего их расстояния.

С резким щелчком клинок исчез в трости. Сумеречный охотник схватил Тесс за руку и, задыхаясь, приказал:

– Побежали.

И они побежали. Тесс, что есть силы сжимающая руку Джема, оглянулась лишь раз. Люди-автоматы находились уже на середине моста и приближались к ним, набирая скорость. Это были одни мужчины. Тесс видела, что одеты они в такие же темные шерстяные пальто и фетровые шляпы, что и кучер. Их лица сверкали в лунном свете.

Джем и Тесс наконец добрались до лестницы в конце моста. Все то время, что они мчались вниз, юноша продолжал крепко сжимать ее руку. В какой-то миг ее туфли заскользили на влажном камне, и непременно Тесс рухнула бы вниз, если бы Джем не удержал ее. В это мгновение его трость тяжело опустилась ей на спину, и Тесс не смогла удержаться и вскрикнула от боли. Она чувствовала, как тяжело дышит, словно задыхается, Джем. Но разве такое возможно? Ведь он сумеречный охотник. Она читала в Кодексе, что сумеречные охотники могут с легкостью пробежать значительное расстояние. Джем чуть отстранился, и Тесс увидела, что его лицо напряженно, словно он страдает от сильной боли. Она хотела спросить, не ранен ли он, но на это не оставалось времени – по лестнице, ведущей вниз, уже загрохотали шаги преследователей. Не сказав ни слова, Джем вновь схватил ее за руку и потянул за собой.

Они миновали Эмбанкмент[92], купающуюся в свете газовых ламп, откуда Джем нырнул в узкий переулок. Тот вел прочь от реки. Воздух здесь был сырым и затхлым, бульжники покрыты грязью. Сушившееся на веревках белье раскачивалось на ветру, и казалось, что у них над головой парят призраки. Тесс уже стерла ноги в кровь своими новыми модными туфельками, ее сердце трепетало в груди, но останавливаться было нельзя. Она слышала топот преследовавших их существ, слышала щелчки, раздававшиеся каждый раз, как автоматы переставляли ноги, – шум был все ближе и ближе.

Переулок вывел их на широкую улицу. Перед ними возвышалось здание Академии! Они стрелой промчались во двор, и Джем выпустил руку Тесс, чтобы захлопнуть и запереть ворота. Механические люди достигли цели, когда задвижки уже скользнули на свои места. Они врезались в ворота

подобно заводным игрушкам, не способным остановиться по своему желанию, раздавался оглушительный лязг.

Тесс стояла на месте, словно громом пораженная, не в силах отвести взгляда от разворачивающейся перед ней жуткой картины. Механические существа навалились на створки. Они просовывали руки между прутьями в тщетной попытке дотянуться до добычи. Тесс огляделась. Джем стоял рядом с ней. Он был белым как бумага и одной рукой держался за бок. Девушка протянула было ему руку, но он отстранился.

– Тесс. – Голос его звучал глухо. – Зайди в Академию. Ты должна зайти внутрь.

– Ты ранен? Джем, ты ранен?

– Нет. – Его голос звучал совсем тихо.

Скрежет у ворот заставил Тесс повернуться. Один из механических людей просунул руку между прутьями и теперь тянул за железную цепь, которая держала замок. Зачарованно следя за происходящим, девушка видела, как он потянул на себя цепь с такой силой, что кожа сошла с его пальцев. В свете фонарей заблестели хорошо смазанные шарниры. Очевидно, механические люди обладали колоссальной силой, и ворота долго не выдержат.

Тесс схватила Джима за руку. Даже через одежду чувствовалась, какой горячей была его кожа.

– Пошли.

Глухо застонав, он позволил девушке довести себя до дверей Академии. Однако, начав подниматься по ступеням, он закачался и тяжело навалился на Тесс. Дыхание с шумом вырывалось у него из груди. Медленно, очень медленно они принялись взбираться вверх по лестнице. И почти в тот момент, как они достигли крыльца, Джем выскользнул из ее рук. Опустившегося на колени юношу душил кашель, по телу его пробегали судороги.

Ворота резко распахнулись. Механические существа хлынули во двор. Впереди бежал автомат, разорвавший цель. Его металлические руки с ошметками кожи сверкали в лунном свете.

Тесс вспомнила слова Уилла: только тот, в ком течет кровь сумеречных охотников, может открыть двери Академии. Она потянулась к колокольчику, дернула изо всех сил, но не услышала никакого звука. В отчаянии девушка повернулась к Джиму, все еще стоявшему на коленях на крыльце:

– Джем! Джем, пожалуйста, ты должен открыть дверь...

Он поднял голову. Его широко распахнутые глаза были белыми, словно кусочки мрамора. Тесс увидела, как в них отражается луна.

– Джем!

Он попробовал подняться, но ноги его подкосились, и он резко опустился назад. Ниточка крови протянулась из уголка рта. Трость выпала из руки Джема к ногам Тесс. Существа добрались до крыльца и, немного кренясь, полезли вверх. Тесс бросилась к дверям Академии, колотя кулаками о дубовые створки. Она слышала гулкий грохот ударов, отзывающихся эхом с другой стороны, и отчаяние заполняло ее сердце. Академия была огромной, а времени не было.

Она поняла, что все кончено. Повернувшись назад, она с ужасом увидела, что мерзкий автомат с ободранными руками уже добрался до Джема. Его металлические руки сдавили шею юноши.

С криком Тесс схватила трость Джема и принялась размахивать ею перед собой.

– Уйдите от него! Уйдите! – кричала она.

Существо выпрямилось, и в лунном свете Тесс впервые хорошо разглядела его лицо. Оно было гладким, невыразительным, безносым; на тех местах, где у людей располагаются глаза и рот, лишь небольшие углубления. Автомат оставил Джема в покое и поднял руки. Теперь их покрывали темные пятна крови. Сам Джем лежал без движения, а под ним расползалась черная лужа крови. Тесс в ужасе наблюдала за тем, как механический человек, шевеля окровавленными пальцами, повернулся и спрыгнул со ступеней, похожий на гигантского паука. Он промчался через ворота и исчез в ночи.

Тесс двинулась к Джему, но другие автоматы, стремительно перемещаясь, загородили ей дорогу. Они все были такими же безликими, как и тот, что убежал, – набор оловянных солдатиков. Было такое ощущение, что у создателя их не хватило времени на то, чтобы закончить лица.

С шелканьем пара металлических рук потянулась к ней, и Тесс, ударив тростью почти вслепую, попала механическому человеку по голове. Удар был такой силы, что трость с глухим треском отскочила, а сама девушка пошатнулась. Автомат качнулся, но тут же выпрямился, удержав равновесие. Его голова встала на место, крутанувшись с невероятной скоростью. Тесс ударила снова. В этот раз трость хлопнула его по плечу; нападающий снова покачнулся, но руки других механических людей, вытянувшись вперед, схватили трость и выдернули ее с такой силой, что у Тесс с ладоней сошла кожа. Девушка невольно вспомнила наделенную нечеловеческой силой Миранду, когда один из автоматов с легкостью сломал трость о колено.

Посыпались щепки, Тесс повернулась, но бежать было некуда, и металлические руки схватили ее за плечи, дернули назад. Тесс боролась, пытаясь освободиться...

И тут двери Академии распахнулись. Хлынувший из них свет на мгновение ослепил Тесс, и она увидела лишь темные фигуры, стоящие на пороге. Что-то просвистело над ее головой, задев щеку. Послышался скрежет металла, а потом руки заводного существа разжались, и Тесс, задыхаясь, упала вперед.

Девушка дико озиралась по сторонам. Над ней стояла Шарлотта. Ее всегда усталое лицо сейчас было белым как мел. В руке она сжимала острый металлический диск. Другой диск торчал из груди механического человека,

который держал ее секунду назад. Человек крутился вокруг своей оси и стибался, словно сломанная игрушка. Синие искры летели из глубокой раны на шее.

Вокруг него, хромая, собрались остальные механические существа. Сумеречные охотники окружили их. Взмахнув клинком серафима, Генри рассек грудь одного из автоматов, тот качнулся, упал на крыльцо и задергался. Уилл, стоящий бок о бок с Генри, держал в руках какое-то жуткое оружие, отдаленно похожее на косу. Один взмах – и другой автомат развалился на части, брызнул фонтан синих искр. Шарлотта, метнувшись по ступеням вниз, бросила второй диск. Раздался отвратительный лязг, и голова очередного автомата расколосась напополам; машина, которую теперь заливало черное масло, рухнула на землю.

Уцелевшим существам, кажется, хватило смекалки оценить ситуацию, и они что есть мочи помчались к воротам. Шарлотта и Генри бросились в погоню, но Уилл за ними не последовал. Опустив свое оружие, он в три прыжка взлетел на крыльцо.

– Что случилось?! – крикнул он, обращаясь к Тесс. Но девушка была слишком напугана, чтобы ответить. В голосе Уилла теперь слышалась паника: – Ты ранена?! Где Джем?!

– Я не ранена, – прошептала Тесс. – Но Джем.. он упал. Там.. – И она указала туда, где около двери в тени лежал юноша.

Лицо Уилла враз потеряло всякое выражение, словно кто-то провел тряпкой по исписанной мелом доске. Не глядя на Тесс, он развернулся и склонился над другом, что-то тихо ему нашептывая. Когда Джем не ответил, Уилл приподнял его голову и закричал, прося помощи у Томаса. Потом он кричал что-то еще, возможно, даже кричал на нее, но Тесс не могла больше разобрать ни слова, так как к горлу подступил комок, а голову сдавил стальной обруч. Перед глазами у нее все плыло. Если бы она не разозлилась, если бы не убежала, если бы не вынудила Джема последовать за ней...

Свет померк – в дверном проеме возвышался гигант Томас, взъерошенный и очень серьезный. Он без лишних слов встал на колени рядом с Уиллом, и вместе они подняли Джема. Раненый юноша не мог держаться на ногах, поэтому его буквально приходилось нести на руках. Ноги его беспомощно волочились по полу. Уилл и Томас поспешили внутрь, так ни разу и не оглянувшись.

Ошеломленная Тесс посмотрела во двор. Что-то здесь неуловимо изменилось. Возможно, всему виной была внезапно наступившая тишина, и это после грохота и лязга битвы. Поверженные автоматы лежали на земле, по которой растекалось машинное масло. Ворота были распахнуты настезь.

Желтый лик луны казался далеким и равнодушным: она одинаково ярко освещала поле боя и безлюдный лондонский мост, на котором Джем сказал, что Тесс такой же человек, как и все.

Глава пятнадцатая

Иностранная грязь

Любовь – цветок.

Жизнь, словно пламя.

Смерть – бремя.

Разный всем итог[93].

Алджернон Чарльз Суинберн «Lam Veneris»

– Мисс Грей? – Тесс повернулась и увидела застывшую в дверях Софи, фонарь слабо покачивался в ее руке. – С вами все в порядке?

Тесс и не думала, что когда-нибудь так сильно обрадуется, увидев горничную. Но сейчас ей было отчаянно одиноко, и она была бы рада любой компании, что уж говорить о Софи, которая всегда ей казалась весьма милой.

– Со мной все в порядке, я не ранена. Генри погнался за механическими людьми, а Шарлотта...

– С ними все будет в порядке. – Софи взяла Тесс за руку, чуть выше локтя. – Ну давайте заходите в дом, мисс. У вас идет кровь.

– У меня? – Озадаченная Тесс поднесла пальцы ко лбу, они оказались выпачканы чем-то красным. – Я, наверно, ударилась головой, когда упала на лестнице. Надо же, а ведь я даже не почувствовала...

– Удар, – помогла ей Софи, когда та не смогла закончить фразу.

Тесс подумала: сколько же раз за время своей работы в Академии Софи перевязывала раны и смывала кровь?

– Пойдемте, я помогу вам привести себя в порядок.

Тесс кивнула. Последний раз взглянув через плечо на усеянный механическими телами двор, она позволила Софи увести себя в дом. Потом события сменялись как в калейдоскопе – во всяком случае, так казалось Тесс. Софи помогла ей подняться наверх, усадила в кресло в гостиной,

после чего ненадолго удалилась, а когда возвратилась обратно, то рядом с ней шла Агата. Кухарка принесла с собой кубок с каким-то резко пахнущим, обжигающим напитком, который Тесс машинально пригубила.

В какой-то момент Тесс поняла, что это бренди с водой. А потом она подумала о Нате и, вконец разволновавшись, в несколько глотков допила бренди. У нее тут же все поплыло перед глазами, в голове зашумело. Вернулись Шарлотта и Генри, и комната тут же наполнилась запахом машинного масла и... почему-то крови. Поджав губы, Шарлотта разложила оружие на столе и велела позвать Уилла. Он не пришел, а вместо него поспешно явился Томас. Одежда его была вся перепачкана кровью. Он-то сообщил Шарлотте, что с Джемом все будет хорошо и сейчас за ним присматривает Уилл.

– Эти создания серьезно ранили его, и он потерял много крови, – сказал Томас, неловко приглаживая свои спутанные каштановые волосы и бросая немного растерянные взгляды на Софи. – Но Уилл даст ему лекарство...

– Его лекарство? – быстро спросила Софи. – У Уилла оно есть?

Томас кивнул, и Софи чуть расслабилась. Пристальный взгляд Шарлотты тоже смягчился.

– Спасибо, Томас, – поблагодарила она. – Может быть, ты тоже немного побудешь с Джемом. Вдруг ему что-нибудь понадобится?

Томас кивнул и вышел в коридор, бросив через плечо печальный взгляд на Софи, которая, казалось, его вовсе перестала замечать.

Шарлотта опустилась на оттоманку напротив Тесс:

– Тесс, можешь рассказать, что случилось?

Агата приготовила для нее горячий чай, и теперь Тесс сидела, сжимая чашку дрожащими руками. Ее пальцы были ледяными, хотя щеки отчаянно горели. Девушка так глубоко погрузилась в свои мысли, что вздрогнула, услышав голос Шарлотты.

– Вы поймали тех, кто сбежал? Они... да неважно, кто они. Вы поймали этих монстров?

Шарлотта покачала головой, выражение лица ее было очень серьезное.

– Мы преследовали их до самого Хангерфордского моста [94], но там им удалось оторваться. Они попросту исчезли. Генри думает, что они использовали волшебство.

– Возможно, там есть секретный туннель. – Генри неслышно вошел в комнату и встал рядом с женой. Его всегда такое милое, доброе лицо сейчас были испачкано кровью и маслом, а яркий полосатый жилет порван в нескольких местах. Он напоминал школьника, родители которого едва сводили концы с концами. – Ты видела, как они появились на мосту, Тесс?

- Нет, - ответила девушка, и голос ее звучал так тихо, что Шарлотта с Генри скорее прочитали слово по губам, чем услышали его. Чтобы прочистить горло, она сделала еще один глоток чая, медленно поставила чашку на столик...

И тут на нее навалились воспоминания о случившемся: мост, кучер, погоня, слова, сказанные человеком-машиной, распахнутые ворота Академии... Тесс заговорила, и говорила не переставая до тех пор, пока не выдохлась. Шарлотта внимательно слушала, ни разу ее не перебив. После ее рассказа даже всегда спокойный и рассеянный Генри помрачнел. Софи все это время сидела на стуле, выпрямив спину, сложив руки на коленях, и всем своим видом очень напоминала послушную школьницу.

- Они сказали, что объявляют вам войну, - закончила Тесс. - Скорее всего, они явились, чтобы отомстить нам.. вам.. отомстить за то, что случилось с де Куинси.

- И существо назвало его Магистром? - спросила Шарлотта.

Тесс сжала губы, пытаясь справиться с охватившей ее дрожью, подождала немного и только потом заговорила:

- Да. Он сказал, что Магистр хочет получить меня назад и именно за этим он их и послал. Шарлотта, во всем случившемся виновата только я, и никто больше. Если бы не я, де Куинси не натравил бы на вас этих ужасных существ, и Джем... - Она опустила взгляд на свои руки. - Возможно, вы должны позволить ему забрать меня.

Шарлотта покачала головой:

- Тесс, ты слышала, что де Куинси говорил вчера вечером. Он ненавидит сумеречных охотников. Он стал бы сражаться с Анклавом в любом случае, это был лишь вопрос времени. Ты можешь стать потенциально опасным оружием, и мы не имеем права отдавать тебя де Куинси. Думаю, лишним будет говорить о том, что мы не стали бы этого делать в любом случае... - Она бросила быстрый взгляд на Генри. - Интересно, почему он ждал именно этого момента? Почему не пытался схватить Тесс, когда она вышла на прогулку с Джесси? В отличие от демонов, эти механические существа могут разгуливать по городу днем.

- Чисто теоретически они могут, - согласился Генри, - но практически стоит только такому автомату показаться на улице, как поднимется паника. Они не так уж и похожи на обычных людей, а миряне все-таки не дураки, они быстро почувствуют неладное. - Он вынул из кармана какой-то сверкающий механизм и продемонстрировал его дамам. - Я позволил себе бегло осмотреть сломанные автоматы. Они не похожи на те, что мы видели раньше. Более сложные механизмы, сделанные из более крепких материалов. Кто-то постоянно совершенствует машины. К тому же, если помните, мы нашли в доме де Куинси несколько разных чертежей. Некоторые из них были очень сложными. Существа эти стали быстрее и сильнее.

- На том пергаменте, что нашел Уилл, были какие-то заклятия, - быстро вставила Тесс. - Магнус попытался их расшифровать...

- Связующие чары. Используются в тех случаях, когда надо привязать демоническую энергию к предмету. - Шарлотта взглянула на Генри: - Выходит, все-таки де Куинси...

- Преуспел в своем деле? - Генри покачал головой. - Нет. Те существа лишь похожи на людей. Не станешь же ты, дорогая, сравнивать музыкальную шкатулку с оркестром. Да, у них есть руки и ноги, они могут говорить и двигаться, но они не живые. Они не имеют ни интеллекта, ни желаний. В них нет биения жизни. И в них нет ничего демонического.

Шарлотта вздохнула с облегчением.

- Мы должны найти де Куинси прежде, чем он добьется поставленных целей. Этим существам трудно убить. Только Всевышний знает, сколько уже автоматов удалось собрать де Куинси и насколько совершенными он их сделал. Будет ужасно, если механические люди рано или поздно станут такими же хитрыми, как демоны.

- Армия, не порожденная ни Небесами, ни Адам, - тихо пробормотала Тесс.

- Точно, - согласился Генри. - Нужно найти и остановить де Куинси. А пока, Тесс, ты не должна выходить за пределы Академии. Нет, мы не хотим держать тебя взаперти, но сама посуди, насколько безопаснее для тебя будет не выходить на улицу.

- И как долго... - начала было Тесс и замолчала, заметив, как изменилось выражение лица Софи. Горничная широко распахнутыми глазами неотрывно смотрела на что-то за спиной девушки. Тесс обернулась.

В дверях стоял Уилл. Его белая рубашка была измазана кровью, словно красной краской. Его бледное лицо ничего не выражало, и темно-синие глаза опасно сверкали. Когда их взгляды встретились, Тесс почувствовала, как по телу пробежала дрожь.

- Он хочет поговорить с тобой, - наконец выдал Уилл.

На мгновение наступила тишина, все присутствующие повернулись в сторону девушки и теперь внимательно смотрели на нее. Во взгляде Уилла таилась неприкрытая угроза. «Он похож на бомбу, которая вот-вот взорвется», - подумала Тесс. Софи охнула и прижала руку к груди, ее пальцы нервно подрагивали.

- Уилл, ты имеешь в виду Джема? - наконец заговорила Шарлотта. - С ним все в порядке?

- Он очнулся и может говорить, - ответил Уилл; его пристальный взгляд быстро скользнул по Софи, которая тут же отвернулась, словно стараясь скрыть выражение своего лица. - И теперь он хочет говорить с Тесс.

- Но... - Тесс посмотрела на Шарлотту, которая казалась обеспокоенной. - С ним все в порядке? Он хорошо себя чувствует?

Выражение лица Уилла не изменилось.

– Он хочет поговорить с тобой, – повторил он, очень четко выговаривая каждое слово. – Так что ты сейчас встанешь, пойдешь со мной и поговоришь с ним. Понятно?

– Уилл... – резко начала Шарлотта, но Тесс уже поднялась и расправила мятые юбки. Шарлотта с беспокойством посмотрела на нее, но больше ничего не сказала.

Уилл молчал, пока они шли по коридору, их причудливые, искаженные тени бежали следом за ними по стенам. Теперь Тесс ясно видела, что кровью и машинным маслом испачкана не только рубашка Уилла, но и его руки и лицо. Волосы Уилла были спутаны, а челюсти – крепко сжаты. «Интересно, – подумала она, – спал ли он сегодня вообще?» Тесс хотела уже было спросить его об этом, но удержалась в последний момент. Сейчас все в юноше, казалось, кричало: не трогайте меня, не подходите ко мне, не говорите со мной!

Наконец они добрались до спальни Джема, и Уилл толкнул дверь, пропуская Тесс вперед. Единственными источниками света здесь были окно, за которым царил глухая ночь, и крошечный камешек колдовского света на ночном столике. Джем, наполовину накрытый одеялом, лежал на высокой резной кровати. Он был таким же белым, как и его ночная рубашка; веки его посинели. К стене у кровати была прислонена его трость с набалдашником в виде головы дракона – целая и невредимая.

Звук, похоже, потревожил юношу, потому что он повернул голову к двери и, не открывая глаз, прошептал:

– Уилл?

В следующую секунду Уилл сделал то, что поразило Тесс до глубины души. Он широко улыбнулся и весело сказал:

– Я привел ее, как ты и просил.

Глаза Джема открылись; Тесс с облегчением увидела, что они снова стали такими, как прежде. Однако в остальном юноша выглядел неважно.

– Тесс, мне так жаль... – пробормотал он.

Тесс, не зная, как вести себя дальше, посмотрела на Уилла, ожидая указаний, но он смотрел прямо перед собой. Было совершенно ясно, что он не мог или не хотел ей помочь. Тогда Тесс решительно пересекла комнату и села на стул около кровати.

– Джем, ты не должен ни о чем сожалеть или извиняться передо мной, – начала она низким голосом. – Это я должна извиниться. Ты все сделал правильно. Механические твари охотились за мной, а не за тобой. – Она нежно погладила покрывало – хотела коснуться его руки, но не осмелилась. – Если бы не я, ты бы не пострадал.

– Ерунда, – проговорил Джем с тяжелым вздохом. – Со мной все в порядке.

– Джеймс... – Голос Уилла звучал настороженно.

- Она должна знать, Уильям. Иначе она будет думать, что это ее вина.

- Ты был болен, - сказал Уилл, не взглянув на Тесс. - Это ошибка... - Он сделал паузу. - Я только думаю, что ты должен вести себя осторожно. Ты еще слишком слаб. Разговор лишь утомит тебя.

- Я постоянно веду себя осторожно, но в жизни есть и более важные вещи. - Джем напрягся, чтобы сесть, вены на его шее вздулись. В конце концов ему все же удалось приподняться, и он с тяжелым вздохом откинулся на подушки. Когда он заговорил снова, голос его звучал с придыханием: - Если тебе, Уилл, не нравится то, что я собираюсь сделать, можешь выйти.

Тесс услышала, как дверь у нее за спиной открылась и захлопнулась с мягким щелчком. И не надо было поворачиваться, чтобы понять - Уилл вышел. Она ничего не могла поделать с собой, но каждый раз, как Уилл уходил, ее охватывала тоска, природу которой она не до конца понимала.

Джем вздохнул:

- Он такой упрямый.

- Он был прав, - сказала Тесс. - По крайней мере, ты не должен говорить мне того, чего не хочешь. Я знаю, что вышла ошибка.

- Ошибка не имеет никакого отношения к происходящему, - продолжал Джем. - Я только думаю, что ты тоже можешь знать правду. Вообще, я думаю, ее никогда не стоит скрывать, так как это все равно редко помогает... - На мгновение он взглянул в сторону двери, как будто его слова предназначались отсутствующему в комнате Уиллу. Тогда он снова вздохнул и дрожащей рукой пригладил волосы. - Ты знаешь, что большую часть жизни я провел с родителями в Шанхае? - начал он свой рассказ. - И что меня отравили в тамошнюю Академию?

- Да, - подтвердила Тесс. - Ты рассказал мне об этом на мосту. И сказал, что демон убил твоих родителей.

- Янью, - подтвердил Джем, и его голос на мгновение зазвучал резко, наполнившись ненавистью. - Этот демон ненавидел мою мать - она погубила его многочисленное потомство. Янью устроил себе гнездо рядом с небольшим городком, носившим название Лицзян. Он кормил своих отродий человеческими детьми, которых ловил на улицах городка. Моя мать сожгла гнездо и исчезла прежде, чем демон возвратился. Чтобы отомстить, Янью понадобились годы, но демоны живут вечно, так он мог позволить себе подождать. Он не простил мою мать. Когда мне исполнилось одиннадцать, Янью наконец нашел слабое место в системе защиты нашей Академии и прорыл туннель, ведущий прямо в сердце здания. Демон убил охрану и пленил моих родителей. Потом он мучил меня на их глазах, - продолжал Джем, и голос его звучал отрешенно, словно он не рассказывал печальную историю своей жизни, а беседовал о погоде на прошлой неделе. - Раз за разом он вводил мне в вены ядовитую демоническую кровь, и мое тело пылало, будто я горел в огне. Мой разум помутился. В течение двух дней я находился в мире жутких галлюцинаций. Я видел мир, по которому текли бурлящие реки крови. Я слышал крики всех людей, которые когда-либо умерли на этом свете. Я видел, как горит Лондон, а по его

улицам шагают уродливые металлические создания, похожие на огромных пауков... – Джем замолчал, пытаюсь восстановить дыхание. Он был очень бледен, его ночная рубашка пропиталась потом и прилипла к груди, но он словно не замечал беспокойства Тесс. – Каждые несколько часов я возвращался в реальность и слышал отчаянные крики своих родителей. На второй день я пришел в себя и услышал только голос матери. Мой отец к тому моменту уже замолчал навсегда. Речь матери была неразборчивой, но она все еще звала меня по имени, по тому имени, что дала мне сразу после рождения, – Жуань.

Юноша был напряжен до предела, его руки с такой силой вцепились в одеяло, что ткань расползлась под его пальцами, но он этого даже не заметил.

– Джем, ты можешь остановиться, – мягко проговорила Тесс. – Ты не должен мне это рассказывать.

– Помнишь, я как-то сказал, что Мортмэйн, вероятно, заработал деньги, занимаясь контрабандой опиума? – спросил он. – Британцы привозят в Китай опиум тоннами. Они сделали из нас нацию наркоманов. В Китае мы называем этот наркотик заморской грязью или черным дымом. Так вышло, что Шанхай, мой родной город, превратился в опиумную столицу Китая. Город этот сейчас полон притонов, где истощенные, отчаявшиеся люди с ввалившимися глазами и иссушенными телами жаждут лишь одного – получить наконец вождеденный наркотик. За дозу опиума они отдадут все на свете. Я всегда презирал таких людей. Я не мог понять, как можно быть настолько слабыми...

Джем глубоко вздохнул.

– Почти в то же самое время Шанхайский Конклав попытался связаться с Академией, а когда у него это не получилось, послал на разведку группу сумеречных охотников. Но к тому моменту уже и моя мать отдала Богу душу. Я сам ничего не помнил и лишь кричал как безумный. Меня отдали безмолвным братьям, и они подлечили меня, но окончательно вылечить не смогли. Я стал зависим от крови демона, как курильщики опиума от своей проклятой отравы. Братья пробовали запирали меня в комнате и не давали «лекарства», но меня начинала мучить такая дикая боль, что они в конце концов не выдерживали и все начиналось сначала. Однажды они попытались вылечить меня с помощью заклятий чародеев. И действительно, я не чувствовал в тот момент боль, однако все равно чуть не умер через какое-то время. После нескольких недель экспериментов они решили, что сделать со мной ничего нельзя. Я не мог жить без крови демона. Однако те, кто регулярно принимает ядовитую кровь, умирают медленной, мучительной смертью. Проблема состоит в том, что если я не стану принимать «лекарство», то умру быстро, но смертью не менее мучительной.

– После нескольких недель экспериментов? – эхом повторила Тесс. – И это когда тебе было всего одиннадцать лет? Как жестоко...

– В том, что произошло со мной, вообще нет ничего хорошего, – проговорил Джем, глядя куда-то в пустоту. – Там, возле тебя, на ночном столике, стоит шкатулка. Можешь дать ее мне?

Тесс взяла в руки серебряную шкатулочку. На крышке, инкрустированной эмалью, была изображена стройная босая женщина в развевающихся белых одеждах. Из большого кувшина она лила воду в бегущую у ее ног реку.

– Кто она? – спросила Тесс, передавая шкатулку Джем.

– Гуаньинь [95] – богиня милосердия и сострадания. Говорят, она слышит каждую мольбу, каждый крик о помощи и делает все, чтобы помочь страждущим. Мне почему-то кажется, что «лекарство» нужно хранить в шкатулке с ее изображением: так богиня сможет хоть немного облегчить мои страдания.

Со щелчком Джем открыл замочек, крышка откинулась назад. Внутри Тесс увидела толстый слой какого-то порошка серебристого цвета.

– Это и есть наркотик, – пояснил Джем. – Его поставляют мне один чародей из Лаймахауса. Я принимаю его каждый день. Вот почему я выгляжу словно призрак. Цвета уходят из моего тела: из моих глаз, волос, кожи... Наверное, мои родители, поднимись они из могилы, даже не узнали бы меня... – Его голос стих. – Если мне предстоит схватка, я принимаю большую дозу. Если же я приму недостаточно порошка, то стану только слабее. Сегодня я почти не принимал «лекарства», и вот результат. Виной случившемуся не механические существа, а наркотик. Без него я не могу сражаться, не могу бегать. Мое тело начинает пожирать само себя, потому-то мне и стало плохо. – Он резким движением закрыл шкатулку и возвратил ее Тесс: – Вот. Положи на место.

– Тебе не нужно его принять?

– Нет. Сегодня вечером я уже достаточно принял.

– Ты говорил, что прием препарата означает медленную смерть, – чуть запинаясь, проговорила Тесс. – Это значит, что ты медленно умираешь? Каждый день и каждый час?

Джем кивнул, и пряди светлых волос упали ему на лоб. У Тесс заняло сердце.

– И когда ты сражаешься, ты принимаешь больше этой дряни, чем обычно? Так почему ты не прекратишь сражаться?! Уилл и остальные...

– Поняли бы, – закончил за нее Джем. – Знаю, что поняли. Но я хочу жить, а не бегать от смерти. Пусть мне отпущено немного, но я проживу свою жизнь максимально полно и насыщенно. Я сумеречный охотник. Единственное, что я могу делать, – сражаться. Я не могу жить без битвы. Если я лишу себя этого, то погибну еще быстрее.

– Ты хочешь сказать, что не желаешь стоять в стороне? Что короткая и интересная жизнь лучше длинной, но скучной и безрадостной? – спросила Тесс.

«Ах, как бы разозлился Уилл, если бы я сказала ему такое», – подумала Тесс, но Джем только пристально посмотрел на нее:

- Да, именно это я и имею в виду. Долгое время я искал лекарство, а потом наконец, осознав всю тщетность своих попыток, остановился сам и остановил остальных, включая Уилла. Я не откажусь от лекарства, но и не стану сдерживать себя. Однако я считаю, что я все же чуть лучше простого наркомана, что моя жизнь наполнена смыслом, и как бы все это ни закончилось...

- Но я не хочу, чтобы ты умирал! - воскликнула Тесс. - Не знаю, почему для меня это так важно... я же только что встретила тебя... Нет, я не хочу, чтобы ты умер!

- Знаешь, я доверяю тебе, - перебил ее Джем. - Сам не знаю почему, но доверяю. Но... - Его руки - тонкие, с едва заметными суставами, узкими и длинными пальцами - больше не комкали одеяло, а лежали спокойно. Тесс хотела положить свою руку поверх его, хоть как-то успокоить...

- Очень трогательно.

Уилл неслышно вошел в комнату и теперь наблюдал за ними со злой усмешкой на губах. Он переделал окровавленную рубашку и, казалось, помылся на скорую руку. Его влажные волосы топорщились в разные стороны, лицо было чистым, однако под ногтями еще можно было различить следы грязи и машинного масла. Он перевел равнодушный взгляд с Джема на Тесс.

- Я вижу, ты все ей рассказал.

- Да. - Голос Джема ничуть не изменился. - Рассказал. И тебе не стоит сердиться по этому поводу.

«Он всегда смотрит на Уилла с любовью, независимо от того, что тот вытворяет», - подумала Тесс.

- А вот я так не считаю. - Уилл наградил Тесс тяжелым взглядом. Она вспомнила его слова о том, что не стоит утомлять Джема, и встала, разглаживая юбки.

Джем задумчиво посмотрел на нее:

- Ты должна идти? Я надеялся, что ты останешься и посидишь со мной немного, но если тебе нужно идти - иди.

- Я останусь вместо нее, - раздраженно фыркнул Уилл и плюхнулся на стул, который Тесс только что освободила. - Я стану твоим ангелом-хранителем.

- Звучит не слишком убедительно. И ты не так симпатичен, как Тесс, - произнес Джем, закрывая глаза и откинувшись назад на подушки.

- Как грубо. А ведь многие говорили мне, что я так же прекрасен, как сияющее в полдень солнце.

- Когда долго смотришь на солнце, начинают слезиться глаза и болеть голова. В этом вы с ним действительно похожи, ты порой бываешь так же невыносим, - пробормотал Джем.

– Кроме того, – продолжал Уилл, игнорируя слова друга и внимательно глядя на Тесс, – едва ли стоит удерживать Тесс, ведь ей не терпится повидаться с братом. Она же не видела его с самого утра. Джем, это не справедливо.

– Это правда, – веки Джема затрепетали, и глаза на миг открылись; сейчас они были серебристо-черными и очень сонными. – Извини, Тесс. Я почти забыл.

Тесс ничего не ответила. Да и что она могла сказать, ведь из-за всего случившегося о бедном Натаниэле забыла даже она. «С ним все в порядке», – хотела было сказать она, чтобы успокоить Джема, но тот уже опять закрыл глаза, и Тесс подумала, что, возможно, он уснул. Уилл наклонился и поправил одеяло, закрывая грудь Джема.

Тесс отвернулась и, двигаясь как можно тише, покинула комнату.

Свет в коридорах показался ей тусклым, или, может быть, просто в спальне Джема было светлее. Тесс постояла несколько мгновений моргая, прежде чем глаза ее привыкли к полумраку. Потом она тихо позвала:

– Софи?

Горничная вышла из тени. Она была бледная, как никогда, а ее всегда так аккуратно надетая шапочка сейчас сбилась набок.

– Софи? – повторила Тесс. – Что-то не так?

– Он хорошо себя чувствует? – поинтересовалась горничная, и голос ее дрогнул. – Он в порядке? Джем... Он в порядке?

Ни мистер Джем, ни господин Карстаирс, а Джем. Тесс с большим удивлением посмотрела на горничную, а потом вспомнила: «Хорошо любить кого-то, кто не любит вас, если он стоит вашей любви. Если он заслуживает этого». «Конечно! – воскликнула про себя Тесс. – Как я могла быть настолько глупа! Она же влюблена в Джема».

– С ним все в порядке, – сказала Тесс как можно мягче. – Он отдыхает, а до этого разговаривал и даже немного посидел. Скоро он поправится, я уверена. Возможно, если вы хотите увидеть его...

– Нет! – испуганно воскликнула Софи. – Нет, это не правильно. Не стоит этого делать. – Ее глаза сияли. – Я очень обязана вам, мисс, я...

Она повернулась и поспешно пошла по коридору. Тесс посмотрела ей вслед, обеспокоенная и озадаченная одновременно. Как она не заметила этого раньше? Как могла быть настолько слепой? Как странно: она может превращаться в других людей, но не может встать на их место.

* * *

Дверь в комнату Ната была чуть приоткрыта. Тесс тихо открыла ее и заглянула внутрь.

Брат лежал под грудой одеял. Свет угасающей свечи на ночном столике лился на его волосы, разметавшиеся по подушке. Его глаза были закрыты, грудь мерно поднималась и опускалась.

В кресле около кровати сидела Джессамина. Она тоже спала. Ее волосы выбились из прически, по плечам струились роскошные локоны. Кто-то набросил на нее тяжелое шерстяное одеяло, и теперь она прижимала его к груди. Она выглядела моложе, чем обычно, и такой... уязвимой. Сейчас в ней не было ничего от девушки, сражавшейся с гоблином в парке.

«Как странно, люди во сне кажутся совершенно другими. Хотя когда ты спишь, то трудно притворяться, – подумала Тесс. – Никогда бы не подумала, что в Джесс столько нерастраченной нежности».

Она отвернулась и, стараясь не шуметь, прикрыла за собой дверь.

* * *

Той ночью Тесс все время снилось, что за ней гонятся механические существа, и она часто просыпалась от собственного крика. Эти жуткие создания тянули к ней свои длинные руки на шарнирах, стремясь поймать ее, разорвать кожу, сломать кости... В конце концов сны о механических людях сменились видениями о Джем, который спал в своей кровати, а сверху на него сыпался серебристый порошок. Он был таким горячим, что оставлял на одеяле дымящиеся подпалины. В итоге от одеяла ничего не осталось, кровать обуглилась и дымилась, но Джем продолжал крепко спать, не обращая внимания на истошные крики Тесс.

Наконец она увидела Уилла, стоящего на вершине купола собора Святого Павла. На нем был черный-пречерный костюм, и знаки на его шее и руках были отлично видны. Он смотрел на Лондон сверху и очень был похож на падшего ангела. Но Тесс знала, что он поклялся защищать этот ничего не подозревающий, безразличный к людским судьбам сонный город.

Из сна Тесс вырвал чей-то резкий голос, раздавшийся прямо над ее ухом. А потом кто-то потряс ее за плечо.

– Мисс! – это была Софи. – Мисс Грей, просыпайтесь, просыпайтесь скорее! Ваш брат...

Тесс вскочила как ошпаренная, разбросав подушки и отшвырнув в сторону одеяло. Полуденный свет лился через окна спальни прямо в комнату и... на обеспокоенное лицо Софи.

– Нат проснулся? С ним все в порядке?

- Да... Вернее, нет... Ох, мисс, я просто хочу сказать, что не знаю. - Софи явно была в замешательстве. - Понимаете ли... он исчез...

Глава шестнадцатая

Связующие чары

И джентльмены кость бросают

И раз, и два, - о, да!

Но раб тот, кто с Грехом играет

В Прибежище Стыда! [96]

Оскар Уайльд «Баллада Рэдингской тюрьмы»

- Джессамина! Джессамина, что происходит? Где Нат?

Джессамина, стоявшая возле дверей, ведущих в спальню Ната, обернулась и нос к носу столкнулась с взволнованной, запыхавшейся Тесс. Глаза мисс Ловлесс покраснели, а сама она выглядела очень сердитой. Тесс машинально отметила, что сейчас ее прическа опять была безупречной.

- Я не знаю, - резко ответила она. - Я заснула в кресле, а когда проснулась, он исчез... Исчез! - Прищурившись, она посмотрела на Тесс. - Господи, да ты ужасно выглядишь!

Тесс поглядела на себя. Она не надела ни корсет, ни кринолин. Лишь быстро нацепила платье и сунула голые ноги в ночные туфли. Ее растрепанные волосы торчали в разные стороны. Должно быть, она напоминала сумасшедшую миссис Рочестер, живущую на чердаке в доме своего мужа.

- Хорошо. Но Нат не может уйти далеко в таком состоянии, - попыталась рассуждать здраво Тесс. - Разве никто не отправился на его поиски?

Джессамина всплеснула руками:

- Все его ищут. Уилл, Шарлотта, Генри, Томас... Даже Агата. Или ты хочешь, чтобы мы вытащили бедного Джема из кровати и тоже отправили на поиски?

Тесс покачала головой:

- Честно, Джессамина... - Но продолжать не стала и лишь отвернулась. - Хорошо, я тоже буду его искать. А ты можешь оставаться здесь, если тебе так хочется.

- Да, мне так хочется. - Джессамина вздернула подбородок.

Тесс повернулась и зашагала прочь по коридору. Мысли ее мешались. Куда Нат мог уйти? Может быть, он окончательно обезумел от лихорадки? А может, он отправился на ее поиски? От этой мысли у нее заныло сердце. Но ведь Академия - это самый настоящий лабиринт, и здесь можно блуждать до бесконечности долго, так никого и не встретив. С этими печальными мыслями она повернула за угол и оказалась в другом коридоре, чьи стены были по всей длине завешаны гобеленами. Даже теперь, после стольких дней в Академии, она с трудом находила дорогу в свою спальню, а это значит, Нат..

- Мисс Грей?

Тесс повернулась и увидела Томаса, появившегося из одной из многочисленных дверей. Он был без пиджака, его волосы, казалось, пребывали еще в большем, чем обычно, беспорядке, хотя это и трудно себе представить, а выражение карих глаз было очень серьезно. У Тесс от страха подкосились ноги. «Боже мой, неужели плохие вести?!» - пронеслось у нее в голове прежде, чем она выдавила:

- Да?

- Я нашел вашего брата, - просто сказал Томас.

- Вы? Но... Но где он?

- В гостиной. Он пытался спрятаться за портьерами. - Томас говорил торопливо и выглядел немного напуганным. - Сразу как увидел, начал меня дурить - принялся кричать какую-то чушь, я и разобрать не сумел, а потом и вовсе попытался сбежать. Вы извините меня, мисс Грей, но мне пришлось его немного успокоить... - Тесс непонимающе смотрела на великана, и Томас, сделав паузу, прочистил горло: - Кхм... То есть я боюсь, что, возможно, немного испугал его, мисс.

Тесс прижала руку ко рту:

- Боже!.. Но с ним все в порядке?

Казалось, Томас не знал, куда деть себя от стыда. Наконец-то Тесс все поняла. Он ударил, ударил ее брата! И пусть тот вел себя не совсем адекватно, но ведь он не был сумеречным охотником, его с детства не учили драться, не учили убивать! Конечно же он был напуган, а кто бы на его месте не был! К тому же он страдал от тяжелой лихорадки! Она готова была броситься на защиту брата и драться за него голыми руками.

- Я не мог ничего сделать, когда увидел его. Я был один, понимаете? - оправдывался тем временем Томас. - Думаю, сейчас было бы неплохо, если бы он увидел знакомое лицо.

Гигант виновато посмотрел на Тесс и, немного помявшись, продолжил:

- Да, мисс. Я, если позволите, подожду здесь. Вы только сообщите, когда захотите, чтобы я позвал остальных.

Тесс кивнула и, пройдя мимо Томаса, распахнула дверь. В гостиной царил полумрак. Тусклый серый свет, струившийся в высокие стрельчатые окна, не мог разогнать прячущиеся по углам тени. Диваны и кресла напоминали ей затаившихся в укромном месте животных. В одном из больших кресел у потухшего камина сидел Нат. Он нашел где-то свои запачканные кровью рубашку и брюки, в которых был в доме де Куинси, и надел их. А вот ботинок ему найти не удалось, поэтому ноги его были голыми. Он сидел, упершись локтями в колени и закрыв лицо ладонями. Выглядел он при этом очень несчастным.

- Нат? - мягко позвала Тесс.

Он поднял голову и тут же вскочил на ноги. Судя по выражению его лица, он не верил своему счастью.

- Тесси!

Радостно вскрикнув, Тесс помчалась через комнату и бросилась в объятия брата. Она услышала, что он застонал от боли, но была уже не в силах разжать рук. Она вернулась в прошлое, в небольшую квартирку тети в Нью-Йорке, со всеми ее до боли знакомыми запахами и столь милыми сердцу мелочами. Казалось, еще немного - и раздастся строгий голос тети, отчитывающий их за неподобающее поведение.

Наконец Нат отстранился и посмотрел на сестру.

- Боже, Тесси, ты выглядишь такой....

Дрожь пробежала по ее телу.

- Что ты имеешь в виду?

Он ласково, почти рассеянно, погладил ее щеку.

- Ты выглядишь старше, - сказал он наконец. - Стала стройнее. Когда я уезжал из Нью-Йорка, ты была еще круглолицым неуклюжим подростком. Хотя, может, ты просто казалась мне такой? А где же твой кулон? Насколько я помню, ты всегда носила механического ангела матери. Скажи, ты его не потеряла? Так странно, мне эта безделушка уже начинала казаться частью тебя...

Тесс заверила брата, что не потеряла механического ангела, но отвечала она машинально - в ее голове теснились совершенно другие мысли. Она с тревогой вглядывалась в лицо брата и пришла к выводу, что, несмотря на

нездоровую бледность и многочисленные синяки и кровоподтеки, он выглядит намного лучше.

- Нат...

- Все не так уж плохо, - сказал он, увидев беспокойство на ее лице.

- Да. Но ты должен вернуться в кровать, отдохнуть. Что ты делаешь здесь?

- Я пытался найти тебя. Я знал, что ты где-то здесь. Я видел тебя перед тем, как тот лысый ублюдок стал пялиться на меня. Но я полагал, что тебя они тоже держат взаперти. Я сбежал, чтобы найти тебя и увести из этого проклятого места.

- Взаперти? Нат, нет, все совсем не так, - покачала головой Тесс. - Тут мы в полной безопасности.

Он внимательно посмотрел на нее:

- Это Академия, не так ли? Меня много рассказывали об этом месте. Де Куинси говорил, что им управляют безумцы, самые настоящие чудовища, которые называют себя нефилимами. Он говорил, что они держат проклятые души людей в какой-то коробке...

- Не в коробке, а в шкатулке. И вовсе там держат не души людей. На самом деле в ней надежно спрятаны демонические сущности. Эта вещица совершенно безопасна. Я покажу ее тебе попозже. Она хранится в оружейной. Нат, прошу тебя, поверь мне.

Однако Натаниэль по-прежнему выглядел мрачным.

- Он сказал, если я попаду в руки нефилимов, то они разорвут меня на куски за то, что я нарушил их законы.

Холодная дрожь пробежала по телу Тесс. Она отпрянула от брата и увидела, что одно из окон гостиной открыто и сквозняк кольшет легкие занавески. Что ж, причиной ее озноба было не только нервное напряжение.

- Ты открывал окно? Зачем, Нат? Ведь здесь так холодно.

Натаниэль покачал головой:

- Оно уже было открыто, когда я вошел.

Покачав головой, Тесс подошла к окну и закрыла его:

- Ты что, смерти ищешь...

- Не говори глупостей, - раздраженно сказал Нат. - Так что ты там говорила о сумеречных охотниках? Утверждаешь, будто ты вовсе не пленница?

- Да. - Тесс отвернулась от окна. - Я свободна. Они странные люди, но добрые. Я хотела остаться здесь, и они мне это позволили.

Нат снова покачал головой:

- Ничего не понимаю...

Тесс неожиданно почувствовала, как в ней закипает гнев, и вдохнула поглубже, стараясь успокоиться. Натаниэль ни в чем не виноват. Он многого не знал.

- А куда мне было еще идти, Нат? - спросила она, вновь подойдя к нему, и, взяв его за руку, отвела назад к креслу. - Сядь. Ты и без того ослабел.

Натаниэль покорно сел и посмотрел на сестру снизу вверх. Однако взгляд его был таким отсутствующим, что Тесс не была уверена, видит ли он ее вообще. И Тесс очень хорошо был знаком этот взгляд. Он означал, что в эту самую минуту в голове Натаниэля рождается какой-то безумный план.

- Мы можем уйти отсюда... - задумчиво начал он. - Доберемся до Ливерпуля, сядем на пароход. Вернемся в Нью-Йорк.

- И что дальше? - спросила Тесс как можно мягче. - У нас там ничего не осталось. Тетя умерла. Я вынуждена была продать все наши вещи, чтобы оплатить похороны. А потом, когда уезжала, продала и квартиру. Но денег у меня нет, все мои вещи... Я их потеряла. Нам нечего делать в Нью-Йорке, Нат.

- Мы найдем чем заняться. Начнем новую жизнь.

Тесс печально посмотрела на брата. Ей было больно видеть его таким: на лице отчаянная мольба, синяки, уродливыми пятнами расплывшиеся на скулах, спутанные, по-прежнему кое-где испачканные кровью волосы, которые всегда были такими мягкими, такими красивыми... Тетя Генриетта всегда говорила, что Нат особенный, что он не похож на других. Несмотря на мужественный облик, он на самом деле был очень наивен и раним, и его следовало оберегать от жестокостей этого мира.

И Тесс пыталась, пыталась, как могла. Много лет подряд, с самого детства. И она, и ее тетя не выказывали ни малейшего раздражения, когда сталкивались со слабостями или недостатками Ната, они старались уберечь его от последствий его собственных неудач. Тетя Генриетта, у которой на счету был каждый цент, в свое время дала ему денег, которые он благополучно спустил на ветер - проиграл и прокутил. Как же тогда невыносимо стыдно было Тесс, сколько же гадостей она тогда наслушалась о своем брате, лишь молча поджимая губы в ответ. Ведь его тогда называли не иначе как алкоголиком и пропащим человеком! Но ни Тесс, ни тетя ни разу не упрекнули его за случившееся, напротив, они старались уберечь его от еще больших бед. «Но так или иначе, правда всплыла, - подумала Тесс. - Нат узнал, что о нем думают остальные. Возможно, Джем прав: всегда лучше говорить правду».

Усевшись на оттоманку напротив брата, она внимательно посмотрела на него:

- Ничего не выйдет, Нат. Ничего. У нас неприятности. Эти существа, кем бы они ни были, последуют за нами. Нам не спрятаться от них. И если мы убежим, то окажемся совершенно одни, когда они нас все-таки настигнут. И

тогда нам уже никто не поможет, никто нас не защитит. Мы должны остаться в Академии, Нат. Мы нуждаемся в нефилимах.

Синие глаза Натаниэля широко раскрылись от удивления.

– Я так и думал, – проговорил он. От волнения его американский выговор стал только сильнее, и Тесс вдруг почувствовала отчаянную тоску по дому. – Я хочу, чтобы ты знала: здесь ты оказалась из-за меня. Это де Куинси вначале мучил меня, а потом заставил написать тебе письмо и отослать билет на пароход. Он сказал, что не причинит тебе вреда, когда ты попадешь к нему в руки. Еще он сказал, что никогда не позволит мне увидеться с тобой, и я думал... думал... – Он поднял голову и растерянно посмотрел на сестру. – Ты, должно быть, теперь меня ненавидишь.

– Я никогда не смогла бы возненавидеть тебя, – уверенно заявила Тесс. – Ты мой брат. Ты моя кровь.

– Ты думаешь, когда все это закончится, мы сможем вернуться домой? – спросил Нат. – Забыть все, что случались? Жить нормальной жизнью?

Жить нормальной жизнью. При этих словах Тесс представила себя и Ната в маленькой уютной квартирке в центре Нью-Йорка. Нат мог бы найти себе приличную работу, а она могла бы устроиться в богатый дом, чтобы готовить и убирать. По выходным они могли бы гулять в парке или кататься на каруселях. А по вечерам наблюдать за тем, как над Манхэттеном взрываются фейерверки. А еще в Нью-Йорке было светло, намного светлее, чем здесь, в туманном и сыром Лондоне. Тесс могла бы быть обычной девушкой, восторгающейся модными романами и втайне мечтающей о принце на белом коне.

Но стоило только Тесс попробовать удержать в голове эту идиллическую картину, как видение стало скукоживаться и крошиться, осыпаясь, словно штукатурка. Теперь она видела лица Уилла, Джема и даже Магнуса, когда он сказал: «Бедняжка. Теперь, когда вы знаете правду, вы никогда не сможете вернуться».

– Но мы... не нормальны, – продолжала Тесс. – Я не такая, как все. И ты знаешь это, Нат.

Он опустил взгляд и принялся внимательно разглядывать пол под ногами.

– Знаю, – наконец пробормотал он и беспомощно пожал плечами. – Так это правда. Ты действительно колдунья, как и говорил де Куинси. Он сказал, что ты можешь менять форму, Тесс, стать тем, кем захочешь.

– Да, это правда... ну, в общем, почти правда... Я тоже вначале очень боялась... Это все так странно...

– Я видел и более странные вещи, – ответил Натаниэль. – Боже мой, это должен быть я.

Тесс нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

Но прежде чем он смог ответить, дверь распахнулась.

– Мисс Грей, – объявил Томас, и выглядел он при этом так, будто ему было чрезвычайно неловко. – Мисс Грей, мистер Херондэйл..

– Мистер Херондэйл уже здесь!

Уилл ловко проскочил мимо Томаса, несмотря на то что гигант занимал большую часть дверного проема. Он был все еще в одежде, которую надел вечером накануне, поэтому его костюм вполне предсказуемо был в беспорядке. Тесс задала себе вопрос: спал ли он на стуле в комнате Джема. вполне возможно, что так оно и было, во всяком случае, юноша выглядел усталым, и под глазами его залегли черные тени. Уилл тем временем хмыльнулся и обратил все свое внимание на Натаниэля.

– Наш странник, наконец, нашелся, – объявил он. – Томас сказал, что ты скрывался за занавесками?

Нат растерянно посмотрел на Уилла:

– Кто ты?

Тесс быстро представила их друг другу, хотя ни тот, ни другой, похоже, не были довольны встречей. Нат все еще выглядел больным, а Уилл разглядывал его с таким видом, словно наткнулся на интересное, но очень противное насекомое.

– Так ты сумеречный охотник, – протянул Нат. – Де Куинси говорил мне, что вы настоящие чудовища.

– Это было до или после того, как он попробовал тебя съесть? – поинтересовался Уилл.

Тесс тут же вскочила на ноги:

– Уилл! Я могу поговорить с тобой в коридоре? Пожалуйста.

Удивительно, но Уилл не стал спорить. Бросив последний, враждебный, взгляд на Натаниэля, он кивнул и в сопровождении Тесс вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Окон в коридоре не было. Колдовской свет оставлял на полу и стенах пятна света, однако все остальное пространство тонуло в тени.

Уилл и Тесс встали в тени, подальше от режущего глаз света, и внимательно посмотрели друг на друга. Тесс, охваченной яростью, было невероятно трудно сдержаться и не наброситься на собеседника с кулаками.

Первым нарушил молчание Уилл:

– Очень хорошо. Наконец-то мы остались наедине.

- Да, да, - нетерпеливо согласилась Тесс. - И тысячи женщин по всей Англии отдали бы все на свете за такую возможность. Это я уже слышала. Но не могли бы мы отложить состязание в остроумии на потом? То, что я хочу тебе сказать, очень важно.

- Ждешь извинений? - поинтересовался Уилл. - За то, что случилось на чердаке?

Тесс, которую подобный вопрос застал врасплох, растерянно заморгала:

- На чердаке?

- Хочешь, чтобы я сказал, как мне жаль, что я поцеловал тебя?

Тесс тут же вспомнила все, что произошло на чердаке, причем со всеми мельчайшими подробностями: взлохмаченные волосы Уилла, его руку, расстегивающую ее перчатку, прикосновение его губ. Она почувствовала, что краснеет, и очень надеялась, что в полумраке коридора он этого не заметит.

- Нет. Вовсе нет!

- То есть ты не хочешь, чтобы я сожалел? - пожал плечами Уилл. Его улыбка растаяла, и теперь он напоминал маленького ребенка, чей замок из кубиков только что походя разрушил кто-то из взрослых.

- Мне совершенно все равно, жаль тебе или нет, - жестоко заявила Тесс. - Я хотела поговорить совсем о другом. Я хочу, чтобы ты был добрее к моему брату. Он прошел через ужасное испытание. Не нужно вести себя с ним как с закоренелым преступником.

Ответ Уилла прозвучал так спокойно, что Тесс и мечтать не могла.

- Я понимаю. Но если он скрывает что-нибудь...

- Каждый что-то скрывает! - вспыхнула Тесс, удивляясь сама себе. - Есть вещи, которых, как я знаю, он стыдится, но это сушая ерунда, которая вам совершенно не будет интересна. Да, он сейчас находится в сложном положении, но это вовсе не значит, что свои маленькие тайны он должен раскрывать каждому встречному-поперечному.

Уилл насторожился:

- Что ты имеешь в виду?

«А как быть с твоими родителями, Уилл? Почему ты отказался встречаться с ними? Почему тебе некуда идти? И почему ты прогнал меня после того, как поцеловал?» Тесс хотела было бросить ему в лицо все эти вопросы, однако в последний момент сдержалась. Вместо этого она лишь поинтересовалась:

- А как насчет Джема? Почему ты не сказал мне, что он на самом деле серьезно болен?

- Джем? - Тут Уилл удивился по-настоящему. - Он не хотел, чтобы даже я знал о его... проблеме. Он считает свою болезнь сугубо личным делом. Впрочем, так оно и есть. Если помнишь, я был против того, чтобы он все тебе рассказал. Это он считал, что должен с тобой объясниться, не я. На самом деле Джем никому ничего не должен. В том, что случилось с ним, нет его вины, и все же он почему-то стыдится произошедшего...

- Тут нечего стыдиться.

- Ты так считаешь, потому что понимаешь природу его болезни. А другие не видят никакого различия между его болезнью и наркотической зависимостью и презирают его, считая слабым. Как будто бы он не может прекратить принимать кровь демона лишь потому, что ему не хватает силы воли... - Голос Уилла становился все более решительным и сильным. - Иногда ему бросали обвинения в слабости прямо в лицо. Я не хотел, чтобы и от тебя он услышал то же самое.

- Я никогда не сказала бы ему ничего подобного.

- Откуда мне было знать, что ты могла сказать, а что нет? - возразил Уилл. - Я ведь почти не знаю тебя, Тесс. Так же, как и ты меня.

- Ты сам не хочешь, чтобы кто-то узнал тебя, - в запале возразила Тесс. - Впрочем, это твое дело, я даже пробовать не стану разговорить тебя. Но не думай, будто Джем такой же, как ты. Возможно, он предпочел бы, чтобы люди знали о нем правду.

- Нет! - яростно возразил Уилл, и его синие глаза потемнели. - Уж не думаешь ли ты, что знаешь Джема лучше, чем я?

- Если ты так заботаешься о нем, почему не пытаешься ему помочь? Почему не продолжаешь поиски лекарства?

- Ты думаешь, мы не искали?. Ты думаешь, Шарлотта не искала, Генри не искал, что мы не обращались к лучшим чародеям, не собирали всю существующую на свете информацию? Ты воображаешь, что мы вот так вот просто, без борьбы, смиримся со смертью Джема?

- Джем рассказал мне все. Он попросил, и вы прекратили поиски, - ответила Тесс, спокойно глядя в глаза разозлившемуся Уиллу. - Разве все было не так?

- Это он так сказал?

- Вы прекратили поиски?

- Потому что все бессмысленно, Тесс. Лекарства, настоящего лекарства, не существует.

- Никто не может этого знать точно. Вы могли бы продолжать поиски, ни о чем ему не рассказывая. Может случиться, оно все-таки существует, просто вы пока не знаете об этом. Если есть даже небольшой шанс...

Уилл закатил глаза:

- Ты думаешь, мы должны наплевать на его желания?

- Я думаю, вы должны сделать для него все, что можете. И если для этого вам придется лгать ему, значит, лгите. Как бы там ни было, но я не в силах понять, как можно смириться со смертью близкого человека, когда ты можешь ему помочь выкарабкаться.

- Ты просто не понимаешь! Мы можем или смириться, или сойти с ума. Третьего не дано.

Кто-то кашлянул, привлекая к себе внимание, и спорщики, замолчав как по команде, резко обернулись.

- Что здесь происходит? - спросил Джем.

Тесс и Уилл в пылу спора даже не слышали, как он подошел. Уилл виновато взглянул на друга, который с интересом разглядывал их обоих. Джем был одет с иголочки, однако выглядел так, словно только что пробудился от лихорадочного сна: волосы спутаны, щеки горят.

Уилл тут же скорчил чрезвычайно недовольную гримасу:

- Почему ты встал с кровати?

- Я устал лежать. Спустился вниз и столкнулся там с Шарлоттой. Она сказала, что мы все должны собраться в гостиной, чтобы поговорить с братом Тесс, - совершенно спокойно ответил Джем, по выражению его лица и тону было совершенно невозможно понять, какую часть разговора Тесс и Уилла он слышал. - Я достаточно хорошо себя чувствую, чтобы присоединиться к вам и выслушать его рассказ.

- Хорошо, что вы все здесь. - Это была уже Шарлотта, торопливо идущая по коридору в направлении молодых людей.

Позади нее шагал Генри, а по обе стороны от него - Джессамина и Софи. Тесс отметила, что Джесси нарядилась в одно из своих самых лучших платьев из синего муслина, а в руках несла свернутое одеяло. Софи держала перед собой поднос с чаем и бутербродами.

- Для Ната? - удивленно спросила Тесс. - Чай и одеяло?

Софи кивнула:

- Госпожа Бранвелл решила, что он, вероятно, захочет поесть...

- А я решила, что он мог замерзнуть. Он так дрожал вчера вечером, - нетерпеливо перебила ее Джессамина. - Это все для него.

Шарлотта повернулась к Тесс, ожидая ее одобрения, и это окончательно растрогало девушку. Шарлотта была так добра к Нату, так искренне хотела ему помочь...

- Да. Он ждет вас.

– Спасибо, Тесс, – мягко произнесла Шарлотта и, толкнув дверь гостиной, вошла в комнату. Остальные потянулись следом.

Когда Тесс развернулась и сделала несколько шагов по направлению к гостиной, она почувствовала легкое прикосновение к своей руке. Это был Джем.

– Подожди, – попросил он. – Подожди секундочку.

Она остановилась и внимательно на него посмотрела. Через открытую дверь она слышала журчание голосов – дружелюбный баритон Генри, нетерпеливый фальцет Джессамины, уже называвший Ната по имени.

– В чем дело?

Джем заколебался. Его рука была холодной, словно была вырезана из льда, а белые пальцы в неверном свете коридора и вовсе казались стеклянными. Тесс вдруг подумала: интересно, была ли теплой кожа на его скулах, там, где сейчас играл лихорадочный румянец?

– Но моя сестра... – Голос Ната, доносившийся из комнаты, был преисполнен беспокойством. – Она присоединится к нам? Где она?

– Не бери в голову. Это все ерунда, – с улыбкой заверил ее Джем, опустив руку.

Тесс удивилась, но, не проронив ни слова в ответ, поторопилась вернуться в гостиную. Джем последовал за ней.

Софи стояла на коленях у каминной решетки, раздувая огонь. Нат по-прежнему сидел в кресле, но теперь ноги его были укрыты одеялом, которое принесла с собой Джессамина. Сама же девушка восседала на стуле рядом с ним; она буквально раздувалась от гордости. Генри и Шарлотта сидели на диване напротив Ната, и видно было, что миссис Бранвелл распирает любопытство. Уилл, как обычно, подпирал стену и наблюдал за происходящим со смесью раздражения и недоверия на лице.

Поскольку Джем присоединился к Уиллу, Тесс переключила все свое внимание на брата. Натаниэль же, когда она вернулась в комнату, немного расслабился, хотя все еще выглядел очень несчастным. Стараясь справиться с охватившим его волнением, он легонько пощипывал наброшенное на ноги одеяло. Тесс прошла через комнату и села на оттоманку в ногах брата, с трудом удержавшись от того, чтобы не погладить его по голове или ободряюще не хлопнуть по плечу. Она чувствовала, что собравшиеся в комнате охотники неотрывно наблюдают за ней. Тишина стояла такая, что, упади на пол булавка, она бы непременно услышала.

– Нат, полагаю, ты уже познакомился с хозяевами? – как можно мягче спросила она.

Натаниэль, все еще нервно выдергивающий из одеяла ворсинки, неловко кивнул.

- Мистер Грей, мы уже говорили с мистером Мортмэйном о вас, - начала Шарлотта. - Он многое нам рассказал. В том числе и о проявленном вами интересе к Нижнему миру. А также о вашей страсти к азартным играм.

- Шарлотта... - взмолилась Тесс.

- Так и есть, Тесси, - согласился Нат, хотя слова эти дались ему тяжело. - Все это чистая правда.

- Никто не обвиняет твоего брата в том, что случилось, Тесс. - Шарлотта постаралась вложить в свои слова как можно больше убедительности, а потом опять повернулась к Натаниэлю: - Мортмэйн говорил, что вы, когда прибыли в Лондон, уже знали о существовании Клуба и о членстве в нем вашего работодателя. Откуда вы обо всем узнали?

Натаниэль подавленно молчал.

- Мистер Грей, мы обязательно должны понять, почему с вами случилось то, что случилось. Почему де Куинси заинтересовался вами. Понимаю, вы сейчас нехорошо себя чувствуете, и, если бы не чрезвычайные обстоятельства, я не стала бы тревожить вас в таком состоянии. Но поверьте, все, что вы расскажете, очень важно для нас. Если бы вы нам рассказали о произошедшем хотя бы вкратце, то уже очень бы нам помогли...

- Я нашел это в шкатулке для рукоделия тети Генриетты, - ответил Натаниэль, голос его звучал глухо.

Тесс удивленно распахнула глаза:

- Нашел что?

- Наша тетя всегда хранила старую шкатулку, в которой раньше лежали драгоценности нашей матери, на тумбочке возле своей кровати, - продолжал Натаниэль, казалось не слышавший сестру. - Она говорила, что хранит там принадлежности для шитья, но я... - Натаниэль глубоко вздохнул, а заговорив снова, уже не спускал глаз с Тесс. - У меня были долги. Сделал несколько опрометчивых ставок, потерял деньги... В общем, ничего хорошего меня в будущем не ждало. Но я не хотел, чтобы ты, Тесс, или тетя знали о том, что произошло. Я долго ломал голову, как выкрутиться, а потом вспомнил, что у мамы был золотой браслет, который она очень любила при жизни. Сам не знаю почему, но я решил, будто он по-прежнему лежит в шкатулке, а тетя Генриетта просто не хочет продавать его из чистого упрямства. Ты же знаешь, какая она... какой она была. Так или иначе, мысль о браслете не покидала меня. Я знал: если заложить браслет, то можно отдать долги. Так, однажды, когда вас с тетей не было дома, я открыл шкатулку... Конечно, золотого браслета там не оказалось. Но я обнаружил, что у шкатулки есть двойное дно. В тайнике не оказалось ничего стоящего, лишь какие-то старые бумаги. Я схватил их, когда услышал, что ты поднимаешься по лестнице, и забрал в свою комнату.

Натаниэль прервался. Все присутствующие не сводили с него глаз. Через несколько секунд Тесс, больше не способная сдерживать переполнявшие ее эмоции, спросила:

– И что дальше?

– Это были страницы из дневника матери, – продолжал Натаниэль. – Несколько листов отсутствовало, но и того, что я прочитал, оказалось достаточно. Я узнал об очень, очень странных вещах... Все началось еще в ту пору, когда наши родители жили в Лондоне. Отец тогда много работал на Мортмэйна и почти не появлялся дома, а мать проводила все время с тетей Генриеттой и со мной – я только что родился. Все шло ни шатко ни валко, пока отец не начал возвращаться с работы откровенно чем-то взволнованным. Он сообщил о загадочных событиях, происходивших на фабрике: некоторые машины работали с необъяснимыми сбоями, все время слышались какие-то странные шумы, а однажды ночью исчез сторож. Ходили слухи, что Мортмэйн занимается оккультизмом... – Сейчас при взгляде на Натаниэля всем становилось понятно: он искренне рассказывает обо всем, что знает. – Сначала отец лишь пожимал плечами, слушая эти сплетни, но в конечном счете не мог больше закрывать глаза на происходящее и пошел напрямик к Мортмэйну Тот во всем признался отцу. Думаю, он сумел представить свое увлечение безобидным хобби, словно заклятия и пентаграммы были не более чем детские игрушки. Тогда-то он впервые и произнес это название – «Клуб Преисподняя». Он пригласил отца на одну из встреч, а тот привел с собой мать.

– Привел маму? Но он наверняка не хотел этого...

– Наверняка. Но у отца была молодая жена и маленький ребенок на руках, он банально боялся остаться без работы и стремился во всем угодить своему нанимателю. Поэтому он и согласился пойти на встречу.

– Отец должен был обратиться за помощью к полиции...

– Такой богатый человек, как Мортмэйн, давно уже купил всех важных полицейских чинов, – заметил Уилл. – Если бы ваш отец отправился в полицию, над ним бы только посмеялись.

Натаниэль откинул волосы со лба. Он вспотел, и кончики длинных волос липли к лицу.

– Мортмэйн устроил все так, чтобы экипаж подали поздно вечером, чтобы никто не видел их отъезда. Родителей отвезли к дому Мортмэйна... После этого события в дневнике отсутствовали страницы. Я так и не знаю, что случилось той ночью. Это был первый раз, когда они побывали в доме Мортмэйна, но, как я узнал, не последний. В течение следующих нескольких месяцев они неоднократно присутствовали на вечеринках «Клуба Преисподняя». Матери все это не нравилось, но родители все равно продолжали посещать Клуб, пока что-то не случилось. Вот только что? Я не знаю. В дневнике было мало страниц. А из тех, что были, я узнал все обстоятельства отъезда родителей из Лондона. Они бежали под покровом ночи, не сказали никому, куда уезжают, и не оставили своего нового адреса. Они просто исчезли. Но мама не написала в дневнике, почему они так поступили...

Натаниэль зашелся в приступе кашля и был вынужден замолчать. Джессамина бросилась к чайнику, который Софи поставила на столик чуть в стороне, и через мгновение чашка с чаем была уже в руке Натаниэля. После этого мисс

Ловлесс наградила Тесс уничижительным взглядом, словно укоряя ее за то, что та первая не сообразила помочь брату.

Натаниэль же, откашлявшись, глотнул чая и продолжил:

– В тот день, когда я нашел страницы из маминого дневника, мне показалось, что я наткнулся на золотую жилу. Я слышал о Мортмэйне. Я знал, что он богат как Крез[97]. Я написал ему: мол, я, Натаниэль Грей, сын Ричарда и Элизабет Грей, на тот момент уже покойных, среди бумаг матери нашел некий документ, который может заинтересовать мистера Мортмэйна. Я сообщил, что хочу встретиться и обсудить мое возможное устройство на работу. А на тот случай, если он не захочет помочь мне, я предусмотрительно сообщил, что газеты могли бы заинтересоваться дневником моей матери.

– Деловой подход, – заметил Уилл, увлеченный рассказом.

Натаниэль улыбнулся, и Тесс наградила его сердитым взглядом:

– Не обольщайся. Когда Уилл говорит «деловой подход», это означает «безнравственный поступок».

– Нет, я подразумевал именно деловой подход, – возразил Уилл. – Когда я подразумеваю «безнравственный поступок», то я говорю: «Так бы я и сам поступил».

– Достаточно, Уилл, – прервала его Шарлотта. – Позволь мистеру Греку закончить свою историю.

– Я думал, что он захочет отвязаться от меня и пришлет мне деньги, – продолжал Натаниэль. – Вместо этого я получил билет первого класса на пароход до Лондона и официальное предложение работы. Я полагал, что нахожусь на правильном пути, и впервые в жизни старался ничего не испортить. Добравшись до Лондона, я отправился прямо в дом Мортмэйна, где меня сразу же проводили в его кабинет. Мортмэйн приветствовал меня с большой теплотой, сообщив, что рад видеть меня и что я здорово похож на свою покойную мать. Потом он стал серьезным. Усадил меня в кресло и сказал, что всегда любил моих родителей и был страшно опечален, когда они оставили Англию. Он не знал, что они умерли, пока не получил мое письмо. И даже несмотря на то, что я собирался предать гласности их отношения, он все равно будет счастлив дать мне работу и сделать для меня все возможное в память о моих родителях... Я сказал Мортмэйну, что сохраню его тайну, если он возьмет меня с собой на встречу «Клуба Преисподняя», чтобы показать то, что в свое время показал моим родителям. Дело в том, что моя мать в своем дневнике вскользь упоминала одну азартную игру и мне во что бы то ни стало захотелось ей научиться. Я вообразил, что встречу там людей достаточно глупых для того, чтобы верить в волшебство и дьяволов. А значит, таких дураков несложно было бы раскрутить на деньги... – Натаниэль закрыл глаза. – Мортмэйн неохотно согласился взять меня с собой. Полагаю, я просто не оставил ему выбора. Тем же вечером в доме де Куинси состоялась встреча. В тот момент, когда двери открылись, я понял, что единственный дурак в этой комнате – я. Мне предстояло встретиться не с идиотами, балующимися спиритизмом, а с самой настоящей нечистью. Нижний мир оказался реальностью. Оправдать я себя мог лишь тем, что мать писала

о Клубе вскользь, и я не понял, насколько все это было реально. Меня чуть не хватил удар, когда я увидел вокруг себя... невероятных существ. Там были Темные сестры. Они играли в карты и время от времени бросали на меня хищные взгляды. Их длинные кривые пальцы, которыми они сжимали карты, напоминали птичьи лапы. Женщины с напудренными лицами и плечами улыбались мне, а капельки крови сочились из уголков их ртов. Маленькие существа, чьи глаза то и дело меняли цвет, сновали по залу. Я и вообразить себе не мог, что подобное возможно. Так я и сказал Мортмэйну «Есть многое на небе и земле, что и во сне, Натаниэль, не снилось твоей учености»[98], – ответил он.

Хорошо, что я знал эту цитату благодаря тебе, Тесси. Ты всегда читала мне Шекспира, и я даже иногда слушал тебя. Я собирался попросить Мортмэйна не смеяться надо мной, когда к нам подошел один человек. Я видел, что Мортмэйн вытянулся, словно солдат на посту. Его лицо исказилось страхом. Потом Мортмэйн представил меня как своего нового служащего и познакомил меня со странным человеком. Звали его де Куинси. Как только мой новый знакомый улыбнулся, я сразу понял, что он не человек. Прежде я никогда не видел вампира, потому сразу и не понял, кто такой де Куинси на самом деле. Но как только я увидел его зубы.. Должно быть, я имел страшно дурацкий вид, когда разглядывал его с выпученными глазами и открытым ртом. «Мортмэйн, вы вновь прячете от меня свои замечательные находки, – заговорил де Куинси. – Он больше чем просто новый служащий. Натаниэль Грей.. Сын Элизабет и Ричарда Грея». Мортмэйн тяжело сглотнул, выглядел он очень испуганным. Де Куинси тихо засмеялся. «У меня очень хороший слух, Аксель, – заметил он, а потом обратился ко мне: – Я знал вашего отца. Даже любил его, если хотите. Не желаете ли сыграть в карты?» Мортмэйн покачал головой, давая мне тем самым знак – откажись. Но я уже видел карточные столы, видел игроков, и искушение было невыносимым. Ночь напролет я играл в фарго с вампиром, двумя оборотнями и чародем со странной прической. В тот раз мне улыбнулась удача: я выиграл много денег и выпил множество потрясающих на вкус спиртных напитков, которые слуги разносили по комнатам на серебряных подносах.

В какой-то момент Мортмэйн исчез, но меня это уже не волновало. Рассвет я встретил ликуя. Мне казалось, что я стою на вершине мира. Де Куинси сказал, чтобы я приходил в Клуб всякий раз, как того захочу. Конечно, я сваял дурака и согласился. Мне бы, дурню, понять, что я так хорошо провел время, потому что в напитки подмешали колдовские зелья. К тому же тем вечером мне позволили выиграть. Я возвратился, и на этот раз уже без Мортмэйна. Сначала я выигрывал – постоянно выигрывал. Тогда-то я и послал деньги тебе и тете Генриетте, Тесси. На самом деле я получил их не за работу на Мортмэйна. Я вообще нерегулярно ходил на работу, часто прогуливал, но я уже был не в силах сконцентрироваться даже на самых простых задачах. Все, о чем я думал, так это о Клубе, а вместе с тем о выпивке и игре в карты. С каждым разом мне хотелось все больше и больше денег...

А потом я начал проигрывать. И чем больше я проигрывал, тем отчаяннее хотел отыграть свои деньги. Де Куинси предложил играть в кредит, и я занял у него деньги. Я вообще прекратил ходить на работу. Днем я спал, а ночи напролет проводил за карточным столом. Я потерял все, что у меня было. – Его голос теперь звучал отрешенно. – Когда я получил твое письмо, Тесси, в котором ты сообщала мне о смерти тети, то подумал, что это

случилось из-за меня. Кара настигла меня. В тот день я хотел купить билет, чтобы как можно быстрее вернуться в Нью-Йорк... Но у меня не было денег. Отчаявшись, я снова пошел в Клуб... Я был небрит, несчастен, глаза мои покраснели. Наверно, я дошел до грани отчаяния, потому что де Куинси именно в тот вечер жестоко отчитал меня. Он отвел меня в заднюю комнату и напомнил, что я задолжал Клубу больше денег, чем смогу когда-либо заплатить. При этом он казался очень довольным. То и дело стряхивал со своих кипельно-белых манжет невидимые пылинки и скалился мне в лицо. Он спросил, на что я готов, чтобы расплатиться с долгами. Я сказал: на все что угодно. Тогда-то он и спросил: «А как насчет твоей сестры?»

Все повернулись в сторону Тесс, которая была ни жива ни мертва от волнения и теперь начала отчаянно краснеть.

- Что... Что он говорил обо мне?

- Меня, если можно так выразиться, взяли под стражу, - продолжал Натаниэль. - Я не помнил, чтобы специально рассказывал о тебе членам Клуба, но я столько раз там напивался и болтал обо всем подряд.... - Чайная чашка, которую он все еще держал в руке, застучала о блюдо, и Натаниэль с трудом поставил ее на столик. - Я спросил де Куинси, что ему надо от моей сестры. И тогда выяснились интересные вещи. Оказывается, он подозревал, что один из детей нашей матери родился с особенным даром. Вначале он думал, что это я, но, понаблюдав за мной, решил, что единственная необычная вещь во мне - это феноменальная глупость. - В голосе Ната звучала горечь. - «Но ваша сестра... Ваша сестра - это что-то, - сказал он мне. - Она обладает силой, мощь которой не осознает сама. Я не хочу обидеть ее. Она слишком важна для меня». Я что-то бормотал в ответ, просил рассказать подробно, но он уперся. Условие было такое: или я приведу ему тебя, Тесс, или умру. Он даже сказал, что я должен делать.

Тесс медленно выдохнула.

- Де Куинси велел написать тебе то письмо, - догадалась она. - Он сделал так, чтобы ты послал мне билеты на пароход. Он хотел, чтобы ты заманил меня сюда.

Натаниэль потупился: теперь ему было бесконечно стыдно, но что он мог изменить?!

- Он поклялся, что не причинит тебе вреда. Он сказал, что всего лишь научит тебя использовать свою силу. Он сказал, что ты будешь окружена почестями и невообразимо богата...

- Ну это все звучит не так уж плохо, - заметил Уилл. - Однако есть и более важные вещи, чем деньги. - Его глаза яростно сверкнули.

Джем смотрел на молодого человека с не меньшим отвращением.

- Натаниэль ни в чем не виноват! - поспешно выпалила Джессамина. - Разве вы не слышали? Де Куинси убил бы его. И он знал, кем был Нат, откуда он прибыл. В конечном счете, он непременно нашел бы Тесс, а Нат бы погиб понапрасну.

– Ты действительно так думаешь, Джесс? – поинтересовался Уилл. – Предполагаю, ты сейчас совершенно объективна, и это твое заключение никак не связано с тем, что ты строишь ему глазки с того самого момента, как он появился в доме. Думаю, окажись на его месте любой другой мирянин, ты сказала бы то же самое и вела бы себя так же, и это независимо от того, что...

Джессамина негодующе вскрикнула и вскочила на ноги. Шарлотта, повысив голос, попыталась успокоить молодых людей, принявшихся кричать друг на друга. Но Тесс, не спуская глаз с Натаниэля, их не слышала.

Она давно знала, что ее брат слаб, и то, что тетя называла детской непосредственностью, на самом деле было безответственностью и испорченностью. Нат всегда вел себя, словно принц, заправляющий своим маленьким королевством. Первенец, хорошенький мальчик – ему сполна доставалось любви родственников, и они баловали его как могли. И вот теперь Тесс пришла к неутешительному выводу: он, как старший брат, должен был бы защищать ее, но на деле в защите нуждался он сам.

Но он все равно оставался ее братом, и она любила его, что бы ни случилось. Всегда, когда кто-то обижал Ната, она готова была броситься в бой, чтобы помочь, защитить. Так было теперь, и, возможно, так будет впредь.

– Право, Уилл, – заговорила она громким голосом, чтобы перекричать ссорившихся, – отказ от сотрудничества с де Куинси никому бы не принес пользы, и нет никакого смысла спорить об этом. Мы теперь должны узнать, каковы его планы. Что ты о них знаешь, Нат? Он говорил, что хотел сделать со мной?

Натаниэль лишь покачал головой:

– Как только я согласился на его предложение, он запер меня в своем лондонском доме. Он же заставил меня послать письмо Мортмэйну, в котором я объявлял о том, что увольняюсь. Бедняга, наверно, он счел меня неблагодарным мерзавцем. Де Куинси не хотел выпускать меня из поля зрения, пока не получит тебя, Тесс. Я был его страховкой. Он отдал Темным сестрам мое кольцо, чтобы те ясно дали тебе понять – я в их власти. Когда ты приехала в Лондон, он много раз говорил мне, что не собирается обижать тебя, а сестры просто учат тебя использовать свою силу, и ничего более. Темные сестры сообщали ему о твоих успехах каждый день, так что я знал, что ты все еще жива. Так как я жил в его доме, то каждый вечер становился свидетелем встреч членов «Клуба Преисподняя».

Очень скоро я понял, что в этой организации существует очень строгая иерархия. Люди, подобные Мортмэйну, находились в самом низу. Но у них были деньги, поэтому де Куинси и прочие председатели Клуба держали их возле себя. Де Куинси дразнил их, не давал соскочить с крючка, показывая глупые фокусы и время от времени чуть приоткрывая завесу, скрывающую тайны Сумеречного мира. Так ему удавалось держать этих толстосумов на коротком поводке. Были и другие члены, вроде Темных сестер. У них уже была власть, было влияние. Среди них не было людей, лишь обитатели Нижнего мира. Самым главным был де Куинси. Остальные называли его Магистром. Они часто устраивали закрытые заседания, на которые люди

никогда не приглашались. Вот там я впервые и услышал о сумеречных охотниках. Де Куинси их презирает, – продолжал Нат, повернувшись к Генри и Шарлотте. – Да что там презирает! Он вас попросту ненавидит. Он часто говорил о тех благословенных временах, когда сумеречные охотники будут уничтожены и обитатели Нижнего мира смогут жить и торговать во всем мире...

– Какая чушь! – Генри выглядел искренне оскорбленным. – Вы и не знаете, что за мир он себе представляет без сумеречных охотников.

– Он говорил о том, что раньше невозможно было нанести поражение сумеречным охотникам прежде всего потому, что у обитателей Нижнего мира не было достойного оружия. Он сказал: легенды гласят, что Сам Бог сотворил нефилимов превосходными воинами, так что никакое живое существо не может уничтожить их. Вот откуда появилась идея в вой не с нефилимами использовать механических людей.

– Автоматы, – пробормотала Шарлотта. – Он создает армию машин.

Натаниэль выглядел удивленным.

– Вы видели их?

– Они напали на вашу сестру вчера вечером, – сказал Уилл. – К счастью, мы, сумеречные охотники, оказались рядом и спасли ее.

– Вы знаете что-нибудь об этих автоматах? – подавшись вперед, нетерпеливо спросила Шарлотта. – Де Куинси когда-нибудь говорил о них при вас?

Нат вжался в спинку кресла:

– Он-то говорил, но я не понимал большую часть его речей. Я ничего не смыслю в механизмах...

– Все очень просто, – встрял Генри, который говорил спокойно и медленно, словно пытался найти общий язык с напуганным зверем. – Сейчас эти смертоносные машины де Куинси всего лишь обычные механизмы. Их нужно заводить, как часы. Но в его библиотеке мы нашли пергамент с одним очень необычным заклятием. Судя по всему, он хочет сделать свои машины живыми, вселив в них демонические сущности.

– Ах, вот вы о чем! Да, он говорил об этом, – ответил Натаниэль, и был он сейчас похож на ребенка, который правильно ответил на вопрос строгого учителя.

Тесс не могла не заметить, как напряглись охотники. Наконец-то они дошли до того, что их действительно интересовало.

– Де Куинси нанимал Темных сестер не только для обучения Тесс. Они самые настоящие колдуньи и их задачей было понять, как именно можно оживить машины. И похоже, они что-то придумали. Не так давно... несколько недель назад. Но они это сделали.

– Сделали? – Шарлотта выглядела потрясенной. – Но тогда почему де Куинси не использует их? Чего ждет?

Натаниэль перевел взгляд с ее обеспокоенного лица на Тесс, а потом оглядел и всех собравшихся в гостиной:

– Я... Я думал, вы знаете. Де Куинси говорил, что эти чары можно использовать только при полной луне. Когда это случится, Темные сестры возьмутся за работу, а затем... У него в убежище уже множество заготовок. Я предполагаю, что он оживит их, и...

– Полная луна? – Шарлотта поглядела в окно, а потом прикусила губу. – Уже завтрашней ночью.

Джем тут же вскочил на ноги:

– Пойду проверю лунный календарь в библиотеке. Я сейчас вернусь! – И он исчез за дверью.

Тем временем Шарлотта обратилась к Натаниэлю:

– Вы уверены в том, что говорите?

Натаниэль кивнул и тяжело вздохнул:

– Когда Тесс убежала от Темных сестер, де Куинси во всем обвинил меня, хотя я ни о чем и знать не знал. Он сказал, что в наказание позволит детям ночи выпить всю мою кровь. Он держал меня в подвале своего дома и уже не собирался держать язык за зубами. Он знал, что я должен умереть. Я слышал, как он говорил о том, что сестры справились с задачей. И теперь, дождавшись нужного часа, он мог без промедления уничтожить всех нефелимов. И члены «Клуба Преисподняя» будут править Лондоном.

– У вас есть идея, где де Куинси может скрываться теперь, когда его дом сторел? – неожиданно резким голосом спросил Уилл.

Натаниэль выглядел очень усталым.

– У него есть убежище в Челси[99]. Он ушел туда со своими уцелевшими приспешниками. В его клане, должно быть, еще около ста вампиров – тех, кто не был той ночью в его доме. Я знаю это место. Могу показать на карте... – Он сбился и замолчал, потому что в комнату ворвался Джем.

Тесс никогда не видела еще, чтобы лицо юноши было таким... испуганным.

– Это случится не завтра! – воскликнул Джем. – Полнолуние сегодня вечером!

Глава семнадцатая

Позвать тьму

Посмотри-ка там внизу
Колокольня, стена сада –
Темное пятно. В грозу
Ветер воет. Ты не рада
Тьме, которая внизу[100].

Эмили Бронте[101] «Старая колокольня»

Шарлотта помчалась в библиотеку, чтобы связаться с Анклавом и поставить его членов в известность о событиях, которые должны были произойти этим вечером. Генри остался в гостиной со всеми остальными. Он был удивительно терпелив, впрочем, как и Нат, подробно обозначивший на карте Лондона место, где, как он полагал, находилось убежище де Куинси: дом на набережной Челси, прямо рядом с Темзой.

– Я не знаю точно, какой из этих домов занимает де Куинси, – пояснил Нат, – так что вы должны быть очень осторожны.

– Мы всегда осторожны, – заверил его Генри, игнорируя косой взгляд Уилла.

Чуть позже он послал Уилла и Джима в оружейную, с тем чтобы они попросили Томаса подготовить к ночной вылазке клинки серафима и проверить остальное оружие. В гостиной теперь оставались трое – Тесс, Натаниэль и Джессамина. Генри поспешно спустился в подземелье, чтобы проверить некоторые из своих последних изобретений.

Как только все разошлись, Джессамина начала хлопотать вокруг Натаниэля – передвинула его кресло поближе к камину, сбегала за еще одним одеялом, которое заботливо накинула ему на плечи, и в конце концов поинтересовалась, какую книгу почитать ему вслух. «Если Джессамина надеется завоевать таким образом сердце Ната, то очень скоро ее ждет жестокое разочарование», – подумала Тесс. Натаниэль и так привык к тому, что над ним все трясутся, и едва ли обратит внимание на ее усилия.

– Так что теперь? – спросил он, его голос из-за одеяла звучал глухо. – Мистер и миссис Бранвелл...

– Зови их Генри и Шарлотта. Все так делают, – подсказала Джессамина.

– Они обо всем расскажут Анклаву – всем остальным сумеречным охотникам в Лондоне. Раскроют им местоположение убежища де Куинси и спланируют

нападение, – объяснила Тесс. – Но, Нат, ты не должен думать об этом. Тебе следует отдохнуть.

– Итак, остались только мы. – Натаниэль устало прикрыл глаза. – Одни в этом большом старом доме. Как странно..

– Уилл и Джем не пойдут с остальными, – заметила Джессамина. – Когда я ходила за одеялом, то слышала, как Шарлотта говорила с ними в оружейной.

Глаза Ната открылись.

– Они не пойдут? – с удивлением переспросил он. – Почему?

– Они слишком молоды, – пояснила Джессамина. – Сумеречные охотники становятся взрослыми, когда им исполняется восемнадцать, и только тогда они имеют право участвовать в сражениях. Если же ты не достиг требуемого возраста, то должен оставаться дома.

Тесс вдруг почувствовала такое сильное облегчение, словно гора с плеч свалилась. Однако она попыталась скрыть свои чувства, поспешно сказав:

– Как странно. Они ведь позволили Уиллу и Джемму пойти в дом к де Куинси.

– И именно поэтому они не могут пойти теперь. Очевидно, что в тот раз план провалился – де Куинси сбежал. И теперь Бенедикт Лайтвуд утверждает, будто во всем виноваты именно Уилл и Джем, потому что они еще слишком молоды и неопытны. К тому же Джем еще и слаб.. Я не уверена, но говорил он как-то так. Если же вы спросите меня, в чем именно дело, то я скажу – он просто хочет найти любой предлог, чтобы оставить дома своего обожаемого Габриэля. Даже притом, что тому уже исполнилось восемнадцать. Он ужасно избаловал сына. Шарлотте же он посоветовал не совершать роковых ошибок: мол, история знает случаи, когда погибали целые анклав, и все потому, что решили взять на битву молодых.

Тесс хотела было ответить, но, прежде чем она смогла произнести хоть слово, открылась дверь и вошел Томас. В руках он держал аккуратно сложенную одежду.

– Вот старые вещи мистера Джема, – сказал он Натаниэлю, который выглядел теперь слегка обеспокоенным. – На вид как раз ваш размерчик. Если же у вас уже достаточно сил, то пройдемте со мной в вашу комнату, заодно и посмотрим, подходит ли вам этот наряд.

Джессамина закатила глаза, и Тесс так и не поняла почему. Возможно, она думала, что старые вещи не подходят Натаниэлю.

– Спасибо, Томас, – проговорил юноша, медленно поднимаясь на ноги. – Я должен извиниться за свое поведение, когда пытался убежать от тебя. Наверное, во всем виновата лихорадка. Это единственное объяснение.

Томас вспыхнул от смущения:

– Я всего лишь выполняю свою работу, сэр.

- И очень хорошо это делаешь, я уверен. - Нат устало улыбнулся.

- Тебе, пожалуй, нужно поспать, - проговорила Тесс, с волнением глядя на осунувшееся лицо брата. - До возвращения Шарлотты и Генри нам все равно делать особо нечего.

- Думаю, я уже достаточно отдохнул, - ответил Натаниэль, переводя взгляд с Джессамины на Тесс. - Парень вроде меня должен быстро возвращаться в строй, не так ли? Чувствую, что у меня разыгрался аппетит, и я не буду возражать во время еды против приятной компании. Мне бы хотелось вернуться сюда сразу же после того, как я переоденусь, если вы, милые дамы, конечно, не против.

- Конечно, мы не против! - Джессамина выглядела восхищенной. - Я попрошу Агату приготовить что-нибудь легкое и накрыть нам прямо здесь, в гостиной. И возможно, после обеда мы сможем поиграть в карты. - Когда Томас и Нат вышли, она всплеснула руками и повернулась к Тесс, ее глаза сверкали. - Разве это не здорово?

- Карты? - Тесс была настолько потрясена глупостью Джессамины, что даже не сразу нашла, что сказать. - Ты думаешь, нам стоит играть в карты? В то время, как Генри и Шарлотта сражаются с де Куинси?

Джессамина тряхнула головой:

- А что, если мы станем сидеть здесь с постными лицами, это им как-то поможет? Я уверена, они предпочли бы, чтобы мы в их отсутствие веселились, а не лили слезы.

Тесс нахмурилась:

- Не думаю, что предложить Нату поиграть в карты хорошая идея, Джессамина. Ты же знаешь, что у него... проблемы... с азартными играми.

- Мы не собираемся играть на деньги, - беззаботно объявила Джессамина. - Мы станем играть на интерес. Ну, Тесс, честное слово, как в твоём возрасте можно быть такой занудой?

- Кем, кем? Джессамина, я знаю, ты хочешь, чтобы Нат чувствовал себя счастливым. Но мне кажется, ты ведешь себя неправильно...

- Ну конечно, ведь это ты у нас гроза мужских сердец, потому и раздаешь советы, - фыркнула Джессамина, ее карие глаза вспыхнули гневом. - Думаешь, я не вижу, как ты, словно шенок на хозяина, смотришь на Уилла. Слово он... Ах! - Она всплеснула руками. - Не бери в голову. Ты просто сделала мне больно. Я хочу поговорить с Агатой без тебя. - С этими словами она поднялась и поспешила прочь из комнаты. На мгновение остановившись в дверях, она обернулась и сказала: - Знаю, Тесс, тебя не волнует то, как ты выглядишь, но ты должна по крайней мере причесаться. Твоя прическа напоминает воронье гнездо! - И она захлопнула за собой дверь.

* * *

Тесс уже давно знала цену словам Джессамины, однако все равно ей стало вдруг очень больно. Она поспешила в свою комнату, плеснула водой на лицо и стала яростно драть расческой спутанные волосы. Глядя в зеркало на свое бледное, изможденное лицо, она спрашивала себя: выглядит ли она хоть в половину так же, как та маленькая Тесс, которую помнит Нат? В конце концов она решила не думать о том, как могла измениться.

Закончив приводить себя в порядок, она поспешила в коридор, где едва не налетела на Уилла, который стоял напротив ее двери, привалившись к стене и с рассеянным видом изучая свои ногти. Он, как обычно, плевать хотел на хорошие манеры, поэтому облачился лишь в рубашку, поверх которой шел ряд толстых кожаных ремней, перекрещивающихся на груди. За спиной у него висел длинный тонкий клинок – Тесс видела рукоять, торчащую из-за плеча.

– Я... – начала было Тесс, но тут в голове ее вновь зазвучал голос Джессамины: «Думаешь, я не видела, как ты, словно щенок на хозяина, смотришь на Уилла». После этого Тесс оставалось лишь надеяться на то, что в коридоре не слишком светло и Уилл не заметил, как она покраснела. – Я думала, ты не пойдешь с Анклавом сегодня вечером, – наконец выдавила она, чтобы хоть что-то сказать.

– А я и не иду. Хочу вот отнести оружие во двор, помочь Шарлотте и Генри. Бенедикт Лайтвуд пришлет за ними экипаж. Так будет быстрее. Впрочем, он и сам должен скоро прибыть... – Тесс все это время казалось, что Уилл улыбается, но в колдовском свете на его лице плясали причудливые тени, и она не могла сказать наверняка. – А ты, я смотрю, печешься о моей безопасности? Или хочешь одарить меня, чтобы я мог нести твой дар в сражение, подобно Уилфреду Айвенго[102]?

– Никогда не любила эту книгу, – заявила Тесс. – Ровена – скучная и плаксивая. Айвенго должен был выбрать Ребекку.

– Ага, значит, темноволосую девочку, а не блондинку? В самом деле?

Теперь Тесс была почти уверена, что он улыбался.

– Уилл...

– Да?

– Ты думаешь, Анклаву удастся убить его? Я имею в виду де Куинси?

– Да, – без колебаний ответил Уилл. – Время для переговоров прошло. Если бы ты видела терьеров во время травли крысы.. Хотя думаю, вряд ли ты хорошо знаешь охотничьих собак. Но это прекрасное сравнение для того, что произойдет сегодня вечером. Анклав будет уничтожать вампиров одного за другим, никого не останется.

– Ты хочешь сказать, что в Лондоне больше не будет вампиров?

Уилл пожал плечами:

- Вампиры есть всегда и везде. Но клан де Куинси исчезнет.

- И как только это случится... как только Магистра не будет... мы с Натом сможем покинуть Академию?

- Я... - Уилл казался по-настоящему ошеломленным. - Я полагаю... Да... ну... в общем, это правда. Думаю, ты предпочла бы находиться... в более спокойном месте. Возможно, ты даже присмотрела для себя какой-нибудь прелестный уголок Лондона. Вестминстерское аббатство...

- Я предпочла бы отправиться домой, - перебила его Тесс. - В Нью-Йорк.

Уилл ничего не сказал в ответ. Колдовской свет в коридоре стал еще слабее, и теперь она не могла ясно видеть его лицо, растворившееся среди теней.

- Тем не менее у меня есть причина, чтобы остаться, - продолжала она, сама не понимая, что хочет этим сказать. Однако ей было намного легче говорить с Уиллом, когда она не видела его лица и лишь ощущала его присутствие.

Она не заметила, как он шагнул вперед, и поняла это лишь тогда, когда его пальцы легко коснулись ее руки.

- Тесс, - заговорил он, - пожалуйста, не волнуйся. Скоро все уладится.

Ее сердце учащенно забилось. Что скоро уладится? Он не мог подразумевать то же самое, о чем думала она. Он имел в виду что-то другое.

- Разве ты не хочешь отправиться домой?

Он не двигался, но его пальцы все еще рассеянно гладили ее руку.

- Я не смогу отправиться домой.

- Почему? - прошептала она, но было уже слишком поздно - он отступил, скрывшись в тени. - Я знаю, что твои родители приезжали в Академию, когда тебе было двенадцать, и ты отказался встретиться с ними. Почему? Что они сделали тебе, почему ты их так страшно наказал?

- Они не делали ничего плохого. - Голос Уилла звучал так тихо, что Тесс прилагала немалые усилия для того, чтобы разобрать слова. - Я должен идти. Генри и Шарлотта ждут.

- Уилл, - позвала она, но он уже ушел - темная тень переместилась к лестнице. - Уилл! Уилл, кто такая Сесиль?

Ответом ей была тишина.

* * *

Вскоре Тесс вернулась в гостиную. Нат и Джессамина уже были там. К тому времени солнце начало садиться, близилась ночь, а с ней и полнолуние. Тесс подошла к окну и выглянула во двор. Там уже стояли Джем, Генри, Уилл и Шарлотта. Их фигуры отбрасывали длинные темные тени на ступени Академии. Генри держал в руках какую-то штуквину, в то время как Шарлотта, судя по всему, давала Уиллу и Джемю последние указания. Джем покорно кивал, а вот Уилл стоял с крайне независимым видом – Тесс было уже ясно, что он все равно поступит по-своему. «Он хочет участвовать в битве, – решила она. – Он не хочет оставаться здесь». Джем, вероятно, тоже хотел идти, но он не станет жаловаться и в том случае, если придется остаться. В этом-то и было одно из многочисленных различий между юношами, возможно, даже основное.

– Тесс, ты уверена, что не хочешь поиграть?

Нат повернулся и посмотрел на сестру. Он вновь восседал в кресле, вытянув ноги на коврик, на маленьком столике перед ним лежали карты. Напротив сидела Джессамина. Рядом с ней стояли серебряный чайник и маленькая тарелочка с бутербродами. Волосы Ната казались слегка влажными, как будто он вымыл голову или причесался влажной гребенкой. Он надел костюм Джема и в общем и целом выглядел очень неплохо. Джем был очень строен, но Натаниэль изрядно похудел во время своих приключений, так что теперь если рубашка и жала ему в воротнике и манжетах, то не сильно. Тем более что в плечах Джем был шире.

Тесс все еще смотрела в окно. Во двор въехал большой черный экипаж, на дверцах которого были изображены два горящих факела. Генри и Шарлотта забрались внутрь. Уилл и Джем тут же куда-то испарились.

– Будет, конечно, – заверила Натаниэля Джессамина и фыркнула, когда Тесс не ответила. – Только посмотрите на нее. И почему это она так надулась?

Тесс наконец отошла от окна и повернулась к игрокам:

– Мне... Мне это не нравится. Нехорошо играть в карты, в то время как Генри, Шарлотта и прочие охотники рискуют жизнями.

– Да, ты уже говорила об этом. – Джессамина положила свои карты на столик и раздраженно посмотрела на Тесс. – Нет, в самом деле, к чему так волноваться? Такие вещи происходят постоянно. Ничего особенного, обычная работа.

Тесс прикусила губу:

– Наверное, я должна была сказать им «до свидания» или пожелать удачи, но все произошло так быстро...

– Да не волнуйся ты так, – сказал Джем, входя в гостиную, Уилл шел следом. – Сумеречные охотники не говорят «до свидания» перед сражением. И

удачи друг другу не желают. Ты должна вести себя так, как будто их возвращение не подлежит сомнению.

– Мы не желаем друг другу удачи, – поддержал Уилл, шлепнувшись на стул около Джессамины, которая наградила его сердитым взглядом. – В конце концов, у нас есть мандат Самого Господа Бога. А когда на твоей стороне Бог, всемогущий и всесильный, разве имеет значение какая-то там удача? – В голосе его слышалась еле сдерживаемая ярость.

– Уилл, хватит! Своими глупостями ты всех расстраиваешь, – взвилась Джессамина. – Мы играем в карты. Вы можете или присоединиться к игре, или сидеть тихо.

– И во что же вы играете? – поднял брови Уилл.

– В папессу Иоанну[103], – холодно ответила Джессамина, раздавая карты. – Я только что объяснила правила мистеру Грею.

– Мисс Ловлесс сказала, что побеждает тот, кто избавится от всех своих карт. Мне кажется, тут что-то не так, – усмехнулся Нат и посмотрел через столик прямо на Джессамину. Она сердито надулась, и у нее на щеках от этого появились очаровательные ямочки.

Уилл указал на чашку, стоявшую рядом с локтем Натаниэля. От нее шел густой пар.

– Там есть чай? – спросил он. – Или это чистый бренди?

Натаниэль вспыхнул:

– Бренди укрепляет организм.

– Дааа... – протянул Джем, постепенно повышая голос. – И часто отправляет людей в богадельню.

– Ну хватит! Нельзя быть таким лицемерным. Как будто Уилл не пьет, а Джем... – Тут Джессамина замолчала, прикусив губу. – Вы волнуетесь из-за пустяков, а все потому, что Генри и Шарлотта не взяли вас с собой, – наконец продолжила она. – Поскольку вы слишком молоды. – Тут она через стол улыбнулась Нату – Я предпочитаю компанию более зрелых джентльменов.

«Нат всего на два года старше Уилла, – с неприязнью подумала Тесс. – Но его едва ли можно назвать „зрелым джентльменом“». Однако, прежде чем она высказала это вслух, послышался громкий звон, который разнесся по всей Академии.

Нат поднял брови:

– Я думал, это недействующая церковь. Разве тут есть колокола?

– Нет. Это не звон церковного колокола. – Уилл вскочил на ноги. – Это звонок. Значит, к нам пожаловали гости. Кто-то хочет поговорить с сумеречными охотниками. А ведь Джеймс и я – единственные, кто...

Он посмотрел на Джессамину, и Тесс поняла, что он ожидает от нее возражений. Но она лишь улыбалась Нату, а тот, наклонясь, что-то нашептывал ей на ухо. Они совершенно не обращали внимания на то, что происходит в комнате.

Джем посмотрел на Уилла и покачал головой. А потом они оба направились к двери. Когда юноши выходили, Джем бросил быстрый взгляд на Тесс и едва заметно пожал плечами. Ей показалось, он хотел сказать: «Мне жаль, что ты не сумеречный охотник». Но может статься, ей просто хотелось так думать. Возможно, он просто любезно ей улыбнулся, не придавая своему поступку ровным счетом никакого значения.

Нат выпил горячей воды с бренди из изящной серебряной чашки. Он и Джессамина перестали делать вид, что играют в карты, и склонились друг к другу, о чем-то тихо переговариваясь. Тесс почувствовала, как ее накрывает волна разочарования. Она-то ожидала, что все выпавшие на долю Натаниэля испытания заставят его задуматься и он наконец-то возьмется за ум, осознав, что в мире есть вещи и поважнее мимолетных удовольствий. От Джессамины она сразу не ждала ничего хорошего, но ее поведение странно действовало на нервы.

Тесс снова вернулась к окну. Во дворе стоял экипаж. Уилл и Джем замерли на верхних ступенях крыльца. Напротив них стоял человек в элегантном черном фраке, высоком цилиндре и, как Тесс сумела разглядеть, белом жилете. Он походил на обычного мирянина, хотя на таком расстоянии было трудно сказать точно. Человек этот скоро поднял руку и обвел ею двор. Она видела, как Уилл посмотрел на Джема, и тот кивнул. Интересно, кто же это такой и о чем они там говорят?

И тут взгляд Тесс упал на экипаж за спиной незнакомца, и она замерла как вкопанная. Вместо герба на одной из дверей значилось:

Мортмэйн и компания

Мортмэйн! Человек, на которого работал ее отец, кого шантажировал Натаниэль, кто познакомил ее брата с Нижним миром. Что он здесь делал? Она снова бросила быстрый взгляд на Натаниэля, от чувства раздражения не осталось и следа, теперь ей хотелось лишь одного – защитить его во что бы то ни стало. Если бы он только знал о приезде Мортмэйна, то непременно бы расстроился. Лучше выяснить, что происходит, прежде чем что-то случится. Тесс отошла от окна и не спеша направилась к двери. Увлеченный беседой с Джессаминой, Нат едва ли заметил, как она вышла из комнаты.

* * *

На удивление легко Тесс отыскала дорогу к лестнице, что шла через всю Академию и спускалась вниз, прямо в бывший неф церкви, превращенный в огромный вестибюль. Ей даже показалось, что она наконец научилась правильно ориентироваться в этом лабиринте комнат, коридоров и лестниц, поскольку, спустившись на первый этаж, почти сразу же нашла Томаса, стоящего у входа.

Он держал в руках массивный меч, правда направленный острием вниз. Лицо у него при этом было очень серьезным. Массивные входные двери были открыты, и в вестибюль пытались вползти сине-черные лондонские сумерки, но всякий раз тени наталкивались на преграду из ярких лучей колдовского света, разливавшегося по Академии желтоватым морем.

Томас очень сильно удивился, увидев Тесс:

– Мисс Грей?

– Что там происходит, Томас? – прошептала Тесс, почему-то не решаясь говорить в полный голос.

Тот пожал плечами:

– Явился мистер Мортмэйн. Он хотел поговорить с мистером и миссис Бранвелл, но так как их нет...

Тесс решительно направилась к двери, и Томас, решительное выражение лица которого сменилось растерянным, сделал шаг вперед, желая преградить ей путь:

– Мисс Грей, не думаю...

– Тебе придется использовать меч, если ты захочешь остановить меня, Томас. – В голосе Тесс зазвенел металл, и Томас, мгновение поколебавшись, отошел в сторону. Девушке на какое-то мгновение стало стыдно, однако Томас выглядел скорее удивленным, чем обиженным, и она решила, что извинится перед ним позже.

Пройдя мимо замершего на месте Томаса, Тесс оказалась на крыльце Академии, где стояли Уилл и Джем. Налетевший ветер тут же растрепал ее волосы и заставил зябко поежиться. У подножия лестницы стоял человек, которого она видела из окна, – мистер Мортмэйн. Он оказался намного ниже ростом, чем ей показалось вначале. Тесс вглядывалась в его лицо – и не могла поверить, что этот невысокий, крепенький человечек с таким дружелюбным лицом связан с «Клубом Преисподняя» и жестоким убийцей де Куинси. Манеры его были грубоватыми и немного развязными, что вкупе с его загорелым, морщинистым лицом придавало ему сходство с моряком или мелким торговцем.

– Да, – кивнул он, скользнув по Тесс взглядом, – мистер и мисс Бранвелл были вынуждены обратиться ко мне за помощью на прошлой неделе. Я хочу вам сказать, они очень, очень любезные господа. Они даже сохранили нашу встречу в тайне.

- Действительно, они не стали сообщать Анклаву о ваших тайных экспериментах, если вы говорите об этом, - подтвердил Уилл.

На щеках Мортмэйна проступили красные пятна.

- Да. Это было очень любезно с их стороны. И я решил их отблагодарить... - Тут он замаялся и вопросительно посмотрел на Тесс: - Кто вы, мисс? Еще один сумеречный охотник?

Уилл и Джем обернулись, как по команде, и тоже наконец увидели Тесс. Джем выглядел довольным, а Уилл, как всегда, сердитым и немножко удивленным.

- Тесс, ты могла бы не совать свой нос в наши дела? - проворчал он и снова повернулся к Мортмэйну: - Это мисс Грей. Сестра Натаниэля Грея.

Мортмэйн выглядел потрясенным.

- Боже!.. Я должен был догадаться. Вы так на него похожи.. Мисс Грей..

- А я так не думаю, - произнес Уилл так тихо, что миллионер, должно быть, и вовсе не слышал его.

- Мистер Мортмэйн, я хочу сказать, что вы больше не увидите Ната, - решительно заявила Тесс. - Не знаю, приехали ли вы за ним или по какому другому делу, но я хочу, чтобы вы знали - Нату крепко досталось, и с него хватит приключений. Боюсь, что после всех потрясений он еще не скоро оправится, так что оставьте его в покое.

Морщинки в уголках рта Мортмэйна обозначились резче - очевидно, этот разговор был ему неприятен.

- Я здесь не для того, чтобы увидеть юншу, - ответил он после секундной паузы. - Признаю, я подвел его, поступил с ним недостойно. Миссис Бранвелл ясно дала понять...

- Вы должны были отыскать его, - продолжала Тесс. - Мой брат! Вы бросили его на произвол судьбы! Позволили ему связаться с этими жуткими существами из Нижнего мира, хотя были прекрасно осведомлены о том, на что они способны. - Тесс сама поражалась своей храбрости, но уже не могла остановиться. - Когда он написал вам о том, что увольняется и переходит на работу к де Куинси, вы должны были что-то сделать. Вы же знали, что это за человек... если его, конечно, можно назвать человеком.

- Я не отрицаю свою вину, мисс Грей. - Даже в темноте было видно, как посерело загорелое лицо Мортмэйна. - Именно поэтому я здесь. Надеюсь, что мне удастся исправить хоть что-то...

- И что вы собираетесь делать? - поинтересовался Джем, четко выговаривая слова. - Почему именно сейчас?

Мортмэйн посмотрел на Тесс.

- Ваши родители были хорошими, добрыми людьми, - начал он. - Не проходило и дня, чтобы я не жалел о том, что рассказал им о Нижнем мире. Но у меня

есть оправдание: в то время я думал, что все это игра – восхитительная, увлекательная, необыкновенно интересная... Пробуждение было ужасным. В конце концов я понял, что дела обстоят иначе, чем казалось мне сначала. И теперь мне бы хотелось хотя бы отчасти загладить свою вину. Я расскажу вам обо всем, что знаю. Даже если после этого мне придется бежать из Англии, чтобы спастись от гнева де Куинси... – Он тяжело вздохнул. – Не так давно де Куинси велел мне изготовить множество не совсем обычных механических деталей. Я не стал спрашивать, для чего они ему нужны. Никто не задает вопросы Магистру – таковы правила. Только когда мистер и миссис Бранвелл обратились ко мне, я понял, что де Куинси задумал что-то страшное. Я навел справки, и мои знакомые из Клуба рассказали мне по секрету, что де Куинси создает армию механических существ, чтобы уничтожить сумеречных охотников... Де Куинси и его клан ненавидят сумеречных охотников, но это их война, не моя. Я всего лишь человек. Я знаю, что вы – единственные, кто стоит между людьми и миром демонов. Также я знаю, что завладей демоны миром, и все мы, невзирая ни на положение в обществе, ни на богатство, превратимся в их игрушки. Так что в том, что задумал де Куинси, я ему не помощник.

– Очень хорошо, – кивнул Уилл, и в его голосе явственно слышалось нетерпение. – Но пока вы сообщили нам лишь то, что мы и так уже знаем.

– А вы знаете, что он заплатил двум чародейкам, которые называли себя Темными сестрами? – продолжал Мортмэйн. – Они должны были создать заклинание, оживляющее механических существ, привязывающее к ним демонические сущности.

– И это мы знаем, – кивнул Джем. – Хотя полагаю, теперь осталась в живых лишь одна из сестер. Другую убил Уилл.

– Нет, вы ошибаетесь, – возразил Мортмэйн, и в его голосе прозвучало торжество – он радовался тому, что нефилимы хоть чего-то не знают. – Темные сестры снова вместе. Миссис Дарк воскресила свою сестру с помощью некромантии. Теперь они обе живут в особняке в Хайгейте [104]. Когда-то давно этот дом принадлежал одному чародею, но потом де Куинси убил его. Сестры сейчас там и заканчивают работу над заклинанием. Если мои источники информации не лгут, то де Куинси и Темные сестры уже сегодня ночью попытаются претворить свой план в жизнь.

Синие глаза Уилла потемнели от бешенства.

– Спасибо за информацию, – пробормотал он. – Но де Куинси уже очень скоро ни для кого не будет представлять угрозы. Ни он, ни его механические чудовища.

Мортмэйн был явно поражен услышанным.

– Анклав выступит против Магистра? Сегодня вечером?

– Точно, – злорадно подтвердил Уилл и хищно улыбнулся. – Вы действительно знаете слишком много для мирянина.

– Вы не собираетесь рассказывать мне подробности. Что ж, я понимаю... – с сожалением вздохнул Мортмэйн. – Но я прошу вас предупредить Анклав,

прежде чем сумеречные охотники что-то предпримут, – у де Куинси сотни механических существ. Настоящая армия. И Темные сестры должны уже закончить свою работу. Если вы собираетесь напасть на вампира, то вы должны знать о грозящей вам опасности. Боюсь, что против автоматов бессильно все ваше оружие. Вы рискуете проиграть.

Тесс в ужасе посмотрела на Уилла. Как бы ей хотелось помочь Анклаву, но что она, слабая девушка, могла сделать? Однако юноши выглядели совершенно равнодушными, словно Мортмэйн говорил с ними о погоде, а не предупреждал о вещах ужасных и неотвратимых.

– Вы знаете, где точно сейчас находятся Темные сестры? – спросил Джем.

– Конечно, – ответил Мортмэйн и назвал улицу и номер дома.

Уилл кивнул:

– Хорошо, мы обсудим все, что вы нам рассказали. Спасибо.

– Благодарим вас, мистер Мортмэйн, – поддержал друга Джем. – Доброго вам вечера.

– Но... – Мортмэйн выглядел ошеломленным. – Вы собираетесь что-то предпринимать или нет?

– Я же сказал, что мы это обсудим, – нетерпеливо повторил Уилл. – Что касается вас, мистер Мортмэйн, вы выглядите как человек, который куда-то спешит.

– Что? – Мортмэйн оглядел свой вечерний костюм и нервно засмеялся. – Да. Это только... Если Магистр узнает о том, что я был здесь, моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

– Тогда, возможно, вам стоит как можно быстрее отправиться на воды, – предложил Джем. – Я слышал, что в это время года очень хорошо в Италии. А со здоровьем, как я знаю, у вас не очень.

Мортмэйн переводил растерянный взгляд с Джема на Уилла и обратно. Он хотел было что-то возразить, но потом поник, словно из него выпустили весь воздух. Плечи его печально опустились. Наконец он жалобно посмотрел на Тесс:

– Если бы вы могли передать мои извинения вашему брату...

– Не стоит, – покачала головой Тесс. – Но все равно спасибо вам, мистер Мортмэйн.

Мистер Мортмэйн потоптался на месте, а потом, нерешительно кивнув, развернулся и побрел к экипажу. Уилл, Джем и Тесс молча провожали его взглядом. Стук лошадиных копыт громом разнесся по внутреннему двору, экипаж сделал круг и с грохотом выехал со двора.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Тесс, когда вдали затих стук копыт. – Как поступите с Темными сестрами?

- Сходим туда, все проверим... - Уилл раскраснелся, его глаза сверкали от волнения.

- Мне кажется, стоит предупредить Шарлотту и остальных...

- Как? - Уилл буквально выдохнул это слово. - Думаю, мы могли бы послать Томаса предупредить Анклав, но нет никакой гарантии, что он поспеет вовремя, а если Темные сестры сумеют поднять армию, его могут попросту поймать по дороге и убить. Нет, мы должны сами остановить Темных сестер. Раньше мне уже довелось убить одну из них, а значит, я смогу сделать это снова.

- А может, Мортмэйн ошибается, - задумалась Тесс. - Ведь его самого могли обмануть, передать ему неверную информацию.

- Могли... - согласился Джем. - А что, если нет? Мы не можем игнорировать его предупреждение. Последствия нашей нерешительности могут оказаться просто роковыми.

Тесс, понимая, что он прав, почувствовала, как от страха сжалось сердце.

- Возможно, я могла бы вам помочь. Я столкнулась с Темными сестрами раньше Уилла. Если бы я могла пойти с вами...

- Нет, - отрезал Уилл. - И это не обсуждается. У нас нет времени на подготовку, так что пойдут лишь те, кто умеет драться. Ты - не умеешь.

- Я же сражалась с де Куинси...

- Я сказал «нет», значит, нет. - Тон Уилла был категоричным.

Тесс посмотрела на Джема, но тот лишь рассеянно пожал плечами. Он словно бы хотел сказать: мне очень жаль, но Уилл прав.

Не найдя поддержки у Джема, Тесс повернулась и вновь пристально посмотрела на Уилла:

- А как же Воадиция?

На мгновение Тесс решила было, что он забыл о своих словах, сказанных ей в библиотеке. Но уже через секунду уголки его рта чуть дрогнули в едва заметной улыбке, как будто он хотел сдержаться, но не смог.

- Когда-нибудь, Тесс, ты станешь Воадицией, - сказал он. - Но не сегодня. - Потом обратился к Дjemu: - Надо позвать Томаса, пусть готовит экипаж. До Хайгейта далеко, и лучше нам поспешить.

* * *

Ночь уже спустилась на город, когда Уилл и Джем вышли к запряженному экипажу. Томас проверял постромки лошадей – Балдиоса и Ксанфоса, – в то время как Уилл, держа в руке стило, сверкающее в полумраке, рисовал защитный знак на голом предплечье Джема. Тесс, не скрывая своего неодобрения, стояла на верхних ступенях крыльца и с тоской во взгляде наблюдала за юношами.

Уверившись, что все меры безопасности приняты, Томас быстро поднялся по лестнице, но остановился, когда Тесс преградила ему путь.

– Они так и поедут? – спросила она. – Это все?

– Все готово, мисс, – кивнув, ответил он.

Томас многое бы отдал за то, чтобы поехать с друзьями, но Уилл, желая оградить его от гнева Шарлотты – а он непременно будет ужасным, когда леди Бранвелл узнает об этой аванюре, – велел конюху оставаться дома.

– С другой стороны, – попытался Уилл успокоить Томаса, – кто-то должен остаться в Академии и защищать ее во время нашего отсутствия. Натаниэль не в счет, – добавил он, покосившись на Тесс, которая демонстративно смотрела в другую сторону.

Уилл взялся одной рукой за козлы, собираясь запрыгнуть на них. Джем стоял рядом и смотрел на него. Их лица в желтом свете факелов казались белыми пятнами. Тесс подняла руку, собираясь было помахать им на прощание, но затем медленно опустила ее. Как там ей говорили? Сумеречные охотники не говорят «до свидания» перед тем, как отправиться на бой. И удачи друг другу не желают. Нужно вести себя так, словно их возвращение не подлежит сомнению.

И тут юноши подняли головы и, как по команде, посмотрели на нее. Ей показалось, что даже с того места, на котором она стояла, видно, как воинственно сверкают синие глаза Уилла. Однако ей показалось, что взгляд у него очень странный, словно у человека, который только что пробудился от глубокого сна и теперь не очень хорошо понимает, по-прежнему ли он находится в царстве грез или уже вернулся в реальность.

Однако не Уилл, а Джем взбежал к ней вверх по лестнице. Когда он оказался рядом, Тесс поразила яркому румянцу, горящему на его щеках. Его глаза сверкали, как никогда. Сколько же «лекарства» он принял для того, чтобы так выглядеть?

– Тесс... – начал он.

– Я не хотела говорить «до свидания», – быстро сказала она. – Но... я не могу позволить вам уехать просто так, даже ничего не сказав.

Он посмотрел на нее, а потом сделал то, чего она от него никогда не ожидала: озорно взял ее руку и поднес к губам, нежно посмотрев на девушку. Тесс вдруг внезапно стало стыдно и своих обкусанных ногтей, и многочисленных, еще плохо заживших царапин.

И тут Джем поцеловал ее руку, легко прикоснувшись губами к коже. Когда он опустил голову, его волосы, мягкие и легкие, словно шелк, скользнули по ее запястью. Ей показалось, что молния пронзила тело, и она безмолвно застыла на месте. А Джем выпрямился и расплылся в улыбке.

- Мицпа, - пробормотал он.

- Что? - удивленно прошептала она.

- Я говорю тебе «до свидания», не произнося этих, так нелюбимых сумеречными охотниками, слов, - ответил он. - Мицпа - это памятник, поставленный Лаваном[105], а Лаван этот сказал: «Да надзирает Господь надо мною и над тобою, когда мы скроемся друг от друга...»[106]

И не давая Тесс возможности ответить, он развернулся, быстро сбежал по ступенькам вниз и в один миг оказался рядом с Уиллом, который все это время стоял неподвижно, словно статуя. «Его руки сжаты в кулаки. Должно быть, ему не понравилось поведение Джема», - подумала Тесс. Но возможно, ей это лишь показалось, поскольку, когда Джем подошел к другу и тронул за плечо, тот расхохотался и, даже не взглянув на Тесс, запрыгнул на место кучера. Джем последовал за ним. Уилл взмахнул кнутом, и экипаж с грохотом покатил через ворота. Створки качнулись и со скрипом закрылись за удаляющимся экипажем, словно их затворили чьи-то невидимые руки. В тишине щелчок вставшего на место засова показался оглушительно громким... А затем где-то в городе зазвонили церковные колокола.

Софи и Агата стояли в дверях Академии и ждали, когда Тесс вернется в дом. Агата говорила что-то Софи, но та, казалось, не слушала. Она как-то странно посмотрела на девушку, и что-то в ее взгляде напомнило Тесс об Уилле. Но это было смешно: не существовало в мире двух столь непохожих людей, как Софи и Уилл.

Агата тем временем направилась к огромной двустворчатой двери. Она навалилась на тяжелые створки и, тяжело дыша, закрыла их. И тут вдруг ручка на левой створке начала медленно поворачиваться. Софи нахмурилась:

- Не могли же они вернуться так быстро?

Агата недоуменно посмотрела на проворачивающуюся с тихим скрипом ручку... Дверь распахнулась, кухарка резко дернулась.

В первое мгновение Тесс могла только сказать, что стоящий на пороге человек высок и одет в потертый костюм. А потом Агата страшно выпучила глаза и полным ужаса голосом пробормотала:

- Боже мой!

Незнакомец шагнул вперед. Металл сверкнул в свете свечей. Агата закричала и качнулась. Она, казалось, хотела отпрянуть от незнакомца, но что-то мешало ей.

- Иже еси на Небеси... - прошептала Софи. - Что это?

На мгновение Тесс показалось, будто мир вокруг нее замер. Распахнутая дверь, механический человек с вытянутыми, обнаженными, испачканными чем-то красным руками, его потрепанный, грязный костюм... Одной рукой, с которой ошметками свисала желтовато-серая кожа, он схватил Агату за запястье, в другой сжимал нож. Тесс шагнула вперед, но было слишком поздно. Автомат с нечеловеческой скоростью взмахнул ножом, и тот по самую рукоять вошел в грудь Агаты. Агата с хрипом втянула воздух, ее руки судорожно вцепились в рукоятку. Механический человек стоял перед ней, равнодушный, неподвижный, страшный... Агата смотрела на него расширенными от ужаса глазами, в которых плескалась смертная мука... Потом так же стремительно тварь выдернула клинок, и кухарка рухнула на землю как подкошенная. Ее тело еще не успело коснуться пола, а механический человек уже отступил назад, перешагнув порог.

Софи отчаянно закричала и бросилась к Агате. Тесс помчалась к двери. Механический человек медленно отступал, двор за его спиной был пуст. Зачем он приходил, почему убежал? Но раздумывать об этом не было времени. Она схватилась за веревку звонка и что есть силы потянула за нее. Грохот захлопнувшейся двери волной разнесся по всей Академии. Тесс опустила массивный засов и бросилась помогать Софи.

Софи сидела на полу, положив себе на колени голову кухарки. Она уже успела разорвать свой белый передник и теперь прижимала ткань к ране Агаты. Подняв на подошедшую к ней Тесс совершенно безумные глаза, она пробормотала в панике:

- Не понимаю, мисс. Никто не может коснуться этой двери. Никто, кроме тех, в чьих жилах течет кровь сумеречных охотников, не может дотронуться до двери.

«Да, но на нем была кровь сумеречного охотника», - внезапно осознала Тесс. Кровь Джема, которая запятнала его руки, въелась в его потрепанный костюм. Именно поэтому механическая тварь ранила Джема той ночью. И вот почему она сбежала, как только получила то, что ей было необходимо, - кровь сумеречного охотника. А это значит, монстр мог вернуться в любую минуту.

И тут вдруг тяжелый засов, удерживающий дверь закрытой, разлетелся с громким треском, в разные стороны полетели острые, как ножи, щепки. Софи подняла голову и снова дико закричала, но все равно ни на сантиметр не отодвинулась от Агаты. Массивные створки распахнулись, стукнувшись о стены.

На лестнице, ведущей в Академию, теперь стояли механические люди... Много механических людей. Рваные движения, блестящие лица, леденящие душу щелчки механизмов... Вот только они почти совсем не были похожи на автоматы, которые Тесс видела прежде. Некоторые из них явно были собраны в спешке, и вместо голов их тела венчали гладкие, блестящие в свете свечей овалы, на которых то тут, то там виднелись ошметки кожи. У некоторых и вовсе вместо рук и ног были части каких-то диковинных механизмов. У одного механического человека вместо руки была острая коса; у другого, высокого и широкоплечего, из рукавов торчали тонкие металлические прутья - пародия на руки.

Тесс вскочила и бросилась к двери – ее нужно было закрыть во что бы то ни стало. Она навалилась на тяжелую створку, но та не спешила поддаваться. Она двигалась так медленно, что Тесс казалось, будто ничего не происходит. Позади продолжала отчаянно кричать Софи. Агата лежала очень тихо. Задыхаясь, Тесс сделала последнюю попытку закрыть дверь... И, отлетев назад, упала на спину.

Один из автоматов вырвал массивную дверную створку с такой легкостью, с какой обычно вырывают сорняки с грядки. Он отшвырнул створку двери в сторону, и его металлические ноги зазвенели по каменному полу. Тварь переступила порог! А следом появился еще один механический человек, а потом еще один и еще... Теперь на Тесс надвигались по крайней мере с десяток автоматов, протянувших к ней свои чудовищные руки с ошметками кожи.

* * *

К тому времени, как Уилл и Джем добрались до особняка Темных сестер, луна уже ползла по небосклону. Хайгейт раскинулся на холме в северной части Лондона. Отсюда открывался превосходный вид на город, в свете бледной луны туман и смог, денно и ночью висающие над столицей, превратились в серебристое облако. «Плывущий в воздухе город мечты», – подумал Уилл. Почему-то сейчас, в момент наивысшего напряжения, в голове его кружили поэтические строки, восхваляющие величие и жутковатую красоту Лондона. Вот только не одну из них он не мог ухватить и вспомнить дословно. Уилл слишком нервничал и никак не мог сосредоточиться на чем-то одном.

Дом оказался особняком в георгианском стиле[107], утопающим в зелени. Высокая кирпичная стена окружала двор, и с улицы была видна только покатая крыша мансарды. Озноб пробежал по телу Уилла, когда юноши подошли к воротам. Такая реакция не удивила Уилла, напротив, он ожидал чего-то подобного. Дело в том, что они сейчас находились в месте, которое лондонцы прозвали Лесом ям: здесь, на самом краю города, во время Великой чумы[108] в спешно выкопанные ямы были сброшены тысячи тел. Естественно, никто не позаботился о том, чтобы похоронить несчастных по христианскому обряду, потому призраки в этих местах беспокоили людей до сих пор. Уилл уже не раз навещался сюда, чтобы успокоить не в меру разошедшихся фантомов.

Сейчас путь им преграждали черные кованые ворота, однако стоило только Джемму нарисовать над замком особый знак, как они бесшумно распахнулись. Оставив экипаж у стены, сумеречные охотники отправились по извилистой тропинке к главному входу. Повсюду царил запустение. Дорожку давно не чистили, и она заросла сорняками. В глубине сада прятались полуразвалившиеся хозяйственные постройки, то тут, то там попадались черные, полуистлевшие пни или гнилые деревья.

Джем повернулся у Уиллу. Глаза его лихорадочно сверкали.

- Пойдем дальше?

Уилл вытащил из-за пояса клинок серафима.

- Исрафил[109], - прошептал он, и клинок сверкнул, подобно вспыхнувшей молнии. Вообще при взгляде на пылающие нестерпимо ярким светом клинки серафимов можно было бы подумать, что они раскалены до предела, однако на самом деле клинки их были холодны, словно лед.

Глядя на клинок, Уилл вспомнил Тесс, сказавшую ему, что ад - место холодное, и грустно улыбнулся. Это была их первая встреча, Тесс была очень напугана, но дух ее еще был несломлен.

- И правда, - пробормотал Джем. - Самое время.

Они поднялись по ступеням и толкнули парадные двери. Охотники ожидали, что те будут заперты, однако они растворились с тихим скрипом. Уилл и Джем шагнули внутрь. Клинки серафимов освещали им путь.

Они оказались в огромном холле. Огромные витражные окна по бокам двери когда-то, должно быть, были великолепны, однако сейчас они представляли собой жалкое зрелище - целые стекла чередовались с выбитыми. Через затянутые паутиной дыры в дом со свистом врвался ветер. Мраморный пол был покрыт трещинами, в которых уже давным-давно проросли сорняки. Прямо перед Уиллом и Джемом изгибалась широкая лестница, уходящая в темноту второго этажа.

- А может быть, Мортмэйн и вправду ошибся, - прошептал Джем. - Здесь как будто никто не жил лет пятьдесят.

Но эхо его слов еще не успело отзвучать, как по дому разнесся странный звук, от которого волосы Уилла встали дыбом. Юноши тут же почувствовали, как вспыхнули знаки на их плечах. Кто-то пел в глубине дома, но в песне этой не было ничего приятного или красивого. Нечеловечески высокий голос выводил заунывную мелодию, и в такт ему звенели хрустальные подвески люстры.

- Здесь кто-то есть, - пробормотал Уилл.

Не говоря больше ни слова, они с Джемом прижались спинами друг к другу. Джем оказался лицом к открытой входной двери; Уилл - перед широкой изгибающейся лестницей.

Кто-то появился на ее вершине. Сначала Уилл увидел только чередующиеся черно-белые тени. Они устремились вниз, и пение стало громче. Уилл тяжело дышал. Пот лил градом с его висков, на позвоночнике выступили ледяные капли. И вместе с тем ему было жарко, жарко, несмотря на прохладу лондонской туманной ночи.

Она оказалась на середине лестнице прежде, чем Уилл узнал ее. Бесформенный балахон, чем-то отдаленно напоминающий монашескую сутану, скрывал длинное, костлявое тело миссис Дарк. Погасший фонарь мерно покачивался в когтистой руке. Она была одна. Или нет... Когда она спустилась вниз и встала на последней ступеньке, Уилл с отвращением

понял, что в руке она держит вовсе не фонарь. Это была голова ее сестры, миссис Блэк.

- Во имя Ангела, - прошептал Уилл. - Джем, ты только посмотри.

Джем быстро обернулся и выругался. Она держала голову госпожи Блэк за седые, заплетенные в длинную косу волосы. Белые, без зрачков, похожие на вареные яйца, глаза миссис Блэк были открыты. Рот был приоткрыт, полоска высохшей черной крови протянулась от одного из уголков губ.

Госпожа Дарк перестала петь и захихикала, словно школьница.

- Непослушный, непослушный... - протянула она. - Снова залез в мой дом. Нехорошо, ах как нехорошо, мой малыш.

- Я думал, она оживила сестру, - с придыханием пробормотал Джем.

- Полагаешь, кто-то воскресил Блэк, а потом отрубил ей голову? - пробормотал Уилл. - Кажется, здесь и в самом деле много работы...

- Гадкий нефилим, - прорычала миссис Дарк, уставившись на Уилла своими безумными глазами. - Все никак не можешь успокоиться? Ты же убил мою сестру! И ты даже не вернулся, не помог мне подарить ей новую жизнь. Ты знаешь... ты можешь себе представить... как это тяжело - быть совершенно одной?

- Больше, чем ты можешь себе вообразить, - громко сказал Уилл - и краем глаза заметил озадаченный взгляд Джема.

«Дурак, - подумал тот. - Не стоило говорить такие вещи».

Госпожа Дарк покачнулась:

- Ты смертен. Ты существуешь лишь одно мгновение, один вздох Вселенной. А я теперь буду одинока всегда, всегда! - Она крепче прижала к себе голову. - Но тебе-то какая разница? Конечно, у тебя находятся более интересные дела в Лондоне. Ведь в этом проклятом городе каждый день совершается столько ужасных преступлений, по сравнению с которыми мои жалкие попытки воскресить Эмилию лишь детская игра.

Уилл снова посмотрел на Джема, но тот лишь пожал плечами. Его точно так же, как и Уилла, охватило странное чувство брезгливой жалости.

- Естественно, некромантия вне Закона, ведь во время обрядов используется демоническая энергия, - протянул Джем. - И подобные вещи всегда привлекали наше пристальное внимание.

- Демоническая энергия? - прошипела миссис Дарк.

- Нет смысла притворяться. Мы хорошо знаем о ваших планах, - перебил ее Уилл. - Нам известно об автоматах, известно о том, что ты служишь Магистру. Кстати, Анклав сейчас уже на полпути к его убежищу. К утру вашего Магистра не станет. И тебе уже никто не поможет, ты уже нигде не сможешь скрыться.

Миссис Дарк заметно побледнела.

– Магистр? – прошептала она. – Вы нашли Магистра? Но как..

– Правильно, – подтвердил Уилл. – Де Куинси убежал от нас однажды, но теперь уже никуда не денется. Мы знаем, где он, и..

Но его слова заглушил дикий смех. Миссис Дарк согнулась пополам и облокотилась о перила лестницы, буквально воя от радости. Уилл и Джем в замешательстве уставились на нее. По ее лицу покатались темные слезы.

– Де Куинси?! Магистр?! – завывала она, давась смехом. – Этот самовлюбленный дурак?! Вы, должно быть, шутите! Идиоты, какие же вы идиоты!

Глава восемнадцатая

Тридцать сребреников

Запишем имя мы одной потерянной души.

О, человеке, как ты пал так низко!

Как будто Бог сказал тебе: «Пойди и согреси».

Рыдает ангел – видно, дьявол близко[110].

Роберт Браунинг «Потерянный вождь»

Тесс поползла прочь от двери. Позади нее замерла Софи, прижимающая руки к груди лежащей у нее на коленях Агаты. Кровь, впитавшись в тонкую ткань, сочилась между пальцев. Лицо Агаты стало желтовато-бледным, она тяжело, с посвистом дышала. Когда она увидела механических людей, ее глаза расширились, и она попробовала оттолкнуть от себя Софи, но та крепко вцепилась в ее платье и, казалось, даже не замечала слабых попыток кухарки освободиться.

– Софи! – По лестнице загрохотали шаги, и в вестибюль ввалился Томас. Лицо его было белым как мел. В руке сверкал массивный меч. Тесс видела этот клинок и раньше.

За Томасом бежала Джессамина, вооруженная своим смертоносным пестрым зонтиком, а позади нее Натаниэль, выглядевший до крайности перепуганным.

– Что, спрашивается... – Томас замолчал, переводя взгляд от Софи, Тесс и Агаты к двери и назад. Автоматы остановились. Они выстроились в ряд у дверного проема и не пытались идти дальше. Руки механических людей теперь беспомощно болтались вдоль туловищ, отчего они напоминали марионеток с перерезанными нитками. Глаз у них не было, но все равно казалось, будто они смотрят вдаль.

– Агата! – В крике Софи уже не было ничего человеческого.

Женщина была все еще жива, ее глаза оставались широко открытыми, но взгляд потух. Руки расслабились и опустились на пол.

Тесс каким-то чудом заставила себя повернуться спиной к автоматам и положила руку на плечо Софи, но та оттолкнула ее, а потом жалобно захныкала. Тесс с отчаянием посмотрела назад. Механические люди пока не двигались, но как долго это могло продолжаться?

– Софи, пожалуйста! – Нат был бледен, дышал тяжело. Его безумный взгляд метался по залу, то и дело останавливаясь на автоматах. Он выглядел так, словно каждое мгновение готов был сорваться с места и кинуться прочь.

Джессамина лишь раз взглянула на него, и взгляд ее был преисполнен удивления и... презрения.

– Убери ее, – приказала она Томасу, кивнув на Софи. – Она тебя послушается.

Томас покосился на Джессамину, а потом наклонился и мягко, но твердо вытащил руку Софи из руки Агаты и поставил девушку на ноги. Она тут же вцепилась в его пиджак. Ее руки были по локоть испачканы кровью, словно она только что поработала на скотобойне. Передник был разорван пополам, на нем отпечатались кровавые следы ладоней.

– Мисс Ловлесс, – сказал Томас низким голосом, свободной рукой прижимая к себе Софи. – Берите Софи, мисс Грей – и бегом в Святилище...

– Нет, – раздался из-за спины Тесс тягучий, манерный голос. – Я так не думаю. Берите служанку и идите куда угодно. А вот мисс Грей останется здесь. Так же как и ее брат.

Голос этот был до боли знакомым. Очень медленно Тесс обернулась.

Перед застывшими автоматами стоял мужчина, появившийся в вестибюле словно бы по волшебству. Тесс отметила, что в облике его снова не было ничего примечательного. Он разве что снял шляпу, и теперь его седые волосы тускло поблескивали в колдовском свете.

Мортмэйн.

Он улыбался. Но не так, как улыбался раньше, с приветливой жизнерадостностью. Его губы теперь растягивала неприятная, торжествующая улыбка.

– Натаниэль Грей, – заговорил он, – поздравляю. Все получилось просто превосходно. Признаю, я не мог до конца поверить в удачу, но ты выдержал испытание. Все твои прошлые оплошности забыты. Я горжусь тобой.

Тесс обернулась, чтобы посмотреть на брата, но Нат, казалось, забыл о ней. Он смотрел на Мортмэйна, и лицо его выражало одновременно и страх, и обожание. Медленно Натаниэль пошел вперед. Тесс протянула было руку, чтобы остановить его, но брат раздраженно оттолкнул ее и встал прямо перед Мортмэйном.

С криком он упал на колени и сжал перед собой руки, словно в мольбе.

– Единственное мое желание – служить вам, Магистр, – сказал он прерывающимся голосом.

* * *

Миссис Дарк все еще смеялась.

– В чем дело? – в замешательстве проговорил Джем, повысив голос, чтобы перекричать разошедшуюся колдунью. – О чем ты там говоришь?

– Де Куинси никакой не Магистр, – глумливо произнесла она. – Он всего лишь глупый вампир, ничуть не лучше других тупых кровососов. Магистр здорово одурачил вас. Вы даже понятия не имеете, кто он такой и с чем вам предстоит столкнуться. Читайте, что вы уже мертвы, мои дорогие. Я сейчас говорю с мертвецами.

Для Уилла это уже было слишком. С рычанием он рванул к лестнице, размахивая перед собой клинком серафима. Джем крикнул, призывая друга остановиться, но было слишком поздно. Госпожа Дарк, оскалившись, зашипела, словно кобра, и бросила отрубленную голову сестры в Уилла. С воплем отвращения тот увернулся, но чародейка получила возможность проскочить мимо. Она метнулась в сторону и растворилась среди ночных теней.

Голова госпожи Блэк тем временем скатилась по ступеньке и остановилась у ног Уилла. Он посмотрел вниз и вздрогнул. Один ее глаз был закрыт землистым веком, серый распухший язык вывалился изо рта. Создавалось стойкое ощущение того, что она искоса смотрит на Уилла.

– Меня сейчас стошнит, – объявил Джем.

– У нас нет на это времени... – решительно заявил Джем. – А ну-ка подвинься.

И он сломя голову рванул следом за миссис Дарк. Ногой отбросив в сторону отрубленную голову чародейки, Джем последовал за другом.

* * *

– Магистр?.. – безучастно повторила Тесс. «Но это невозможно. Магистр – де Куинси, – лихорадочно думала она. – Те существа на мосту сказали, что служат ему. Нат сказал...» Она с ужасом посмотрела на брата: – Нат?

Но, обратившись к брату, она привлекла к себе внимание Магистра. Он оглядел ее с ног до головы оценивающим взглядом и усмехнулся.

– Захватите изменяющую форму, – приказал он механическим существам. – Она не должна опять уйти.

– Нат! – закричала Тесс, но брат даже не повернулся, чтобы посмотреть на нее.

Внезапно ожившие механические люди, треща и шелкая, двинулись к Тесс. Один из них схватил ее. Его металлические руки сжали ее поперек груди, не давая вздохнуть.

Мортмэйн холодно улыбнулся:

– Не сердитесь на вашего брата, мисс Грей. Он действительно умнее, чем я считал. Именно он предложил выманить из Академии Карстаирса и Херондэйла, рассказав им какую-нибудь невероятно глупую историю, а потом беспрепятственно пройти сюда.

– Что происходит? – Голос Джессамины дрожал, она переводила взгляд с Ната на Тесс, потом на Мортмэйна и обратно. – Не понимаю. Кто это, Нат? Почему ты встал перед ним на колени?

– Это Магистр, – объяснил Натаниэль. – И если бы у вас было хоть немного ума, вы бы тоже опустились на колени.

Джессамина с недоверием посмотрела на Мортмэйна.

– Это что, де Куинси?

Глаза Ната вспыхнули злым огнем.

– Де Куинси – жалкий раб. Он служит Магистру. Впрочем, немногие знают, кто такой Магистр на самом деле. И я один из немногих, я избранный.

– Избранный, а ползаешь на коленях? Ну-ну, – презрительно фыркнула Джессамина.

Нат покраснел от гнева и вскочил на ноги. Он что-то закричал Джессамине, но Тесс едва ли его слышала. Автомат так сильно сжимал свои стальные объятия, что она уже начала задыхаться. Перед глазами у нее плыли темные пятна. Словно сквозь вату Тесс слышала, как Мортмэйн приказал механическому человеку ослабить хватку, но он не повиновался. Тесс цеплялась за металлические руки слабеющими пальцами и случайно схватила что-то маленькое и металлическое, что-то, что трепетало у нее шее, словно бабочка. И с каждой секундой цепочка на ее шее двигалась все сильнее и сильнее. Тесс удалось опустить голову, затуманенным взглядом она посмотрела вниз и с изумлением увидела, что механический ангел каким-то невероятным образом оказался поверх ее платья. Он подскочил вверх, поднимаясь по цепочке к ее голове. Его глаза пылали. Впервые она увидела, что его металлические крылья раскрыты. Они сияли так ярко, что глазам было больно, и были острыми, словно бритва. Ангел метнулся вперед и хлестнул крыльями по голове металлического человека. Во все стороны посыпались искры. Ангельские крылья вошли в металлическую голову с той же легкостью, с какой горячий нож входит в масло.

Искры обожгли шею Тесс, однако она не обратила на это ни малейшего внимания, так как стальные объятия механического человека ослабли. Она вырвалась, а автомат, покачиваясь, повернулся вокруг своей оси и задергался, нелепо размахивая руками. Сейчас он напоминал Тесс старый рисунок, который она видела в детстве: сердитый джентльмен в саду отмахивается от пчел. Мортмэйн заметил происходящее слишком поздно и закричал. Другие механические люди качнулись и стали наступать на Тесс. Она испуганно огляделась, но крошечного ангела не было видно. Он исчез.

– Тесс! С дороги! – Холодные пальцы схватили ее за запястье. Это была Джессамина.

Она оттолкнула Тесс и заслонила ее своим телом, в то время как Томас, выпустив Софи, встал рядом с ней. Джессамина еще раз подтолкнула Тесс к лестнице и двинулась вперед, крутя перед собой пестрый зонтик. Ее лицо было преисполнено решимости. Но первый удар нанес именно Томас. Сделав длинный выпад, он пробил грудь существа, которое, широко разведя руки, наступало на него. Человек-машина, громко затрещав, качнулся назад. Фонтан красных искр, словно кровь, вырвался из его груди. Джессамина засмеялась и взмахнула пестрым зонтиком. Его край, крутанувшись, разрубил ноги двух других автоматов, и те повалились вперед, шлепнувшись на пол и забившись, словно выброшенная из воды рыба.

Мортмэйн разозлился уже не на шутку:

– Что за черт! Вы... – Он ткнул пальцами в автоматы, у одного из которых на конце руки было приварено что-то вроде металлической трубки. – Избавьтесь от нее. От этой сумеречной охотницы.

Существо судорожно подняло руку. Из трубки вылетела красная молния. Она ударила Джессамину прямо в грудь, и девушка отлетела назад. Зонтик вылетел из ее руки, когда она рухнула на пол. Тело выгнулось, глаза широко раскрылись и остекленели.

Натаниэль, который все это время держался рядом с Мортмэйном, подальше от сражающихся, засмеялся.

Ненависть, охватившая Тесс в эту минуту, была настолько сильна, что девушка сама себе удивилась. Ей захотелось броситься на Ната, вонзить ногти в его лицо, пинать его, пока тот не закричит от боли. Она прекрасно знала, что большего не потребуется. Нат всегда был трусом, особенно если дело доходило до боли. Она устремилась вперед, но существа, сражавшиеся с Джессаминой, уже двинулись в ее сторону. Томас вышел вперед, чтобы загородить девушку своим телом. Выглядел он при этом устрашающе – огромный, злой, весь в поту, с всклоченными волосами и длинной кровоточащей раной, протянувшейся поперек его груди. Он великолепно орудовал мечом, нанося широкие рубящие удары. Казалось, еще чуть-чуть – и он нарежет своих противников на крошечные кусочки. Однако автоматы не уступали ему ни в ловкости, ни в силе. Ловко уворачиваясь от ударов, они продолжали наступать. Томас бросил дикий взгляд через плечо на Тесс:

– Мисс Грей! Немедленно уведите Софи!

Тесс колебалась. Она не хотела бежать. Больше всего на свете ей сейчас хотелось остаться и сражаться за свою жизнь и свою свободу. Но Софи... Девушка явно была не в себе от пережитого ужаса. Она прижималась к стене, словно стараясь слиться с нею, ее дикий взор блуждал по залу.

– Софи! – закричал Томас, и Тесс вдруг поняла, что он на самом деле всем сердцем любит Софи. – Во имя всего святого! Уходите!

– Нет! – закричал Мортмэйн, поворачиваясь к механическому существу, которое сразило Джессамину.

В то время как автомат снова стал поднимать руку, Тесс схватила Софи за руку и потянула к лестнице. Язык красного пламени ударил в стену в метре от них, оставив на камне черный след. Тесс завопила, но не остановилась, продолжая тащить Софи вверх по лестнице. За ними тянулся запах гари и... смерти.

* * *

Уилл промчался через сводчатый проход, который отделял холл от комнаты.. и затормозил. Джем был уже там, оглядываясь в замешательстве. В комнате никого не было, хотя из нее вел только один выход и они не смогли бы не заметить миссис Дарк, если бы той пришлось в голову убежать дальше.

Вероятно, когда-то это была столовая. Стены украшали многочисленные портреты в массивных золотых рамах, однако холсты по большей части были разорваны до такой степени, что было невозможно понять, кто именно на них нарисован. Большая хрустальная люстра стала прибежищем для десятка пауков – плотная серая паутина клочками свисала с рожков и легко покачивалась на ветру. Должно быть, когда-то под ней стоял обеденный стол, однако сейчас был лишь мраморный пол с начертанными на нем магическими знаками – пятиконечной звездой внутри круга и квадрата со статуей с искривленным

телом и когтистыми руками. На голове у существа торчали острые рожки. При первом же взгляде на знаки и статую становилось понятно, что миссис Дарк занималась здесь некромантией.

Подтверждали эту догадку многочисленные предметы, используемые в темномагических ритуалах, валявшиеся вдоль стен: кости, перья, полосы кожи. Кое-где даже попадались лужи странной черной крови, пузырящейся, словно шампанское. Еще там были пустые клетки, валяющиеся на боку, и низкий столик, на котором колдунья разложила окровавленные ножи и расставила каменные чаши, наполненные неприятными на вид темными жидкостями.

В пяти углах пентаграммы были начертаны руны и письмена, при взгляде на которые у Уилла заболели глаза. Эти руны уж совершенно точно были не из Серой книги – великой книги, в которой рассказывалось о тайнах мира и рождении новой жизни. Эти же знаки навевали мысли о смерти и разрушении.

– Джем, она не создавала связующие чары, – сказал Уилл. – Она занималась ритуалами некромантии.

– Вероятно, она пробовала воскресить сестру.

– Да, и больше ничего не делала. – Уилла мучило ужасное подозрение. – Здесь нет ничего по-настоящему опасного.

Джем не отвечал. Он пристально всматривался в дальний угол комнаты.

– Там кот, – сказал он наконец низким шепотом. – В одной из тех клеток.

Уилл поглядел туда, куда указывал его друг. Действительно, в одной из крошечных клеток, валявшихся у самой стены, сидел толстый серый кот.

– И?..

– Он все еще живой.

– Это всего лишь кот, Джеймс. У нас есть заботы поважнее...

Но Джем уже направился к клетке. Подхватив ее за железное кольцо, он поднял ее на уровень глаз. Кот оказался персом, с плоской мордой и желтыми глазами, которые недоброжелательно разглядывали Джема. Внезапно кот выгнул спину и громко зашипел, уставившись на пентаграмму. Джем посмотрел в ту сторону и замер.

– Уилл, – позвал он взволнованно. – Взгляни.

Статуя в середине пентаграммы двигалась. Она поднялась, выпрямилась и стала в два раза больше против первоначального размера. Ее глаза пылали адским пламенем. В комнате отчетливо запахло серой. И только когда отродье улыбнулось всеми своими зубастыми пастьями, располагавшимися в три ряда, Уилл осознал, что перед ним не статуя, а живое существо с твердой и серой, похожей на камень, кожей. Самый настоящий демон.

Уилл, быстро пригнувшись, отступил и инстинктивно рубанул клинком воздух, не ожидая, впрочем, что удар достигнет цели. Так и вышло. Пролетев мимо пентаграммы, клинок ударился о невидимую преграду и со звоном упал на мраморный пол.

– Глупцы, вы решили напасть на меня здесь? – Голос демона был высоким и тонким. – Можете призвать хоть Самого Хозяина Неба, но и Он вам не поможет! Даже сонмы ангелов со всей своей мощью не смогут переступить этот круг!

– Миссис Дарк, – заскрежетал зубами Уилл.

– Наконец-то вы узнали меня. Впрочем, никто и не ожидал, что сумеречные охотники станут блистать умом. – Демон обнажил зеленоватые клыки. – Это моя истинная форма. Предполагаю, вы такого не ожидали.

– Да уж, это что-то новенькое... – согласился Уилл. – Раньше вы, признаться честно, выглядели не очень... а теперь... эти рожки вам очень идут.

– И кто же ты такая? – Джем поставил клетку с котом на пол у своих ног. – Я думал, ты и твоя сестра – чародеи.

– Моя сестра и была чародейкой, – прошипело существо. – Я же – демон, меняющий форму. Совсем как ваша драгоценная Тесс. Но, в отличие от нее, я не могу стать тем, в кого превращаюсь. Я не могу касаться разума живых ли, мертвых ли. Так что я была не нужна Магистру. – В ее голосе прозвучала затаенная обида. – Он лишь хотел, чтобы мы с сестрой всему научили эту проклятую девчонку, которая ему так приглянулась. И мы сделали то, что он просил. Мы знаем все об изменениях, и мы поделились с ней своими знаниями.. Но она оказалась такой неблагодарной!

– Это, вероятно, очень тебя расстроило, – совершенно спокойно заметил Джем. – Тесс научилась изменять форму и даже не поблагодарила вас.

Уилл открыл было рот, но, поймав на себе предупреждающий взгляд Джема, решил все же помолчать.

– Она так ничего не поняла. А ведь ей выпала такая честь, такая честь. Она бы прославилась в веках. – Желтые глаза демона горели. – Когда она сбежала, гнев Магистра пал на нас. Мы разочаровали его. Он... Он хотел нас убить.

Тварь чуть качнулась вперед в сторону Джема. Или ему это только показалось?

– То есть де Куинси собирался убить вас обеих?

– Сколько раз вам говорить, что де Куинси – не Магистр? Магистр... – Тут демон зарычал. – Вы пробуете обмануть меня, маленькие негодяи, но ваша уловка не работает.

Джем пожал плечами:

- Ты не сможешь торчать в этой пентаграмме вечно, Дарк. В конечном счете до тебя доберется Анклав. Мы возьмем тебя измором. А когда ты станешь нашей... ты же знаешь, как Анклав расправляется с теми, кто нарушает Закон.

Госпожа Дарк зашипела.

- Возможно, Магистр оставил меня, - проворчала она. - Но я все еще боюсь его больше, чем вас и всего вашего Анклава.

«Больше, чем Анклава... Она и в самом деле боится, иначе не стала бы говорить таких вещей, - подумал Уилл. - Джем сказал ей правду: сумеречные охотники найдут этот дом и доберутся до нее. Но похоже, эта перспектива пугает ее меньше, чем гнев Магистра». Уилл по своему опыту знал: если кто-то не выказывает страх в ситуациях, когда страх естествен, то причиной такого поведения крайне редко становится врожденная храбрость. Скорее всего, этот человек или существо из Нижнего мира, или просто знает то, чего не знаете вы.

- Если ты не хочешь рассказать нам, кто такой Магистр, - продолжал Уилл, и в голосе его послышались стальные нотки, - возможно, ты хотя бы сможешь ответить на простой вопрос. Аксель Мортмэйн - Магистр?

Демон завопил, затем захлопал костистыми руками по ртам и сник, припав к земле, хотя глаза его по-прежнему горели алым огнем.

- Магистр... Он решит, что это я вам обо всем рассказал. Теперь он никогда не простит меня...

- Мортмэйн? - повторил пораженный Джем. - Но ведь он предупредил нас... О господи! - Несколько секунд он молчал, не в силах вымолвить ни слова. - Я вижу...

Уилл понял, что друг его пришел к тем же неутешительным выводам, что и он сам несколькими минутами ранее. Он, вероятно, догадался бы первым - Уилл всегда считал, что Джем самостоятельнее и умнее его, - если бы так истово не верил в людей и в лучшие человеческие качества.

- Мортмэйн солгал нам и о Темных сестрах, и о связующих чарах, - размышлял он вслух. - Фактически, это Мортмэйн убедил Шарлотту, что де Куинси - Магистр. Если бы не он, мы бы сами никогда не заподозрили вампира. Но почему?

- Де Куинси - мерзкая тварь, - закричала госпожа Дарк, все еще прячущаяся внутри пентаграммы. Она, казалось, решила, что больше нет смысла покрывать Магистра. - Он не повиновался Мортмэйну, сам хотел стать Магистром. За это он должен быть наказан! Жестоко наказан!

Пристальный взгляд Уилла встретился с взглядом Джема. Уилл мог поспорить, что они оба думали об одном и том же.

- Мортмэйн постарался очернить конкурента в глазах сумеречных охотников, - начал Джем. - Де Куинси стал прекрасным козлом отпущения.

– Он мог спрятать чертежи механических людей в библиотеке де Куинси без ведома хозяина дома, – согласился Уилл. – Де Куинси не признал себя хозяином армии автоматов, хотя он, очевидно, был знаком с этим замыслом. Кстати, Мортмэйн мог приказать механическим людям, которые напали на вас с Тесс на мосту, сказать, что они работают на вампира. И судя по всему, именно он оставил печать де Куинси на теле служанки, встретившей нас в Темном доме. Он сделал все возможное, чтобы отвести от себя подозрения.

– Но Мортмэйн не единственный, кто указал на де Куинси, – заметил Джем, и голос его звучал устало. – Натаниэль Грей... Брат Тесс. Когда два столь разных человека сообщают одну и ту же информацию...

– Они работают вместе, – перебил его Уилл, и на мгновение он почувствовал какое-то странное удовлетворение, которое, впрочем, быстро исчезло. Он не любил Ната Грея, ему претило видеть, как Тесс возится с ним, словно с безгрешным младенцем. Себя же он презирал за собственную ревность – слишком уж сильно волновала его Тесс. Конечно, приятно лишний раз убедиться в своей правоте, но какую цену им придется за это заплатить?

Миссис Дарк рассмеялась высоким, похожим на скулеж, смехом.

– Нат Грей, – выплюнула она. – Шавка Магистра. Гнусный подлец продал свою родную сестру Мортмэйну. И сделал это за тридцать сребреников. На самом деле он просто хотел потешить свое самолюбие. Я никогда не обращалась бы так с собственной сестрой. И вы еще говорите, что демоны злы, а люди – слабы и нуждаются в защите от нас! – Ее смех теперь превратился в визгливое кудактанье.

Но Уилл уже не обращал внимания на демона. Его мысли стремительно неслись вперед. «Боже, Натаниэль обманул нас. Он выдумал историю про де Куинси от начала и до конца. Он просто хотел направить Анклав по ложному следу. Но почему же тогда как только из Академии ушли Шарлотта и Генри, туда явился Мортмэйн? Чтобы избавиться от нас, Джема и меня, – подумал Уилл, его лицо почернело от бессильной злобы и отчаяния. – Нат не мог знать, что мы не поедим с Шарлоттой и Генри. Он должен был импровизировать, когда понял, что мы остались. Тут-то на сцену и вышел Мортмэйн. Они с Натаниэлем стоворились с самого начала. А вот теперь Тесс осталась с ним в Академии...»

Уилл почувствовал, как страх ледяной рукой сдавил сердце.

Ему захотелось развернуться и со всех ног броситься назад, в Академию, а там уже припереть Натаниэля к стенке и выбить и него всю правду. Но в первую очередь он был сумеречным охотником и должен был выполнить свой долг до конца.

Уилл повернулся к миссис Дарк:

– И каков же план? Что найдет Анклав, когда достигнет площади Карлетон? Мортмэйн хочет устроить резню? Отвечай! – закричал он, но от страха голос его дрогнул. – Или клянусь тебе, клянусь именем Ангела, который мне покровительствует, когда ты попадешь в руки Анклава, то будешь долго молить о смерти! Что он задумал?! Что?!!

Желтые глаза госпожи Дарк вспыхнули.

- Ты хочешь знать, что нужно Магистру? - прошипела она.

- Он презирает нефилимов, но это всем известно. Так чего же он хочет?

- Тесс, - тут же подсказал Джем. - Но она в безопасности в Академии, и даже его механическая армия не сможет попасть внутрь. Даже без нас там..

Но госпожа Дарк, не слушая юношу, продолжала елейным голосом:

- Были времена, когда я была в фаворе у Магистра. И однажды он обсуждал со мной план захвата Академии. Он планировал омыть руки механических существ кровью сумеречных охотников. Это позволило бы ему открыть двери.

- Кровь сумеречных охотников? - эхом отозвался Уилл. - Но..

- Уилл. - Джем прижал руки к груди, как раз там, куда механический человек ранил его. - Моя кровь.

Мгновение Уилл стоял совершенно неподвижно, прожигая взглядом своего друга, а потом без слов рванул к выходу из столовой. Джем задержался только для того, чтобы схватить клетку с котом. Когда они достигли входных дверей, те захлопнулись прямо перед их носом, и юношам пришлось резко затормозить. Он обернулся и посмотрел на Джема. Его лицо было искажено отчаянием.

Миссис Дарк, все еще сидевшая в центре пентаграммы, взвыла от смеха.

- Нефилим... - задыхалась она. - Глупый, глупый нефилим. Ну и где же теперь твой Ангел?

И тут задняя стена холла вспыхнула. Огонь метнулся к потолку, набросился на шторы, закрывающие окна. Во все стороны полетели пылающие искры. Нечего было и думать о том, чтобы потушить это дьявольское пламя синезеленого цвета. По дому пополз омерзительный, удушливый запах - запах демона. Кот обезумел от страха, он снова и снова бросался на прутья клетки и выл.

Уилл обнажил клинок серафима и закричал:

- Анаэль!

Клинок буквально взорвался вспышкой света, но госпожа Дарк лишь зашлась в очередном приступе смеха.

- Когда Магистр увидит ваши обугленные трупы, он простит меня! - закричала она. - Тогда он позовет меня назад!

Ее смех стал громче, пронзительнее, ужаснее. По холлу и комнатам полз едкий дым. Джем прижал рукав ко рту и проговорил, задыхаясь:

- Убей ее. Убей ее, и огонь потухнет.

Уилл, вцепившись в рукоять клинка, прорычал в ответ:

– Неужели не понимаешь? Если бы я мог, я бы давно это сделал. Но ее защищает пентаграмма. Мне не пробиться.

– Знаю. – Джем на секунду задумался. – Но ведь пентаграмму можно стереть, Уилл.

За годы тесной дружбы Уилл научился понимать Джема с полуслова. Он бросился назад, поднял горящий клинок, прицелился и метнул его.. но не в демона, а в толстую металлическую цепь, на которой держалась массивная люстра. Клинок прошел сквозь цепь, словно нож сквозь бумагу. Раздался бьющий по нервам скрежет. Демон успел только закричать, прежде чем массивная люстра, словно комета с хвостом из искореженного металла и битого хрусталя, обрушилась на него. Уилл прикрыл рукой глаза и отвернулся, поскольку осколки посыпались дождем. Пол под ногами качнулся, словно земля пошла ходуном.

Когда все стихло, Уилл открыл глаза. Люстра лежала на полу, похожая на огромный корабль, потерпевший крушение и лежащий теперь на дне моря. В воздухе висело облако пыли. Из-под груды разбитого стекла и искореженного металла по мраморному полу протянулся ручеек зеленовато-черной крови..

Огонь исчез. Джем, все еще сжимая в руках клетку с котом, внимательно разглядывал обломки. Его и без того бледные волосы припорошило белой пылью, щеки почернели от золы.

– Отлично сработано, Уилл, – заключил он в конце концов.

Уилл ничего не ответил. На разговоры не было времени. Он бросился к двери, которая в этот раз легко отворилась, стоило лишь чуть надавить на нее, и стрелой вылетел во двор.

* * *

Тесс и Софи вместе летели по лестницам Академии, пока горничная не выдохнула:

– Здесь! Вот эта дверь!

Тесс распахнула ее, не останавливаясь, и беглянки ворвались в следующий коридор. Софи дернулась, освобождая из захвата Тесс, и кинулась назад, закрывать дверь. Задвинув засов, она на мгновение остановилась и прислонилась спиной к дверной створке. Дышала она с трудом, лицо покраснелось от слез и быстрого бега.

– Мисс Джессамина, – шептала она. – Как вы думаете...

– Не знаю, – отрезала Тесс. – Но ты слышала Томаса. Мы должны добраться до Святылища, Софи. Только там мы будем в безопасности. – «И Томас хочет, чтобы я проследила за тобой, не дала тебе попасть в беду», – подумала она, а вслух сказала: – Ты должна показать, куда идти. Я не смогу найти дорогу одна.

Софи кивнула и выпрямилась. В полной тишине она провела Тесс лабиринтом лестниц и коридоров, пока они не достигли того самого, по которому Тесс шла на встречу с Камиллой Белкурт. Вытащив из держателя на стене лампу, Софи зажгла ее, и они поспешили дальше по коридору, пока не достигли наконец больших железных дверей с вензелем CS. И тут вдруг Софи встала как вкопанная и что есть силы закусил губу, пытаясь снова не разрыдаться.

– Ключ! – прошептала она. – Я забыла, черт возьми ... простите меня... ключ, мисс!

Тесс почувствовала, как ее охватывает ярость, но она не могла себе позволить сейчас гневную вспышку, потому постаралась успокоиться как можно быстрее. Тем более что на руках Софи только что умерла ее подруга. Едва ли можно было обвинить ее в излишней забывчивости.

– Ты знаешь, где он?

Софи кивнула.

– Я сейчас принесу. Ждите здесь, мисс.

Она развернулась и поспешно ушла по боковому коридору. Тесс смотрела ей вслед, пока белая шапочка и блузка не растворились среди теней. Девушка осталась одна в темноте. Единственный свет в коридоре пробивался из щели под дверь Святылища. Тесс прижалась к стене в самом, как ей казалось, темном углу, ничего так не желая, как слиться с каменной кладкой. Перед глазами ее, сменяя друг друга, проплывали жуткие картины: она все еще видела кровь, льющуюся из груди Агаты, окровавленные руки Софи, слышала смех Ната, когда упала Джессамина...

И тут снова раздался тот самый смех, резкий и звонкий, которого она теперь так боялась.

Уверенная, что ей показалось, Тесс повернулась и встала теперь спиной к дверям Святылища. Перед ней на том месте, где мгновение назад никого не было, теперь кто-то стоял.... Кто-то с прямыми светлыми волосами и кривой, дикой улыбкой... Кто-то с длинным тонким ножом в правой руке.

Нат!

– Моя Тесси, – протянул он. – Это было впечатляюще. Не думал, что ты и служанка бегаешь так быстро. – Он покрутил нож, словно бы в задумчивости. – К сожалению для тебя, мой повелитель наделил меня некоторыми... умениями. Я могу двигаться быстрее, чем ты можешь вообразить себе, – ухмыльнулся он. – Вероятно, намного быстрее тебя, если судить по тому, сколько тебе потребовалось времени, чтобы сюда добраться.

- Нат, - голос Тесс дрожал, - еще не поздно. Ты можешь это остановить.

- Остановить что? - Нат посмотрел на нее впервые с тех пор, как встал на колени перед Мортмэйном. - И отказаться от власти и знания? Отказаться от звания помощника самого могущественного человека в Лондоне? Я был бы дураком, если бы поступил так, как ты просишь, маленькая моя сестричка.

- Помощник? А где был твой повелитель, когда де Куинси собирался выпить твою кровь?

- Я разочаровал его, - вздохнул Нат. - Ты разочаровала его. Ты удрала от Темных сестер, зная, что это будет стоить мне жизни. Твоя сестринская любовь не так уж и сильна, Тесси.

- Я позволяла Темным сестрам мучить меня ради тебя, Нат. Я все делала для тебя. А ты.. Ты позволил мне поверить, что де Куинси и есть Магистр. Все деяния, что ты приписывал де Куинси, совершил на самом деле Мортмэйн. Именно он хотел меня заполучить. Он - тот, кто нанял Темных сестер. Ты рассказал о де Куинси лишь для того, чтобы спровадить Анклав из Академии.

Нат ухмылялся:

- Разве не помнишь, тетя Генриетта имела обыкновение говорить, что «мудрость, которая приходит слишком поздно, вряд ли является мудростью»?

- И что найдет Анклав, когда прибудет на место, которое ты назвал логовом де Куинси? Ничего? Пустой сожженный дом, руины? - Она начала отступать, пока не ударилась спиной о холодные железные двери.

Нат медленно шел к ней, глаза его сверкали так же, как и нож в руке.

- А вот и нет. Эта часть моего рассказа была правдой. Иначе Анклав слишком быстро понял бы, что его одурачили. Лучше пусть займутся делом, вычистят тайное логово де Куинси. Это их надолго займет. - Он пожал плечами. - Кстати, именно ты подсказала мне идею свалить всю вину на вампира. Знаешь ли, после всего, что случилось, его смерть была лишь вопросом времени. Нефилимы сосредоточили все свое внимание на нем и оставили Мортмэйна в покое. Я придумал прекрасный план. Отослал Анклав подальше от Академии и уничтожил де Куинси. Убил двух зайцев одним выстрелом.

«Как же он гордится собой», - с отвращением подумала Тесс. Больше всего ей хотелось плюнуть брату в лицо, но она понимала, что такое поведение не приведет ни к чему хорошему. Ей надо было попытаться заговорить ему зубы и придумать, как выпутаться из сложившейся ситуации.

- Конечно, ты одурачил нас, - согласилась она, в душе ненавидя себя за это. - Но что же в рассказанной тобой истории правда?

- Правды в ней немного, если ты действительно хочешь знать. Однако в основе самой лучшей лжи всегда лежит частичка правды, - хвастал он. - Я прибыл в Лондон, собираясь шантажировать Мортмэйна - хотел пригрозить, что, если он не даст мне денег, газеты узнают о его занятиях оккультизмом. Огласка ему и в самом деле не нужна. Он же хотел взглянуть

на меня, потому что знал: у наших родителей родился ребенок с уникальным даром. Вот только какой это был ребенок? Он полагал, что способностью изменять форму обладал я. – Нат усмехнулся. – Вначале он был недоволен, так как хотел, чтобы на моем месте была девочка.

– Но почему? Зачем я ему?

Нат пожал плечами:

– Не знаю. Да меня это и не волнует. Он пообещал сделать меня своим учеником, если я приведу тебя к нему и если у тебя действительно окажется тот самый дар, о котором он так много говорил. После того как ты сбежала, он наказал меня и отдал де Куинси. Когда ты оказалась здесь, в сердце цитадели нефилимов, у меня появился второй шанс, и я вновь предложил Магистру свою помощь.

– Ты связался с ним, уже находясь здесь? – Тесс чувствовала тошноту. – Ты обо всем ему рассказал? Ты сознательно предал нас? Но ты ведь мог остаться! Ты был бы здесь в безопасности!

– Ну уж нет, я не собираюсь владеть столь жалкое существование. Я, к сожалению, родился обычным человеком, слабым, презренным. Но теперь у меня появился уникальный шанс стать учеником Мортмэйна, его правой рукой, когда он станет управлять Британской империей.

– Господи, а ведь ты сошел с ума, – вздохнула Тесс. – Все это звучит так страшно и так нелепо...

– Вот увидишь, что я прав. Через год Мортмэйн въедет в Букингемский дворец. Империя преклонит перед ним колени.

– Но тебя рядом с ним не будет. Я видела, как он смотрел на тебя. Ты не ученик, ты инструмент, который он использует до поры до времени. Когда он получит то, что хочет, он избавится от тебя, как избавляются от мусора.

Нат еще крепче сжал нож:

– Это неправда.

– Правда, – уверенно сказала Тесс. – Тетя всегда говорила, что ты слишком доверчив. Поэтому тебе всегда не везло в игре, Нат. Ты сам отъявленный лгун, но ты никогда не можешь понять, когда лгут тебе. Тетя говорила...

– Тетя Генриетта... – Нат мягко рассмеялся. – Так печально, что она умерла. А помнишь, незадолго до смерти я послал ей коробку конфет? Ты, моя дорогая, никогда не любила сладкое, в отличие от нашей дорогой тетушки. Я все отлично рассчитал.

У Тесс голова пошла кругом. Сейчас она мечтала об одном: упасть замертво на месте и больше не видеть брата, не слышать, что он говорит.

– Нат... ты не мог... тетя Генриетта любила тебя!

– Ты понятия не имеешь, на что я на самом деле способен, Тесс. Ты вообще обо мне ничего не знаешь. – Он говорил быстро, глаза его горели лихорадочным огнем. – Ты всегда считала меня дураком. Глупеньким маленьким мальчиком, которого нужно оберегать и защищать. Так легко обмануть тебя и воспользоваться твоей доверчивостью. Я слышал, как вы с тетей обсуждали меня. Я знаю, вы не верили, что из меня может получиться что-то стоящее. Вы бы никогда не стали гордиться мной. Но теперь все по-другому. Теперь все по-другому! – прорычал он.

– Ты стал убийцей. И ты думаешь, я должна после этого гордиться тобой? Да мне стыдно, что я твоя сестра.

– Моя сестра? Никакая ты мне не сестра. Ты даже не человек. Ты вещь. Когда Мортмэйн рассказал, кто ты на самом деле, ты для меня умерла. Нет у меня никакой сестры.

– Тогда почему ты продолжаешь звать меня Тесси? – спросила девушка голосом таким тихим, что сама еле расслышала слова.

Он мгновение смотрел на нее в замешательстве, но для нее это мгновение превратилось в вечность. Как же ей было тяжело. Она уже привыкла думать, что брат – это все, что у нее осталось в мире... Но нет, на самом деле она была одинока. Так разве же ее сердце сможет вынести такое предательство? Что-то шевельнулось за плечом Ната, и Тесс задалась вопросом: видит ли она то, что происходит, на самом деле или ей все только кажется?

– Я не называл тебя «Тесси», – пробормотал Нат, и голос его звучал почти расстроено.

Чувство невыносимой печали охватило ее.

– Ты мой брат, Нат. Ты всегда будешь моим братом. Он прищурился. На мгновение в Тесс вспыхнула безумная надежда: а что, если он услышал ее, если решил изменить свои намерения?

– Когда ты станешь принадлежать Мортмэйну, он будет моим должником до конца жизни. Поскольку я единственный человек, который смог осуществить его мечту.

Ее сердце разбилось, разлетелось в груди на тысячи крошечных осколков. Что-то снова пошевелилось за плечом Ната, и тени беспокойно забегали по стенам. «Там действительно кто-то есть. Это не игра воображения», – подумала Тесс. Кто-то или что-то медленно двигалось по коридору прямо к ним. «Софи», – решила девушка. Тесс всей душой надеялась, что горничная догадается убежать прежде, чем Нат бросится на нее с ножом.

– Иди сюда, – позвал Нат. – Нет никакой причины поднимать шум. Магистр не собирается обижать тебя...

– Ты не можешь знать этого наверняка, – заметила Тесс.

Человек, шедший по коридору, уже почти вплотную приблизился к Натаниэлю. В руке он сжимал что-то белое, что-то, что тускло мерцало в неверном

свете фонаря. Тесс изо всех старалась не смотреть в ту сторону, не отводить взгляда от лица брата.

- Я уверен. - В голосе Натаниэля прозвучало нетерпение. - Я же не дурак, Тесс.

Человек пошевелился. Мерцающий предмет взлетел в воздух и обрушился на голову Натаниэля. Он качнулся и рухнул на пол, лицом вниз. Нож выпал из его руки, кровь испачкала белокурые волосы.

И тут она поняла, кто это был. Джессамина! Лицо ее было искажено злобной гримасой. В руках она все еще сжимала остов разбитой лампы.

- Возможно, он и не дурак, - она презрительно пнула лежащего у ее ног Ната носком туфли, - но и не слишком умный.

Тесс смотрела на девушку, не веря своим глазам.

- Джессамина?

Мисс Ловлесс подняла голову. Вырез ее платья был порван, волосы выбились из прически, на правой щеке темнел огромный синяк. Она бросила лампу, которой еще раз ударила Ната по голове, и сказала:

- Я в порядке, если это то, что тебя интересует. В конце концов, они явились не за мной.

- Мисс Грей! Мисс Ловлесс! - Это была Софи, запыхавшаяся от бега по лестнице. В одной руке она держала длинный железный ключ от дверей Святилища. Подойдя ближе, горничная чуть было не споткнулась о Ната и посмотрела на него, открыв рот от изумления.

- С ним все в порядке?

- Да кого это волнует? - резко ответила Джессамина и нагнулась, чтобы подобрать нож, который обронил Нат. - Тем более после всей этой лжи! Подумать только, он лгал мне! Я ведь действительно думала... - Она запнулась. - Теперь это не имеет значения... - Джессамина выпрямилась и повернулась к Софи, высоко задрвав подбородок: - Ну что ты там стоишь, Софи? Давай же войдем в Святилище прежде, чем сюда явится еще кто-нибудь.

* * *

Уилл выскочил из особняка и бросился вниз по ступенькам. Джем не отставал от него ни на шаг. Они промчались по залитой лунным светом лужайке и выскочили на улицу. Их экипаж стоял там, где они его и оставили - рядом с высокой каменной стеной. Джем расслабился, увидев, что лошади не испугались поднявшегося в доме шума. Впрочем, они уже давно служили сумеречным охотником и видели в своей жизни многое.

- Уилл. - Джем остановился возле друга, пытаясь тайком перевести дыхание.
- Мы должны вернуться в Академию как можно скорее.

- Совершенно с тобой согласен. - Уилл бросил на Джема внимательный взгляд.

Джем поежился. Неужели на его лице снова проступили лихорадочные пятна и Уилл догадался, что ему сейчас придется нелегко? «Лекарство», большую дозу которого он принял перед тем, как покинуть Академию, переставало действовать медленно, но верно. В другое время Джем бы сильно забеспокоился, но сейчас ему было не до этого.

- Думаешь, Мортмэйн ждал, что мы убьем госпожу Дарк? - спросил он. Не то чтобы ему это на самом деле было очень интересно, просто он надеялся таким образом выиграть несколько мгновений, чтобы перевести дух.

- Думаю, он надеялся, что мы поубиваем друг друга, - ответил Уилл почти рассеянно. - Идеальный выход для него. Ясно одно: он хотел избавиться от де Куинси, убив его руками нефилимов. - Уилл вытащил из внутреннего кармана складной нож и с удовлетворением посмотрел на него. - Одна лошадь скачет намного быстрее, чем движется экипаж.

Джем лишь крепче сжал клетку. Серый кот смотрел из-за прутьев на мир широко открытыми желтыми глазами. Взгляд его был полон неподдельного интереса.

- Пожалуйста, скажи, что ты не собираешься делать то, о чем я думаю, Уилл.

Одним быстрым движением Уилл открыл нож и взялся за упряжь:

- Нельзя терять время, Джем. К тому же Ксанфос может везти экипаж и в одиночку, тем более если ты будешь единственным пассажиром.

Джем пошел за Уиллом, но клетка была слишком тяжелая, а он сам - слишком истощен, потому друга он нагнал с трудом.

- Зачем тебе нож? Ты же не собираешься убивать лошадей?

- Конечно нет. - Уилл принялся перерезать сбрую, удерживавшую Балдиоса. Он всегда чувствовал особенную привязанность именно к этой лошади.

- Ах, - вздохнул Джем, - я вижу. Хочешь уехать на этой лошади подобно Дику Турпину[111] и оставить меня здесь. Ты сошел с ума?

- Кто-то должен позаботиться о коте. - Подруга и постромки упали, и Уилл вскочил на Балдиоса.

- Но... - Сильно встревоженный Джем уже успел залезть в экипаж и теперь откинулся на спинку сиденья. - Уилл, ты не мог бы..

Было слишком поздно. Уилл вонзил пятки в бока лошади. Балдиос попятилась и заржала, Уилл решительно вцепился в поводья... Джем мог поклясться, что

его приятель усмехался. Затем лошадь повернула и поскакала прочь. Уже через несколько мгновений она скрылась в ночи, унося своего наездника в неизвестность.

Глава девятнадцать

Боаниця

Обет ее, как сладкое дыханье

Дан мне – со мною быть со смерти.

Так завещали нам отцы, поверьте...[112]

Альфред, лорд Теннисон «Мод»

Двери Святылища закрылись у них за спиной, и Тесс в нерешительности осмотрелась. Сейчас в зале было намного темнее, чем в тот раз, когда она встречалась здесь с Камиллой. В массивных канделябрах больше не горело сотни свечей, и только слабо мерцающий колдовской свет разгонял чернильно-черные тени. Мраморный ангел по-прежнему плакал, роняя в бассейн крупные слезы. В зале было так холодно, что Тесс зябко поежилась и обхватила себя руками, пытаясь удержать быстро ускользающее тепло.

Софи дрожащими руками спрятала ключ от дверей Святылища в карман своего изодранного фартука. Выглядела она столь же взволнованной, как и Тесс.

– Наконец-то добрались... – прошептала она. – Как же тут холодно.

– Все просто отлично! Уверена, мы здесь не задержимся, так что и замерзнуть не успеем, – нарочито жизнерадостно произнесла Джессамина. Нож Ната все еще блестел в ее руке. – Кто-нибудь вернется, чтобы спасти нас. Уилл или Шарлотта...

– Вернутся и найдут в Академии десятки механических чудовищ, – возразила Тесс. – И Мортмэйн... – При воспоминании о Магистре она вздрогнула. – Не уверена, что все будет так просто, как тебе кажется.

Джессамина посмотрела на Тесс холодными темными глазами.

- Да, ты права. Вот только, знаешь, мы бы не оказались здесь, если бы не ты.

Софи вышла вперед и, загородив собой Тесс, встала между двумя массивными колоннами, на фоне которых казалась совсем крошечной. Впервые за этот вечер голос ее, эхом отлетевший от каменных стен, звучал решительно:

- Говорить так не очень любезно с вашей стороны, мисс.

Джессамина уселась на бортик фонтана и поджала ноги. Нахмурившись, она попыталась отряхнуть изрядно испачканный подол платья, но успеха в этом деле не добилась.

- Возможно, и не очень любезно, зато правдиво, - раздраженно ответила она. - Единственная причина, по которой Магистр явился сюда, - это Тесс.

- Я пыталась объяснить Шарлотте, что мои проблемы - это мои проблемы, - спокойно возразила Тесс. - Я просила ее отослать меня. Она этого не сделала.

Джессамина вскинула голову:

- У Шарлотты доброе сердце, и у Генри тоже. И Уилл... Он думает, будто превратился в Галахада. Хочет спасти всех и вся. И Джем такой же. Оба они не от мира сего.

- Полагаю, если бы ты решала, как поступить... - начала было Тесс.

- Ты очутилась бы за дверью и даже название улицы забыла бы, - закончила за нее Джессамина, презрительно фыркнув. А так как Софи все еще смотрела на нее с осуждением, добавила: - О, хватит, Софи, ради бога, не будь ты такой дурехой! Агата и Томас были бы живы, если бы решения в Академии принимала я.

Софи побледнела, ее шрам ярко пылал на щеке, будто горел изнутри.

- Томас мертв?

И тут Джессамина, очевидно, поняла, что допустила ошибку. Нельзя было этого говорить. Во всяком случае, не сейчас.

- Я вовсе не это имела в виду...

Тесс внимательно посмотрела на нее:

- Что там случилось, Джессамина? Мы видели, как ты упала...

- И любой из вас сделал бы то же самое, - сказала Джессамина и уселась поудобнее, в кои-то веки ее не интересовало состояние ее платья. - Я потеряла сознание... Когда пришла в себя, увидела, что все ушли, кроме Томаса. Мортмэйн тоже исчез, но те ужасные существа остались. Один из них направился ко мне. Я хотела было найти свой зонтик, но увидела, что его разорвало в клочья. Механические люди уже окружили Томаса. Я было

попыталась ему помочь, но он велел мне бежать... И я ушла. – Она вызывающе посмотрела на девушек.

Глаза Софи вспыхнули.

– Вы бросили его там? Одного?

Джессамина с яростью ударила ножом по бортику фонтана.

– Я леди, Софи. Считается, что это мужчина должен пожертвовать жизнью ради спасения леди, а не наоборот.

– Какой вздор! – Софи инстинктивно сжала кулаки. – Вы прежде всего сумеречный охотник! А Томас всего лишь обычный мирянин! Вы могли помочь ему. Только вы не сделали этого, потому что вы самая настоящая эгоистка! И... И вы ужасны!

Джессамина изумленно посмотрела на Софи, широко открыв рот:

– Как смеешь ты говорить со мной подобным...

И тут ее прервал громкий стук. Кто-то со всей силы колотил в дверь огромным молотком, который висел с той стороны, в коридоре. Девушки замерли от ужаса и... услышали знакомый голос:

– Тесс! Софи! Открывайте! Это Уилл.

– О господи, спасибо тебе! – На самом деле Джессамина обрадовалась не столько появлению Уилла, сколько возможности прекратить спор с Софи, которая, и это было очевидно всем, была права. – Уилл! Это Джессамина. Я тоже здесь! – крикнула она, поспешив к двери.

– У вас все в порядке? – Голос Уилла звучал взволнованно, но Тесс вдруг почувствовала какое-то странное волнение. – Что случилось? Мы мчались сюда от самого Хайгейта. Я увидел, что дверь Академии открыта. Как, во имя Ангела, Мортмэйн вошел сюда?

– Я и сама не знаю, как ему это удалось, – с горечью ответила Джессамина, потянувшись к ручке двери. – Просто понятия не имею.

– Едва ли это имеет значение теперь. Он мертв. Механические люди разрушены.

Голос Уилла звучал уверенно, только почему-то Тесс не верила ему. Она обернулась и бросила испуганный взгляд на Софи, которая неотрывно смотрела на дверь. Горничная хмурилась – резкая вертикальная морщинка протянулась между ее бровями, ее губы едва заметно шевелились, словно она шептала что-то. «Софи умеет Видеть!» – вспомнила вдруг Тесс. И теперь, глядя на горничную, Тесс окончательно убедилась в том, что происходит что-то нехорошее.

– Джессамина, – позвала она. – Джессамина, не открывай...

Но было уже слишком поздно. Дверь широко распахнулась. На пороге стоял Мортмэйн, а за ним – заводные чудовища.

* * *

«Спасибо Ангелу за то, что наделил меня неземной красотой», – думал Уилл, сломя голову мчавшийся по улицам Лондона. И действительно, даже ко многому привыкшие жители английской столицы провожали изумленными взглядами юношу, без седла скакавшего на черной как ночь, огромной лошади. Конь Уилла храпел и рвался вперед, поднимая тучи пыли. Редкие прохожие еле успевали уворачиваться из-под копыт. Кому-то даже не посчастливилось потерять очки – несчастный слишком резво отпрыгнул в сторону, угодив напрямик в гигантскую лужу.

От Хайгейта до Академии было почти пять миль [113]. Для того чтобы проехать это расстояние в экипаже, требовалось три четверти часа. Уиллу и Балдиосу понадобилось лишь двадцать минут. Бедный конь был весь в мыле, когда влетел во двор Академии и резко остановился перед ступенями крыльца.

У Уилла все поплыло перед глазами – двери Академии были широко открыты, словно хозяева приглашали зайти к ним в гости ночные тени. Происходящее полностью противоречило Закону: никто из сумеречных охотников не имел права оставлять двери в Академию даже слегка приоткрытыми. Уилл понимал, случилось что-то ужасное.

Он соскользнул со спины лошади, и его ботинки громко ударили о булыжник. Юноша огляделся, пытаясь придумать, что делать с лошадей, но так как он обрезал постромки, то привязать ее оказалось нечем. В конце концов, ему ничего другого не оставалось, как пожать плечами и подняться по ступеням навстречу неизвестности.

* * *

Задохнувшись от ужаса, Джессамина стремительно отскочила от двери, и Мортмэйн беспрепятственно вошел в зал. Софи закричала и бросилась прятаться за колоннами. Тесс же была слишком потрясена и не могла двинуться с места. Четыре автомата, шедших за Мортмэйном, замерли в дверях и уставились пустыми глазницами прямо перед собой. Их наспех обтянутые кожей лица напоминали уродливые карнавальные маски.

Позади Мортмэйна топтался Нат. Он оторвал подол от рубашки и уже кое-как перевязал голову. Его мрачный пристальный взгляд упал на Джессамину.

- Ах ты, тварь! - прорычал он и двинулся в сторону девушки.

- Натаниэль! - Резкий голос Мортмэйна прозвучал словно удар хлыста. Нат замер. - Сейчас не время сводить счеты. Есть вещи и поважнее. И ты кое-что должен сделать. Давай же забери это!

Натаниэль заколебался. Он смотрел на Джессамину, словно кот на мышь.

- Натаниэль! Иди в оружейную. Сейчас же.

Юноша с трудом оторвал взгляд от Джесси, скользнул насмешливым взглядом по Тесс, а потом развернулся и вышел. Два механических человека последовали за ним.

Когда за ним захлопнулась дверь, Мортмэйн приветливо улыбнулся.

- Две девушки должны выйти, - приказал он, переводя взгляд с Джессамины на Софи.

- Нет! - решительно заявила Софи, похожая сейчас на маленькую воинственную птичку.

К удивлению Тесс, Джессамина также не спешила повиноваться.

Мортмэйн пожал плечами:

- Очень хорошо. - Он повернулся к механическим существам: - Видите этих двух девушек, сумеречного охотника и горничную? Убейте их.

Он щелкнул пальцами, и механические люди неожиданно пришли в движение и прыгнули вперед. Они двигались с невероятной скоростью. Джессамина попыталась было бежать, но один из автоматов в два прыжка достиг ее и, обхватив руками, поднял над землей. Софи металась между колоннами, словно снежинка на ветру, но спастись было невозможно. Второй автомат стремительно подхватил ее и швырнул об землю с такой силой, что у нее дух вышибло. Автомат, схвативший Джессамину, одной рукой зажал пленнице рот, а другой крепко стискивал талию. Пальцы механизма безжалостно впивались в плоть. Ноги девушки беспомощно дергались, отчего она напоминала преступника, вздернутого на виселице.

- Прекратите. Пожалуйста, пожалуйста, прекратите! - взмолилась Тесс, не узнавая собственного голоса.

Софи немного пришла в себя и медленно поползла по полу на четвереньках. Однако автомат тут же схватил ее за лодыжку и, протащив по полу, подтянул к себе. Девушка заскулила.

- Пожалуйста... - снова попросила Тесс, глядя прямо в глаза Мортмэйна.

- Вы можете остановить это, мисс Грей, - ответил он. - Только пообещайте мне, что не попытаетесь сбежать. Если вы дадите мне слово, я отпущу их.

Тесс взглянула в огромные, полные мольбы и отчаяния глаза Джессамины. Перевела взгляд на обессиленную горничную, подобно тряпичной кукле висевшую в руках механического человека.

- Хорошо, - сдалась Тесс - Считайте, что получили мое слово. Я не попытаюсь сбежать. Только позвольте им уйти.

Повисла долгая пауза.

- Вы слышали ее, - наконец обратился Мортмэйн к своим механическим слугам. - Отведите девушек вниз. Но ни в коем случае не причиняйте им вреда. - Он улыбнулся, вот только улыбка его была не радостной и доброй, а скорее глумливой. - Оставьте мисс Грей со мной.

* * *

Уилл еще даже не успел войти в главные двери Академии, как почувствовал, что все вокруг него пропитано злом. Казалось, сам воздух был напоен демонической жестокостью. Первый раз подобное чувство охватило его в двенадцать лет, когда он держал в руках обломки шкатулки.. В общем, он никогда не думал, что подобное может случиться с ним в стенах Академии.

Первое, что он увидел, переступив через порог, это тело Агаты. Женщина лежала на спине, уставившись в потолок остеклевшими глазами. На груди ее простое серое платье было пропитано кровью. Волна ослепляющего, безудержного гнева затопила Уилла, и он на какой-то момент потерял способность мыслить разумно. Однако юноша постарался взять себя в руки: он что есть силы прикусил губу, закрыл глаза и тяжело вздохнул.

Признаки борьбы были повсюду - искореженные куски металла, согнутые и сломанные механизмы, лужи крови, мешающейся с лужами машинного масла. У лестницы Уилл наступил на что-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось обломками пестрого зонтика Джессамины.

На нижних ступенях лестницы в луже густой алой крови лежал Томас. Меч, на клинке которого ясно были различимы зазубрены и сколы, словно им рубили камни, валялся неподалеку. Из груди конюха торчал искривленный кусок металла. «Напоминает полотно пилы», - отметил Уилл, опустившись на колени рядом с Томасом.

От ярости перехватило дыхание, во рту появился мерзкий металлический привкус. Во время битвы Уилл всегда старался сохранять хладнокровие, иначе ему было не выжить. Все эмоции он оставлял на потом или же вовсе пытался загнать их как можно глубже, притвориться, обмануть самого себя. Когда ему исполнилось двенадцать, он, впервые столкнувшись с настоящей бедой, попытался убедить себя в том, что ничего особенного не произошло. За прошедшие после того случая годы он только усовершенствовал свое умение прятаться от самого себя. И вот теперь его сердце, глупое сердце,

разрывалось на части от внезапно охватившей его боли и тоски. Однако, когда юноша заговорил, голос его звучал спокойно и ровно:

- Здравствуй, Томас, вот я и вернулся.. Здравствуй и.. прощай. - Уилл медленно закрыл глаза друга. - Да упокоится твоя душа с миром..

И тут вдруг Томас крепко схватил его за запястье. Уилл ошеломленно посмотрел вниз. Взгляд остекленевших, подернутых смертной пеленой глаз Томаса рассеянно скользил по нему.

- Нет.. - прохрипел он. Слова явно давались ему с большим трудом. - Я.. проиграл.. был слаб..

- Замолчи, ты защищал Академию и сделал все возможное и даже невозможное, - пылко возразил ему Уилл. - Ты сделал то же, что сделал бы любой из нас.

- Нет.. - Томас закрыл глаза, словно с этим словом из его тела ушли все силы. Грудь его тяжело поднималась и опускалась. Рубашка уже была вся красной от крови. - Ты бы смог их.. остановить.. Уилл.. А я.. нет..

- Томас.. - прошептал Уилл. Он хотел было сказать: «Лежи тихо, скоро подоспеет помощь, и с тобой все будет хорошо», но вдруг понял, что хорошо уже не будет. Как бы он хотел, чтобы вместо него последним человеком, которого увидел Томас, был Джем. Уж он-то, как никто другой, мог утешить умирающего и облегчить его страдания. Джем мог заставить кого угодно поверить в благоприятный исход.

- Она жива, - продолжал Томас, не открывая глаз.

- Что? - Слова кучера застали Уилла врасплох.

- Ты же вернулся.. из-за нее. Из-за.. Тесс. Она сейчас с.. с Софи.. - Он закашлялся, и из его рта хлынула кровь. Однако умирающий, казалось, не замечал этого. - Позаботься о Софи.. Уилл. Софи..

Это были последние слова Томаса. Рука его разжалась и безжизненно упала, глухо стукнув о каменный пол. Уилл отпрянул. Он уже давно узнавал смерть в лицо и был с ней на «ты». Сейчас Томас закрыл глаза сам и уже навсегда.

- Спи с миром, мой добрый и преданный друг, - сказал Уилл, не совсем понимая, зачем вообще это говорит. - И спасибо тебе за все.

Вдруг Уилла охватило безумное чувство, словно еще что-то можно сказать, можно сделать.. Но он нашел в себе силы встать на ноги и подняться вверх по лестнице.

* * *

Как только девушки в сопровождении механических людей вышли, двери тут же закрылись за их спинами. В зале стало так тихо, что было слышно, как слезы стекают по щекам ангела.

Мортмэйн стоял перед Тесс и спокойно ее разглядывал. «Надо же, я по-прежнему не могу поверить в то, что этот человек способен на убийство», – подумала Тесс. И действительно, невысокого, коренастенького Мортмэйна, с ничем не примечательной внешностью, седыми на висках волосами и светло-серыми, какими-то мышинными глазами, просто невозможно было заподозрить в совершении серьезного преступления.

– Мисс Грей, я надеялся, что в первый раз мы останемся наедине несколько при других обстоятельствах.

Глаза Тесс горели ненавистью.

– Ну и кто ты? Чародей?

– Просто человек, мисс Грей, просто человек, – легко улыбнулся он, но глаза его при этом оставались холодными.

– Но ты колдовал, – возразила она. – Ты говорил голосом Уилла...

– Любой может научиться подражать голосам, нужно лишь немного потренироваться, – ответил он. – Простая уловка. Никто и никогда не ожидает ничего подобного. Особенно сумеречные охотники. Они полагают, что мы, люди, вообще ни на что не годны.

– Нет, – прошептала Тесс. – Они так не думают.

Его рот скривился в презрительной гримасе.

– Надо же, как быстро они запудрили вам мозги. Но ничего, скоро вы поймете, кто на самом деле друг, а кто враг... – Он шагнул вперед, и Тесс отступила. – Не бойтесь, я не стану обижать вас. Я просто хочу вам кое-что показать. – С этими словами он полез в карман пальто и вытащил оттуда золотые часы на толстой, тоже золотой цепочке.

Тесс не могла понять, чего он добивается. Неужели просто хочет узнать, сколько сейчас времени? Ситуация казалась девушке такой до странности нелепой, что пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать истеричный смех.

Мортмэйн протянул ей часы.

– Мисс Грей, пожалуйста, возьмите это, – попросил он.

Она в страхе посмотрела на него:

– Я не хочу.

Он снова попытался приблизиться, и Тесс опять сделала шаг назад. Подол ее платья зашуршал о бортик фонтана.

- Возьмите часы, мисс Грей.

Тесс покачала головой.

- Возьми их, или я позову своих механических слуг и прикажу им свернуть шею твоим подругам. - Голос Мортмэйна теперь звучал раздраженно, от былой вежливости не осталось и следа. - Сейчас я подойду к двери и позову их. И я хочу, чтобы ты знала: это ты сделала такой выбор, а значит, ты виновата в их гибели.

Комок подкатил к горлу Тесс. Она испуганно смотрела на часы, болтающиеся на золотой цепочке, которые протягивал ей Мортмэйн. Часы эти, по-видимому, остановились в полночь и больше их уже не заводили. На задней их крышке были выгравированы инициалы Дж. Т. С.

- Почему? - прошептала она. - Почему ты хочешь отдать их мне?

- Потому что хочу, чтобы ты изменила форму, - просто ответил Мортмэйн.

Тесс дернулась. Во взгляде ее отразилось непонимание.

- Почему?

- Эти часы принадлежали одному человеку, - сказал Мортмэйн. - Человеку, с которым я очень хочу встретиться снова. - Его голос был спокойным, но Тесс слышалось в нем затаенное чувство, пожирившее мужчину изнутри и пугавшее девушку больше, чем его явный гнев. - Я знаю, чему Темные сестры научили тебя. Теперь ты знаешь, как использовать свою силу. Ты единственная в мире, кто может делать подобные вещи. Я знаю это, потому что я создал тебя.

- Ты создал меня? - переспросила Тесс. - Что ты такое говоришь... Ты не можешь быть моим отцом...

- Твоим отцом? - Мортмэйн коротко и зло рассмеялся. - Я человек, а не существо из Нижнего мира. Во мне нет ни частички демона, и у меня нет супруги-демона. Нет, Тесс, в наших жилах течет разная кровь. И все же, если бы не я, на этом свете не было бы и тебя.

- Не понимаю, - прошептала Тесс.

- Тебе и не надо. - Терпению Мортмэйна явно приходил конец. - Давай сделай то, что я тебе говорю. Изменяйся! Сейчас же!

Тесс уже начала забывать, каково это - изменять форму, находясь в состоянии тревоги и страха. Последний раз она это делала в доме Темных сестер. Ее сердце забилось так сильно, что, казалось, еще немного - и выскочит из груди. К ней подступила темнота, в которой ей предстояло раствориться, - все так, как ее учили. Возможно, было бы лучше уступить, подчиниться Мортмэйну, сжать в руке часы, позволить своему телу измениться, примерить на себя чужую личину... Ведь она уже проделывала это прежде вопреки собственному желанию.

Тесс посмотрела вниз, стараясь не встретиться со жгучим, пристальным взглядом Мортмэйна, и вдруг увидела, как на краю фонтана что-то блеснуло. Вначале ей показалось, что это просто отсвет на воде... Но нет, там определенно что-то было. И тут вдруг Тесс ответила, сама не понимая, почему так поступает.

- Нет, - тихо, но твердо сказала она.

Глаза Мортмэйна превратились в узкие щели.

- Что?

- Я сказала «нет». - Тесс казалось, что она смотрит на себя со стороны, что на самом деле это не она сейчас отказывает Мортмэйну. - Я не стану делать этого. Не стану до тех пор, пока ты не объяснишь мне, что имеешь в виду. Почему без тебя не было бы меня? Почему ты так сильно нуждаешься во мне? Для чего собираешься использовать мою силу? Ты ведь не просто создаешь армию механических существ. Я же не такая дура, как мой брат, и понимаю - что-то здесь не так. Отвечай мне.

Мортмэйн убрал часы назад в карман. Его лицо исказилось от плохо сдерживаемой ярости.

- Нет, - пробормотал он. - Ты не такая, как твой брат. Он - дурак и трус. А ты храбрая, но такая же глупая, как и он. Твоя храбрость, безусловно, делает тебе честь. Однако из-за нее суждено пострадать твоим друзьям. Что ж, думаю, тебе стоит взглянуть на то, что ты сделала своими же руками. - Он направился к двери.

Тесс молниеносно наклонилась и схватила нож, оставленный Джессаминой на бортике фонтана.

- Остановись! - закричала Тесс. - Мортмэйн! Остановись!

Он обернулся и увидел в ее руках нож. Увидел... и не испугался. Напротив, губы его изогнулись в глумливой усмешке.

- Неужели ты и в самом деле думаешь, будто сможешь остановить меня этой жалкой зубочисткой? Ты, конечно, глупа, но все-таки не идиотка. Или ты действительно думаешь, что я пришел сюда безоружным? - Он слегка откинул полу пиджака, и Тесс увидела рукоять пистолета, торчащую из-за пояса.

- Нет... - вздохнула Тесс. - Нет, не смогу причинить тебе зло. У меня не хватит на это сил. - И тут она повернула нож и приставила острие к своей груди. - Но если ты сделаешь еще хоть шаг, то клянусь тебе, я воткну этот нож прямо себе в сердце.

* * *

Джему пришлось повозиться, прежде чем он смог хоть как-то привести в порядок перерезанную Уиллом упряжь.

Тем не менее он справился с задачей, и вскоре уже экипаж, прогрохотав по булыжной мостовой, въехал во двор Академии. Ксанфос остановился в футе от лестницы.

Балдиос, понутив голову, бродил по двору. «Должно быть, Уилл гнал сломя голову, – подумал Джем. – Но, по крайней мере, он благополучно добрался».

Однако поводов для радости больше не было. При виде широко распахнутых дверей Академии Джема затопила волна ужаса. Зрелище это показалось Уиллу настолько же диким, насколько диким показался бы ему вид неба без звезд и луны.

– Уилл? – громко позвал Джем. – Уилл, ты меня слышишь?

Не получив ответа, он спрыгнул с козел на землю, удержав равновесие с помощью трости. Его запястья слабо заныли – это был дурной знак. Больше всего на свете он боялся того момента, когда «лекарство» переставало действовать. Вначале начинало ломить суставы, боль нарастала медленно, но верно, и в конце концов все его тело начинало словно в огне гореть.

Но сейчас он не мог позволить себе думать о неизбежном. Все его мысли были лишь о Тесс и Уилле. Джем никак не мог прогнать от себя видение: вот он спускается по ступенькам вниз, чтобы ехать в дом Темных сестер, а она стоит наверху и смотрит на него. Тогда она выглядела напуганной; и от мысли, что она могла бояться за его жизнь, он вдруг почувствовал себя счастливым.

И тут вдруг кто-то вышел на крыльцо и нерешительно остановился в дверях. Человек этот недолго оставался в одиночестве. Буквально через секунду в дверях показалось еще несколько фигур. В спины им бил колдовской свет, и Джем, как ни силился, не мог разобрать их лиц. Он присмотрелся и понял, что почти все фигуры были как-то странно перекошены...

– Джем! – Раздавшийся голос был высоким, испуганным и очень, очень знакомым.

Джессамина!

Подскочив на месте от неожиданности, Джем затем бросился вверх по лестнице... и резко остановился на середине. Прямо перед ним застыл Натаниэль Грей. Его одежда была порвана, на голове – криво сидящая повязка из полы его собственной рубахи, она уже давно пропиталась кровью. Выражение лица его было донельзя мрачным.

С двух сторон от него и за спиной как хорошо вышколенные слуги застыли механические люди. Один из автоматов схватил отчаянно сопротивляющуюся Джессамину; другой держал в руках бесчувственную Софи.

– Джем! – закричала Джессамина. – Нат лгал нам. Он все это время помогал Мортмэйну... У него шкатулка...

Натаниэль резко обернулся.

- Заткните ей рот! - приказал он механическому человеку, державшему девушку.

Металлические руки автомата сдавили Джессамину так, что она и вздохнуть-то не могла, не то что говорить. Ее лицо побелело от боли. Однако ее полный муки взгляд был устремлен к автомату справа от Натаниэля. Приглядевшись, Джем увидел, что механический человек держит в руках знакомую золотую шкатулку.

Проследив за его взглядом, Натаниэль улыбнулся.

- Никто, кроме сумеречных охотников, не может касаться ее, - сказал он. - Ни одно живое существо. Но автомат ведь на самом деле не живой.

- Это все, что вам было надо? - спросил изумленный Джем. - Шкатулка? Зачем она вам?

- Мой господин хочет использовать энергию демонов, и он ее получит, - самодовольно объявил Нат. - И при этом он не забудет, что шкатулку эту достал для него именно я.

Джем только головой покачал:

- И что он даст тебе тогда? Что он дал тебе за то, чтобы ты предал свою сестру? Тридцать сребреников?

Лицо Ната исказилось, и Джем понял, что ему удалось сорвать с этого на первый взгляд привлекательного человека маску вежливости и обходительности, а под ней оказалась уродливая и злая морда отвратительного существа.

- Та тварь не моя сестра, - прошипел Натаниэль.

- Да уж, это верно, потому что в ваше родство трудно поверить, - согласился Джем, даже не пытаясь скрыть охватившую его ненависть. - Удивительно, что у вас с Тесс вообще есть хоть что-то общее. Она настолько превосходит тебя...

Натаниэль прищурился:

- Плевать я на нее хотел. Это существо принадлежит Мортмэйну.

- Я не знаю, что Мортмэйн обещал тебе, - спокойным голосом продолжал Джем, - но я клянусь тебе, если ты причинишь вред Джессамине или Софи, если ты только вынесешь шкатулку за пределы этого двора, за тобой станет охотиться весь Анклав. Рано или поздно тебя найдут и убьют. Тебе не спастись.

- Ты не понимаешь, - возразил Натаниэль. - Ни один из нефилимов не понимает. Вы лишь угрожаете мне. Максимум, что вы можете мне предложить, это оставить меня в живых. А Магистр может даровать мне вечную жизнь. - Он повернулся к механическому существу слева от себя: - Убейте его.

Автомат прыгнул к Джем. Тварь двигалась намного быстрее, чем существа, с которыми юноша столкнулся на мосту Блэкфайерз. У сумеречного охотника хватило времени лишь на то, чтобы нажать на потайную кнопку. На конце его трости тут же выскочило лезвие, которое он успел выставить перед собой прежде, чем автомат набросился на него. Существо заскрипело, подобно тормозящему поезду, когда Джем вонзил лезвие в его грудь и, двигая его из стороны в сторону, начал рвать металлическую обшивку. Механический человек отпрянул, из его распоротой груди в разные стороны разлетались искры.

Нат, на одежду которого попали искры, завопил и бросился вперед, судорожно пытаясь затушить тлеющую ткань. Джем воспользовался предоставленной ему возможностью и ударил Ната по спине тростью, и тот со стоном повалился на колени. Натаниэль повернулся, надеясь призвать на помощь своих механических слуг, но сломанный автомат крутился на лестнице, не давая им пройти вперед, к тому же руки их были заняты – они по-прежнему держали девушек. Искры фонтаном били из развороченной груди автомата – очевидно, Джем повредил один из основных механизмов. Механический человек, держащий шкатулку, стоял все это время неподвижно. Ясно было, что Нат станет использовать его в самую последнюю очередь.

– Бросьте их! – закричал Нат механическим существам, которые держали Софи и Джессамину. – Убейте сумеречного охотника! Убейте его! Вы слышите?

Механические люди разжали руки, и Джессамина с Софи кубарем полетели вниз по лестнице, избитые, напуганные до полусмерти, но все еще живые. Джем вздохнул с облегчением, однако отдыхать было еще рано. Два автомата ринулись на него с нечеловеческой скоростью, и охотник принялся лупить их тростью. Одна из тварей отпрыгнула назад, другая замахнулась – вместо руки у него был здоровенный куб, усеянный с одной стороны острыми шипами...

За спиной Джема раздался чей-то крик, и мимо него пронесся Генри, размахивая огромным двуручным мечом. Достаточно было одного удара, чтобы страшная рука механического человека, отрубленная по самое плечо, взлетела в воздух. Упав, она заскользила по бульжникам, разбрасывая вокруг себя искры и шипя, прежде чем вспыхнула и взорвалась с громким хлопком.

– Джем! – Это уже была Шарлотта.

Юноша крутанулся на месте и увидел другой автомат, который подбирался к нему сзади. Удар лезвия пришелся аккурат в горло существа – медные трубы были безнадежно повреждены. В это же самое время Шарлотта ударила механического человека под колени металлическим кнутом. С высоким, похожим на писк звуком автомат рухнул на землю. Все было кончено. Бледная как мел Шарлотта сворачивала кнут, в то время как растрепанный, весь взмокший Генри опустил свой жуткий меч. Автомат, на который он напал, теперь превратился в кучу металлолома.

Его обломки разлетелись по всему двору, часть из них все еще горела, подобно осколкам упавшей звезды. Джессамина и Софи крепко обнялись, прижавшись друг к другу. Джессамина ласково поглаживала всхлипывающую горничную по спине и бросала полные ужаса взгляды на ужасные

кровоподтеки, украшавшие теперь шею Софи. Почувствовав на себе взгляд Джема, она обернулась и впервые за все время их знакомства посмотрела на юношу так, словно была рада его видеть.

- Он сбежал... - тихо проговорила она. - Натаниэль. Он сбежал и забрал с собой то существо со шкатулкой.

- Не понимаю... - Шарлотта выглядела совершенно потерянной. - Брат Тесс...

- Все, что он рассказал нам, было ложью от начала и до конца, - продолжала Джессамина. - Он просто хотел выпроводить вас из Академии.

- Боже мой... - пробормотала Шарлотта. - Так де Куинси не врал... - Она затрясла головой, словно стараясь избавиться от наваждения. - Когда мы добрались до дома в Челси, мы нашли его там с несколькими вампирами... Их было шесть или семь. Никакой сотни, о которой говорил Натаниэль, не было и в помине. И никаких механических людей. Бенедикт убил де Куинси, но перед смертью тот успел посмеяться над нами. Тогда-то мы и узнали, что на самом деле Магистр - это Мортмэйн. А я-то думала, что этот человек - заурядный мирянин.

Генри спустился по лестнице, его широкий длинный меч с каждым шагом ударялся о ступени, высекая из камня искры.

- Настоящее несчастье... - пробормотал он и закрыл глаза.

- Но где же Уилл? - изумленно воскликнула Шарлотта. - И Тесс? Где они?

- Тесс в Святилище. С Мортмэйном. А Уилл... - Джессамина покачала головой. - Я не видела его.

- Он где-то внутри, - заверил всех Джем и пристально посмотрел на мрачное здание Академии, возвышавшееся перед ними. Сейчас он, как никогда, ясно помнил свой сон: Академия в огне, дым, как туман, стелился по Лондону, и огромные механические существа, похожие на гигантских пауков, шагают между домами. - Он отправился за Тесс.

* * *

Глаза Мортмэйна налились кровью.

- Что ты делаешь? - выплюнул он и решительно шагнул к девушке.

Тесс слегка надавила на нож. На корсаже ее платья расцвел кровавый цветок, а потом пришла боль.

- Не приближайся, - прошептала она.

Мортмэйн остановился, его лицо исказилось от ярости.

- И почему же ты думаешь, будто меня волнует, жива ты или мертва?

- Ты же сам говорил, что создал меня, - ответила Тесс. - По той или иной причине, но ты хотел, чтобы я жила на этом свете. Ты ценил меня и не хотел, чтобы Темные сестры причинили мне вред. Сама не знаю почему, но я тебе нужна... О, не я сама, конечно. Я не настолько наивна. Тебя интересуют мои способности. Вот зачем ты на самом деле сюда пришел. - Тесс ощущала, как теплая кровь струйкой стекает по ее коже. Но боль была ничем в сравнении с тем удовольствием, что она испытала, увидев растерянный и испуганный взгляд Мортмэйна.

Он заговорил сквозь крепко сжатые зубы:

- Что ты хочешь от меня?

- Нет. Что ты хочешь от меня? Скажи мне. Скажи мне, почему ты создал меня. Скажи мне, кто мои истинные родители. Моя мать была действительно моей матерью? А мой отец, кто мой отец?

Улыбка Мортмэйна была абсолютно искренней.

- Ты задаешь неправильные вопросы, Тесс...

- Почему... я... та, кем являюсь, а Нат - обычный человек? Почему... он не похож на меня?

- Натаниэль твой брат только наполовину. Он всего лишь человек, и не очень хороший, надо признать. Не стоит грустить из-за того, что вы с ним не похожи.

- Тогда... - Тесс сделала паузу. Ее сердце усиленно забилося. - Моя мать не могла быть демоном. Она вообще не могла быть сверхъестественным существом, потому что тетя Генриетта была ее сестрой, а она обычный человек. Так что дело в моем отце. Мой отец был демоном?

Мортмэйн криво усмехнулся:

- Отдай нож, и я отвечу тебе. Возможно, мы даже сможем вызвать тварь, что породила тебя. Если ты, конечно, настолько безумна, что захочешь его увидеть. Или я должен говорить «это» вместо «его»?

- Так значит, я чародейка, - не сдавалась Тесс. Вновь к ее горлу подкатил ком. - Именно это ты хочешь мне сказать.

Бледные глаза Мортмэйна были полны презрения.

- Если ты настаиваешь, - согласился он. - Я полагаю, что «чародейка» - это лучшее слово, которое может описать твою сущность.

И тут в голове Тесс раздался голос Магнуса Бейна: «Вы чародейка, даже если у вас нет ушей летучей мыши или козлиных копыт». И все же...

- Я не верю тебе, - заявила Тесс. - Моя мать никогда бы не связалась... с демоном.

- Она и понятия ни о чем не имела. - В голосе Мортмэйна даже прозвучала жалость. - И не стоит думать, что она была неверна твоему отцу.

Тесс покачнулась. Как оказалось, возможно все, и девушка уже ничему не удивлялась. Однако одно дело слышать рассказы о демонах и волшебстве и совсем другое дело - самой стать частью этого мира.

- Если человек, которого я помню, не был моим отцом, а мой истинный отец - демон, то почему же у меня нет никакого знака, как у всех чародеев? - удивилась она.

- Действительно, почему... - повторил Мортмэйн, и его глаза зло вспыхнули. - Возможно, потому, что твоя мать и понятия не имела, кем была на самом деле.

- Что ты хочешь сказать? Моя мать была человеком!

Мортмэйн покачал головой:

- Ты продолжаешь задавать неправильные вопросы. Пойми одну простую вещь: твое появление на свет было запланировано. Все это началось еще задолго до того, как я стал принимать участие во всей этой истории. Я лишь продолжил дело. Мне выпала честь наблюдать за тем, как в этом мире рождается нечто поистине уникальное. И это уникальное по праву должно было принадлежать мне. Я знал, что когда-нибудь женюсь на тебе и ты станешь моей навсегда.

Тесс в ужасе посмотрела на него:

- Но зачем тебе это? Ты же даже не любишь меня. Ты не знаешь меня. Совсем не знаешь! Я могу быть отвратительна!

- Не имеет значения. Ты можешь стать такой, какой пожелаешь: уродливой или прекрасной, худой или толстой. Лицо, которое ты носишь теперь, лишь одно из тысячи твоих лиц. Когда же ты наконец поймешь, что в реальности нет никакой Терезы Грей?

- Уйди, - приказала Тесс.

- Что ты говоришь?

- Уйди. Убирайся из Академии. И заberi с собой этих механических чудовищ. Если ты не сделаешь так, как я хочу, я убью себя.

На мгновение он заколебался и в бессильной ярости лишь сжимал и разжимал кулаки. Вся эта ситуация напоминала ему о делах, которые он успешно вел уже несколько десятков лет, - покупать или продавать? Вкладывать или изымать деньги? «В этот момент он оценивает ситуацию», - решила Тесс. Но она была всего лишь слабой, неопытной девушкой. Сможет ли она перехитрить этого ушлого дельца?

В конце концов он медленно покачал головой:

- Знаешь, мне кажется, ты не сделаешь этого. Когда-нибудь ты можешь стать неплохой чародейкой, но пока что ты еще дитя. Слабое и невинное... - Мортмэйн приблизился к ней. - Насилие не в твоей природе.

Тесс сильнее сжала ручку ножа. Она чувствовала все - твердую гладкую поверхность под пальцами, боль там, где острие проколело кожу, биение собственного сердца.

- Ни шагу дальше, или я убью себя, - произнесла она дрожащим голосом. - Я сделаю это.

Ее голос показался Мортмэйну нерешительным, и он, крепко сжав челюсти, уверенно шагнул к ней, повторяя на ходу:

- Нет, ты не сделаешь этого.

И тут Тесс вспомнила слова Уилла: «Она не сумела смириться с поражением и, чтобы не попасть в плен к римлянам, добровольно приняла яд».

- Да, - прошептала она. - Я сделаю это.

Что-то в ее лице, должно быть, изменилось, и Мортмэйн метнулся к ней, с отчаянием потянувшись к ножу. Тесс отступила назад и повернулась к фонтану с плачущим ангелом. Последнее, что она увидела после того, как вонзила нож себе в грудь, была темно-голубая вода, плещущаяся у нее над головой.

* * *

Уилл затаил дыхание, приближаясь к дверям Святилища. На лестнице ему пришлось вступить в схватку с двумя автоматами. Он очень удачно ударил одного из них - на его туловище, кстати, было немало следов от меча Томаса - клинком серафима, и тот, разваливаясь на ходу, вывалился из огромного стрельчатого окна, увлекая за собой своего «товарища».

Уиллу во время схватки тоже пришлось несладко, и теперь на его руках и ногах было много кровоточащих глубоких порезов. Однако у него не было времени обращать на них внимание. На бегу он вытащил свое стило и с размаху налетел на двери Святилища. Стило мгновенно прочертило знак на двери - никогда раньше он с такой скоростью не рисовал «открывающую руну».

Засов с тихим скрежетом отъехал назад, щелкнул замок. Уиллу понадобилось лишь мгновение на то, чтобы стило в его руке сменил клинок серафима.

- Джерахмел, - прошептал Уилл, и, как только клинок полыхнул белым огнем, он пинком открыл двери Святилища...

И замер в ужасе. Тесс лежала у фонтана, вода окрасилась в красный цвет. Корсаж ее сине-белого платья казался алым. Рядом с ней валялся измазанный в крови нож. Глаза Тесс были закрыты.

Мортмэйн стоял рядом с ней на коленях. Его рука лежала на плече девушки. Он с безумным видом наблюдал за тем, как распахиваются двери и в зал вбегают сумеречный охотник. Завидев Уилла, он, пошатываясь, поднялся на ноги и отступил от безжизненного тела Тесс.

- Я... - начал было он.

- Ты убил ее, - сказал Уилл.

Его голос звучал глухо и, как ему самому казалось, отстраненно. Перед его мысленным взором снова проплывали образы. Библиотека в родительском доме, где он жил до двенадцати лет. Его маленькие ручки на красивой и такой интересной шкатулке - шкатулке, которую никак не получалось открыть. Крики, разносящиеся по дому. Дорога к Лондону, залитая серебряным светом луны. Слова, которые звучали в его голове снова и снова, пока он шел прочь от родного дома, навсегда оставляя за спиной все, что когда-либо ценил или любил. «Я потерял все. Потерял все».

Все!

- Нет. - Мортмэйн покачал головой. Он крутил в руках какое-то серебряное кольцо. - Я ее не трогал. Она сама это сделала.

- Ты лжешь.

Уилл двинулся вперед. Рукоять клинка серафима, которую он изо всех сил сжимал в руке, успокаивала и давала чувство защищенности в этом страшном, изменчивом мире.

- Ты знаешь, что происходит, когда я вонзаю этот клинок в человеческую плоть? - прорычал он, подняв Джерахмел. - Стоит только мне дотронуться до тебя клинком, как твоя плоть вспыхнет. Ты умрешь в страшной агонии, стгорая изнутри.

- Думаешь, что тебе больно ее терять, Уилл Херондэйл? - Голос Мортмэйна был преисполнен муки. - Так знай, что твоя печаль ничто по сравнению с моей. Годы работы... мечты... все пошло прахом...

- Можешь успокоиться. Тебе недолго осталось страдать, - сказал Уилл и сделал выпад вперед.

Он почувствовал, как острие полоснуло по жилету Мортмэйна и не встретило никакого сопротивления. Уилл споткнулся, но тут же восстановил равновесие и устоял в пол перед собой. Что-то сверкало у его ног. Медная пуговица. Он, должно быть, отсек ее от жакета Мортмэйна, и теперь она тускло мерцала на полу, похожая на насмешливо подмигивающий глаз.

Потрясенный Уилл выпустил из рук клинок серафима, и все еще пылающий Джерахмел упал на пол. Мортмэйн исчез, исчез без следа. Словно чародей,

много лет подряд практикующий волшбу. Ни один человек, даже обладающий тайным знанием, на такое не был способен.

Но теперь это уже не имело никакого значения. Уилл мог думать только об одном. Тесс! Раздираемый отчаянным страхом и безумной надеждой, он пересек комнату и подошел к лежащей девушке. Мерный шум фонтана успокаивал. Уилл встал на колени и осторожно обнял ее.

Точно так же он держал ее в своих объятиях в тот день, когда сумеречные охотники сожгли лондонский дом де Куинси, а его потом отпаивали на чердаке святой водой. С тех пор воспоминания посещали его часто и приходили совершенно неожиданно. И вот теперь он снова прижимал Тесс к сердцу, только вместо безграничного счастья испытывал безграничную тоску. Платье Тесс пропиталось кровью, ею же были измазаны ее лицо и волосы. Уилл за свою жизнь видел достаточно и понимал: никто не может потерять столько крови и остаться в живых.

- Тесс... - прошептал он и, уже не контролируя себя, прижал ее к груди. Впрочем, теперь уже не имело значения, что и как делать. Щекой он прижался к шее девушки, там, где она переходила в плечо. Ее волосы, отвердевшие от засохшей крови, царапали щеку. Но он не обращал на это внимания, так как почувствовал слабое биение пульса.

Уилл замер. Пульс?! Его сердце подпрыгнуло. Он отстранился, осторожно положил девушку на пол и обнаружил, что она смотрит на него широко открытыми глазами.

- Уилл... - пробормотала она. - Это действительно ты, Уилл?

Надежда оставила его в один миг, сменившись леденящим ужасом. Только что на его глазах погиб Томас, а теперь вот настал черед и Тесс. Или ее еще можно спасти? Но помогут ли в ее случае колдовские знаки? Как вообще лечат обитателей Нижнего мира? Это знали только безмолвные братья.

- Перевязать, - пробормотал Уилл себе под нос. - Я должен ее перевязать.

Он наклонился к Тесс, но та схватила его за запястье:

- Уилл, ты должен быть осторожен. Мортмэйн - Магистр. Он был здесь...

Уиллу показалось, что он задыхается.

- Тихо. Побереги силы. Мортмэйн ушел. А мне нужна помощь...

- Нет. - Она сжала его руку. - Нет, ты не должен уходить, Уилл. Это не моя кровь.

- Что? - пробормотал он, уставившись на Тесс. «Господи, неужели это предсмертный бред?» - подумал он с отчаянием, но для умирающей она слишком крепко сжимала его руку и слишком уж сильно звучал ее голос.

- Независимо от того, что он сделал с тобой, Тесс...

- Я сделала это, - ответила она тем же самым уверенным тихим голосом. - Я сделала это сама, Уилл. Это был единственный путь, только так я могла заставить его уйти. Он никогда бы не оставил меня в покое, если бы знал, что я жива.

- Но...

- Я изменилась. Когда острие ножа коснулось моей груди, я изменилась. Мортмэйн сказал одну вещь, и у меня появилась идея. А дальше... Простая уловка, вряд ли кто-то мог ожидать подобного.

- Я не понимаю. Чья же это кровь?

Тесс кивнула. Ее лицо теперь сияло.

- Однажды Темные сестры заставили меня измениться, превратившись в женщину, которая погибла от выстрела. Стоило только мне в нее превратиться, как из моей груди фонтаном хлынула кровь. Если мне не изменяет память, я уже рассказывала тебе об этом. Я подумала, возможно, что... Но это не важно. На мгновение я превратилась в нее, и моя одежда тут же пропиталась кровью. Перед этим я предусмотрительно отвернулась от Мортмэйна, и он не мог видеть, что я изменилась. Потом я рухнула вперед, как будто нож и в самом деле вошел в мое тело. Тем более что от превращения, произошедшего с такой скоростью, я и в самом деле очень ослабела. В глазах у меня потемнело, и я даже на какое-то время потеряла сознание. А потом я услышала, как Мортмэйн зовет меня по имени... Я знала, что жива, но должна была притворяться мертвой. В какой-то момент я даже испугалась, решив, что он разоблачил меня. Но тут появился ты. - Она осмотрела себя, и Уилл мог поклясться, что в ее голосе появились самодовольные нотки. - Уилл, я обманула Магистра! Хотя я и не думала, что такое возможно. Но он был слишком уверен в своем превосходстве, а я вспомнила то, что ты говорил о Боадичее. Если бы не твой рассказ, Уилл...

Она с улыбкой посмотрела на него. Когда Уилл думал, что Тесс погибла, стена, разделявшая их все это время, рухнула, и он дал волю своим чувствам. И вот теперь у него не было ни времени, ни сил на то, чтобы воздвигнуть ее вновь. Сам не отдавая себе до конца отчета в том, что делает, он потянул Тесс на себя, прижал к груди. И она обвила его шею руками. Она, живая, полная сил... Цвета возвращались в мир. Он снова мог дышать, мог думать, мог видеть. Он вдохнул и почувствовал ее запах - она пахла солью, кровью, слезами и... Тесс.

Когда она высвободилась из его объятий, ее глаза сияли.

- Услышав твой голос, я было решила, что это сон, - пробормотала она. - Но ты настоящий. - Ее взгляд скользнул по его лицу, и, как будто удовлетворенная увиденным, она улыбнулась: - Ты настоящий.

Он открыл рот, но слова застряли в горле. Он уже собирался сдаться, но вдруг остановился буквально в сантиметре от бездны: если он упадет в нее, для него уже не будет возврата. Он все понял по тому, как она смотрела на него. Да и она прочитала в его взгляде все, что было нужно. Ни у кого из них не было сил скрывать свои чувства.

- Уилл, - прошептала она. - Говори же, Уилл.

Но ему нечего было сказать. В душе у него разливалась пустота, вечная, всепоглощающая, та, что была до появления Тесс. Та, что будет всегда.

«Я потерял все, - подумал он. - Все».

Глава двадцатая

Ужасно удивительно

Но убивают все любимых, -

Пусть знают все о том, -

Один убьет жестоким взглядом,

Другой - обманным сном,

Трусливый - лживым поцелуем,

И тот, кто смел, - мечом! [114]

Оскар Уайльд «Баллада Рэдингской тюрьмы»

Цветом смерти сумеречные охотники всегда считали белый, а вот траурные одежды у них испокон веков были красного цвета.

Тесс не знала этого, не читала об этом в Кодексе, и поэтому она даже немного испугалась, увидев пятерых мрачных охотников, сидящих в экипаже, украшенном белыми плюмажами, словно свадебная карета. Тесс и Софи наблюдали за происходящим из окон библиотеки. Во время уничтожения гнезда де Куинси было убито несколько охотников. Но сейчас хоронили не только их, но еще Томаса и Агату. Шарлотта объяснила, что нефилимы всегда хоронят только своих, однако исключение может быть сделано для тех, кто умер в бою, помогая сумеречным охотникам.

Софи и Тесс на похоронах присутствовать запрещалось. Тесс порывалась было пойти во что бы то ни стало, но Софи упростила ее остаться. Девушка не хотела видеть, как тело Томаса сожгут, а пепел потом развеют в Безмолвном городе.

– Я предпочитаю помнить его живым, – сказала она сквозь слезы. – И Агату тоже.

После этого она в тот день уже больше ничего не говорила.

Анклав оставил охрану, несколько сумеречных охотников вызвались присматривать за Академией. «Много пройдет времени, прежде чем они снова совершат какой-нибудь неосторожный поступок», – печально подумала Тесс.

В отсутствие хозяев Тесс убивала время, читая книги, но на этот раз не о нефилимах или жителях Нижнего мира. Она уютно устроилась в алькове и листала «Повесть о двух городах», которую нашла на книжной полке Шарлотты вместе с другими книгами Диккенса. Тесс решительно заставляла себя не думать о Томасе, Агате и... Мортмэйне, а также о том, что Магистр сказал ей в Святилище... Но особенно она старалась не вспоминать о Натаниэле. Любая мысль о брате заставляла ее сердце болезненно сжиматься, а на глаза ее наворачивались слезы.

Но и это было не все, что причиняло ей боль. Два дня назад она была вынуждена предстать перед Анклавом, как и всегда собравшимся в библиотеке Академии. Человек, которого другие называли Инквизитором, снова и снова задавал ей одни и те же вопросы: сколько времени она провела с Мортмэйном, прежде чем он исчез? что он ей говорил? что делал? Очень подробно расспросили ее о часах, которые он заставлял ее взять. Знала ли она, кому они принадлежат? Тесс не знала. К тому же, исчезнув, Мортмэйн забрал часы с собой. Они задавали вопросы и Уиллу. В первую очередь их интересовало, что сказал ему Мортмэйн перед тем, как исчезнуть. Сам же Уилл во время дознания проявлял изрядное нетерпение, что, впрочем, никого не удивляло, и в конечном итоге был выставлен за дверь, получив выговор за грубое поведение и неповиновение старшим.

Инквизитор также потребовал, чтобы Тесс разделась, чтобы он мог найти на ее теле ведьмины знаки, однако Шарлотта воспротивилась, и Анклаву пришлось в итоге уступить. Когда Тесс наконец отпустили, она поспешила в коридор в надежде встретить там Уилла, но он уже ушел. С тех пор прошло уже два дня, и за все это время она видела его лишь мельком. При этом они лишь вежливо поприветствовали друг друга и даже не перебросились парой слов. Когда Тесс смотрела на Уилла, он устремлял взор вдаль. Когда же она выходила из комнаты, надеясь, что он последует за ней, он и не думал этого делать. Вся эта ситуация раздражала не на шутку.

Тесс теперь мучил один вопрос: может, ей только казалось, что между ними пробежала искра? Тогда, в Святилище, она вынырнула из темноты намного более страшной и глубокой, чем была во время всех ее изменений, и оказалась в объятиях Уилла. Взгляд у него был безумный, и скажи ей раньше кто-нибудь, что Уилл способен на такие сильные чувства, она бы не поверила. А как он произнес ее имя, как смотрел на нее?

Нет. Все это ей не могло привидиться. Уилл беспокоился о ней, в этом она была уверена. Да, он почти всегда он был груб с ней, но во многих романах отношения главных героев начинались с непонимания. Только взгляните, как груб был Дарси с Элизабет Беннет[115], прежде чем сделал ей предложение. И Хитклифф[116] был груб с Кэти. Хотя Тесс должна была признать, что в

«Повести о двух городах» и Сидней Картон, и Чарлз Дарней были очень любезны с Люси Манетт. «И все-таки я не мог и не могу не высказать вам всего этого, мне хочется, чтобы вы знали, какую власть вы обрели над мной, как вы сумели зажечь эту грудку остывшего пепла, превратить ее в пламя...» Но после той ночи в Святилище Уилл больше ни разу не посмотрел на нее с нежностью, ни разу не назвал по имени. Впрочем, ей казалось, что она догадывается о причинах такого поведения. Она замечала жалость в глазах Шарлотты всякий раз, когда та думала, что девушка не смотрит на нее. Она понимала, что все прочие сумеречные охотники ведут себя в ее присутствии подозрительно тихо. Все было очевидно. Ее собирались отослать из Академии. «Что ж, они, конечно, правы. Но неужели нельзя как-то изменить эти правила?!» – с отчаянием думала Тесс. Но Академия была в свое время построена для нефилимов, и жителям Нижнего мира в ней места не было. К тому же она принесла сюда лишь смерть и разрушения, и это несмотря на то, что не успела прожить в цитадели сумеречных охотников достаточно долго. Один Бог только знал, что случится, если она останется. Конечно, ей некуда идти, и никто ее не ждет, но почему это должно иметь значение для них? Закон есть Закон; его нельзя ни изменить, ни отменить. Возможно, ей в конце концов придется согласиться на предложение Джессамины, и они устроятся в городском доме в Белгравии[117]. Это не так уж и плохо. Во всяком случае, все могло бы сложиться для нее намного хуже.

Колеса экипажа загрохотали по мощенному булыжником двору – нефилимы вернулись из Безмолвного города. Поднявшийся затем шум пробудил Тесс от мрачных мыслей. Софи поспешила вниз по лестнице, чтобы поприветствовать хозяев, а Тесс так и продолжала сидеть на своем излюбленном подоконнике, наблюдая за тем, как охотники один за другим выходят из экипажа.

Шарлотта выбралась из экипажа вслед за мужем и, тяжело опираясь на его руку, пошла к дверям. За ними появилась Джессамина. Ее уложенные в сложную прическу волосы украшали живые цветы. Тесс поразились тому, как хорошо выглядит Джессамина, а потом в душу ее закралось подозрение: возможно, девушка даже наслаждалась похоронами, потому что знала, как хороша в траурном платье. Потом появился Джем, и за ним уже Уилл. Вдвоем они напоминали шахматные фигуры, светлые волосы Джема и черные, непослушные вихры Уилла – белый рыцарь и черный рыцарь. Тесс невольно ими залюбовалась, а юноши тем временем поднялись по лестнице и исчезли из виду.

Тяжело вздохнув, Тесс отложила книгу. Мысли ее начали перескакивать с одного предмета на другой, и вскоре она уже сидела, глубоко погруженная в свои думы.

Размышления ее прервала Шарлотта, она быстро вошла в библиотеку, снимая на ходу перчатки. Шляпу она уже успела где-то оставить, и сейчас ее каштановые локоны были хорошо видны.

– Я так и думала, что найду тебя здесь, – начала она, пересекая комнату, чтобы усесться на стул напротив скамьи у окна, где сидела Тесс.

– Как... – начала было Тесс.

- Ужасно? Да. Я ненавижу похороны, хотя Ангел знает, я присутствовала на множестве. - Шарлотта сделала паузу и прикусила губу. - Говорю, словно Джессамина. Забудь, что я сказала, Тесс. Жертвенность и смерть - часть нашей жизни. Я это знаю, все мы это знаем.

- И я знаю. - Тесс сказала это очень тихо. Ей казалось, что она могла почувствовать, как бьется ее сердце, похожее сейчас не на живую плоть, на бездушный механизм. Слово гигантские дедушкины часы, отбивающие удары в пустой комнате.

- Тесс... - снова обратилась к ней Шарлотта.

- Я догадываюсь о том, что ты собираешься сказать, Шарлотта, так что все в порядке.

Шарлотта удивленно посмотрела на девушку:

- Ты знаешь? Но... Но как?

- Вы хотите, чтобы я ушла, - просто сказала Тесс. - Я знаю, что вы встречались с Анклавом перед похоронами. Джем обо всем мне рассказал. Я даже вообразить себе не могу, чтобы они подумали, позволю ли мне остаться. Особенно после всех неприятностей, причиной которых я стала. Вначале Нат. Потом Томас и Агата...

- Анклав не интересуют ни Томас, ни Агата.

- А еще и шкатулка.

- Да... - протянула Шарлотта. - Тесс, я думаю, что ты все поняла совершенно неверно. Я пришла не для того, чтобы попросить тебя уехать. На самом деле я пришла для того, чтобы попросить тебя остаться.

- Остаться? - Тесс показалось, что она ослышалась. Конечно, Шарлотта имела в виду что-то совершенно другое. - Но Анклав... Они, должно быть, очень сердиты на меня...

- Они сердиты, - согласилась Шарлотта. - На Генри и на меня. Это мы поверили Мортмэйну, позволили обмануть себя. Все это время он водил нас за нос, дергал нас за ниточки, словно марионеток, а мы даже ничего не заподозрили. Я так гордилась тем разговором, мне казалось, что я защитила невиновного человека. И мне в голову не могло прийти, что Мортмэйн мне лжет. Я же знала, что, кроме Мортмэйна и твоего брата, никто другой не называл де Куинси Магистром. А все другие свидетельства были лишь совпадением. Но я и об этом предпочла забыть.

- Но он врал очень убедительно, - поспешила успокоить Шарлотту Тесс. - Тем более что Уилл и Джем нашли печать де Куинси на теле Миранды. А еще те существа, что напали на нас на мосту...

Шарлотта горько вздохнула:

- И опять же это то, что подбросил нам Мортмэйн. Мы слишком неряшливо проводили расследование, потому и не заподозрили, что «Клубом

Преисподняя» управляет не де Куинси, а другой обитатель Нижнего мира. Более того, из-за нашей нерасторопности и недогадливости мы умудрились обострить наши отношения с обитателями Нижнего мира. Ведь мы уничтожили клан де Куинси, убили его самого, а это не может не вызвать протест у существ определенного рода. Мы бы могли, конечно, найти Мортмэйна...

- Но прошло всего несколько дней. Уиллу потребовалось шесть недель, чтобы найти Темных сестер. Если вы не сдадитесь и продолжите поиски...

- У нас нет на это времени. Если то, что Натаниэль сказал Джему, правда и Мортмэйн собирается задействовать демонические энергии, запертые в шкатулке, чтобы оживить механических людей, то у нас в запасе не так много времени. Не знаю точно, сколько ему понадобится на то, чтобы открыть шкатулку и провести надлежащий обряд, но думаю, что немного. - Шарлотта едва заметно пожала плечами. - Конечно, Анклав считает, что открыть шкатулку невозможно. Энергию демонов можно выпустить только с помощью особых рун, которые могут нарисовать лишь сумеречные охотники. Однако прежде мы думали, что в Академию могут войти только сумеречные охотники.

- Мортмэйн очень умен.

- Да. - Руки Шарлотты, лежавшие на коленях, заметно напряглись. - Ты знаешь, что именно Генри рассказал Мортмэйну о шкатулке? О том, как она называется и для чего предназначена.

- Нет... - растерялась Тесс.

- Он хотел, чтобы я сообщила о его промахе Анклаву, но я не стала этого делать. Они и так ужасно к нему относятся, и ко мне тоже... - Голос Шарлотты дрогнул, но лицо ее оставалось спокойным. - В общем, Анклав созывает большой совет. И мы предстанем перед ним. Они проанализируют наше с Генри поведение и, проголосовав, вынесут решение. Возможно, мы даже потеряем Академию.

Тесс была потрясена.

- Но вы замечательно управляете Академией! Вы так прекрасно здесь все организовали...

Глаза Шарлотты наполнились слезами.

- Спасибо, Тесс. Однако Бенедикт Лайтвуд всегда хотел встать во главе Академии или посадить в кресло директора своего сына. Когда-то Академией управлял мой отец, и после его смерти сам консул Вейланд назвал меня его преемницей. Если бы не это, то высокомерный и властный Бенедикт непременно бы занял мое место. Но сейчас все, что я хочу, так это спокойно управлять Академией, Тесс. И я сделаю все, чтобы удержать ее в своих руках. Если бы ты только помогла мне...

- Я? Но что я могу сделать? Я ничего не смыслю в делах сумеречных охотников.

– Мы очень ценим союзы, заключенные с обитателями Нижнего мира, Тесс. Я все еще управляю Академией потому, что умею договариваться. Например, с чародеями, такими как Магнус Бейн, или вампирами, такими как леди Белкорт. И мы.. я надеюсь, что мы сдружились с тобой. Однажды твои способности уже оказались полезны Анклаву. А помощь, которую ты могла бы предложить нам в будущем, может оказаться и вовсе бесценной. И если ты станешь моим верным союзником, то здорово мне поможешь.

Тесс затаила дыхание. Мысленно она представила себе Уилла таким, каким он был в Святилище, и, к своему величайшему изумлению, поняла, что не он один занимает ее мысли. Еще был добрый, надежный Джем, и неуклюжий, странный Генри... и Джессамина, немного жестокая и удивительно храбрая.

– Но Закон... – начала было Тесс тихим голосом.

– Ни один Закон не запрещает тебе оставаться здесь в качестве нашей гостьи, – быстро ответила Шарлотта. – Я тщательно изучила все возможные книги и пришла к выводу: ничто и никто не может тебе помешать остаться в Академии... Если, конечно, ты согласишься нам помогать. Так что, ты согласна, Тесс? Ты останешься?

* * *

Тесс буквально взлетела по лестнице. Впервые ей казалось, что теперь у нее на сердце будет легко всегда-всегда. Чердак был таким же огромным и пустым, как она его и запомнила. Высокие узкие окна пропускали очень мало света, и вечерние тени медленно ползли по полу и стенам, прячась потом на потолке. На полу валялось опрокинутое ведро. Тесс обошла его, направляясь к узким ступеням, которые вели на крышу.

Шарлотта говорила, что Уилл, когда у него были проблемы или он был чем-то обеспокоен, часто здесь прятался. А в последнее время он совершенно точно был чем-то очень сильно обеспокоен. Вполне возможно, что смерть Томаса и Агаты намного сильнее ударила по нему, чем кто-либо мог предвидеть.

Ступени заканчивались у квадратного люка в крыше. Тесс отодвинула засов и вылезла наружу. Выпрямившись, девушка осмотрелась. Она оказалась в самом центре Академии, там, где между острыми шпильями была сделана небольшая ровная площадка, окруженная высокими, доходившими Тесс до талии железными перилами. Столбики между перилами заканчивались коваными цветами, похожими на ирисы. В дальнем конце площадке, облокотившись на перила, стоял Уилл. Он не обернулся, даже когда за Тесс с громким стуком захлопнулась дверь. Тогда девушка вышла вперед, потирая поцарапанные ладони о подол платья.

– Уилл, – позвала она.

Он не двигался. Солнце тонуло в огненных вихрях у горизонта. На другом берегу Темзы изрыгали дым фабричные трубы, и тот подобно тонким кривым

пальцам тянулся прямо в красное небо, уходя за облака. Уилл выглядел понуро и так наваливался на перила, будто у него не было сил и он вот-вот готов был перевалиться через них и оказаться прямо на мощенном крупным, неровным булыжником дворе, закончив наконец свое мучительное существование. Он по-прежнему никак не показывал, что заметил Тесс. Она подошла совсем близко и встала с ним бок о бок. Под ними крыша резко обрывалась и уходила вниз, казалось, прямо в темноту двора.

- Уилл, - позвала она снова. - Что ты делаешь?

Юноша даже не взглянул на нее. Он смотрел на город - черный рваный силуэт на фоне зловещего красного неба. Купол собора Святого Павла парусом плыл в душном смоге, густые и темные, словно крепко заваренный чай, воды Темзы медленно ползли вперед, зажатые гранитными берегами и изогнутыми мостами. Вдоль берегов реки хаотично двигались темные тени - это беспризорники рылись в выброшенном рекой мусоре, надеясь найти что-нибудь ценное для продажи.

- Я вспомнил то, что раньше все время от меня ускользало, - проговорил Уилл, так и не взглянув на Тесс. - Это был Блэйк... И я созерцаю Лондон, одно из чудес света. - Он окинул раскинувшийся перед ним пейзаж задумчивым взглядом. - Знаешь, Милтон думал, что город - это и есть настоящий ад. И мне теперь кажется, что он был прав... Ну хотя бы отчасти. Хотя, возможно, Лондон - это только врата ада, а мы - проклятые души, которые пока боятся пройти дальше из страха, что по ту сторону найдут что-то еще более жуткое, чем то, с чем сталкиваются каждый день здесь.

- Уилл! - изумленно проговорила Тесс. - Уилл, что-то не так?

Он схватился за перила обеими руками, так что побелели костяшки пальцев. Его руки были покрыты глубокими порезами и царапинами, начавшими заживать совсем недавно. Кровоподтеки на его лице казались почти совсем черными, отчего его нижняя челюсть выглядела более тяжелой, чем была на самом деле. Один глаз заплыл. Разбитая нижняя губа раздулась и до сих пор кровоточила, однако Уилл так и не потрудился ее вылечить. И Тесс не могла понять, почему он относится к себе с таким пренебрежением.

- Я должен был почувствовать обман, - сказал он после долгого молчания. - Мортмэйн все это время нагло врал нам, а мы слушали его как последние дураки, даже не удосужившись проверить его слова. Шарлотта часто хвалит мой ум и прозорливость, но хороший тактик никому не доверяет вслепую. Я сваял дурака.

- Шарлотта считает, что это ее ошибка. Генри верит, что это его ошибка. Я полагаю, что это моя ошибка, - нетерпеливо прервала его Тесс. - Но ведь не может так быть, чтобы были виноваты все?

- Твоя ошибка? - озадаченно пробормотал Уилл. - Ты так думаешь потому, что Мортмэйн охотился за тобой? Это определено...

- Нет, потому что я привела сюда Натаниэля, - тихо ответила Тесс, и на нее навалилась такая тоска, что голова пошла кругом. - Потому что это я упростила вас поверить ему.

- Ты любила его, - вздохнул Уилл. - Он был твоим братом.

- Он все еще мой брат, - возразила Тесс. - И я все еще люблю его. Но теперь я знаю, каков он на самом деле.. Нет, на самом деле я всегда знала, каков он. Я только не хотела в это верить. Впрочем, все мы время от времени лжем себе.

- Да... - Голос Уилла казался напряженным. - Полагаю, все именно так.

- Я пришла сюда, потому что у меня есть хорошие новости, Уилл, - поспешно сказала Тесс. - Разве ты не хочешь, чтобы я тебе все рассказала?

- Ну расскажи.. - равнодушно ответил он.

- Шарлотта говорит, что я могу остаться в Академии, - гордо заявила Тесс.

Уилл на это ничего не сказал.

- Она рассказала, что Закон не запрещает мне поступить таким образом, - несколько торопливо продолжала Тесс, удивленная его молчанием. - Так что мне не придется уезжать.

- Шарлотта никогда не заставила бы тебя уехать, Тесс. Она не может отказать в помощи даже мухе, попавшей в сети паука. Она в любом случае не прогнала бы тебя.. - В голосе Уилла не было ни искры жизни, ни проблеска чувства. Он говорил спокойно, констатируя факт.

- Я думала... - Восторг Тесс угасал столь же быстро, сколь и появился. - Я думала, что ты будешь хоть немного рад. Я думала, что мы стали друзьями.. - Уилл тяжело сглотнул, его руки снова сжали перила. - Я пришла к тебе как друг, Уилл, - продолжала девушка, понизив голос, - пришла поделиться с тобой своей радостью. А еще я пришла узнать, как ты себя чувствуешь. - Она подалась вперед, желая коснуться его руки, но он отодвинулся. Сейчас юноша был странно напряжен. Губы его были плотно сжаты, руки что есть силы сдавили перила. Красные знаки траура резко обозначились на его бледной коже, и казалось, будто они кровоточат. - Я думала, возможно..

Наконец он обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Выражение его лица потрясло Тесс, а потемневшие от волнения глаза казались на бледном лице черными дырами.

Сейчас Тесс отчаянно желала, чтобы он открыл ей свою душу, заговорил, как герой одной из ее любимых книг: «Тесс, чувства, которые я испытываю к тебе, уже не являются простой дружеской привязанностью. Они гораздо более сильны, чем то, что...»

- Подойди, - сказал он.

И ни в его голосе, ни в его позе не было и намека на то, о чем думала Тесс. Все ее инстинкты велели ей оставаться на месте, но она, сделав над собой усилие, подошла к юноше, подошла так близко, что он мог до нее дотронуться. Уилл протянул руку и коснулся ее волос, отбросив назад выбившиеся из прически пряди.

- Тесс...

Она испуганно посмотрела на Уилла. Его глаза по цвету сравнялись с уже потемневшим, измаранным смогом лондонским небом. И, даже изуродованное кровоподтеками, его лицо было красиво. Ее вдруг охватило отчаянное, непреодолимое желание прикоснуться к нему. Справиться с собой уже почти не было сил... И когда Уилл нагнулся, чтобы поцеловать ее, Тесс еле удержалась, чтобы не броситься ему на шею. Его губы нежно коснулись ее, и у Тесс во рту появился металлический привкус – его губа опять кровоточила. Уилл взял ее за плечи и притянул ближе к себе. Его пальцы впились в ее тело еще сильнее, чем тогда, на чердаке. Ей показалось, что сокрушительный вихрь эмоций подхватил ее и понес все выше и выше, на самые небеса.

Она положила руки на плечи юноши, и он отодвинулся, тяжело дыша и глядя на нее безумными глазами. Его глаза сверкали, губы покраснелись. Он был прекрасен.

- Нам необходимо обсудить все условия, – тихим голосом произнес он.

Тесс, все еще не пришедшая в себя, прошептала в ответ:

- Условия?

- Если ты собираешься остаться, мы должны обсудить все условия твоей жизни здесь, – продолжал он. – Мы должны быть очень осторожными, это в наших интересах. Возможно, для свиданий было бы лучше использовать твою комнату. Джем имеет привычку приходить ко мне в любое время дня и ночи, словно мы живем с ним в одной спальне. И поверь, он будет очень озадачен, если поймет, что я заперся в своей комнате и не хочу его пускать.

- Использовать мою комнату? – эхом отозвалась она. – Использовать ее для чего?

Уголки рта Уилла чуть поползли вверх. Тесс, которая по-прежнему любовалась юношей, понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что улыбка его слишком холодна.

- Не притворяйся, будто не знаешь.... Ты не настолько наивна, Тесс, не настолько невинна. С таким-то братом.

- Уилл. – Тесс показалось, будто ледяной холод сковал все ее тело. Остатки радости выплеснулись из нее, словно морская волна, разбившаяся о берег. – Я не такая, как мой брат.

- Ты знаешь, как я восхищаюсь тобой, – протянул Уилл. Его голос звучал уверенно. – Все женщины знают, когда мужчины ими восхищаются. И вот ты сама пришла сюда, чтобы сообщить мне, что ты остаешься. Я так понимаю, что теперь ты станешь для меня более доступна. Потому и предлагаю тебе то, чего ты хочешь сама.

- Ты не можешь так говорить! Не можешь так думать обо мне!

- Это ты ничего не понимаешь! Ты, похоже, даже не в силах оценить, что я тебе предлагаю, - прошипел Уилл. - Для сумеречных охотников, которые развлекаются с чародейками, нет будущего. Мы можем помогать обитателям Нижнего мира, даже дружить с ними, но не...

- Не жениться на них... - тихо закончила Тесс. В ее голове сложилась ясная картина. Чувства, которые до недавнего времени напоминали морской прибор, теперь отхлынули, оставив на берегу ее души крошечных тварей, извивающихся и задыхающихся.

- Точно, - ухмыльнулся Уилл, и ей нестерпимо захотелось дать ему пощечину, чтобы раз и навсегда стереть с его лица это отвратительное выражение. - А чего ты ждала, Тесс?

- Я не ждала, что ты оскорбишь меня... - Ее голос предательски дрогнул. Держать себя в руках было все тяжелее и тяжелее.

- Кстати, ты можешь не волноваться о нежелательных последствиях наших встреч, - насмешливо говорил Уилл. - Как известно, чародеи неспособны иметь детей..

- Что?! - Тесс отпрянула от него, словно от ядовитой гадины. Земля ушла у нее из-под ног.

Уилл смотрел на нее жадными, дикими глазами. Солнце почти закатилось, и в обступившей их темноте его черты казались резче, лицо - злее. Но его голос, когда он говорил, был все таким же спокойным:

- Ты не знала этого? Я думал, тебе уже рассказали обо всем.

- Нет, - тихо ответила Тесс. - Никто мне ничего не сказал..

- Так или иначе, если мое предложение тебя заинтересовало..

- Остановись, - резко перебила она. «Его слова напоминают осколки стекла - холодные, острые, опасные», - пронеслось у нее в голове, а вслух она сказала: - Джем говорит, что ты всегда пытаешься выставить себя в дурном свете, но на самом деле в душе ты вовсе не такой мерзавец, каким хочешь казаться. Но знаешь, мне начинает казаться, что он ошибается. Ему просто хочется верить в то, что ты приличный человек. Ты же никому не лжешь, и все твои поступки продиктованы велениями твоего сердца. На самом деле твоей жестокости нет оправдания.

Мгновение Уилл выглядел растерянным, его лицо исказилось, словно она попала в его самое больное место. Но это выражение лица исчезло почти за мгновение.

- Тогда нам больше не о чем говорить.

Не сказав больше ни слова, она повернулась и ушла. Открыв дверь, ведущую на чердак, она даже не обернулась, чтобы бросить на него прощальный взгляд. А он еще долго в глубокой задумчивости стоял на крыше, и его темный силуэт сливался с бездонным черным небом.

* * *

Дети Лилит, называемые также чародеями, и прочие полукровки бесплодны. Они не могут производить потомство. И еще ни разу за всю историю этого мира никто не стал исключением из этого правила...Тесс оторвалась от Кодекса и невидящим взглядом посмотрела за окно, где уже вовсю царствовала ночь. Она нашла убежище в музыкальном салоне, не желая возвращаться в собственную комнату, где ее непременно найдет вечно расстроенная Софи или, что еще хуже, Шарлотта. На эту же комнату она набрела случайно, бесцельно бродя по коридорам. Тонкий слой пыли на мебели и полу уверил ее в том, что обитатели Академии редко сюда заходят. Сейчас она никак не могла понять, как могла пропустить столь важную информацию о чародеях. Впрочем, в Кодексе о чародеях вообще говорилось мало. Часть информации она нашла в книгах, стоявших в библиотеке в разделе «Обитатели Нижнего мира», а другую часть в книгах, стоявших на полках, обозначенных как «Волки-оборотни». Прочитав эти книги, она ясно поняла: Уилл не лгал специально, чтобы расстроить ее. Он сказал пусть ужасную, но правду. Сказал это, даже зная, что нанесет ей тем самым тяжелый удар.

Хотя, чего другого она ожидала? Уилл всегда оставался Уиллом, и глупо было надеяться, что он изменится ради нее. Софи предупреждала ее, но она не послушала горничную. Тесс очень хорошо помнила, что тетя Генриетта говорила о девушках, не слушавших добрых советов.

Слабый шелест прервал ее мрачные мысли. Она обернулась, но сначала ничего не увидела. Музыкальный салон освещал единственный подсвечник с колдовским светом. Его отблески сверкали на плавных изгибах фортепьяно, пробегали по искусно вырезанным узорам на деке арфы. Тесс завертела головой и наконец у самого пола увидела две сияющие зеленые точки, похожие на блуждающие огни. Они медленно двигались в ее сторону, с одинаковой скоростью, на равном расстоянии друг от друга.

И тут Тесс слабо улыбнулась и мысленно воскликнув «Ну конечно!», наклонилась вперед и ласково произнесла:

– Иди сюда, киса. Сюда, кис-кис-кис.

Ответное «мяу» заглушил скрип открываемой двери. Свет из коридора хлынул в комнату. В дверях кто-то появился.

– Тесс? Тесс, это ты?

Тесс узнала этот голос. Она помнила его с той самой ночи, когда она слышала странную, чарующую музыку. Тогда он сказал: «Уилл? Уилл, это ты?»

– Джем... – печально отозвалась она. – Да, это я. Твой кот, кажется, заблудился.

- Не скажу, что удивлен, встретив тебя здесь, - сказал Джем, хотя в его глоссе слышалось изрядное удивление. Теперь, когда ее глаза привыкли к яркому свету, она ясно видела и его, и кота, который сидел рядом с дверью и тер лапой мордочку. Выглядел кот при этом очень сердитым, как и положено любому персидскому коту. - Он, кажется, непоседа. Словно хочет со всеми здесь познакомиться. - Джем прервался, встретившись взглядом с Тесс. - Что случилось?

- П... почему ты спросил меня об этом? - пробормотала Тесс. Голос Джема звучал так участливо, так искренне, что у нее на глаза навернулись слезы.

- Я прочитал это на твоем лице. У тебя что-то случилось... - Джем сел на табурет перед фортепьяно, прямо напротив нее. - Шарлотта рассказала мне хорошие новости, - продолжал он, а кот в это время закончил умываться, потянулся, выгнув спину, и важно прошествовал к ногам своего хозяина. - Или, по крайней мере, мне казалось, что это хорошие новости. Но ты, мне кажется, недовольна.

- Конечно, я довольна.

- Гм... - Джем не выглядел убежденным. Наклонившись, он протянул руку коту, который стал тереться головой о его пальцы. - Хороший, ты хороший. Черч[118] - хороший кот.

- Черч? Разве это имя для кота? - удивилась Тесс. - Послушай, а это, случайно, не кот миссис Дарк или он просто похож на него? Если это кот одной из Темных сестер, то мне кажется, Черч не совсем хорошее имя для него.

- Ну что ты. Это самый обычный кот, - улыбнулся Джем. - Чародейка хотела принести его в жертву во время одного из темномagических ритуалов. Шарлотта сказала, что мы должны оставить его. Очень хорошо, когда в доме есть кот. А так как он теперь должен стать ангелом-хранителем Академии, а она была построена на месте церкви, то мы и решили его назвать Черч. А если это имя уберезит его от всех возможных неприятностей, то тем лучше.

- Мне кажется, он смотрит на нас очень презрительно.

- Вероятно. Коты вообще думают, что они лучше всех на свете. - Джем почесал Черча за ухом. - Что ты читаешь?

Тесс показывала ему Кодекс:

- Уилл дал мне это...

Джем потянулся и выхватил у нее книгу из рук с такой ловкостью, что Тесс не успела среагировать. Книга все еще была открыта на странице, где она прервала чтение. Джем быстро пробежал ее глазами, и лицо его изменилось.

- Разве ты этого не знала?

Тесс покачала головой.

– Нет.. А я мечтала о детях, – прошептала она. – А теперь я даже не могу думать о будущем. Мой дар делает меня слишком не похожей на обычных людей. Такое чувство, что скоро нас будет разделять пропасть.

Джем долго молчал. Его длинные пальцы неспешно гладили серого кота.

– Возможно, – наконец сказал он. – Но это не так уж и плохо – быть непохожим на других. – Он наклонился вперед. – Тесс, ты обладаешь поистине уникальными способностями. Ни один чародей, с которым мы имели дело прежде, не похож на тебя. К тому же на твоём теле нет ведьминой отметки. С тобой все не так, поэтому, мне кажется, рано впадать в отчаяние.

– А я и не впадаю, – тихо ответила Тесс. – Только.. Я не могу уснуть уже несколько ночей. Все думаю о своих родителях. Я очень хорошо помню их. И все же сейчас меня сильно мучает один вопрос. Мортмэйн сказал, будто моя мать не знала, что мой отец демон. Но ведь он мог и соврать? А еще он сказал, что она сама не имела представления о своей природе. И что это означает? Может, она знала, что я не человек? Почему они оставили Лондон, бежали, будто преступники, тайно, под покровом ночи? И если я появилась на свет в результате какой-то противоестественной, отвратительной связи, то как моя мать могла любить меня?

– Они спрятали тебя от Мортмэйна, – заметил Джем. – Они, должно быть, знали, что он хотел заполучить тебя. Все эти годы он искал тебя, и сначала твои родители, а потом и твоя тетя пытались тебя защитить. Они очень любили тебя. – Джем пристально вглядывался в ее лицо. – Тесс, не хочу давать тебе обещания, которые могу и не сдержать, но если ты и в самом деле хочешь узнать правду о своем прошлом, то мы можем тебе помочь. В конце концов, после того, что ты сделала для нас, мы здорово тебе задолжали. Так что если ты хочешь раскрыть тайну своего рождения, то только скажи.

– Да. Именно этого я и хочу.

– Но тебе может не понравиться то, что ты обнаружишь, – продолжил Джем.

– Всегда лучше знать правду. – Тесс была удивлена тому, как уверенно прозвучал ее голос. – Я знаю правду о Нате, и пусть мне сейчас очень больно, но это все равно лучше, чем откровенная ложь. Это лучше, чем любить кого-то, кто не сможет ответить тебе взаимностью. Лучше, чем тратить чувства понапрасну. – Голос ее задрожал.

– Думаю, Нат любил тебя по-своему, но тебе это не нужно, – задумчиво проговорил Джем. – Ведь важно не просто любить, а любить как должно. Чувство – это не то, что можно тратить впустую.

– Это тяжело. Все это. – Тесс знала, что не стоит жалеть себя, но ничего не могла с собой поделать. – Лучше быть одиноким.

Джем внимательно посмотрел на нее. Красные знаки огнем горели на его бледной коже, и он от этого становился немного похожим на безмолвных братьев.

– Мои родители умерли, как и твои. И сейчас моя семья – это Уилл, Генри, Джесси и Шарлотта. Я тебе скажу даже больше: все, кто живет в Академии, сироты. Иначе нас бы здесь не было.

– Знаю, – ответила она. – Мне так жаль. Я слишком эгоистична, я не думала...

Он поднял изящную руку.

– Не стоит, я ни в чем тебя не виню, – прервал он ее. – Ты здесь потому, что тоже осталась одна. Так же, как и Уилл. Так же, как и Джессамина. И даже так же, как Шарлотта и Генри. Где еще Генри мог получить такую лабораторию? Где еще смог бы найти применение своему блестящему уму? И хотя Джессамина говорит, что ее все здесь ненавидит, и Уилл никогда не признает, что нуждается в друзьях, они оба нашли здесь новый дом. Так что мы здесь живем не только потому, что нуждаемся в крыше над головой. Здесь наша семья.

– Но не моя.

– Но мы можем ей стать, Тесс, – ласково сказал Джем. – Когда я приехал сюда, мне было всего двенадцать лет. Тогда у меня язык не поворачивался назвать это место своим домом. Лондон так не похож на Шанхай, что каждый божий день я плакал по своему настоящему дому, по своей погибшей семье. А потом мы с Уиллом как-то отправились в магазин в Ист-Энде, и он купил мне это... – Джем достал из выреза рубашки цепочку, которая висела у него на шее, и Тесс увидела вырезанный из зеленого, слабо мерцающего камня кулон, выполненный в форме сжатой в кулак руки. – Думаю, эта вещь понравилась ему в первую очередь из-за своей формы. К тому же это нефрит, а Джем знал, что этот камень привозят из Китая. Так что он вернул мне частичку родины. С тех пор я не снимаю его подарка.

При упоминании об Уилле Тесс снова погрузилась в грусть.

– Хорошо знать, что он порой способен на хорошие поступки.

Джем внимательно посмотрел на нее, его серебристые глаза таинственно блестели в колдовском свете.

– Когда я вошел сюда, то сразу обратил внимание на выражение твоего лица. Ты грустишь не только из-за того, что ты прочитала в Кодексе, не так ли? Уилл обидел тебя? Что он тебе наговорил?

Тесс не знала, рассказывать ли ему о произошедшем или нет.

– Он ясно дал мне понять, что не хочет, чтобы я оставалась в Академии, – сказала она наконец. – И теперь мне уже не кажется, что жить здесь такая уж хорошая идея.

– Господи, какой же я дурак! И после всего этого я наговорил тут тебе всякой чепухи о семье и доме, – печально усмехнулся Джем. – Неудивительно, что ты смотрела на меня с таким видом, будто я говорю ужасные вещи.

- Мне жаль, - прошептала Тесс.

- Ерунда. Это Уилл должен сожалеть, - нахмурился Джем. - Знаешь, мне кажется, что Уилл уже перешел разумную грань. Не волнуйся, мы примем меры. К утру он уйдет.

Тесс резко выпрямилась и с ужасом посмотрела на Джема.

- О... Нет, ты не сможешь так поступить...

Джем усмехнулся:

- Конечно, я так не сделаю. Но мне ведь удалось тебя хоть немного встряхнуть, не так ли? Уилл... тяжелый человек, - продолжал Джем. - Но семья вообще дело трудное. Если бы я искренне не считал, что Академия - лучшее место для тебя, Тесс, я бы не стал тебя в этом убеждать. Впрочем, если бы не эти стены, каждому из нас пришлось бы самому разбираться со своими проблемами. Я знаю, что сейчас ты чувствуешь себя изгоем, тебе кажется, что в твоей жизни уже нет места счастью, нет места любви... - Его голос стал глуше. Тесс впервые слышала, чтобы он говорил неуверенно. - Но я обещаю тебе, что все будет хорошо.

Прежде чем Тесс смогла ответить, что-то резко стукнуло в оконное стекло. Она посмотрела на Джема, но тот только пожал плечами. Пройдя через комнату, девушка подошла к окну и увидела, что в стекло бьется маленькое крылатое существо, похожее на крошечную птичку. Она попробовала открыть створки, но те оказались наглухо закрытыми.

Тесс обернулась, желая попросить о помощи, но Джем уже стоял рядом. Он рывком открыл окно, и создание, метнувшись внутрь, полетело прямо к Тесс. Она подняла руки и поймала существо. Она почувствовала прикосновение к ладоням острых металлических крыльев до того, как они сложились, а глаза ангела закрылись. Однако он все еще держал наготове свой маленький меч, словно готовясь к новому нападению. Тик-так стучало его механическое сердце.

Джем отвернулся от окна, ветер разметал его волосы. В колдовском свете они напоминали расплавленное золото.

- Что это? - изумленно спросил он.

Тесс улыбнулась:

- Мой ангел.

Эпилог

Было поздно, и глаза Магнуса Бейна закрывались от усталости. Он положил «Оды» Горация на край стола и рассеянным взглядом посмотрел на черное мокрое стекло. Окна его комнаты выходили на площадь, сейчас темную и безлюдную.

Последнее время он жил в доме Камиллы, которая отсутствовала уже какое-то время. Магнусу вообще не нравилось сложившееся положение. Она оставила город сразу же после неудачи в лондонском доме де Куинси, и, хотя он написал ей о том, что опасность миновала, она не торопилась возвращаться. Конечно, ей хотелось как можно скорее снова встретиться с ним, но мести своего клана она боялась намного больше.

Впрочем, он тоже мог уехать... Позабыть о роскошной, праздной жизни и отправиться скитаться по свету. Этот дом, слуги, книги, даже его одежда – все принадлежало Камилле. В свое время он прибыл в Лондон ни с чем и до сих пор не удосужился обустроить быт. Не то чтобы Магнус не мог заработать. В прошлом он был богат, но деньги всегда тяготили его. И в Лондоне он все это время оставался лишь потому, что надеялся снова увидеть Камиллу.

Громкий стук в дверь прервал его размышления. Он обернулся и увидел застывшего в дверном проеме Арчера, верного раба Камиллы на протяжении вот уже многих лет. Лакей ненавидел Магнуса, потому что чувствовал, что его связь с хозяйкой последнюю до добра не доведет, однако чувства свои был вынужден держать при себе.

– Вас хотят видеть... сэ. – Арчер сделал паузу перед «сэр», так что уважительное обращение прозвучало скорее как оскорбление.

– В этот час? Кто?

– Один из нефилимов. – Отвращение звучало в каждом слове лакея. – Он говорит, что у него к вам срочное дело.

Он подумал, что, скорее всего, это была Шарлотта. Во всяком случае, больше ни с кем из нефилимов он дела не имел. В течение нескольких дней по ее просьбе он помогал Анклаву, стирая испуганным мирянам – членам «Клуба Преисподняя» память. Но теперь все было закончено. Неприятная работа, но Клэйв, как всегда, хорошо платил. Да и вообще с нефилимами не стоило ссориться...

– Он насквозь промок, – немного помолчав, добавил Арчер.

– Промок?

– Идет дождь, сэ, а джентльмен без шляпы. Я предложил просушить его одежду, но он отказался.

– Очень хорошо. Проводи его ко мне.

Губы Арчера расползлись в ехидной улыбке.

– Он ожидает вас в гостиной. Я решил, что он мог бы немного согреться у огня.

Магнус вздохнул. Он, конечно, мог потребовать, чтобы Арчер проводил гостя в библиотеку – место, которое он любил в доме больше всего. Но в конце концов решил не связываться. Арчер и без того в последние дни пребывал в дурном расположении духа.

– Очень хорошо.

Довольный, Арчер бесшумно исчез, а Магнус с тяжелым вздохом направился в гостиную. Дверь была закрыта, но чародей видел выбивающийся из-под двери свет: в комнате ярко горел камин.

Это была любимая комната Камиллы. Она сама украсила ее. Стены были обиты шелком насыщенного красного цвета, сделанная на заказ мебель – из розового дерева. Окна, выходящие на площадь, были закрыты бархатными занавесками, доходящими до самого пола. Сквозь плотную ткань даже в яркий солнечный день не проникал ни один лучик. Кто-то стоял у камина, заложив руки за спину... кто-то стройный, кто-то с темными волосами. Когда поздний гость обернулся, Магнус сразу признал его.

Уилл Херондэйл.

Он, как и сказал Арчер, вымок с головы до ног, и дождевые капли стекали с его волос и бежали, похожие на слезы, по щекам. Впрочем, такие мелочи его, судя по всему, не заботили.

– Уильям? – удивленно произнес Магнус. – Что, спрашивается, ты делаешь здесь в такой час? Что-то опять случилось в Академии?

– Нет. – Голос Уилла прозвучал так, словно он задыхается. – Я здесь по собственной инициативе. Я нуждаюсь в вашей помощи. И... больше нет никого, к кому я мог бы обратиться.

– Действительно? – Магнус посмотрел на юношу более внимательно.

Уилл был красив; Магнус за свою долгую жизнь влюблялся много раз, и обычно красота любого вида волновала его, но только не красота Уилла. Магнус чувствовал в этом юноше что-то темное и страшное, и это чувство мешало ему наслаждаться его красотой. Казалось, что Уилл не имел никакого отношения к реальному миру.

И вот теперь этот юноша стоял перед ним. Его белое, как снег, лицо ярко контрастировало с черными, как ночь, волосами. Кулаки он сжимал с такой силой, что дрожали руки. Казалось, что еще немного – и переполняющие его чувства разорвут его изнутри.

Магнус повернулся и запер дверь гостиной.

– Очень хорошо, – кивнул он. – Расскажи, что случилось...

Примечание относительно Лондона Тесс

Лондон «Механического ангела» – это город одновременно реальный и нереальный, хорошо нам известный и уже порядком подзабытый. Тем не менее я старалась максимально точно воспроизвести географию английской столицы Викторианской эпохи, хотя конечно же там никогда не было никакого Института, и тут уж я дала волю своей фантазии. Однако раньше в Лондоне действительно стояла церковь Всех Святых. Она сторела во время Большого пожара в 1666 году, когда погибло больше половины города. Правда, находилась она на улице Хайт Темз, а не на улице Флит, куда я ее поместила. Те же, кто хорошо знаком с Лондоном, несомненно, узнают Институт в церкви Святой Бригитты, чьи острые шпили так полюбили журналисты и издатели. Правда, в «Механическом ангеле» я ни слова не говорю о ней, так как Институт как раз и занял ее место. В Лондоне есть Карлтон-сквер, но нет Карлетонской площади, а вот мост Блэкфайерз, Гайд-парк – это реально существующие места, о которых я много читала. Иногда я думаю, что все города имеют своих теневых двойников, где накапливается память о значительных событиях и знаменитых местах уже после того, как события произошли, а места – исчезли. К примеру, «Таверна дьявола» на углу Флит-стрит и Канцелярский переулок, где пили Сэмюэл Пепис [119] и доктор Сэмюэл Джонсон [120], была уничтожена в 1787 году, но мне захотелось, чтобы Уилл смог посетить ее «тень» в 1878-м.

Примечание относительно поэзии

Поэтические эпиграфы в начале каждой главы взяты из произведений, с которыми могла бы быть знакома Тесс, так как они были либо написаны до ее рождения, либо созданы современными авторами. Исключения – поэма Киплинга в начале четырнадцатой главы, которая была издана приблизительно двадцатью годами позже, и «Песня реки Темзы» Элки Клок в начале книги, которая была написана именно для этого романа. Полную версию поэмы можно найти на веб-сайте автора: elkacloke.com

Благодарности

Очень благодарю за поддержку моих мать и отца, так же как Джима Хилла и Кейта Коннора; Нао, Тима, Дэвида и Бена; Мелани, Джонатана и Элен Льюис;

Флоренцию и Джойс. Выражаю огромную благодарность тем, кто читал, критиковал и указывал на анахронизмы: Кларе, Еве Синаико, Саре Смит, Делии Шерман, Холли Блэк, Саре Рис Бреннан, Джустин Ларбалестиер. И благодарю тех, чьи улыбки вселяли в меня вдохновение, а ядовитые замечания заставляли работать изо дня в день: Элку Клок, Холли Блэк, Робин Вассерман, Маурину Джонсон, Либбе Ревет и Сару Рис Бреннан. Благодарю Марджи Лонгория за ее поддержку проекта «Книжный малыш». Благодарю Лайзе Голд – настоящего знатока (<http://lisagoldresearch.wordpress.com>) – за ее помощь в поисках дефицитных первоисточников. Моя неизменная благодарность моему агенту Барри Голдблатту, моему редактору Карен Войтила и команде чудесных профессионалов в «Саймон и Шустер»[121] и «Уолкер букс»[122], без которых эта книга никогда бы не увидела свет. И наконец, мои горячие благодарности Джошу, который сдавал белье в прачечную, в то время как я просматривала рукопись и жаловалась на недостаток времени.

Глоссарий

Accords – Соглашения

Adams – Адамс

Agatha – Агата

Axel Mortmain – Аксель Мортмэйн

Belcourt Lady – леди Белкурт

Benedict Lightwood – Бенедикт Лайтвуд

Black, miss Amelia – мисс Эмилия Блэк

Callida Aunt – Каллида, тетушка

Charles Worth – Чарльз Ворт

Charlotte Branwell – Шарлотта Бранвелл

Clave – Клав, сокращ. от Анклав

Conclav – Конклав

Covenant Law – Соглашение

Dark House – Темный дом

Dark Sisters – Темные сестры

Dark, miss - мисс Дарк
de Quincey - де Куинси, Алексей
Delilah Lady - Делила, леди
Devil Tavern - таверна Дьявола
Downworld - Нижний мир
Eidolon - видение
Emma Bayliss - Эмма Белисс
Enclave - Анклав
Enoch Brother брат Енох
Fair Folk - Малый народец
Frederick Ashdown - Фредерик Ашдаун
Gabriel Lightwood - Габриэль Лайтвуд
Grapes, the - «Виноградники»
Harriet Aunt - тетья Генриетта
healing rune, a - лечебная руна
Hollingworth Mortmain - Холлингворт Мортмэйн
James Carstairs (Jem) - Джеймс Карстаирс (Джем)
Jessamine Lovelace - Джессамина Ловеласс (Джесси)
Lilian Highsmith - Лилиан Хайсмит
Limehouse - Лимхаус
London Institute - Лондонский институт
Magnus Bane - Магнус Бэйн
Main - «Океан» (корабль)
Malik - Мэлик
Michael Penhallow - Майкл Пенхоллоу
Miranda - Миранда
Mortal Instruments - Смертные инструменты

Mortmain - Мортмэйн
Mortmain and Company - Мортмэйн и компания
Mundanes - миряне
Narrow Street - Узкая улица
Nathaniel - Натаниэль
Nephilim - нефилим
Pandemonium Club - Клуб Преисподняя
Ragnor Fell - Рагнор Фелл
Sanctuary - Святилище
Sensor - датчик
Shadowhunter - сумеречный охотник
Shape-changer - Изменяющая форму
Shax - Шакс (демон)
Six-Fingered Nigel - Шестипалый Найджел
Sophie - Софи
Summoner - Маячок
Tessa Gray - Тесса (Тереза, уменьшит. Тесс) Грей
Thomas - Томас
un-Marked place - Незаметное место
Wayland Consul - Вайланд, консул
Yanlyo - Яньлю
Lijiang - Лицзян
William Herondale - Уильям Херондэйл (Уилл)

* * *

notes

Примечания

1

Название серозно-кровянистой жидкости, отделяемой, например, гангренозными язвами. А вот в греческой мифологии ихором называли кровь богов. – Примеч. пер.

2

Один из беднейших районов Ист-Энда, восточная часть Лондона, в прошлом – рабочие кварталы.

3

Баскское женское имя, аналог Девы Марии. Метафизическими символами Богородицы считаются лестница Иакова (так как в Богородице соединяются Небеса, где пребывает Бог, и земля), Неопалимая Купина и сосуд с манной, поскольку Ее Сын является «хлебом жизни». В данном случае, скорее всего, имеется в виду символ лестницы Иакова – лестница из сна Иакова, соединяющая землю и небо.

4

Читателям предыдущей трилогии К. Клар «Орудия смерти»: переводчик постарался максимально сохранить знакомую им терминологию и реалии, однако в связи с тем, что действие романа происходит на сто лет раньше, эти термины, как и язык героев, отличаются у самого автора.

5

Кинжал, которым добивали поверженного рыцаря в Средние века. Обычно его просовывали между сочленениями рыцарских доспехов.

6

Уроборос, ороборос (греч. ούροβυρος, от ουρά – «хвост», и βόρα, – «еда, пища»; букв. «пожирающий [свой] хвост») – мифологический Мировой змей, обвивающий кольцом Землю, ухватив себя за хвост. Считался символом бесконечного возрождения, преходящей природы вещей, одним из первых символов бесконечности в истории человечества. Уроборос также является символом самовозрождения, цикличности, подобно фениксу, а также идеи первоначального единства. В алхимии уроборос символизирует завершение Великого Делания и иногда изображается в виде восьмерки. В применении к философии истории – учение о вечном возврате. То, что один бок змеи изображается светлым, а другой – темным, отражает извечное единство и борьбу противоположностей (ср. инь и ян). По мнению ряда исследователей, толчком к созданию символа послужила форма галактики Млечный Путь.

7

Город и порт на юге Великобритании.

8

Уменьшительное от Терезы.

9

Библейский вариант имени Нафанаил. Нафанаил из Канны Галилейской был одним из тех, кому Иисус явился после Своего воскресения. Сам же Иисус увидел в Нафанаиле подлинного израильтянина, в сердце которого нет лукавства.

10

«Блэк» – черный, «дарк» – темный (англ.).

11

Перевод М. Шенгаута.

12

Английский поэт, издатель, критик (1849 – 1903).

13

Героиня одноименного классического романа Шарлотты Бронте, одного из самых знаменитых романов Британии. Книга повествует о непростой судьбе сироты с сильным, независимым характером, о ее детстве, взрослении, поисках своего пути и преодолении препятствий, встающих перед ней.

14

Центральный уголовный суд в Лондоне.

15

Улица в северной части Лондона; в Средние века на этом месте находился главный рынок города.

16

Восточная часть Лондона, в прошлом – рабочие кварталы.

17

Перевод Т. Гнедич.

18

Остров у северо-восточных берегов Северной Америки, часть канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор. Отделяет залив Святого Лаврентия от Атлантического океана.

19

Магистр в переводе с латинского в основном значении – начальник, глава, правитель, смотритель.

20

Мастер в переводе с английского – хозяин, владелец; господин.

21

Равнинная цапля (англ.).

Рыцарь Круглого стола короля Артура и один из искателей Святого Грааля. В легендах, где он фигурирует, часто подчеркивается его непорочность. Зачастую ему покровительствуют высшие силы и судьба, а сам Галахад считается святым рыцарем.

Исполины, или нефилимы (ивр. «падшие»), – люди огромного роста (3 – 10 м), которые рождались в результате браков между «сынами Божиими» и «дочерьми человеческими» (Бытие 6:2). В Библии прямо не говорится о природе сынов Божьих и дочерей человеческих. Существует две основные версии о происхождении родителей исполинов.

1. Сыны Божии – мужчины из рода праведного Сифа, третьего сына Адама и Евы, а дочери человеческие – женщины из рода проклятого Богом Каина, первого сына Адама и Евы и убийцы Авеля. Этого мнения придерживались многие видные богословы – Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, блаженный Феодорит, Кирилл Иерусалимский, Иероним, Августин и др. Такой же позиции придерживается и современная православная и католическая церковь.

2. Сыны Божии – это ангелы, которые пленились красотой смертных женщин (дочерей человеческих). От этих противоестественных союзов родились могучие существа – нефилимы. Так считали Филон Александрийский и Иосиф Флавий. Эта версия изложена в апокрифах Ветхого Завета – Книге Еноха и Книге Юбилеев.

25

Роберт Браунинг (1812 - 1889) - английский поэт и драматург.

26

Парацельс (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Гогенгейм), 1493 - 1541) - знаменитый алхимик, врач и оккультист.

27

Большой (Великий) пожар в Лондоне продолжался в течение четырех дней, со 2 по 5 сентября 1666 года.

28

Мы прах и тень (лат.).

29

Квинт Гораций Флакк (65 – 8 до н. э.) – древнеримский поэт золотого века римской литературы. Его творчество приходится на эпоху гражданских войн конца республики и первые десятилетия нового режима Октавиана Августа.

30

От греческого – бросать, метать.

31

От греческого – золотисто-желтый.

32

Сентиментальный роман Сюзен Варнер, вышедший в 1850 году под псевдонимом Элизабет Веферелл, считается первым американским бестселлером.

33

Роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, первый том вышел в 1868 году, второй – в 1969-м; неоднократно экранизирован.

34

Сенсационный роман Мэри Элизабет Бреддон, вышедший в 1862 году.

35

Разиэль (от ивр. , букв. «Тайна Божья») – персонаж средневековой иудаистской мистики, архангел, ведающий тайнами Господа. Согласно легенде, Разиэль дал эту книгу Адаму, а потом у него ее украли завистливые ангелы и забросили в океан. Тогда Бог якобы приказал Рахабу, ангелу морских глубин, достать эту книгу и вернуть ее Адаму. Книга попала сначала к Еноху, а затем к Ною, который якобы из нее узнал, как построить ковчег. Позднее царь Соломон научился с ее помощью волшебству.

36

Сплав золота и серебра (ср.-век. алхимич.).

37

Боудикка (Боудика, неточная римская передача Боадицея, лат., ум. 61 г.) – жена Прасутага, короля зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка в Восточной Британии. После смерти мужа римские войска заняли ее земли, а император Нерон лишил ее титула, что побудило Боудику возглавить антиримское восстание 61 года, в котором было уничтожено до 70 000 римских солдат. Наконец, Светоний Павлин нанес ей поражение, после чего она приняла яд.

38

Роман Э. Д. Э. Н. (Эммы Дороти Эльзы Невитты) «Соутфорт» (1880).

39

Альфред Теннисон (1809 - 1892) - английский поэт, имел почетное звание поэта-лауреата. Королева Виктория присвоила ему за поэтическое творчество титул барона, что сделало Теннисона пэром Англии (1-й барон Теннисон или лорд Теннисон).

40

Пантеизм (от pan и theys - бог) - философское учение, отождествляющее бога и мир.

41

Музыкальный термин, обозначающий постепенное усиление звука.

42

Сундук, используемый на морских или речных судах.

43

Название британского гастрономического дома. Со дня своего основания в 1707 году «Фортнам и Мэсон» является поставщиком королевского двора.

44

Северная немецкая морская компания (1857 – 1970).

45

Ясновидение (фр.).

46

Лесопарк на северной окраине Лондона, расположенный на возвышенности; известен своими праздничными ярмарками с аттракционами.

47

Влиятельный бизнесмен в Китае или Гонконге, иностранец по происхождению.

48

Старое европейское название города Гуанчжоу на юге Китая.

49

Один из первых представителей Высокой моды в мире, открывший в 1868 год Синдикат Высокой моды.

50

Договор, заключенный 29 августа 1842 года между Китаем и Великобританией в результате поражения Китая в Первой опиумной войне (1840 - 1842).

51

Перевод М. Лукашкиной.

52

Кристина Джорджина Россетти (1830 – 1894) – английская поэтесса, сестра живописца и поэта Данте Габриэля Россетти.

53

Сентиментальный роман Марии Сюзанны Камминс 1854 года; за первые две недели было продано двадцать тысяч экземпляров.

54

Ликантроп – оборотень, принимающий волчий или подобный волчьему облик.

55

Фешенебельный район лондонского Уэст-Энда; известен своими дорогими магазинами, ювелирными и антикварными.

56

Кулачковый механизм – механизм, образующий высшую кинематическую пару, имеющий подвижное звено, совершающее вращательное движение, – кулак (кулачок), с поверхностью переменной кривизны или имеющей форму эксцентрика.

57

Молитва, которая читается или поется во время службы; содержит многократные просьбы и обращения к Богу.

58

«Кельнская вода» – духи, созданные итальянским парфюмером Иоганном Марией Фарина.

59

Перевод О. Румер.

60

Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури (1048 – 1131) – персо-таджикский поэт, философ, математик, астроном, астролог. Омар Хайям знаменит во всем мире своими четверостишиями «рубайи».

61

Пьер Жаке Дро – известный пионер часового искусства, родился в 1721 году в городе Ла Шо-де-Фон и положил начало одной из самых престижных торговых марок. Он стал искусным создателем анимированных часов с поющими птицами и фонтанами, музыкальных часов, а также гениальным мастером по созданию автоматических механизмов – автоматов.

62

Анри Маллардет (1745 – ?) швейцарский механик XVIII века, работал в Лондоне, делая часы и различные механизмы.

63

Перевод Э. Ермакова.

64

Алджернон Чарльз Суинберн (1837 – 1909) – английский поэт.

65

Популярная игра XIX века, адаптированная для современных казино. В России игру называли «штосс», в Европе – «фараон», в США она получила название «фаро». Кроме того, игру можно встретить под названиями «банк», «любишь – не любишь» или «подрезать».

66

Деклассирует (фр.).

67

Любовь против смерти навсегда (лат.).

68

Район на северо-западе Лондона.

69

Перевод Г. Васильева.

70

Тридцать девятый дух из демонов «Гоетии». Сперва он появляется в обличье ворона, но по требованию заклинателя принимает облик человека, говорит хриплым голосом. Этот могущественный дух может строить величественные здания и высокие башни, а также может рассказывать заклинателю о том, что думают его враги. Он помогает обрести хороших друзей. Если принести ему жертву, он примет ее охотно, но потом непременно обманет заклинателя. Он управляет сорока легионами духов.

71

Перевод С. Сухарева.

72

Джон Китс (1795 – 1821) – третий (наряду с Байроном и Шелли) великий поэт младшего поколения английских романтиков.

73

Безжалостная красавица.

74

Одна из главных улиц в центральной части Лондона, соединяет Уэст-Энд с Сити.

75

Сидней Картон был влюблен в Люси Манетт, и, когда ее мужа по ложному навету приговорили к казни на гильотине, он поменялся с ним местами и погиб вместо него.

76

Перевод М. Богословской и С. Боброва.

77

Мария Антуанетта (урожденная Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбургско-Лотарингская, 1755 - 1793) - королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии, супруга короля Франции Людовика XVI.

78

Глянцевая, плотная ткань полотняного переплетения из очень туго скрученных нитей. Применяется для пошива нарядной и вечерней одежды, театральных костюмов, декора окон.

79

Перевод Б. Носкова.

80

Хвала Венере.

81

Франсуа VI де Ларошфуко (1613 - 1680) - герцог де Ларошфуко, знаменитый французский писатель и философ-моралист, принадлежавший к южнофранцузскому роду Ларошфуко. Деятель Фронды. При жизни отца (до 1650) носил титул принц де Марсийак. Правнук того Франсуа де Ларошфуко, который был убит в ночь святого Варфоломея.

82

Мост Блэкфрайерз - мост через Темзу в центральной части Лондона. Построен в 1865 - 1869 гг., название происходит от названия района Лондона, где этот мост находится.

83

Перевод Г. Н. Фредерикса.

84

Флит-стрит (улица Флота) – улица в Лондоне, где до недавнего времени располагались редакции главных британских газет; центр газетной индустрии страны.

85

Чансери-Лейн (Канцелярский переулок) – улица в центральной части Лондона, где расположено несколько судебных учреждений и адвокатских контор.

86

Тамплиеры (фр. *templiers* от «*temple*» – храм, «храмовники»), или бедные рыцари Христа и Храма Соломона, – католический духовно-рыцарский орден, основанный в Святой земле в 1119 г. небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого Крестового похода. Один из первых по времени основания религиозных военных орденов, наряду с госпитальерами. В XII – XIII веках орден был очень богат, ему принадлежали обширные земельные владения как в созданных крестоносцами государствах на территории Палестины и Сирии, так и в Европе. Орден обладал также широкими церковными и юридическими привилегиями, дарованными ему лично папой

Римским, которому орден непосредственно подчинялся, а также и монархами, на землях которых проживали тамплиеры. Орден нередко защищал государства, созданные крестоносцами на Востоке, хотя главной целью его учреждения была банковская деятельность. Однако в 1291 г. христианские поселенцы были изгнаны из Палестины мусульманами, а тамплиеры, чтобы сохранить орден, почти полностью переключились на ростовщичество и торговлю, накопив значительные материальные ценности и тем самым вызывая зависть королей и папы. В 1307 – 1314 гг. члены ордена подверглись арестам и жестоким преследованиям со стороны римско-католической церкви, крупных феодалов и королей, в результате которых орден был упразднен и распущен папой Климентом V в 1312 г.

87

Доминиканцы, доминиканский орден, орден братьев-проповедников, – католический монашеский орден, основанный испанским монахом, святым Домиником. Их облачение – белая туника, кожаный пояс с четками, белая пелерина с капюшоном и черный плащ с черной пелериной с капюшоном, поэтому их иногда называют черными монахами.

88

Англиканский собор, посвященный апостолу Павлу. Находится в верхней части Ладгейт Хилл, самой высокой точке Лондона, и является резиденцией епископа Лондона.

89

Поэма Эдмунда Спенсера (около 1552 – 1599). Английское стихосложение Спенсер обогатил так называемой спенсеровой строфой.

90

Лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов.

91

Один из беднейших районов Ист-Энда в Лондоне.

92

Набережная Виктории, одна из наиболее красивых в Лондоне; между Вестминстерским мостом и мостом Блэкфайерз.

93

Перевод В. Носкова.

94

Пешеходный мост через Темзу в Лондоне, рядом с мостом Чаринг-Кросс; соединяет станции Чаринг-Кросс и Ватерлоо.

95

Персонаж корейской, японской и китайской мифологии, божество, выступающее преимущественно в женском облике, спасающее людей от всевозможных бедствий. Почитается представителями практически всех конфессий Китая, в частности у буддистов Гуаньинь ассоциируется с бодхисатвой Авалокитешварой.

96

Перевод К. Бальмонта.

97

Крез (595 – 546 до н. э.) – последний царь Лидии в 560 – 546 гг. до н. э. из рода Мермнадов. Богатство Креза вошло в поговорку, о нем сложилось много легенд. Согласно одной из них, Крез спросил греческого мудреца Солона, когда тот однажды посетил столицу Лидии – Сарды: можно ли считать владельца столь великих богатств поистине наисчастливейшим из смертных? На что Солон ответил: «Никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти».

98

Переиначенная цитата из пьесы. У Шекспира «Гамлет», дана в переводе А. Кронеберг.

99

Исторический район Лондона, ранее – его пригород.

100

Перевод В. Носкова.

101

Эмили Джейн Бронте (1818 – 1848) – английская поэтесса, автор романа «Грозовой перевал».

102

Речь идет о приключенческом историческом романе «Айвенго» Вальтера Скотта.

103

Легендарная личность, женщина, якобы занимавшая папский престол под именем Иоанн VIII, между Львом IV (умер в 855) и Бенедиктом III (умер в 858). В принятом в настоящее время списке римских пап имя Иоанн VIII носил реальный папа, правивший несколько позже: в 872 – 882 гг. В честь нее была названа одна из карточных игр, популярных в Англии в конце XIX века. Она подробно описана в романах Ч. Диккенса.

104

Деревня на севере Большого Лондона, отделенная от центра города лесопарковой полосой Хэмпстед-Хит. Местность здесь холмистая, высотой до 131 метра. Административно поделена между городскими округами Кэмден (юго-запад), Излингтон (юго-восток) и Харингей (север). В XIX веке сюда ходил первый в Европе трамвай на канатной тяге. Известностью пользовались Хайгейтская школа (где преподавал Томас Элиот) и Хайгейтское кладбище (где похоронены Карл Маркс и Майкл Фарадей).

105

Лаван-арамеец (ивр. букв. «белый») – сын Бетуэля, сына Нахора, брат Ревекки (Ривки), жены Исаака, и отец Лии и Рахили, жен патриарха Иакова. Лаван был скотоводом, владельцем мелкого рогатого скота. У него находит убежище его племянник Иаков (сын Исаака и Ревекки), спасающийся от преследования своего брата Исава.

106

Ветхий Завет. Бытие 31:48.

107

Георги – короли Великобритании Георг I, Георг II, Георг III, сменявшие друг друга и правившие страной в 1714 – 1801 гг. Обычно же англичане, упоминая времена Георгов, имеют в виду период 1720 – 1750 гг.

108

Эпидемическая вспышка бубонной чумы в Лондоне в 1665 г.

109

«Начальник трубы», в мусульманской мифологии вестник Страшного суда. Имя Исафил восходит к библейским серафимам. Один из четырех (наряду с Джибрилом, Микаилом и Израилом) архангелов. Стоя на иерусалимской горе, Исафил звуками трубы возвестит о воскрешении мертвых для Страшного суда. Исафил представляется существом огромных размеров, у него четыре крыла, тело покрыто волосами, ртами, зубами. Исафил передает решения Аллаха другим ангелам. Трижды в день и один раз ночью Исафил плачет над мучениями грешников в аду.

110

Перевод В. Носкова.

111

Ричард (Дик) Турпин (1705 - 1739) - известный английский разбойник; герой множества песен, рассказов, фильмов и сериалов.

112

Перевод В. Васильева.

113

Около восьми километров.

114

Перевод К. Бальмонта.

115

Элизабет Беннет (иногда называют Элиза, англ. Eliza, или Лиззи) – вымышленный персонаж и главная героиня романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Сюжет романа сосредоточен на ее попытках найти любовь и счастье в рамках ограничений и приличий современного ей общества, в частности касающихся развития отношений с, казалось бы, гордым и холодным мистером Дарси. Элизабет Беннет, как правило, считается одной из самых популярных и милых героинь Остин и одним из самых популярных женских образов в британской литературе.

116

Линтон Хитклифф – вымышленный персонаж и второстепенный герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал». Сын Хитклиффа и Изабеллы Линтон. Рожденный слабым как физически, так и умственно, он презирает отца, ведь тот только использует его, чтобы заполучить контроль над Мызой Скворцов. Женился по умыслу Хитклиффа на Кэти Линтон в августе – сентябре 1801 г.

117

Район Вестминстера к юго-западу от Букингемского дворца. На востоке граничит с Мэйфэрмом, на западе – с Найтсбриджем и Челси, на севере – с Гайд-парком, на юге – с Пимлико. Со времен Регентства район Белгравия слыл одним из самых фешенебельных в английской столице. Здесь проживали многие поколения британской элиты, а также состоятельные иностранцы.

118

Черч – церковь (англ.).

119

Сэмюэл Пипс, реже Пепис (1633 – 1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев периода стюартовской Реставрации.

120

Сэмюэл Джонсон (1709 – 1784) – английский критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения, чье имя, по оценке «Британники», стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII века.

121

Издательство Simon & Schuster было основано в начале 1920-х годов Ричардом Саймоном и Линкольном «Максом» Шустером. В 1924 году оно опубликовало первый сборник кроссвордов. В наше время компания Simon & Schuster Inc. является подразделением CBS Corporation. Это одно из четырех крупнейших англоязычных издательств, вместе с Random House, Penguin, HarperCollins. В текущий период Simon & Schuster публикует две тысячи наименований ежегодно.

122

Филиал «Саймона и Шестера».

